

MOSCOW 2004

ICANAS XXXVII

№3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВОСТОКОВЕДОВ

INTERNATIONAL CONGRESS OF ASIAN AND NORTH AFRICAN STUDIES

146 10

ТЕЗИСЫ

ABSTRACTS

I

МОСКВА 2004 - MOSCOW 2004

Тезисы докладов расположены в порядке поступления. Чтобы найти тезисы, пользуйтесь алфавитным указателем авторов, помещенным в конце последнего тома.

Тезисы, поданные с опозданием, будут опубликованы в дополнительном томе.

The abstracts are arranged in the order of their submission. To locate an abstract, use Authors' Index at the end of last volume.

The abstracts submitted after the deadline will be published in a separate volume.

Составители:
Авдаков *И.Ю.*
Булатов А.С.
Васильев Д.Д.
Дубаев М.Л.

Compilers:
Avdakov I.J.
Bulatov A.S.
Vasilev D.D.
Dubaev M.L.

Издано Секретариатом XXXVII Международного конгресса востоковедов
Россия, 103753 Москва, ул. Рождественка 12.
Тел. 7(095) 928 57 64, Факс: 7(095) 925 77 88
http:// www. orientalistica.ru/icanas
E-mail: orgcom@orc.ru

Printed by Organizing Committee of ICANAS XXXVII
12 Rozhdestvenka Str., Moscow 103753, Russia
Tel.: 7(095) 928 57 64, Fax: 7(095) 925 77 88
http:// www.orientalistica.ru/icanas
E-mail: orgcom@orc.ru

© ICANAS XXXVII, 2004

AHANGAR Abbas Ali
(Zahedan)

The Derivation of Persian Embedded Interrogatives (an MP analysis)

This paper investigates the derivation of wh-interrogatives in Persian based on Move- within the framework of Minimalist Program (MP) as developed in Chomsky (1995,1998). As to wh-movement, it is a feature-driven movement, thereby Move/Attract is assumed as the 'Last Resort' operation triggered by a morphological requirement to omit uninterpretable features at the phonetic form (PF) or logical form (LF) interfaces. In this regard, languages display only one of the two options of the binary parameter [wh-movement]. However, wh-movement is optional in Persian, that is, wh-phrases either remain in situ positions or undergo overt movement. To provide an appropriate minimalist account for such a diversity in interrogative derivation, I will illustrate certain syntactic properties of wh-in-situ interrogatives and those of undertaking overt wh-movement. I will also argue whereas wh-in-situ constructions are derived via covert wh-movement (Move F), the derivation of the latter ones through overt wh-movement (generalized pied-piping) is due to the interaction of syntax and pragmatics (particularly information structure). Hence, I will consider this alternative strategy as an instance of focus movement. Consequently, wh-fronting targets the specifier of a focus projection [Spec; FocP] rather than [Spec; CP] in embedded clauses.

AKININA O.G.
(Moscow)

The Arabic Verb *laysa* and the Study of the Defective Verbs

1. The problem of study of the defective verbs (the verbs of incomplete semantics and incomplete predicativity) in the literary Arabic is of an obvious interest, because it touches upon a broad group of heterogeneous linguistic facts but establishes connections between them both on the formal and the functional-semantic levels.

2. *Laysa* as one of the defective verbs is notable for some features of its functioning. Their investigation concerns the group of actual problems of theoretical study of the literary Arabic and practical teaching of this language. To these features concerns, in the first place, the fact that the verb *laysa* is invariable – *jamid* (in the terms of Arabic grammar) in the form of Past tense, however, as a rule, it expresses the negation concerning the present (or the moment of speech), for example, *Laysa l-qitaru muqbilan* "The train is not arriving". At the same time *laysa* can express the negation concerning both the Past and the Future if there is a definite direction to the time in the sentense, for example: *Laysa l-garibu musafiran 'ams* "The foreigner didn't go yesterday", *Laysa l-garibu musafiran gadan* "The foreigner won't go to-

morrow". The adverbial words *'ams* "yesterday" and *gadan* "tomorrow" direct to the time of happening the action in these sentences.

3. There are some cases in the literary Arabic when two verbs in the Past tense are using simultaneously in the sentence with *laysa*: the verb of complete semantics ("*fi^l tamm*") in the position of predicate (*xabar laysa*) and the verb of incomplete semantics *laysa*, for ex., *Laysa xalaqa l-'insanu nafsa-hu* "A man hasn't created himself". The sentences of this tipe excites discussions among the Arabic linguists, because the governed verb comes directly after the governing one and the first is not separated from the second by any words. Such sentences are rarely using in correct Arabic speech (*qalilun jiddan fi fasihi l-kalam*), but still they are possible. In this connection the Kufa's linguists consider more preferable to use particle *qad* before the verb of complete semantics, because this particle brings a statement nearer to the Present time. And what is more, it is mentioned that if there are no any words in the sentence directing to the Past or Present, the verb *laysa* expresses the negation concerning the Present; and on the contrary, if there are such words, so the meaning is expressing according to available limitations. In that way disappears some contradiction, which takes place when the verb *laysa*, expressing the negation concerning the Present, using in the sentence coupled with a verb in Past tense.

4. The verb *laysa* may express the negation not concerning any time, but relevant to the whole statement, for ex.: *Laysa li kazubin muru'atun, wa la li hasudin rahatun, wa la li sayyi'i l-xalaqi su'dud* "A liar hasn't decency, an envious person doesn't know rest, and who is of a terrible disposition can't dominate".

5. It's allowed to cut off a predicate in the sentences with *laysa*, if it's expressed by indefinite name, for ex., an answer to the question "Who is present?" may takes the folloing form: *Laysa 'ahad* "Nobody", though the complete answer is *Laysa 'ahadun mawjudan* "Nobody presents".

6. Expressing the negation concerning a certain moment of speech, *laysa* may simultaneously convey an exception, for ex., *Zara^tu l-huqula laysa haqlan* "I haven't sowed one field but many of them".

If the exception is not expressing in the sentences with *laysa*, the predicate may be used with preposition *bi*, for ex., *Laysa l-gadabu bi mahmudi l-^aqati* "Anger is not an obstacle for good things". As for the sentences in which the negation is neutralized by the particle of exception *'illa*, it's not allowed there to use a prepositional construction in the position of predicate. So the sentence of the pattern *Laysa l-gina 'illa bi gina n-nafs* literally "Can't be a wealth except of a wealth of a soul" is considered incorrect.

At the same time, it's not allowed to use the particle of exception *'illa* in the sentences with *laysa*, if it's necessary to express a negation. For ex., the sentence *Laysa mislu-ka 'ahadan* "There is nobody like you" won't express the same meaning with the particle *'illa*: *Laysa mislu-ka 'illa 'ahadan*. In this situation *laysa* functionates like the verb *kana* with the particle of negation *ma*. So the correct sentence is *Ma kana mislu-ka 'ahadan* "There wasn't anybody like you" and incorrect – *Ma kana mislu-ka 'illa 'ahadan*.

7. The considered features of *laysa*'s functioning points, on the one hand, to the broad sphere of this verb's action in the literary Arabic and, on the other hand, to the many-sided functioning of the other defective verbs, to which *laysa* concerns. Their investigation in the semantic aspect and adequate statement of the Traditional Arabic grammar's propositions on this problem in the terms of contemporary linguistics is one of the actual tasks on the modern stage of Arabists' researches.

Акинина О. Г.
(Москва)

Арабский глагол *laysa* в контексте изучения недостаточных глаголов

1. Проблема изучения недостаточных глаголов (глаголов неполной семантики и неполной предикации) в литературном арабском языке (ЛАЯ) представляет несомненный интерес, в силу того, что она затрагивает широкую группу разнородных языковых фактов и устанавливает связи между ними как на формальном, так и на функционально-семантическом уровне.

2. Будучи одним из недостаточных глаголов, *laysa* отличается определенными особенностями функционирования, исследование которых относится к числу актуальных задач и теоретического изучения ЛАЯ, и практического обучения этому языку. К таким особенностям употребления глагола *laysa* относится, в первую очередь, то, что он является по своей сути неизменяемым глаголом (*jamid*) в форме прошедшего времени, однако, как правило, выражает отрицание, относящееся к настоящему времени (моменту речи), напр., *Laysa l-qitaru muqbilan* «Поезд не прибывает». В то же время *laysa* может выражать отрицание и для прошедшего и будущего времен при наличии определенного указания на это, напр.: *Laysa l-garibu musafiran 'ams* «Чужеземец не уехал вчера», *Laysa l-garibu musafiran gadan* «Чужеземец не уедет завтра». В данных предложениях подобным указанием на время совершения действия являются соответствующие обстоятельственные слова *'ams* «вчера» и *gadan* «завтра».

3. В ЛАЯ имеются случаи, когда в предложении с *laysa* одновременно употребляются два глагола в форме прошедшего времени: полнозначный в роли сказуемого (*xabar laysa*) и неполнозначный глагол *laysa*, напр., *Laysa xalaqa l-'insanu nafsa-hu* «Человек не создал самого себя». Такая ситуация вызывает некоторые споры среди арабских грамматистов, поскольку управляемый глагол находится непосредственно после управляющего, ничем не отделяясь от него. Предложения такого типа в целом редко встречаются в

правильной арабской речи (*qalilun jiddan fi fasihi l-kalam*), однако их наличие возможно. В этой связи куфийские языковеды считают более предпочтительным ставить перед полнозначным глаголом частицу *qad*, которая приближает высказывание к настоящему времени. Более того, отмечается, что если в предложении нет никакой «привязки» (*qaydun*) к прошедшему или к будущему времени, то с помощью *laysa* выражается отрицание в настоящем времени, если же такая «привязка» есть, то смысл передается в соответствии с имеющимися ограничениями. Таким способом снимается определенное противоречие, которое наблюдается в случае, если глагол *laysa*, выражающий отрицание в настоящем времени, употребляется в предложении с глаголом в форме прошедшего времени.

4. Глагол *laysa* может выражать отрицание, не связанное с каким–либо временем, но относящееся ко всему высказыванию в целом, напр.: *Laysa li kazubin muru'atun, wa la li hasudin rahatun, wa la li sayyi'i l-xalaqi su'dud* «У лжеца нет порядочности, завистливому нет покоя, а тот, у кого скверный нрав, не главенствует».

5. В предложениях с глаголом *laysa* допускается усечение сказуемого, если оно выражено именем в неопределенном состоянии, напр., ответ на вопрос «Кто присутствует?» может выглядеть как *Laysa 'ahad* «Никто», хотя полная форма ответа – *Laysa 'ahadun mawjudan* «Никто не присутствует».

6. Выражая отрицание, относящееся к определенному моменту речи, глагол *laysa* может одновременно передавать значение исключения, напр.: *Zara^tu l-huqula laysa haqlan* «Я засеял не одно поле, а много».

Если исключение не выражается, то сказуемое в предложениях с *laysa* может употребляться с предлогом *bi*, напр.: *Laysa l-gadabu bi mahmudi l-^aqati* «Гнев не препятствие для хорошего». Что касается предложений, в которых отрицание нейтрализуется за счет появления частицы исключения *'illa*, то в них не допускается употребление в позиции сказуемого предложного сочетания. Так, неверным является высказывание, типа: *Laysa l-gina 'illa bi gina n-nafs* букв. «Богатство не может быть, кроме как богатство души».

С другой стороны, не допускается употребление в предложении с *laysa* частицы исключения *'illa*, если необходимо выразить отрицательное значение. Например, предложение *Laysa mislu-ka 'ahadan* «Нет никого такого, как ты» не будет передавать того же значения с данной частицей: *Laysa mislu-ka 'illa 'ahadan.* В данной ситуации *laysa* функционирует аналогично глаголу *kana* с отрицательной частицей *ma*. Т.е., правильным является высказывание *Ma kana mislu-ka 'ahadan* «Не было никого такого, как ты» и неправильным – *Ma kana mislu-ka 'illa 'ahadan.*

7. Затронутые особенности функционирования *laysa* указывают на широкий спектр действия этого глагола в ЛАЯ (освещение чего мы находим в работах арабских грамматистов) и, с другой стороны, на разностороннее функционирование других недостаточных глаголов, к числу которых он относится. Их исследование в семантическом аспекте и адекватное изложение в терминах современной лингвистической науки теоретических положений традиционной арабской грамматики по этой проблеме является одной из задач арабистических исследований на современном этапе.

ALIEVA N.F.
(Moscow)

Typological comparison of the insular and peninsular languages of the Southeast Asia: How to distinguish structural types?

The languages of the region embracing the Indochinese peninsular and the insular world of the South Seas present a great number of material and functional structures and their types, from completely analytical up to highly synthetical, with intermediate subtypes and variations.

The languages of this formerly colonial and underdeveloped region are now actively investigated. A number of profound and successful works on the comparative research of the language families have already been written, especially in genealogical comparativistics, including glotto-chronological approaches. The structural-typological studies are usually directed to the languages of the both sub-regions separately, though the progress of connections among states and peoples here will more and more demand the pragmatic comparison of languages.

With this in mind, we need first to develop some general concepts of structural types which will make it possible to give more systemically organized descriptions and comparisons. It is important to stress here that a language type is not a mere list of several characteristic common features, but a composition of them with systemic inter-relations of level units. Therefore, it is proper types of language systems that are meant here.

The mass of insular languages considered here belong to the Austronesian (AN) family. They have some common structural features in phonetics, phonology, morphonology, in morphemics: disyllabic lexical morphemes, agglutination with prefixation as the main means. At the same time, they are internally various, lying on the different levels of the scale of synthetism /analytism which is complemented by essential differences in the devices and methods of expressing grammatical relations, especially the predicate-actant (=case) relations. This fact is reflected in the existence of at least three structural types:

- Philippine type (PT),
- Malayan type (MT),
- Oceanic type (OT).

Lines of comparing the main phenomena of structural levels can be traced by comparing the three AN types among themselves and to

the Indochinese type. This is a general and primary stage in the process of typological comparison of the structural peculiarities of languages in the whole Southeast Asia region.

Алиева Н.Ф.
(Москва)

Типологическое сопоставление островных и полуостровных языков Юго-Восточной Азии. Выделение структурных типов

Данный регион, охватывающий языки полуострова Индокитай и островного мира Южных морей, являет исследователю огромное разнообразие языковых структур материального и функционального порядка, входящих в системы разных типов, от полностью аналитических и до высоко синтетических, с промежуточными вариантами и подтипами.

Лишь немногим более полувека назад страны региона освободились от колониальной зависимости, и их языки стали доступны для изучения с позиций современной мировой лингвистики. За это время было создано значительное число исследований – как описательного характера, так и теоретико-аналитических, в частности, сравнительно-исторических, с применением глоттохронологических методов. Нельзя отрицать, что в структурно-типологических работах пока заметно преобладание раздельного исследования языков островного и полуостровного субрегионов.

Ставя перед собой цель преодолеть эту разобщенность и охватить структурными сопоставлениями весь названный языковой регион, мы должны в первую очередь разработать общую концепцию структурных типов, что создаст условия для более системных описаний и сравнений. Важно подчеркнуть, что языковой тип здесь понимается не просто как перечень некоторого числа общих признаков и черт, но как их системные взаимодействия и взаимосвязи с единицами и особенностями уровней. Таким образом, речь идет собственно о типах языковых систем.

Основная масса островных языков, охватываемых данным анализом, – это языки австронезийской семьи (АН). Они имеют набор общих структурных признаков в фонетике, фонологии, морфонологии, морфемном составе. Но они также различаются между собой по уровню соотношения синтетизма/аналитизма, чему сопутствуют существенные различия в способах выражения грамматических значений, в первую очередь – предикатно-актантных связей. Отмеченные различия отражены в существовании по крайней мере трех структурных типов АН языков, а именно:

- филиппинский тип (ФТ),
- малайский тип (МТ),
- океанийский тип (ОТ).

По характеру реализации основных явлений структурных уровней сравнение может производиться как между тремя АН типами, так и по отношению к индокитайскому типу (ИТ). Это первичный и основной этап в осуществлении типологического сопоставления структурных особенностей языков региона Юго-Восточной Азии в целом.

ALPATOV V.M.
(Moscow)

Multilingualism, language policy and globalization

The language situation and the language policy in every multilingual state is a result of an interaction of two contradictory needs: the need of identification and the need of communication.

The first need consists in a wish of every person to use his (her) native language in all situations. By the native language we mean the language learned in the early childhood without special conscious training. The ideal situation connected with the need of identification is monolingualism. The use of an alien language is connected with the sense of ethnic, cultural and sometimes political inferiority, this sense can be compensated by the prestige of an alien language. The second need means the need of intercourse with any person without complications. The ideal situation connected with this need is the use of a common language for all the social collective.

The automatic satisfaction of both needs is possible only in the wholly monolingual society, the maximum approach to this situation in Asia is the modern Japan. A sacrifice is necessary in all other cases.

The need of communication is more important at the industrial stage of society. There is an official language in every state with rare exceptions, sometimes there are more than one official language (India etc.). The population of the majority of modern countries is divided into two groups: monolingual and bilingual. The native speakers of the official language do not know any languages except their native one and maybe some foreign languages. Other people have to sacrifice one of the needs, usually it is the need of identification: they must know the official languages if they do not want to live in ghetto.

The language policy in an industrial state can be more or less rigid but the main content of it is the support of the official language (or languages). The first attempt to assume the need of identification as a basis of the language policy was realized in the USSR after the October revolution. The task was to transfer all the official documentation from Russian to the languages of minorities, to create middle and high education. Fiction, theatre and so on in all the languages of the country. However this attempt was not very successful, since 1935-1938 the language policy in the USSR changed, the spread of the official language – Russian – became the main task of it. Now the policy of many states became softer, the rights of the languages of minorities are supported by laws. However the task of the spread of the official language remains the basic one.

The process of globalization complicates the language policy. Spreading of the American pattern of society and culture is connected with spreading of English. Of course it is far from the general English monolingualism but English becomes the universal second language. The above-mentioned situation of the multilingual states spreads all over the world. Such process is convenient from the point of view of the need of communication. However the need of identification suffers from it. Some people think that their possibility to take part in globalization is very important but many people feel in it the threat for their national culture and traditions. The language policy in different countries is different. For instance the language policy in Japan does not restrict the borrowings from English in the spheres of mass consumption and modern technologies but does not admit them to the other spheres.

Алпатов В.М.
(Москва)

Многоязычие, языковая политика и глобализация

Языковая ситуация и языковая политика в каждом многоязычном государстве представляет собой результат взаимодействия двух противоречащих друг другу потребностей: потребности идентичности и потребности взаимопонимания.

Первая потребность заключается в желании каждого человека использовать во всех ситуациях свой материнский язык, то есть язык, бессознательно усвоенный в раннем детстве. Идеальная ситуация, связанная с потребностью идентичности – одноязычие. Использование чужого языка связано с чувством этнической, культурной, а иногда и политической неполноценности, это чувство может быть компенсировано престижем чужого языка. Вторая потребность означает потребность общения с любым человеком без осложнений. Идеальная ситуация, связанная с потребностью взаимопонимания, – использование всем социальным коллективом общего языка.

Автоматическое удовлетворение обеих потребностей возможно только в чисто одноязычном обществе, максимальное приближение к этой ситуации в Азии – современная Япония. В других случаях приходится чем-то жертвовать.

На индустриальной стадии общества более важна потребность взаимопонимания. В каждом государстве за редкими исключениями имеется государственный язык, иногда таких языков более одного (Индия и др.). Население большинства современных стран делится на две группы: одноязычное и двуязычное. Носители государственного языка не знают других языков, кроме, может быть, иностранных. Другие должны жертвовать одной из потребностей, чаще это потребность идентификации: они вынуждены владеть государственным языком, если они не хотят жить в гетто.

Языковая политика индустриальных государств может быть более или менее жесткой, но главное ее содержание – поддержка государственного языка (или языков). Первая попытка положить в основу языковой политики потребность идентичности была предпринята в СССР после Октябрьской революции. Была поставлена задача перевести всю документацию с русского языка на языки меньшинств, создать среднее и высшее образование, художественную литературу, театр и др. на всех языках страны. Однако эта попытка оказалась не очень успешной, с 1935-1938 гг. языковая политика в СССР была изменена, главной ее целью стало распространение государственного, то есть русского языка. Сейчас политика во многих странах смягчилась, права языков меньшинств поддерживаются законодательством. Однако главной остается задача распространения государственного языка.

Языковую политику осложняет процесс глобализации. Распространение американской модели общества и культуры связано с распространением английского языка. До всеобщего английского одноязычия, разумеется, далеко, но английский превращается во всеобщий второй язык. Вышеупомянутая ситуация в многоязычных государствах распространяется на весь мир. Такой процесс удобен с точки зрения потребности взаимопонимания. Однако страдает потребность идентичности. Некоторые считают для себя очень важной возможность участвовать в глобализации, но многие ощущают в ней угрозу для своей национальной культуры и традиции. Языковая политика в разных государствах различна. Например, в Японии заимствования из английского языка не ограничиваются в сферах массового потребления и современных технологий, но не допускаются в иные сферы.

AMINI Mohammad Reza
(Tehran)

Some steps toward a linguistic and literature approach of the translation of traditional poetry Persian

The translators, even the most experienced, often complain about the problems of the translation of Persians poetry. The article will study first, these problems within the framework of the translation theory by examining them according to their multiple dimensions and in their descriptive aspects, expressive, stylistics and symbolic systems. In this article it is wanted especially to show that the theory of the poetic translation cannot be built only based on pure scientific and linguistic knowledge, but the imagination should be also considered as an important element by which poetry is primarily written and read.

Then, the relation between the poet and the language has discussed because according to the traditional definition of Iranian, this relation is primarily based on the imagination and the musical quality. The knowledge of this relation can reveal the various linguistic and

literary aspects of the poetry which the translator also must know, consider and apply in his translation.

We have to study the problems of the translation of traditional poetry Persian in some linguistic levels, such as the handwriting level, phonetic level, lexical level, syntactic level and especially the dramatic or theatrical level.

According to our definition, the dramatic level, which unfortunately is not known well, is the most important traditional poetic works because traditional poetry (and even the great part of modern poetry) have been written to be put in scene, precisely like a play or a scenario of cinema, in short, poetry has a characteristic which can be called dramatic aspect. Finally by any analysis in detail it is shown that what concerns this dramatic level of poetry will be most difficult to translate because this level having not the linguistic signs, its meaning depends on the context of the poem and the Iranian culture.

ANTONIAN Ksenia
(Moscow)

Grammaticalization and Lexicalization in Mandarin Chinese

The present study analyzes the phenomena of grammaticalization and lexicalization in Mandarin Chinese.

The object of the research is the resultative verb compounds (henceforth RVCs). An RVC consists of a verb denoting an action (V) and a complement (a verb or an adjective) denoting result or direction of this action.

The complements of direction (CDs) form a small closed class of 27 elements. A considerable number of them have already developed highly metaphorical and even grammatical (namely, aspectual) meanings. Actually, they demonstrate a phenomenon of grammaticalization.

The study argues that the grammaticalization of a CD is followed by weakening of its syntactical relations to the nominal phrase (NP) in the sentence. The construction V + CD + NP undergoes the process of syntactic reanalysis: the constituent boundaries in this construction are redefined. At the lexical pole of the scale it is analyzed as V + (CD + NP), and at the grammatical pole – as (V + CD) + NP.

The second issue discussed in this paper is lexicalization.

RVCs have an ambiguous status between word and syntactic construction. On the one hand, RVCs demonstrate the morphological qualities of words: the components of an RVC can be split only by the potential infixes de/bu; the aspect markers can appear only after RVC as a whole and refer to the RVC as a whole. On the other hand, RVCs are freely synthesizable in speech. They form an open class and cannot be listed exhaustively in the lexicon.

There is a certain subset of RVCs that have become units of the vocabulary: they are steadily reproduced in texts and are represented in the dictionaries as separate entries.

The analysis of the material (77 RVCs represented in "Dongci yongfa cidian" as separate entries) shows that lexicalized RVCs do not necessarily possess all the grammatical properties that are typical of standard RVCs. Lexicalized RVCs exhibit a considerable number of exceptions.

The reason for this phenomenon is that the semantic relation between the constituents of of the compound becomes fuzzy and in some respects these verb compounds start to behave just like verb compounds of other structures.

Thus, lexicalization is a process shifting the compound from the pole of synthesizable and sometimes even transient words to the pole of units of the vocabulary that are reproduced rather than produced in speech.

Both grammaticalization and lexicalization are diachronic processes. Viewed synchronically, they reveal themselves in the existence of transitional zones of the language.

ARKADIEV Peter M.
(Moscow)

Split Intransitivity in Japanese from a Semantic and Typological Point of View

The phenomenon of 'split intransitivity', quite widespread among the languages of the world, often manifests itself in different alignment of Subjects of intransitive verbs in some constructions: Subjects of some intransitives show morphosyntactic properties of Subjects of transitive verbs, while Subjects of other intransitives are treated like Direct objects of transitive verbs. Such patterns have given rise to the so-called 'Unaccusative Hypothesis' [1], which claims that some intransitive verbs ('unaccusatives') have surface Subjects which are deep Direct objects, while others ('unergatives') have both deep and surface Subjects (see [2]).

In Japanese there are at least four diagnostic contexts for 'unaccusatives': the floating quantifier construction, the adverbial resultative construction, the interpretation *-te iru* resultatives, and the lexical vs. morphological causative derivation. For the treatment of these facts in the 'unaccusativity' framework see [3], [4].

Although the Unaccusative hypothesis is a part of many current syntactic theories, there are serious doubts as to both its theoretical validity and descriptive force. Functional-typological studies of split intransitivity ([5], [6]) show that these phenomena can be best captured as resulting from such interacting semantic factors as agentivity of the Subject and aspectual properties of the predicate, while the complicated syntactic machinery only obscures the actual facts, being unable to describe them without counterintuitive *ad hoc* solutions.

The data from Japanese support the view that split intransitivity should be regarded as a semantically and not syntactically based phenomenon. Variable behaviour of Japanese verbs in different constructions results from a complex interaction of various semantic and pragmatic features of both these entities, such as (inherent) telicity of the predicate or animacy and volitionality of the Subject (cf. [7]), and is in line with the overall typological patterns.

Аркадьев П. М.
(Москва)

«Расщеплённая непереходность» в японском языке с семантической и функционально-типологической точек зрения

Явление «расщеплённой непереходности», отмечаемое в самых разных языках, заключается в том, что некоторые одноместные глаголы в одних и тех же конструкциях ведут себя по-разному. В частности, нередко бывает так, что у части непереходных глаголов единственный актант обнаруживает морфологические или синтаксические свойства, сходные со свойствами подлежащего переходного глагола, а у других — со свойствами прямого дополнения переходного глагола. Такие факты послужили основанием для так называемой гипотезы неаккузативности [1], согласно которой поверхностное подлежащее у одних непереходных глаголов (неэргативных) соответствует глубинному подлежащему, а у других (неаккузативных) — глубинному прямому дополнению (подробнее см. [2]).

Указанные явления наблюдаются и в японском языке, где имеются по крайней мере четыре контекста, противопоставляющих две группы непереходных глаголов: употребление плавающих квантификаторов, адвербиальная результативная конструкция, интерпретация результативной конструкции на *-тэ иру* и образование лексического vs. морфологического каузатива. Трактовка этих фактов в терминах гипотезы неаккузативности даётся в [3], [4].

Несмотря на то, что гипотеза неаккузативности в той или иной форме принята практически всеми ведущими формальными синтаксическими теориями, имеются серьёзные основания сомневаться, во-первых, в её теоретических основаниях, а, во-вторых, в том, что весь комплекс явлений, относящихся к «расщеплённой непереходности», может быть объяснён лишь одним фактором. Как было убедительно показано в ряде работ (см. хотя бы [5], [6]), вариативность в поведении непереходных глаголов в разных языках объясняется сложным взаимодействием разнообразных факторов, основными из которых являются агентивность и аспектуальный класс предиката, которые могут по-разному проявляться в языках.

Материал японского языка может служить дополнительным и весьма важным аргументом против гипотезы неаккузативности, поскольку поведение непереходных глаголов в указанных выше конструкциях определяется различными характеристиками как глаголов, так и самих этих конструкций (в частности, такими параметрами, как агентивность, контролируемость, личность, ингерентная / неингерентная предельность), и может быть объяснено лишь на семантических и функциональных основаниях (ср. [7]), что позволяет не только достичь лучшего понимания фактов японского языка, но и включить эти последние в широкую типологическую перспективу.

Литература

[1] Perlmutter D. M. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. // Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1978, 157 — 189.

[2] Levin B, Rappaport Hovav M. Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995.

[3] Tsujimura N. Unaccusative mismatches and resultatives in Japanese. // H. Ura, M. Koizumi (eds.). Formal Approaches to Japanese Linguistics, 1. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1994, 335 — 354.

[4] Tsujimura N. An Introduction to Japanese Linguistics. Oxford: Blackwell, 1999.

[5] Van Valin R. D. Semantic parameters of split intransitivity. // Language, Vol. 66 (1990), No. 2, 221 — 260.

[6] Mithun M. Active/agentive case marking and its motivations. // Language, Vol. 67 (1991), No. 3, 510 — 546.

[7] Сибатани М.. Переходность и залог в свете фактов японского языка. // Рахилина Е.В., Тестелец Я.Г. (ред.). Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: «ЯРК», 1999, 274 — 289.

ARMAND Yelena
(Moscow)

The morphological status of preverbs in Persian

All the three main stages of Persian – Old, Middle and Modern – are known to prossess a system of verbal prefixes (preverbs). However, for each of these stages one has to postulate a functionally different system of preverbs, based on the level of their independence as morphological units. Instead of analyzing them from a purely historical point of view, we would like to take a more synchronous approach by judging them on the "wordform – clitic – morpheme" scale.

The maximum degree of preverb independence is found in Middle Persian, where preverbs can be separated from the verbal form, as well as shift their position around it. One must note, however, that the actual situation in Middle Persian is somewhat more complex, with morphemes traditionally labeled as "preverbs" falling into two categories. The first category consists of "definite" preverbs whose position within the sentence is fixed, i.e. they are slways placed before the verb, yet the meaning of the resulting word group is not idiomatic. This category includes such preverbs as *abar, andar, frōd, ul.*

The second category consists of preverbs whose position is not fixed, so that they can actually be separated from the verb by other wordforms, and can be thought of as adverbs rather than true preverbs. This category includes the preverbs *frāz* and *pēš*.

The intermediate degree of preverb independence is represented by Classical Persian, in which the overall situation is much more clear and stable. The most frequently used preverbs (*bar, dar, furō, farāz*), although still preserving traces of the original directional meanings, already form an idiomatic combination with the verbal base, i.e. the overall meaning of the "preverb+verb" group cannot be reduced to the separate meanings of the verbal base and the preverb. In Classical as well as Modern Persian preverbs possess the status of clitics, since they are phonetically united with the verb, are not autonomous, and cannot be shifted around. They can still be separated from the verbal base, but only by a restricted group of grammatical prefixes and the negative particle.

The minimal degree of preverb independence, then, is seen in Old Persian, where preverbs are seen as non-autonomous morphemes, inseparable from the verbal base in conjunction with which they form an idiomatic complex. In this case it is impossible to make a certain statement about which part of the verbal meaning is expressed by the preverb and which one is expressed by the verbal base, especially considering that many Old Persian verbs are only attested in conjunction with preverbs. This eventually led to the disappearance of morpheme boundaries (fusion), as well as subsequent neutralization of the opposition between preverb-preceded and simple verbs.

ASATIANI R.A.
(Tbilisi)

Semantic and Typology of Dative subject

Based on a cross-linguistic study of the construction with the dative ore argument some conclusions are formulated: such construct; ones are characteristic for the affective verbs. The subject of the affective verbs does not act according to its "free will". That is, it is far from the prototypical subject. In the majority of languages such deviation from the prototype is represented by the marked, non canonical linguistic structures, where is stands in marked Dative (or any other oblique) case. The paper deals with the cross linguistic study of the structural peculiarities of the constructions with the affective verbs. It is given the universal conceptual model and different possibilities of coding in the various Languages.

BADGAEV N.B.
(Elista)

Problems of the historical phonetics of Kalmyck

Бадгаев Н.Б.
(Элиста)

Проблемы исторической фонетики калмыцкого языка

Проблемы истории калмыцкого языка и, в частности, сравнительно-исторической фонетики до сих пор остаются слабо изученными, хотя многими поколениями исследователей уже накоплено достаточно языковых фактов, требующих обобщения имеющегося репрезентативного эмпирического материала и его компаративистической интерпретации, освещения проблемы становления и развития калмыцкого общенационального языка на основе историко-лингвистических данных.

При воссоздании истории отдельного языка необходимо подкрепить факты современного языка сравнительно-историческими данными других родственных языков. Поэтому исследование требует подробного рассмотрения узловых проблем этно- и лингвогенеза калмыков.

Нерешенность ряда проблем фонетики и фонологии отрицательно сказывается на осмыслении и критическом анализе, а также теоретическом обобщении фонетического и фонологического фрагмента языковой системы.

Для отчетливого представления истории развития отдельных фонетических явлений, образования новых фонем, а также для иллюстрации процесса активизации функциональной нагрузки отдельных фонем в истории калмыцкого языка представляется необходимым проследить отражение в современном калмыцком языке фонетических фактов и явлений, унаследованных от исходной системы. В настоящее время назрела потребность в создании обобщающего труда по исторической фонетике, который явится составной частью исторической грамматики калмыцкого языка, что является одной из задач калмыцкого языкознания в целом.

В соответствии с этим необходимо решить следующие наиболее важные задачи:

- уточнение места калмыцкого языка в классификационной системе калмыцкого и, шире, алтайских языков;
- разработка периодизации истории калмыцкого языка и установление фонетических критериев диахронической стратификации языковых фактов и явлений калмыцкого языка;
- сравнительно-историческая интерпретация внутриязыковых фонетических корреляций;
- установление фонетических корреляций между современным калмыцким языком и родственными языками;
- уточнение времени выделения калмыцкого языка;
- теоретическое обобщение полученных данных в свете анализа причин и условий фонетических изменений.

BADMAEVA L.B.
(Ulan-Ude)

Bargu-Buryat linguistic links

Бадмаева Л.Б.
(Улан-Удэ)

Баргу-бурятские языковые связи

Баргуты – название древнего, некогда весьма воинственного монголоязычного племени. В настоящее время баргуты компактно проживают в пределах Хулун-Буирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Баргуты Хулун-Буира делятся на *хуушан барга* и *шэнэ барга*, т.е. на *старых* и *новых* баргутов. Численность старых баргутов можно определить в пределах 10 тыс. чел. Они образуют один самостоятельный *Хуушан Барга хошуун* (центр – Баян Хүрээ балгас). Новые баргуты составляют два хошуна – *Шэнэ Баргын Зүүн* «Восточный хошун Новой Барги» (центр – г. Амгалан) и *Шэнэ Баргын Баруун хошуу* «Западный хошун Новой Барги» (центр – г. Алтан Эмээл). Их численность составляет 20 – 25 тыс. чел.

Анализ полевого материала и экспедиционные исследования позволяют обозначить следующие предварительные результаты.

В результате сравнительно сопоставительного рассмотрения бурятского языка с языком баргутов можно подтвердить высказанное проф. В.И.Рассадиным предположение о существовании некой древней баргу-бурятской языковой общности /1989, с.175-176/. Причем язык баргутов четко подразделяется на два говора: старобаргутский (хуушан барга) и новобаргутский (шэнэ барга). При этом язык старых баргутов близок к языку бурят-эхиритов Баргузина и Байкало-Кудары Республики Бурятия, а язык новых баргутов сближается с языком хори-бурят. Язык баргутов характеризуется как «серьезно подверженный исчезновению». При непосредственном общении с носителями баргутских говоров отмечено, что их речь сильно подвержена влиянию литературного монгольского языка, в частности шилингольского диалекта монгольского языка, который положен в основу литературного монгольского языка Внутренней Монголии КНР.

В целом следует заметить, что грамматический строй данных языков идентичен, лексика, в основном, общемонгольская с вкраплениями русизмов, тюркизмов, китаизмов, эвенкийских и дагурских слов. Анализ языка и родоплеменного состава новых баргутов говорит о том, что они единого происхождения с хори-бурятами, а в родо-племенном составе старых баргутов имеются названия родов прибайкальских бурят (харнууд, шарнууд, хурлат). В языке старых баргутов и байкало-кударинских бурят обнаружены следующие языковые параллели:

а) развитие **-sun* > *-yy(н)/-үү(н)*, например:

стп.-монг.	**ст.-барг.**	**байк.-куд.**	**лит.бур.**	**значение**
qubčasun	хусуу	хусуу	хубсahан	одежда
nuγusun	нугуу	нугуу	нугahан	утка

б) наличие начального ***x*** вм. ****s***, например:

стп.-монг.	**ст.-барг.**	**байк.-куд.**	**лит.бур.**	**значение**
sara	хар(а)	хара	hара	луна
sonin	хонин	хонин	hонин	новость, весть

в) выпадение ****s*** в интервокальном положении и образование долгого гласного, например:

стп.-монг.	**ст.-барг.**	**байк.-куд.**	**лит.бур.**	**значение**
burγasu(n)	бургаа	бургаа(н)	бургаahан	ивняк
arusu(n)	аруу	аруу(н)	арhан	шкура

Кроме того, анализ языкового материала новых баргутов показал, что их язык во многих отношениях стоит ближе к хоринскому диалекту бурятского языка. В языке новых баргутов и хори-бурят выявлены следующие фонетические параллели:

а) развитие ****s*** > ***h***, например:

стп.-монг.	**нов.-барг.**	**хор.-бур.**	**лит.бур.**	**значение**
elesü	элэhүү	элhэн	элhэн	песок
sebesü	hэвhэ	hэбhэ(н)	hэбhэ(н)	внутренности

б) переход ****s*** > ***d***, например:

стп.-монг.	**нов.-барг.**	**хор.-бур.**	**лит.бур.**	**значение**
bös	бүд	бүд	бүд	ткань
gaγas	хахад	хахад	хахад	половина

в) переход от ****č*** > ***s***, например:

стп.-монг.	**нов.-барг.**	**хор.-бур.**	**лит.бур.**	**значение**
čaγan	сагаан	сагаан	сагган	белый
čečeg	сэсэг	сэсэг	сэсэг	цветок

г) переход ****č*** > ***š* перед **I***, например:

стп.-монг.	**нов.-барг.**	**хор.-бур.**	**лит.бур.**	**значение**
čingγ-a	ш'анга	шанга	шанга	сильный
čimeg	шэмэг	шэмэг	шэмэг	украшение

Таким образом, лингвистический материал свидетельствует о том, что между языками баргутов и бурят существует давняя историческая связь.

Литература

1. Рассадин В.И. Историческая связь бурятского языка с языком баргутов//Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989.

BADMAEVA T.
(Elista)

The concept of «nature» in Kalmyck linguistic culture

Бадмаева Т.
(Элиста)

Концепт "природа" в калмыцкой лингвокультуре

В последнее время в области исследования языковой картины мира усиливается интерес к национальному своеобразию восприятия действительности, национальной специфике отражения в языке картины мира. Раскрытие же особенностей мироощущения и

миропонимания людей, принадлежащих к разным культурам невозможно без рассмотрения базовых концептов, которые выражают основополагающие свойства этноса как культурной целостности, закрепляют жизненные установки, свойственные данному культурно-языковому сообществу, осознаются представителями этого сообщества практически одинаково и поэтому не подвержены изменениям. Рассмотрение базовых концептов в лингвокультурологическом плане становится особенно актуальным в наши дни в связи с активным межкультурным общением, при котором одной из главных причин непонимания является различие национальных менталитетов коммуникантов.

На формирование менталитета огромное влияние оказывает окружающая среда, природные условия, что достаточно подробно отражено в трудах современных исследователей языка и культуры. Так, согласно Г.Д. Гачеву, "человек пропитывает окружающую его природу собой, своими целями, осваивает, но и одновременно пропитывает себя, всю свою жизнь, быт, все свое тело и опосредованно душу и мысль ею". О. Шпенглер писал: "Каждой культуре свойствен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу". А поскольку язык является хранителем и транслятором культурной информации, то наиболее эффективным способом его изучения является путь на основе интеграции лингвистики и культурологии. В связи с этим сегодня возросла значимость исследования культурных концептов как "сгустков культуры в сознании человека, того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека". Таким образом, природа играет большую роль в формировании национального характера, в восприятии человеком окружающего мира.

На первом этапе нами была проведена систематизация лексем, отражающих земное и водное пространство в исследуемом языке.

Калмыки – народ, проживающий в степном пространстве юго-востока европейской части России и ведущий свое происхождение от племени ойратов – выходцев из Центральной Азии. Калмыки живут в условиях просторной, малозаселенной степи с неяркой растительностью. Вот почему калмыки обращали внимание на самые малозаметные особенности земного рельефа, которые служили для них ориентирами. Отсюда многообразие лексем, характеризующих различные виды земной поверхности: *довун* "холмик, бугорок, возвышенное место", *довнцг* "холмик, бугорок", *котл* "небольшая возвышенность, курган, холм", *цумг* "холмик", *уул* "гора", *толга* "курган, холм, возвышенное место", *оодм газр* "возвышенное место", *нам газр* "низменное место", *гу* "яма, ров, ложбина", *царнг* "заливной луг", *девян* "зеленый луг, поле", *белчир* "пастбище", *дава* "перевал" и т.д.

Несмотря на то, что калмыки населяют маловодное пространство, и калмыцкая природа не знает океанов, больших водоемов, в калмыцком языке представлены самые различные названия

водного пространства: *дала* "океан", *тенгс* "море", *морн* "большая река, впадающая в море", *гол* "река", *нур* "озеро", *боодг* "пруд, водохранилище", *цувг* "канал", *хол* "пролив", *худг* "колодец", *горьк* "ручей, поток".

Вышесказанное свидетельствует о том, что язык вмещает не только то, что представлено в жизни народа, но и то, что знакомо народу опосредованно через опыт других народов или сохранилось благодаря исторической памяти народа.

Реальный мир отражается в сознании как образ мира, отображающий в психике человека предметный мир и географическую среду, в которой он проживает. Каждый естественный язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. Языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами как таковыми, но самим способом восприятия и осмысления мира, что мы и наблюдаем на примере калмыцкой лингвокультуры.

BAGHBIDI Hassan Rezai
(Tehran)

A Linguistic Analysis of Iranian Lexical Elements in Sanskrit

From the very beginning of their separation and the early stages of their development, Iranian and Indian languages have been in close contact with each other. Some lexical items and proper names in Rigvedic hymns suggest the presence of Iranian speakers in north-western India in the middle of the 2nd millennium BC.

Soon after the establishment of the Achaemenian Empire in Iran (550 BC), the troops of Cyrus the Great passed through Bactria and the Hindukush mountains and penetrated into north-west India through the Kabul valley. *Gaⁿ dāra* and *θataguš* formed the easternmost conquest of the Achaemenians, and, from the time of Darius the Great (rule: 521-486 BC), they were organized as independent satrapies. Darius extended the eastern frontiers of the Empire. Western India was subdued and formed into a new satrapy called *Hiⁿ duš*. Trade by sea was opened up and, as a result, a number of Iranian lexical elements found their way into Sanskrit.

This state of affairs continued even after the collapse of the Achaemenian Empire in 330 BC. During the Middle Iranian period which followed, especially during most of the first six centuries of the Christian era, the north-western part of India was the scene of a series of invasions by other Iranian tribes, namely Pahlavas, Sakas (2nd century AD), Kusanas and finally Hunas (5th and 6th centuries AD). This also resulted in the adoption of a number of Middle Iranian words and names, especially from Eastern Iranian languages, first into Prakrit (principally the north-western Prakrit known as Gāndhārī), and eventually into Sanskrit. Such Iranian elements are well attested in the two famous

rock edicts of Ašoka (rule: c. 269-232 BC) written in Kharoṣṭhī script at Śāhbāzgaṛhī and Mānsehrā, and in the inscriptions in Brāhmī and Kharoṣṭhī scripts of the Śaka and Kuṣāna periods.

Iranian lexical elements in Sanskrit are almost entirely culture words belonging to the spheres of administration, agriculture, equitation, government and, of course, military equipment. In this paper such elements will be linguistically analyzed and classified. Different chronological and dialectal layers will also be identified.

BANDYOPADHYAY N.
(Calcutta)

An Onomastic Analysis of the Kaṭha Araṇyaka

Onomastics deals with the studies of names. Since "the personal names of the peoples of South Asia are still incompletely explored" (M.B. Emeneau: "Towards an onomastics of South Asia", p.1) the onomastics of India in the Vedic period deserves to be specially treated with a view to ascertaining the change and continuity of naming pattern from the Indo-European tradition to the modern tradition. The members of the School of Vedic Studies, Rabindra Bharati University, Kolkata, have undertaken such a project and the ongoing study of names in the Vedas generally incudes:

a) Usage of the proper names
b) Morphological analysis of the proper names
c) Semantic analysis of the personal names
d) Activities of the persons bearing the names.

I have collected and analysed some data in respect of the names in the Kaṭha Araṇyaka (Michael Witzel, ed. Das Kaṭha Araṇyaka, textkritische Edition mit Übersetzung und Kommentar, Nepal Research Center Publ. 2, Kathmandu, 1974). The importance of the study of the Araṇyakas lies in the fact that they represent a part of the period of transition from the early Vedic to the later Vedic period. It is specially to be mentioned that the study of the Kaṭha Araṇyaka from various points of view in comparison with other Araṇyaka-texts has not yet been seriously taken up. A preliminary short analysis of the names in the said Araṇyaka belonging to the Kaṭha School of the Kṛṣṇa Yajurveda will be presented in the proposed paper. This study will be with regard to the meaning of names/epithets or use of synonyms for names, use of Patronymics/metronymics, custom of naming and understanding of social, local, ethnic and cultural background of the names, a few problems in analysis of the names, etc.

BEKRI Tahar
(Paris)

Littératures du Maghreb: problématiques d'écriture

Dans cette communication, il s'agit de soulever quelques problématiques d'écriture posées dans le contexte du Maghreb. Entre le

témoignage de l'écrivain et sa pratique littéraire et le regard critique de l'universitaire accompagnant la parution de certains textes maghrébins de langue française comme arabe, depuis quelques années, l'exposé voudrait lever quelques malentendus et certains présupposés qui continuent à empêcher une vraie lisibilité des oeuvres. Loin des simplifications hôtives et des mécanismes idéologiques, les oeuvres littéraires du Maghreb méritent des approches exigeantes et cesser d'être prises pour des prétextes à l'analyse de certains contextes seulement sociaux ou politiques.

BELIKOV V.I.
(Moscow)

The significance of the convergent processes in language history

The comparative linguistics until now is the only universally accepted theoretical foundation for the linguogenetic process. It considers that modern kindred languages are connected with their ancestor through divergent processes; language contacts can heavily influence both lexicon and grammar of a languages, but no influence can change its genetic affiliation; languages with double ancestry never appear. Languages with no ancestry are imaginable only among artificial ones.

The most fundamental modern language taxonomy (www.ethnologue.com) contains as the first order 'language families' not only Afro-Asiatic, Altaic, Austronesian, etc., but also non-genetic units, such as, Pidgins, Creoles and Mixed languages. The last one includes the languages with double ancestry born, presumably, in non-pidgin/creole contexts. During the last ten odd years this type of languages (also called intertwined languages) became rather popular within historical sociolinguists. The phenomenon is often illustrated by a North American Michif language of racially mixed *métis* of French and Cree ancestry, 'a language with French nouns, numerals, articles and adjectives, Cree verbs, demonstratives, postpositions, question words and personal pronouns' [Bakker, Papen 1996]; it's structure is definitely Algonkian while the Swadesh list is more than a half French.

Many cases of the language convergence are still kept off by both socio- and general linguistics. Thus, M. W. Lee-Smith [1996] has described three mixed languages in China, non of which is mention among intertwined languages in 'Concise Encyclopedia of Sociolinguistics' [2001], or among mixed languages in Ethnologue website [2004]:

Ejnu (Xinjang Uighur Autonomous Region), 2/3 of its basic vocabulary is Persian, the structure is Uighur, including vowel harmony.

Tangwang (Gansu province): the language structure resembles that of a Mongolian Dongxiang language, but lexically and phonetically it is Chinese.

Hezhou (Gansu and Qinghai provinces), which is lexically Chinese, but conceptually Uighur, and utilizes 'Chinese-looking suffixes to express typically Turkic grammatical functions' [Lee-Smith].

Comparative linguistics ignore both creoles and intertwined languages, tacitly supposing these cases to be rare and peripheral. The convergence of related linguistic traditions usually is not taken into account also, which in some areas leads to the situation, when to certain extent mutually understandable idioms are placed into different branches and are grouped with the synchronically distant languages, with which they do not show any intelligibility at all (cf. Central Pacific languages).

Thus, comparative linguistics becomes now thing in itself. It often clarifies well the history of the basic vocabularies, but not that of the languages and their speakers. The outsiders (ethnologists and others), who classify peoples according to the family trees of their languages, usually neglect the discrepancies of comparative linguistics, being unaware of it.

Беликов В.И.
(Москва)

Роль конвергентных процессов в языковой истории

До настоящего времени сравнительное языкознание – единственный общепризнанный теоретический фундамент осмысления лингвогенетического процесса. Согласно компаративистскому сценарию, современные родственные языки возникли в ходе дивергентной эволюции праязыка; языковые контакты могут оставить заметный след в словаре и грамматике любого языка, но никак не могут сказаться на его генетической принадлежности. Ни один язык не может иметь двух параллельно существовавших предков, а язык без предков может быть создан лишь искусственно.

Наиболее фундаментальная современная языковая таксономия (www.ethnologue.com) в число «языковых семей» верхнего уровня включает не только австронезийскую, алтайскую, афразийскую и тому подобные традиционные семьи, но также и такие негенетические объединения, как *Pidgins, Creoles* и *Mixed languages*. Последнее включает языки с двойным родством, предположительно возникшие без связи с процессами пиджинизации и креолизации. За последние десять с лишним лет подобные языки (их также называют «переплетенными», intertwined) оказались под пристальным вниманием тех, кто занимается исторической социолингвистикой. Этот феномен часто иллюстрируется языком *мичиф*, на котором говорят потомки от браков французов и кри. Это «язык с французскими существительными, числительными, артиклями и прилагательными, глаголы, послелоги, указательные, личные и вопросительные местоимения – из языка кри» [Bakker, Papen 1996]. В структурном отношении это алгонкинский язык, но более половины единиц списка Сводеша – французские.

Многие языки такого рода все еще находятся вне поля зрения социолингвистики и общего языкознания. Так М. Ли-Смит [1996] дала описание трех таких языков в Китае, ни один из которых не упоминается ни в *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics* [2001], ни на сайте *Ethnologue* [2004]:

Эйну (Синьцзян-Уйгурский АО), 2/3 базового словаря восходят к персидскому, в структурном отношении язык близок к уйгурскому, имеется сингармонизм.

Тангванг (пров. Ганьсу), грамматически калькирует дунсянский (монгольская группа), словарь и фонетика в основном китайские.

Хэжоу (пров. Ганьсу и Цинхай), лексика китайская, но понятийная структура – уйгурская; «суффиксы, внешне напоминающие китайские, выражают типично тюркские грамматические отношения» [Lee-Smith].

Компаративистика игнорирует как креолы, так и «переплетенные» языки, молчаливо относя их к редким периферийным явлениям. Конвергенция родственных языковых традиций обычно тоже не принимается во внимание, что в отдельных случаях ведет к парадоксальным ситуациям: сохраняющие известный уровень взаимопонятности идиомы оказываются отнесенными к различным ветвям генеалогического древа, оказываясь сгруппированными с языками, в отношении которых взаимное понимание исключено (так, например, обстоит дело с классификацией Центрально-тихоокеанских языков).

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание превращается в вещь в себе. Часто оно очень хорошо проясняет историю основного словарного фонда, но не историю языков и их носителей. Неспециалисты (в частности, этнографы), создавая классификации народов, изоморфные языковым, игнорируют проблемы генетических классификаций языков, даже не подозревая об их существовании.

BÉLOVA A.G.
(Moscow)

Substrat lexical en Arabie Méridionale: termes de la culture matérielle

En resultat des recherches archéologiques et épigraphiques pendant XX-e s. il est devenu évident que l'Arabie Méridionale présente une des civilisations la plus ancienne en Proche Orient. Les découvertes épigraphiques et les nouvelles données riches nous permettent de reconstruir non seulement l'histoire et la culture de l'Arabie Méridionale ancienne, mais aussi d'aborder l'étude plus détaillée des langues de sa population ancienne.

L'étude suivante a pour but d'analyser certains termes du domaine de la culture matérielle. Cels-lá pourraient préciser quelques

événements historiques dans l'Arabie du Sud. On sait que les traditions culturelles anciennes, conditionnées par le mode local de vie et de l'économie locale, restent même après la substitution des civilisations, des populations autochtones et des langues dans la region. Parmis cettes traditions anciennes de l'Arabie Méridionale on peut relever l'agriculture, l'irrigation et l'art de la construction. La conservation et la continuation des traditions locales assurent la conservation et l'utilisation des termes locaux dans les langues nouvelles.

La tradition de bâtiment en Arabie du Sud revient au deuxième millénaire avant notre ère. Les textes épigraphiques nous présentent bien d'informations des travaux de bâtiment. Les recherches des dialectes arabes modernes en Yémen, Hadramout, Dhofar et Oman montrent que la langue de la population contemporaine en Arabie Méridionale conserve une couche lexicale stable qui revient aux langues de la civilisation précédante: noms des opérations du bâtiment, de la construction, de détails architecturaux, de matériaux de construction.

Ainsi les dialectes arabes modernes en Arabie Méridionale on délimite une couche de termes: noms de la pierre, noms de la brique et noms des métaux. Ces termes -là entrent dans les dialectes locaux modernes comme l'héritage culturel des civilisations précédantes.

A son tour l'analyse étimologique comparative du lexique épigraphique ancien montre, qu'une part de termes trouvés revient au lexique sémitique commun. L'autre part présente des noms qui n'ont pas leurs correspondances dans les langues sémitiques connues. Autant que cette part-là est attestée seulement dans les limites géographiques fixées on suppose qu'elle revient au substrat le plus ancien, au période «pré-épigraphique» dans l'histoire de l'Arabie Méridionale.

Ainsi on peut trouver deux couches du lexique de substrat dans le domaine de construction: 1) la couche plus avancée dans les dialectes arabes; elle revient aux langues épigraphiques du Sud; 2) la couche plus ancienne qui pénetre dans les langues épigraphiques d'une langue locale inconnue. La stratification du lexique local spécial en Arabie du Sud peut coincider avec la stratification archéologique.

Белова А.Г.
(Москва)

Субстратная лексика Южной Аравии по материальной культуре

Южная Аравия, как центр одной из древнейших цивилизаций Передней Азии, становится объектом активных историко-археологических и эпиграфических исследований во второй половине XX-го века. К настоящему времени накоплен большой эпиграфический материал. Этот материал позволяет реконструировать не только историю и культуру древней Южной Аравии, но и приступить к более детальному изучению языков древнейшего населения этого региона.

Как известно, древние культурные традиции, связанные с местными условиями жизни и ведения хозяйства, сохраняются даже при смене цивилизаций, этносов и языков, происходящей в данном регионе. К таким древним традициям Южной Аравии можно отнести способы ведения сельского хозяйства, ирригации и строительства. Сохранение и продолжение местных традиций обеспечивают сохранение и дальнейшее использование соответствующих местных терминов.

Строительная традиция Южной Аравии восходит ко 2-ому тысячелетию до н.э. Эпиграфический материал представляет нам значительное количество текстов строительного содержания. Исследование современных арабских диалектов в Йемене, Хадрамауте, Дофаре и Омане свидетельствует о том, что в языке современного населения Южной Аравии сохраняется большой пласт лексики, восходящей к языкам древней цивилизации: названия строительных операций, сооружений и построек, архитектурных деталей и строительных материалов.

Таким образом, в современных арабских диалектах, распространенных на территории Южной Аравии, можно выделить определенный пласт субстратной лексики. Предметом нашего рассмотрения будут названия строительных материалов: названия камня, кирпича, металлов. Эти названия попадают в местные диалекты как культурное наследие предшествующих цивилизаций.

В свою очередь, сравнительно-этимологические исследования рассматриваемой лексики, засвидетельствованной в эпиграфических южноаравийских языках, показывает, что одна часть этих терминов восходит к общесемитскому фонду, тогда как другая часть представляет лексику, которая не имеет соответствий в известных нам семитских языках. Поскольку эта последняя часть лексики засвидетельствована только в границах определенного ареала, можно предположить, что она восходит к еще более древнему языковому субстрату "доэпиграфического" периода в истории Южной Аравии.

Таким образом, в области строительной терминологии южноаравийского ареала условно можно выделить два слоя субстратной лексики: 1) более поздний слой, вошедший в арабские диалекты Южной Аравии из известных нам древних эпиграфических южноаравийских языков; 2) более ранний слой, проникший в древние эпиграфические языки из неизвестного нам языка местного населения.

Стратификация локальной субстратной лексики Южной Аравии может свидетельствовать о существовании более древних языков и культур на данной территории, что не расходится с данными археологической стратификации. Привлечение языковых данных в историческом плане поможет уточнить вопросы о смене или продолжении культурных традиций на территории Южной Аравии.

BERNIKOVA O.A.
(St. Petersburg)

The main phonemic markers in Arabian dialects

Берникова О.А.
(Санкт-Петербург)

Основные фонемные маркеры аравийских диалектов

В качестве основных фонемных маркеров диалектов Аравийского полуострова (АП) выступают корреляты /q/, /dj/, /k/ арабского литературного языка (АЛЯ). Рассмотрение особенностей их функционирования в аравийских диалектах позволяет сделать следующие выводы.

1. На территории АП отмечены четыре регионально маркированных коррелята фонемы /dj/ АЛЯ: /dj/, /j/, /g/, /y/. Функционирование данных фонем в современных аравийских диалектах обуславливается влиянием диалектного субстрата, в котором, как отмечали средневековые арабские грамматисты, одной фонеме /dj/ арабского языка соответствовали несколько различных фонем.

Что касается региональной дистрибуции указанных выше коррелятов, то /y/ наиболее широко распространен на северо-западе и юго-востоке полуострова, а палатализованный /j/ встречается на северо-западе Йемена и в диалектах Неджда.

Употребление того или иного коррелята /dj/ АЛЯ в аравийских диалектах обуславливается рядом экстралингвистических факторов. Так, в восточно-аравийских диалектах /y/ выступает в качестве маркера диалектов оседлой группы населения, в то время как /dj/ характеризует речь бедуинов. Дистрибуция фонем /dj/ – /y/ определяется также суннитской лингвистической доминантой и, как следствие, интерферирующим влиянием арабского литературного языка. Необходимо отметить отсутствие комбинаторных вариантов указанных фонем в большинстве аравийских диалектов.

2. Вариативность реализации /q/ на Аравийском полуострове была отмечена еще в древности. При этом фонема /g/, соответствующая /q/ АЛЯ, была распространена в западноаравийских диалектах, тогда как /q/ ≠ /q/ характеризовала речь жителей восточной части полуострова. Дистрибуция коррелятов /q/ в древнеаравийских диалектах оказала существенное влияние на их современную региональную дистрибуцию. Так, в настоящее время /q/ АЛЯ ≠ /g/ в современных бедуинских диалектах юга Аравии и центрального Йемена, Тихаме и Дофаре.

Дистрибуция коррелятов /q/ АЛЯ позволяет классифицировать аравийские идиомы на городские и бедуинские. Диалекты, где рефлексами /q/ выступают глухие взрывные /q/, /k/ и /ʔ/, относятся к городским, а диалекты, в которых ее рефлексами являются звонкие /ġ/, /g/, /dj/, – к бедуинским.

Кроме того, в аравийских диалектах реализуются и комбинаторные варианты /q/. Так, рядом с гласными переднего ряда

отмечено появление [dj], [ġ]. Причем реализация /q/ – [dj] характерна для оседлых периферийных диалектов Кувейта, Бахрейна, Катара, Абу Даби и Бурайми, а /q/ – [ġ] – для идиомов Центральной части Аравийского полуострова и Западного Неджда.

3. На большей части рассматриваемого региона фонеме /k/ арабского литературного языка соответствуют /k/ и /č/. Кроме того, в ряде диалектов фонема /k/ претерпевает палатализацию, которая является исключительно комбинаторной, то есть обусловленной соседством /k/ с гласными переднего ряда.

Частным случаем употребления /č/ ≠ /k/ АЛЯ является реализация проклитики второго лица единственного числа женского рода – так называемый феномен "кашкаша". При этом наличие фонемы /č/ в указанном контексте не обусловлено фонетическими факторами. Явление "кашкаша" наиболее характерно для южноаравийских периферийных диалектов. Одной из вызвавших его причин в этом районе может быть влияние древнего семитского неарабского субстрата. В то время, как присутствие "кашкаша" в говорах Кувейта и Бахрейна обусловлено имевшими место в прошлом миграционными процессами.

Комбинаторные варианты фонемы /k/ в аравийских диалектах представлены аллофонами [č] и [ć]. В зависимости от той или иной реализации /k/ аравийские диалекты подразделяются на č – и ć – группы. К первой относятся идиомы Кувейта, Бахрейна, Катара, Абу Даби и Бурайми, а ко второй – диалекты центральной части АП и территории Западного Неджда.

BESSONOVA E.Yu.
(Moscow)

The Japanese epistolary text and its role in teaching Japanese

Бессонова Е.Ю.
(Москва)

Японский эпистолярный текст и его роль в процессе обучения японскому языку

При обучении японскому языку эпистолярный текст важен для глубокого осмысления японского языка в целом. Эпистолярный текст занимает особое место в письменной речи японского языка, поскольку сконцентрировал в себе лексические, грамматические особенности японского языка, а также является отражением японской истории и культуры. В поддержании эпистолярных традиций большая роль в Японии принадлежит письмовникам. Японцы учатся по письмовникам не только писать письма, но и уважать традиции, а иностранцы на основе эпистолярных текстов изучают не только языковые особенности, но и «душу» японского народа.

Учебные пособия, направленные на обучение школьников и студентов письменной японской речи, изданные как в Японии, так и в России, часто включают эпистолярные тексты. Обычно на

начальном этапе тексты не содержат сложных эпистолярных клише, имеют скорее иллюстративный, ознакомительный характер. На последующих этапах обучения эпистолярные тексты усложняются, подробнее изучаются отдельные языковые элементы эпистолярного текста, такие как языковые клише (сезонные приветствия, обращения, благодарственные фразы и т.п.), грамматические особенности. На завершающем этапе обучения интерес представляет подробный анализ эпистолярного стиля в целом, а также история становления японского эпистолярного стиля. Японский эпистолярный стиль, подчиняясь законам развития функциональных стилей, менялся на протяжении истории, отражая структуру общества и общественного сознания. Анализ этих изменений опирается на стилеопределяющие элементы эпистолярного текста, как лингвистические, так и экстралингвистические (способ написания, структуру эпистолярного текста, стиль написания и используемую в переписке лексику). В различные периоды истории вышеперечисленные элементы имели свои особенности.

Языковые единицы, входящие в состав послания этикетного содержания, отражающие культуру и традиции, накопленные веками, менялись очень медленно. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались клише-стереотипы сезонных приветствий. Однако, анализируя современный языковой материал, надо отметить частое включение в сезонные приветствия заимствованных иностранных слов *гайрайго*. В настоящее время часто подчеркивается тенденция к упрощению эпистолярного текста, что наиболее ярко проявляется в переписке молодежи, а также в посланиях, направляемых по электронной почте. Но упрощение текста послания не мешает говорить о развитии эпистолярного стиля, который, сохраняя традиции, вбирает в себя все новые элементы на всех уровнях (структура, лексика или подручные средства написания писем). И сейчас в Японии, как и много веков назад, правильно и красиво написанное письмо считается достойным уважения, а для тех, кто изучает японский язык, эпистолярный текст является богатым языковым материалом.

BITKEEVA A.N.
(Moscow)

Sociolinguistic problems of Mongolian languages in Russian Federation (the case study of the Kalmyk language)

Language as it is known is a social phenomenon, mother tongue is the main factor of ethnos's vital activity. The preservation of linguistic diversity has become a major problem in the contemporary world. The process of the contemporary world society represents a new paradigm regarding multilingualism and language politics.

The Russian Federation is formed by 176 ethnicities and a similar number of languages, most of them severely threatened. The UNESCO Red book of Endangered languages identifies only 3 minority languages of Russia as "not threatened" (Tatar, Yakut, Tuvean). All other languages are in danger of extinction, the Kalmyk language included.

The Republic of Kalmykia is an ethnic Mongol enclave in the Caucasus border. Its ethnic composition is relatively balanced (the whole population is of 323,000 people, 45% Kalmyks and 55% other nationalities). It's geographic situation in the northern border of Caucasus on the one hand, its Asian origin as well as its cultural tradition linked, on the other hand have made of Kalmykia a crossroads of nationalities unique in Russia. Functional interaction of the languages it is for the first an interaction of ethnicities speaking these languages. It's up to the language politics to influence and regulate such important issues of the day as prevention of interethnic conflicts, promotion of such values as interethnic understanding, tolerance. For the present time the principals of nation-state language policy that considers interests of each ethnos, that lives on the territory of Russia are being worked out. That's why it is very important to analyze and to define the legislative base on language problems in all nation-state context, special interest may present the analyses of language legislative base in some regions, republics of the Russian Federation.Appropriate language policy is the language policy that takes into account such specific factors as cultural, linguistic and historic uniqueness of ethnoses, originality of their ethnic identity, ethnic character, mentality.

In the case of the Kalmyk language, language transmission patterns are weakening dramatically as far the deportation of the entire Kalmyk population during World War II produced a severe breakdown of the intergenerational transmission of language to the point that currently Kalmyk can be considered (and is taught) as the second language of the autochthonous population. It's national language is severely endangered and need the urgent implementation of a promotion program From my point of view, the promotion of minority and lesser-used languages in Russia must therefore improve the relationship, mutual understanding between ethnoses, the promotion of local ethnic values.

***BOLKVADZE* Tinatin**
(Tbilisi)

Towards the role of translation for Georgian linguistic thought

We can follow the competition of the Georgian language with Greek after the 3rd-4th centuries AD The Georgian literary language became more perfect by competing with Greek, by fighting for being equal to it. Old Georgian literary schools aimed at being deeper integrated into the eastern-Christian world. They thought it expedient to master the Greeks' cultural achievements as much as it was possible for this purpose. This was mostly revealed in translation.

The first anonymous grammarians (i.e. translator –commentators) played a dual role. On the one hand as textologists, text commentators and philologists they studied the linguistic texture of the text that should be translated, i.e. they studied the nature of the language thus contributing a lot to the foundation of the linguistic sciences (We come across various comments in these explanatory notes – theological-philosophical, linguistic-philological, cultural-historic, etc); on the other hand, grammarians created "a correct" or "good" language.

The internal qualities of the Georgian language strengthen its wish to be equal of Greek.

These are flexible stability that allows the modification equal to cultural changes in the language and intellectualization, as a codified version of the Georgian language into which the Holy Scripture and theological literature are translated and in which original works are written, differs from everyday Georgian because the former is very artificial. Gospels and other parts of the Bible translated into Georgian guaranteed a normative stability of the Old Georgian language by its constant ecclesiastic use in the church service and in other forms of spiritual life. The native language is at cognized «no«m for the Georgian scholars working in the cultural centers abroad, they set a standard. Besides that the Georgian language obtained the functions of uniting the language community, and at the same time, of separated it from the communities speaking different languages; it also had acquired the function of self-protection a long before which is the cause of national pride.

BOTOEV Igor
(Sapporo)

Problems of Japanization in the case of Russian Idioms

Translation of idioms is one of the most difficult problems of the theory and practice of translation. The principal difficulty consists in the distinctive features of idiomatical structure of every language. For the most part, idiomatic expressions of the certain language don't have complete equivalents in the other languages. In consequense of contrastive analysis of Russian and Japanese idioms on the base of examples from Russian and Japanese literature, following 6 methods of translation has been revealed.

1. Translation by perfect equivalent;
2. Translation by full equivalent;
3. Translation by partial equivalent;
4. Translation by analogical equivalent;
5. Literal translation;
6. Descriptive translation.

Methods 1-4 need the presence of suitable equivalents in the languages of translation. From the points of view of Japanization, the method of literal translation is most attractive. Literal translation can

communicate not only a meaning of idioms, but also national colour of originals. However, by a number of linguistic and extra-linguistic reasons, the most part of idiomatic expressions can't be translated by the method of literal translation. These are following reasons such as traditional culture, changing form of idioms by author, false equivalents, original system of symbolic images, grammatical and stylistic differences etc. In spite of large-scale differences, there are some idioms in Russian and Japanese, which can be translated word-for-word. It's a following idiomatic expressions such as international idioms; professional idioms; idioms, which describe human's physical and psychological conditions and so on.

***BOZDEMIR* Michel**
(Paris)

Le Turc entre les langues orientales et occidentals

Le destin de la langue turque comme l'histoire et la civilisation turques semble osciller au grès des contacts, entre ses origines orientales et ses aspirations occidentales.

Au fil des siècles, la réceptivité du turc est telle qu'on serait tenté de dire que tout se passe comme s'il n'existait pas pour le vocabulaire, de véritable limite aux emprunts. Le principal resourcement, c'est l'emprunt.

Vers la fin d'une longue durée où l'emprunt est l'élément essentiel, à partir des années 1850-1860, nous voyons se former un rudiment de planification linguistique. Il ne s'agit pas de réflexe de conservation encore moins de purisme. Ce qu'on a appelé «sadeleşme» (simplification) ne s'explique que par un souci de communication. La langue ottomane était devenue telle qu'elle ne remplissait plus sa fonction première, c'est-à-dire la communication.

Cependant, après des siècles de réception à bras ouverts on arrive à un moment de doute, puis à des idées volontaristes sur la langue.

Progressivement, ce mouvement se radicalise pour devenir une espèce de révolution linguistique ans les années 30. Cependant, s'il y a eu un rejet total des emprunts orientaux, la même hostilité ne s'est pas appliquée aux langues occidentales.

En somme ce n'est pas la parenté linguistique (sémitique et indo-européenne) qui explique la trop grande quantité d'emprunt arabo-persan, c'est l'adoption d'une nouvelle civilisation qui, par la pratique religieuse, par la fascination littéraire et culturelle ouvre la voie à l'installation d'un grand nombre de vocabulaire d'emprunt.

Le même raisonnement s'applique aux emprunts occidentaux à l'exception du vocabulaire de religion. C'est par l'affinité culturelle, par l'adoption d'une nouvelle civilisation sans sa religion que les mots pénètrent dans la langue turque et que les puristes restent particulièrement discrets sur cette question. C'est un des paradoxes de la réforme linguistique, parce que précisément la réforme n'est pas que linguistique.

On tentera d'ouvrir dans cette communication un débat sur les prédispositions idéologiques qui influent sur la réceptivité lexicale et au-delà du cas turc sur la pertinence de la notion de pureté de vocabulaire.

BURLAK S.A., ITKIN I.B.
(Moscow)

Once more about «-*r-ā*-absolutive» in Tocharian A

Both Tocharian languages have two infinite verb forms usually called "absolutive". These absolutives are formed from past participles by adding suffix *-r-* and ablative (A *-äṣ*, B *-meṃ*) or perlative (A *-ā*, B *-sa*) endings. The ablative form of absolutive is used much more frequently than the perlative one.

W. Thomas has devoted an article to the problem of differentiating between the two absolutive forms; he assumed that the "ablative absolutive" was used to indicate that one action simply preceded another, while the "perlative absolutive" expressed the causal meaning.

Some of W. Thomas's examples, certainly, permit such an interpretation, cf.:

kus nu cämpiṣ taṃ ne kräṃ(tso)nāṃ ... kälporäs āñcäm säkässi (A 7 a2-3) "who would be able, having obtained such a beautiful <woman>, to restrain himself?"

and:

tmäṣ säm mäśkit wastäṣ läntässi kälporā lyutār memaṣ kātkmāṃ nāṃtsu (A 394 b3) "then this prince was delighted by obtaining <a permission> to leave the house" [Thomas 1960: 200].

But when one tries to make difference between causal, conditional and temporal construction in narrative texts on purely semantic grounds, his assumptions inevitably turn out to be to a great extent arbitrary. Thus, the example *tsitorā letkār wraskeyäntu kātä(ŋkeñc)* (A 103 a2) is interpreted by W. Thomas as "because of touching illnesses arise separately" [ibid.: 201]; meanwhile, other variants of understanding of this passage – "after touching..." and especially "if one touches..." – are by no means less likely. For some instances not mentioned by W. Thomas the causal interpretation seems rather strange, cf.: //// *puklā ṣeñc siddharthes wärtac kälporā* (A 115 b5) "... years have passed since Siddhartha went into the forest".

The scanty list of *-r-ā-*absolutive examples has reasonably increased owing to the recent publishing of the Tocharian A manuscript "Maitreyasamiti-Nāṭaka" [Ji, Winter, Pinault 1998]. The analysis of the instances known before as well as newly obtained ones (the latter are marked by "YQ") makes it possible to determine some syntactic features of the *-r-ā-*absolutive construction, which were not mentioned by W. Thomas.

A *-r-äṣ-*absolutive phrase almost always precedes the main predicate; its implied subject is the same as the subject of the main predicate and is not expressed on the surface level. On the opposite, a *-r-ā-*absolutive phrase may follow the main predicate; the subject of such phrase often differs from the subject of the main predicate and may be expressed by a genitive form, cf. fragments A 103 a2, A 115 b3, as well as:

pāṃṣant ñom klyu pñintu eṣ wram wawurā (A 57 b4) "a beggar gives fame and merits, if <one> gives <him> a thing "

//// *(bra)[m]ñäktes kākkurā bārāṇasi riya(c)* (YQ-9 b8) "at the invitation of (god) Brahmā (Gen) (he went to the vicinity) of the city of Vārāṇāsi"

tämyo yas mar śuracär ñi kälkorā (YQ-13 b7) "therefore you must not be worried because of my (Gen) leaving"

kus plāc naṣ prattikaptāñkte wawurā (YQ-18 a2) "What is the sense of giving to a Pratyekabuddha?"

Though the subject of a *-r-ā-*absolutive phrase must not necessarily differ from the subject of the main predicate (cf. fragment A 394 b3), this difference between *-r-ā-* и *-r-äṣ-*absolutive forms seems to be highly important and deserves further investigation.

Бурлак С.А., Иткин И.Б.
(Москва)

Еще раз об «абсолютиве на *-r-ā*» в тохарском А языке

В тохарских языках имеется две неличных глагольных формы, традиционно именуемых "абсолютивами". Абсолютивы образуются от причастия прошедшего времени с помощью суффикса *-r-* и окончаний аблатива (тох. А *-äṣ*, тох. В *-meṃ*) и перлатива (тох. А *-ā*, тох. В *-sa*). Аблативная форма абсолютива употребляется значительно чаще перлативной.

В. Томас, посвятивший проблеме разграничения двух абсолютивов специальную статью, предположил, что аблативный абсолютив используется для указания на простое предшествование во времени, а перлативный – для выражения значения причины.

Многие примеры В. Томаса, безусловно, допускают такую трактовку, ср.:

kus nu cämpiṣ taṃ ne kräṃ(tso)nāṃ ... kälporäs āñcäm säkässi (A 7 a2-3) "кто бы смог, такую красавицу ... заполучив, себя сдержать?", –

и:

tmäṣ säm mäśkit wastäṣ läntässi kälporā lyutār memaṣ kātkmāṃ nāṃtsu (A 394 b3) "тогда этот принц, из дома уйти полученной <возможности> безмерно обрадовавшись..." [Thomas 1960: 200].

Однако чисто семантическое различение причинных, условных и темпоральных конструкций в нарративных текстах неизбеж-

но оказывается во многом произвольным. Так, пример *tsitorā letkār wraskeyäntu kātä (ŋkeñc)* (A 103 a2) В. Томас интерпретирует как "из-за прикосновения болезни по отдельности выступают" [там же: 201]; между тем ничуть не менее естественны и другие его понимания – "после прикосновения..." и особенно "если прикоснуться...". Для некоторых примеров, не упомянутых В. Томасом, причинная трактовка выглядит просто странной, ср.: *puklā ṣeñc siddharthes wärtac kälporā* (A 115 b5) "(столько-то) лет минуло, как Сиддхартха ушел в лес".

Скудный перечень примеров абсолютива на *-r-ā* заметно пополнился благодаря недавней публикации тох. А рукописи Maitreyasamiti-Nāṭaka [Ji, Winter, Pinault 1998]. Анализ как ранее известных, так и новых примеров (последние помечены индексом YQ) позволяет установить ряд синтаксических особенностей конструкции с абсолютивом на *-r-ā*, не отмеченных В. Томасом.

Оборот с абсолютивом на *-r-äṣ* практически всегда ставится перед сказуемым; подразумеваемое подлежащее такого оборота совпадает с подлежащим главного предиката и не выражается на поверхностном уровне. Напротив, оборот с абсолютивом на *-r-ā* может ставиться после сказуемого; подлежащее такого оборота часто не совпадает с подлежащим главного предиката и может быть выражено формой генитива, ср. фрагменты A 103 a2, A 115 b3, а также:

pāmṣant ñom klyu pñintu eṣ wram wawurā (A 57 b4) "просящий подаяния славу и заслуги дает, если <ему> вещь дать"

//// (bra)[m]ñäktes kākkurā bārāṇasi riya(c) (YQ-9 b8) "по приглашению Брамы (Gen) к городу Бенаресу (он отправился)"

tämyo yas mar śuracär ñi kälkorā (YQ-13 b7) "поэтому вы не беспокойтесь о том, что я (Gen) пойду"

kus plāc naṣ prattikaptāñkte wawurā (YQ-18 a2) "какой смысл давать Пратьекабудде?"

Хотя разносубъектность двух предикатов не является необходимым условием употребления абсолютива на *-r-ā* (ср. фрагмент A 394 b3), данное различие между формами на *-r-ā* и *-r-äṣ* представляется весьма важным и требует дальнейшего изучения.

Литература

Ji, Winter, Pinault 1998 – Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China [Transliterated, translated and annotated by ...] (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, Vol. 113). Berlin – New York, 1998.

Thomas 1960 – W. Thomas. Zur Verwendung des tocharischen Verbalsubstantivs auf *-r* im Perlativ // Indogermanica. Festschrift für W. Krause zum 65. Geburtstage. Heidelberg, 1960.

BURYKIN A.A.
(St. Petersburg)

Altaic studies in St. Petersburg in the XXth century

Бурыкин А.А.
(Санкт-Петербург)

Петербургская алтанистика. XX век

Развитие отечественной науки о родственных связях и ареальном взаимодействии алтайских языков (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, корейский и японский языки) неотделимо от истории востоковедения в Санкт-Петербурге. Становление и развитие идей о генетическом родстве алтайских языков и о межгрупповых контактах алтайских языков, представленных в трудах петербургских ученых – подчеркнем, что в позитивной алтаистике представления о родстве алтайских языков и об их контактных связях никогда не исключали друг друга! – в XX веке разделяется на три этапа, различающихся по продолжительности и соотносящихся с деятельностью различных научных учреждений, в основном входящих в состав Академии наук.

Первый этап алтаистики начинается в конце XIX века. Это время осмысления идеи генетического родства алтайских языков, адаптации методов сравнительно-исторического языкознания к неиндоевропейским языкам. Основными достижениями этого времени являются накопление большого объема материала по ранее неизученным языкам, уточнение классификаций тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и определение места языков, имеющих индивидуальные отличия (чувашский, якутский языки), выявление и оценка лексических и морфологических сходств между названными языками, поиски генетических связей корейского и японского языков. К этому периоду относятся работы В.В.Радлова, А.Н.Самойловича, Б.Я.Владимирцова, Е.Д.Поливанова, ранние статьи Н.Н.Поппе. Этот период завершается в конце 1920-х годов книгой Б.Я.Владимирцова "Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия" (1929), закладывающей основы дальнейших исследований.

Второй этап алтаистики, приходящийся на 1930-е-конец 1950-х годов, в большой мере связан с описанием отдельных конкретных языков, публикацией и изучением языковых материалов письменных памятников на тюркских и монгольских языках, а также с изучением отдельных тунгусо-маньчжурских языков и их диалектов. Наиболее значительные труды этого времени – ряд монографий Н.Н.Поппе по монгольским языкам, описательные грамматики тюркских языков (Н.П.Дыренкова), грамматики тунгусо-маньчжурских языков (Г.М.Василевич, В.И.Цинциус, Т.И.Петрова и др.) Знаковым событием для этого периода, определившим дальнейшее развитие алтаистики, явился выход в свет книги В.И.Цинциус "Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских

языков" (1949). Завершение этого этапа связано с в изданием серии книг С.Е.Малова по памятникам древнетюркской письменности (1951-1959).

Третий этап развития алтаистики в Санкт-Петербурге связан с созданием и деятельностью Сектора (Отдела) алтайских языков в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (позднее – Институт лингвистических исследований РАН). В этом отделе, созданном в 1957 г. (зав отделом в 1957-1988 г. – О.П.Суник, в 1988-1993 г. – Д.М.Насилов) были представлены разные направления в изучении алтайских языков. В нем были подготовлены 5 сборников статей по проблемам лексиси и морфологии алтайских языков – "Проблема общности алтайских языков" (1971), "Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков" (1972), "Очерки сравнительной морфологии алтайских языков" (1978), "Исследования в области этимологии алтайских языков" (1979), "Алтайские этимологии" (1984), развивающие методику исследований и дающие сводки материала. Издание "Древнетюркского словаря" (1969) дало возможность пользоваться лексикой архаических тюркских памятников, а составление "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков" (1975-1977) по существу стало основой для будущего составления этимологического словаря алтайских языков. Продолжалось изучение тунгусо-маньчжурских языков (О.П.Суник, К.А.Новикова, Л.И.Сем, Н.Я.Булатова и др.). Ареальным связам алтайских языков посвящена работа А.М.Щербака "Ранние тюркомонгольские языковые связи"(1997).

В работе отдела алтайских языков ЛО ИЯ/ИЛИ наряду с положительными результатами имелся ряд просчетов – невыразительная кадровая политика, отсутствие подготовки по компаративистике у большинства молодых сотрудников, слабая организация сравнительно-исторических исследований, составляющих профиль отдела. На этом фоне вполне закономерным выглядело то, что в середине 1980-х годов центр алтаистики переместился в Москву, но трудно признать оправданным то, что в 2003 г. отдел алтайских языков ИЛИ РАН прекратил свое существование.

BUYANER D.B.
(Beit-Shemesh)

Towards the etymology of the Middle Persian *bashkuch* 'gryphon'

Буянер Д.Б.
(Бейт-Шемеш)

К этимологии среднеперсидского *bashkuch* «грифон»

Предлагаемый вниманию участников доклад посвящён истолкованию редкого среднеперсидского слова *bashkuch* "грифон", а также целого ряда возводимых к тому же источнику обозначений грифона, гигантского орла, волшебной птицы и т.д. в грузинском,

осетинском, армянском и арамейском языках. В первой части доклада рассматриваются все существующие на сегодняшний день попытки объяснения лексемы – от работы Н. Я. Марра 1918 года до статьи Д. Гершензона в Acta Orientalia за 1994 год. Вторая часть целиком посвящена новой этимологии среднеиранского обозначения грифона на основе реконструкции и анализа морфологической структуры слова и семантической типологии обозначений мифических персонажей.

BYKOVA S.A.
(Moscow)

Lexical features of Japanese dialects

Быкова С.А.
(Москва)

Лексические особенности диалектов японского языка

Территориальные диалекты в современной Японии, как традиционные, так и "новые", характеризуются рядом лексических особенностей. Это, прежде всего, употребление в них чисто диалектальных слов и выражений, в том числе диалектальных фразеологических единиц, пословиц, клише, не фиксирующихся в стандартном языке "хёдзюнго" и общем языке "кёцуго".

Наиболее ярко проявляется лексическое своеобразие диалектов на материале устойчивых словосочетаний. В любом из диалектов мы находим единицы, которые употребляются лишь в данном диалекте, отражая при этом особенности быта, семейного уклада, природы соответствующего района Японии. В связи с этим особый интерес представляют собой единицы, употребляющиеся в преф. Акита. Большинство из них связано с бытующими здесь сказками, традициями, ритуалами.

Другой характерной особенностью диалектов является то, что в ряде регионов страны для выражения тех или иных значений не употребляют ономатопоэтические слова стандартного языка, заменяя их диалектальными ономатопоэтическими словами с тем же значением.

Говоря о лексическом своеобразии диалектов, необходимо отметить особую роль в пополнении словарного фонда японского языка диалекта Кинки, который обогатил стандартный язык рядом вежливых слов-глаголов, и языка Эдо (Токио), из которого в современный японский язык пришли многие устойчивые словосочетания и, особенно, пословицы. Большинство японских пословиц и поговорок, издавна существующих в японском языке, за исключением единиц, представляющих собой заимствования из китайского языка или изречения конкретных исторических персонажей, впервые начали употребляться в эпоху Эдо в речи горожан и зафиксированы в соответствующих словарях.

В территориальных диалектах употребляются не только диалектальные лексические единицы, но также слова и устойчивые словосочетания стандартного языка в значениях, не присущих им в хёдзюнго. По-видимому, подобные единицы следует рассматривать как омонимичные соответствующим единицам стандартного языка.

Одной из особенностей диалектов является употребление в них слов, не являющихся диалектальными, но представляющих собой архаизмы. Но это не архаизмы в привычном понимании, которые легко обнаружить в любом толковом словаре с соответствующей пометкой, а слова, которые могут быть отнесены к категории наиболее древних слов. В противоположность обычным архаизмам подобные слова не только не употребляются в современном японском языке, но и непонятны носителям языка. Эта категория слов включает в себя, например, многочисленные наименования улитки, о которых писал еще Янагита Кунио. Изоглоссы слов, входящих в эту категорию, находятся на значительном расстоянии от р-на Кинки. Среди этих единиц – слова, употреблявшиеся еще в "Хэйкэ-моногатари", военных хрониках "гунки", "сэцува", Цурэдзурэгуса" и даже "Нихонсёки".

Если же обратиться к лексике архипелага Рюкю, то здесь отмечаются единицы, которые, возможно, существовали еще в дописьменный период японского языка.

Все указанные лексические особенности характерны для любого из территориальных диалектов, различаются лишь сами по себе лексические единицы и количественный состав той или иной группы (диалектальные слова; слова стандартного языка, употребляющиеся в отличном от общепринятого значении; "древние" архаизмы).

Разумеется, широкое распространение в диалектах диалектальной лексики не означает, что наряду с диалектальными единицами в них не употребляется также лексика, общая для всей Японии, т.е. лексические единицы, относящиеся к основному словарному составу японского языка.

CHAGAL V.E.
(Moscow)

The arabization and the problems of translation

Шагаль В.Э.
(Москва)

Арабизация и проблемы перевода

Важным фактором диалога арабов с окружающим миром является перевод. Степень развитости переводческой деятельности нередко предопределяет уровень процветания той или иной нации. Учитывая тот факт, что арабские государства значительно отстали от развитых стран мира, они вынуждены организовать и вести целе-

направленную работу по интенсивному переводу с разных языков самых различных материалов, показывающих развитие мировой науки, техники, культуры, языков с тем, чтобы иметь возможность подключиться к процессу глобализации как активному ее участнику и успешно решить те многочисленные проблемы, которые стоят перед арабскими странами.

Переводческая деятельность должна внести серьезный вклад в арабизацию не только высшего образования, но и многих отраслей технологии и науки, использующих, как правило, преимущественно английский или другие европейские языки.

Переводческая деятельность в арабском мире характеризуется следующими тремя особенностями:

1) Отсутствует конкретный план действий, который бы учитывал подлинные потребности всего региона и каждой страны.

2) Вне внимания соответствующих организаций оказался сам процесс арабизации как обучения на всех ее ступенях, так и искусства перевода.

3) Невысокий уровень отдельных переводов, нет строгих критериев с точки зрения языковой практики и употребления терминов. Не проводится унификация терминов.

С целью устранения имеющихся недостатков в сфере арабизации Лига арабских стран создала Постоянное бюро по координации арабизации в арабском мире.

В последние годы появилось много новых средств, используемых для перевода; среди таких нововведений – электронный перевод, т.е. составление компьютерных программ, электронных словарей и т.д. Задача при этом должна состоять в разработке плана действий и составлении программ перевода на арабский язык с учетом конкретной ситуации в искусстве перевода в арабском мире.

Потребности современной жизни ставят серьезные задачи перед арабским языком, который должен обладать способностью к выражению различных нужд общества, особенно тех из них, которые возникли в последние годы.

CHEN Huaiyu
(Princeton)

Linguistic Connection between Two Chinese Nestorian Christian and Buddhist Texts

A leading orientalist Takakusu Junjiro published an article in 1894 to confirm that there was cooperation in the translation between Jingjing and the Buddhist monk Prajña (737-?), a Kapiśa native. Takakusu found a passage in a Buddhist catalogue edited by Yuanzhao (8th century, AD) which says that Jingjing helped Prajña translate the Satparamita-Sutra into Chinese from a Central Asian language in 788 AD. But since Takakusu no more progress has been made on

this subject, probably because the scholars in this field have only tried to find the connection between the Satparamita-Sutra and the Nestorian "Gloria in Excelsis Deo" and have missed other Buddhist texts translated by Prajña. Instead, my paper will investigate another text titled Mahāyāna-mulagata-hridayabhumi-dhyana-sutra translated by Prajña in the fifth year of Yuanhe period (810 AD) and compare its linguistic features with the Nestorian Christian text "Gloria in Excelsis Deo." Finally I will attempt to establish a linguistic connection between the Nestorian Christian and Buddhist texts.

It is well known that several Chinese Nestorian texts found in Dunhuang are full of Buddhist terms. By carefully exploring the similarities in both sentence structure and technical terminology between one of the most important Nestorian texts (Pelliot chinois 3847) titled "Gloria in Excelsis Deo" discovered from Dunhuang and a Buddhist text translated by an international team including both Central Asian, Chinese and Japanese monks, this paper shows that the latter might have been influenced by the former in both sentence structure and technical terminology, though these terms appearing in the Nestorian text originally came from early Chinese Buddhist translations. This finding substantially adds to our understanding of the cooperation between Nestorian priests and Buddhist translators in Tang China in early ninth century.

CHEREVKO K.E.
(Moscow)

On the formation of the written literary Japanese (based on the text of «Kojiki» dating back to 712)

Черевко К.Е.
(Москва)

О становлении японского письменно-литературного языка (на материале «Кодзики» («Запись о деяниях древности 712 г.»))

Для того, чтобы попытаться понять, как происходило становление письменно-литературного языка в Японии, полезно обратиться к первому, полностью дошедшему до нашего времени памятнику «Кодзики» ("Запись о деяниях древности") VIII в. в результате взаимодействия японского устного и китайского письменного языка.

Для этой цели как установил автор, были использованы следующие приемы: 1) использование гетерографии для записи японского предписьма (видеографии), с одновременным запоминанием текста («ансёсюги») с тем, чтобы сохранить его как целое в противовес китайской письменности; 2) прием записи на морфемограмм

для аналогичных японских слов и морфем; 3) прием записи на фонологическом (силлабемном) уровне (например, «амэ» («небо»); 4) смешанный прием записи на морфемографическом и фонологическом (силлабемном) уровнях (например, «арабуру» («буйствующий), где первый иероглиф «ара» является морфемограммой, а второй «бу» и третий «ру» – силлабемограмами; 5) прием записи на синтаксическом уровне синтетическими синтамограммами (предикативная группа как целостная синтаксическая единица с китайским порядком компонентов: сказуемое непосредственно перед дополнением); 6) прием записи аналитическими синтамограммами на синтаксическом уровне (использование различных перестановочных знаков со второй половины VIII в. для обозначения японского порядка чтения логограмм в тексте, записанном китайскими графемами; 7) прием утверждения специфически японских функций китайских иероглифов на графическом уровне (выбор иероглифов – силлабемограмм в «Кодзики», аналогичных знакам, использованным в поэтической антологии «Манъёсю» («Изборник мириад листьев») VIII в. и в императорских рескриптах Древней Японии «семе» – общепризнанных как памятников, написанных на японском языке, отличающихся от аналогичных знаков письменности, использованный в японском памятнике «Нихон сёки» («Анналы Японии»), записанных чисто китайским стилем письма («дзюнсуй камбун»).

Сочетание в одном и том же тексте грамматических и грамматологических признаков двух языков (билингвизм и диглоссия текста) представляет большой интерес с точки зрения развития общего языкознания, традиционно считающего, что каждый текст, как правило, представляет собой манифестацию только одного языка.

Синкретический характер языка и письменности «Кодзики», как и содержание этого памятника, имеют огромное значение с точки зрения завершения формирования семиотического механизма японской мировоззренческой культуры, особенностей социальной психологии, в основе которой лежит синтоизм с элементами буддизма и конфуцианства с их этическими и эстетическими нормами.

Концептуальной основой «Кодзики» является синтоистский витализм, позитивная оптимистическая трактовка человеческой личности, причем под его влиянием буддизм в Японии получил своеобразный оптимистический оттенок – буддийский рай стал рассматриваться доступным человеку в случае его праведной жизни уже в бренном мире.

Ярко выраженный в «Кодзики» синтоистский пантеизм противоположен одностороннему детерминизму с его повышенным интересом к символическим объектам, характерным для монотеизма, направленному из центра на периферию, как это имеет место в западной и в некоторых восточных культурах, в частности в китайской.

«Кодзики», как и написанные «чисто китайским стилем письма» («дзюнсуй камбун») «Нихон сёки» («Анналы Японии»), 720 г., и подвели итог длительному по времени процессу возникновения японской науки как культурного феномена, – пишет К.О. Саркисов. – Они свидетельствуют о возникновении особой культуры, отличной от Европы и даже близкого Китая, с особым мировоззренческим и ценностным характером. Все, что происходило позднее, внешнее культурное влияние, ложилось на эту почву и на ней давало свои плоды и тем самым усиливало изначальную специфичность.

Это сохраняющаяся поныне специфика была обусловлена 1) географическим положением – водная преграда, отделяющая Японские острова от Азиатского материка при высокой оценке значения фундаментальных знаний и сведений о внешнем мире, получаемых первоначально из китайских письменных источников служила своего рода «мембраной», пропускающей дозировано полезные внешние влияния, но не позволяющие подавить культурную самобытность японцев; 2) устойчивой этнической гомогенностью, сохраняющейся с периода после завершения японского этногенеза к моменту написания «Кодзики»; 3) традицией заимствований, обогащающей японскую культуру без ущерба для ее самобытности; 4) групповой идентичностью и ментальностью типа «свои – чужие»; 5) иерархической структурой и вертикальным типом общества с одновременным сохранением неформальных горизонтальных связей; 6) стремлением к гармонии и консенсусу, конформизму и эмоциональности, противопоставленной сухой Рациональности; 7) соблюдение содержания («хоннэ»), что отчетливо проявляется, например, в сохранении формы текста «Кодзики» как китайского (план выражения) при его японском содержании.

CHERTYKOVA M.D.
(Abakan)

Verbs of emotion in Khakas

Чертыкова М.Д.
(Абакан)

Глаголы эмоции в хакасском языке

Под глаголами эмоции мы понимаем глаголы, обозначающие различные аспекты психической деятельности человека. Основное их отличие от глаголов других ЛСГ состоит в том, что они обозначает не действие, активно совершаемое субъектом, а реакцию субъекта на определенные семантические раздражители. В хакасском языке ЛСГ глаголов эмоции входит 109 глаголов, которые по определенным семантическим признакам подразделяются на подгруппы. Наиболее многочисленными являются подгруппы со значениями раздражения, печали, смеха, грусти, радости.

DALDENIZ Elif
(Istanbul)

Translation studies: researching in the field of «In-between»

Translation as an activity is happening between cultures, between languages, between discourses etc. Indeed translation is present in our daily life. As a matter of fact translation has been a major field of dispute since the early days of philosophy, not to mention the attention it received with the linguistic turn in the twentieth century. But it was not until the middle of the twentieth century, that translation became an independent field among other disciplines like linguistics or literary theory. The aim of this paper will be to stress the importance of this field *also* and *especially* in Oriental Studies as a field of research across cultures and to discuss the methodology to be adopted in Translation Studies by taking into account its main characteristics of being "in-between" disciplines as well. This paper will argue that having its roots in linguistics and as such in the tradition of empirical methodology, a holistic approach in Translation Studies, like in other fields of Cultural Studies, needs to strive to understand (not only to describe) individual phenomena.

DERBISHEVA Z.K.
(Bishkek)

Lingua-cultural aspect of runic inscriptions

Дербишева З.К.
(Бишкек)

Лингвокультурологический аспект рунических памятников

Культура (материальная и духовная) древнетюркской этнокультурной общности и современных тюркских народов отличаются между собой гораздо сильнее нежели их менталитеты, рассматриваемые в рамках отдельных исторических эпох. В принципе одна из основных целей, которую ставит перед собой исследование цивилизации древних тюрков: обозначить основу духовной жизни древнего тюркского народа, проследить ее восхождение из глубины веков и тысячелетий, когда в сердце евразийского материка происходило зарождение и становление суперкультуры древних тюрков.

Предлагаемый фрагмент работы основывается на исследовании письменных (рунических) памятников древнетюркского языка. В древнетюркском словаре, изданном в качестве приложения к книге "Байыркы тюрк жазуусу (VII – X кылымдар)" [Сыдыков С., Конкобаев К. 2001] подробно представлена лексика, присущая носителям языка орхоно-енисейского периода. Реконструируя древние значения, лингвисты не только воссоздают образы вещей и явлений, окружавших древнего человека, но и предоставляют возможность понять живой статус древнего языкового сообщества. Собственно лингвистическая проблема в области исследования ка-

тегорий мышления и мировоззрения заключается в определении способов номинации этих категорий и описании всего объема семантического комплекса, воплощенного в знаках древнего языка.

DOBRONRAVIN N.
(St. Petersburg)

One Language, One Script, One Nation:
Script Reforms and Language Standardization in Asia

By the early 20th century there were no writing systems in Asia that were not at risk of being replaced with Roman script. Many Christian missionaries, Western colonial administrators and Soviet communists advocated all-out Romanization. Religious or ethnic minorities often supported them. Later on, the reformers who belonged to the majority of local population joined the banner, seeing any traditional script as an obstacle to progress. With the growth of nationalism, new political leaders were instrumental in propagating or rejecting Roman script.

Successful script reforms were accompanied with fundamental language changes. The connection between script and language reforms in Asia is analyzed in the paper. It is argued that written language varieties used before standardization should be seen as a distinct language, dead or endangered nowadays, rather than an earlier stage of a modern standard.

Romanization and the introduction of new standard languages in Asia were based on a number of underlying myths ("one language, one script, one nation", "one letter for one sound as a sign of progress", etc.). New myths emerged in the course of reforms.

Different local approaches to script reforms are investigated. The emphasis is laid upon script reforms in the regions and countries of Asia where Arabic script was modified or marginalized under the pressure of Western linguistic thought and European approaches to writing. Recent changes in the attitudes towards Arabic script in Russia and other post-Soviet states are discussed.

ДУБАЕВ Максим
(Москва)

Политические организации русских эмигрантов на Востоке

Харбин начала 20-х годов производил впечатление обычного провинциального российского города, и у вновь прибывших создавалось впечатление, что в России ничего не происходит, нет никакой революции и гражданской войны. Но уже к концу 20-х — началу 30-х годов переполненый беженцами город превратился

в центр политических баталий. Здесь были и монархисты, разделившиеся на два лагеря: легитимисты, возглавляемые генералом В.А.Кислициным, считавшие наследником российского престола князя Кирилла Владимировича, и монархисты Русского Обще-воинского союза, во главе которых стоял Г.А.Вержбицкий, поддерживавшие великого князя Николая Николаевича. В ходе гражданской войны на русском Дальнем Востоке Харбин просто наводнили многочисленные военизированные эмигрантские организации. Среди них было и отделение террористической организации «Братство Русской правды» с центром в Берлине. Харбинское отделение возглавлял В.Д.Косьмин. Организованные в боевые группы молодые террористы пытались осуществлять диверсии на территории советского Приморья и Восточной Сибири. «Братство Русской правды» (БРП) организовалось 1921году в Берлине в герцогом Лейхтенбергским, генералом П.Н.Красновым и журналистом С.А.Соколовым-Кречетовым. Представительства БРП находились в Париже, в Прибалтике, в Югославии, в Америке и на Дальнем Востоке. Представителем Братства в Америке стал А.А.Восняцкий, впоследствии руководитель русской фашистской партии в США. Братство действовало с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения Митрополита Антония (Храповицкого). За десять лет организация разрослась и сумела развить более или менее успешную партизанскую войну, главным образом на территории Белоруссии и Дальнего Востока. БРП не имело достаточно ясной идеологии и поэтому отказалось от декларирования общей программы и главной своей целью ставило борьбу с советским строем путем проведения террористических акций. В статьях журнала «Русская Правда», который предназначался для распространения в новой России, открыто заявлялось, что члены Братства — монархисты. И основной тактикой они избрали так называемый низовой террор. Если верить сообщениям самого Братства, то с 1925 по 1930 годы члены БРП участвовали почти во всех беспорядках на территории СССР. Первым крупным ударом советских спецслужб по организации, обладавшей достаточным конспиративным опытом, был подготовленный ОГПУ раскол в БРП. Этой работой занимался советский агент Кольберг, который сумел войти в руководящий состав Братства. Кроме того, через Латвийскую социал-демократическую партию была полностью раскрыта конспиративная работа БРП в Латвии. В Харбине, не сумев внедрить своих агентов в местное отделение Братства, советская разведка организовала серию убийств. А в декабре 1932 года ГПУ осуществило ликвидацию одного из руководителей харбинского БРП полковника Аргунова. Эти события вызвали в рядах Братства панику, и Братство ушло в подполье, и только в 1939 году прекратило свое существование.

DYBO A.V.
(Moscow)

The lexicostatistical classification of Turkic languages and external dating

The Turkic family presents an interesting case for the application of different methods of language classification. First, it is relatively large (we can count at least around 29 modern languages and about four well-recorded lexicons for medieval languages). It is not very ancient, and the history of Turkic peoples is for the most part well-documented; thus, genetic classifications of Turkic languages could be interpreted in terms of real history. The etymological tradition of Turcology is mainly reliable. The main difficulty in dealing with classification lies in multiple contacts between highly similar Turkic languages with a strong degree of mutual understanding.

Because of this, many different types of classifications have been offered by turcologists; the two most popular ones are the Baskakov classification, based mainly upon historical sources interpreted with different grades of precision, and the so-called Samoylovich classification, at the present moment slightly different from its original form, based on phonetical and morphological features; however, the selection of these particular features for purposes of genetic classification is questionable.

This presentation deals with our attempt to undertake a classification of Turkic languages based on Swadesh 100-wordlists. Such efforts have actually been conducted before, but so far there has not been offered an exhaustive comparison where an absolute majority of the languages would be represented. The latest effort was maid by M. T. Dyachok from Novosibirsk, who used the improved glottochronological method of S. A. Starostin and compared the lists for Turkish, Tatar, Uzbek, Chuvash, Salar, Tuvinian, Yakut, Khakassian, Kazakh, Kirgiz, Turkmenian, Azeri. Unfortunately, the etymological part of this work seems to be far from perfect.

We present two sets of lists. The first set is created with the assumption that three or four quasi-synonyms for any given Swadesh item are possible in any language. This permits us to avoid the problem of semantical coincidence of the translations of Swadesh items in any language as well as the questionable moments of the word representation in different kinds of texts. The tree obtained by this method is practically identical to the geographical distribution of Turkic peoples in late Medieval times. In the second type of lists we only preserve the kind of "synonyms" where differences in meaning cannot be expressed by direct English equivalents. These are, for instance, cases like "thin" (of flat things) and "thin" (of voluminous things) or a number of "this" and "that"-meaning stems where a three- or four-level system of distance deixis is present. The resulting genealogical tree is more similar to the provisional genealogical tree based on phonetic and morphological features; the deviations are interpretable either by the refining of the historical sequence of phonetic and morphologic processes (including

the input of a special stratum of morphonological processes) or by the reminding of the double origin of some recent normative languages.

The dating of early divergences of Turkic languages corresponds exactly to the dating of Late Old Chinese loan-words in Proto-Turkic made on the base of Chinese historical phonetics. The evidences of early East Iranian and Tokharic loan-words in Proto- and Common Turkic are more problematic.

DYRKHEEVA G.A.
(Ulan-Ude)

The national Buryat language: reality and prospects

Дырхеева Г.А.
(Улан-Удэ)

Государственный бурятский язык: реальность и перспективы

Закон «О языках народов Республики Бурятия» был принят в 1992 году. Согласно данному закону государственными языками республики являются русский и бурятский, носители которых составляют большинство населения Бурятии. Закон обеспечивает также свободное развитие любому языку на территории Бурятии.

Однако юридическое равенство не означает функциональное равенство: как и в большинстве других республик России, принявших законы о языках и провозгласивших государственными наряду с русским языки титульных наций, языковая ситуация в РБ за годы, прошедшие после принятия закона, существенных изменений не претерпела. Доминирующим в социально-коммуникативной системе был и остается русский язык, который обслуживает весь спектр общественных сфер. В республиканских органах законодательной и исполнительной власти бурятский язык фактически не используется, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык используется достаточно интенсивно, немного, информационное обслуживание на бурятском языке очень незначительно (например, функционирование бурятского языка на ТВ составляет около 1% (менее 1 часа в сутки из 120 в среднем по 6 каналам), поэтому более типичным в республике является доминантное бурятско-русское двуязычие. Функциональная дистрибуция русского и бурятского языков в республике обусловлена социально-демографическими факторами, а также формами их существования. Уровень владения бурятами русским языком относительно высок, выше, чем родным бурятским, постоянно растет число бурят, признающих родным русский язык Число лиц, пользующихся только бурятским языком, небольшое.

Развитие бурятского языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями: усиливается действие интерференции с широким распространением русского языка как языка общения, продолжается процесс стихийной нормализации,

усилиями СМИ и национальной школы делаются попытки преодоления смешения бурятских и русских литературных языковых норм. Пока литературный бурятский язык незначительно, но функционирует в художественных произведениях, газетных публикациях, звучит по радио и в телепередачах, со сцены бурятского драматического театра, преподается в бурятских классах школ. Однако этот процесс не носит общенародного характера. Все больше бурятский язык уступает место русскому языку, причем даже в просторечье, в быту. В среднем по результатам обследования за 10 лет состояние языков по разным показателям (признание языка родным, формы и степень владения языками, сферы употребления и т.д.) ухудшилось в среднем на 3%.

Между тем нельзя не признать положительной роли действующего законодательства в социокультурном аспекте, для сфер народного образования, духовной культуры, в меньшей степени – массовой коммуникации.

В сентябре 2003 года в связи с приведением в соответствие республиканского закона с федеральными законами о языке и образовании в судебном порядке были вычеркнуты из республиканского закона РБ несколько статей, которые, фактически сократили полномочия республики в решении языковых вопросов. Таким образом возникают дополнительные трудности в реализации закона, в восстановлении полноценного функционирования бурятского языка.

В качестве мер, необходимых для улучшения состояния государственного бурятского языка и активизации механизмов по реализации закона необходимо усиление работы подзаконных актов по реализации законов, в частности, Государственной (Региональной) программы по сохранению и развитию языков. Предлагается модель управления этноязыковым развитием применительно к Бурятии, которая предполагает комплексное (правовое, административное, экономическое, техническое) решение проблемы сохранения и развития языков.

В ее основе лежит поэтапная разработка и реализация ряда программ и проектов, то есть она рассчитывается на десятилетия вперед, поскольку, как показывает опыт, решений, а тем более результатов, в данной области быстро ждать не приходится.

DZHEON A.A.
(St. Petersburg)

The pronoun *tan'sin* in Korean

Джеон А.А.
(Санкт-Петербург)

Местоимение *танъсин* в корейском языке

В корейском языке существует несколько местоимений второго лица, выбор которых определяется социальными отношениями участников речевого акта. Исконно корейскими местоимения-

ми второго лица являются слова *нŏ* и *чане*. Имеется также ряд ханмунных, т.е. восходящих к китайскому письменному языку слов, которые, не являясь по своей внутренней форме местоимениями, тем не менее функционально ведут себя как местоимения.

Типичным примером последних является слово *танъсин*. По смыслу составляющих его китайских корнеслогов, оно буквально означает "этот/данный человек".

По мнению корейского лингвиста Ким Ми Хёна, указанное слово стало активно употребляться в корейском языке лишь в начале XIX века. В современном языке, как свидетельствуют корейские грамматисты, слово *танъсин*, как правило, употребляется в качестве своеобразного местоимения второго лица.

Анализ контекстов, в которых появляется местоименное слово *танъсин*, позволяет выделить следующие типичные случаи его употребления:

1. Местоимение *танъсин* употребляется при обращении друг к другу немолодых супругов. Например: *Танъсин оныл нычжŏйо?* "Ты сегодня поздно придешь?" – спрашивает жена мужа.

2. *Танъсин* в значении местоимения второго лица часто употребляется и среди молодых людей, как правило, в разговоре девушки и юноши. Например: *Танъсин-ын на-рыл ŏттŏкхе сэнъгакхэйо?* "Что ты думаешь обо мне?" – спрашивает молодой человек у своей подруги. В общении молодых людей одного пола местоимение *танъсин*, насколько нам известно, не используется.

3. Местоимение *танъсин* в высказываниях с конечным сказуемым в форме первой ступени социальной ориентации (т.е. в так называемой "официально-вежливой речи") употребляется как подчеркнуто-официальное "вы" при обращении младшего сотрудника к начальнику. Например: *Танъсин онче чха паккусйóссымникка?* "Когда Вы поменяли машину?"

Впрочем, местоимение *танъсин* может употребляться и в речи на "ты" при разговоре социально равных сотрудников, между которыми существуют приятельские отношения. Например: *Танъсин ŏнчже чха паквоссо?* "Когда ты поменял машину?"

4. Далее слово *танъсин* может употребляться в качестве пейоративного местоимения второго лица. В "Толковом словаре корейского языка Ёнсе" пейоративная коннотация местоимения *танъсин* раскрывается как презрительное отношение говорящего к адресату речи. В качестве иллюстрации к пейоративному употреблению местоимения *танъсин* в упомянутом словаре приводится следующее высказывание: *Ани, тэхан мингуг-есŏ танъсин хончжа сара?* "Ты что, один, что ли в Республике Корея?". Насмешливо-пренебрежительный смысл местоимения *танъсин* обнаруживает себя также в следующем примере: *Миан хао, кхоллок, кхоллок, вŏнчжи усым-и... кхоллок, кхоллок...танъсин-и канъыйхан чхŏлхаккэрон, кхоллок, чал, кхоллок, тырŏссо...* "Прошу прощения, кхе-кхе, не могу остановить смех, кхе-кхе, благодарю, кхе-кхе, за вашу лекцию по фило-

софии..." – насмехается молодой человек над малознакомым, также молодым, собеседником.

5. Местоимение *танъсин* часто употребляется при разговоре на повышенных тонах или ссорах, причем как в речи на "вы", так и в речи на "ты": (1) *Ани, танъсин мар-имйӧн дая?* "Ты что, считаешь, что ты прав?" – раздраженно говорит один служащий другому (речь на "ты"), (2) *Чо-нын танъсин-гва конъбу хаго сипчи ансымнида.* "Я не хочу у Вас заниматься" – говорит студент профессору (речь на "вы").

6. Общий дополнительный смысловой компонент, обнаруживаемый у местоимения *танъсин* в последних трех случаях, заключается, как нам представляется, в указании на значительную социальную дистанцию между говорящим и слушающим. Имея это в виду, местоимение *танъсин* можно определить как формальное "ты/вы" в противоположность неформальным местоимениям второго лица *нӧ* и *чане*.

7. Согласно наиболее ходовому в Южной Корее толковому словарю "Минчжунъ ессенсы кугӧ сачжӧн", слово *танъсин* представляет собой местоимение второго лица, которое употребляется в следующих трех обстоятельствах: 1) в речи в формах третьей ступени социальной ориентации (т.е. в так называемой "авторитарной речи"); 2) для обозначения третьего лица; 3) в речи между супругами.

Наши наблюдения над ўпотреблением местоимения *танъсин* свидетельствуют о том, что это слово употребляется не вполне так, как утверждает названный словарь. Как явствует из обследованного языкового материала, местоимение *танъсин* не связано жестко с какой-либо одной ступенью социальной ориентации. С другой стороны, лицом, на которое указывает местоимение *танъсин*, могут быть не только супруги. Что касается упоминаемого корейским словарем использования местоимения *танъсин* для указания на третье лицо, то в обследованном нами материале это явление не встречается.

DZHIKIA M.S.
(Tbilisi)

The non-suffixal intensive in the Turkic languages (partially reduplicative word forms)

Джикия М.С.
(Тбилиси)

Несуффиксальный интенсив в тюркских языках (частично редуплицированные словоформы)

Интенсив, образуемый частичной редупликацией, встречается уже в языке орхоно-енисейских надписей. Берется первый открытый слог слова (чаще прилагательного и наречия, реже – существительного), и вслед за ним манифестируется морфема – интенсификатор, за которым следует дублируемое слово. Например: азербайджанский yaşil 'зеленый' – уа-**m**-yaşil 'очень зеленый'; алтайский кызыл 'красный' – кы-**п**-кызыл 'красный-красный'; гагаузский бийаз 'белый' – би-**м**-бийаз 'белый-пребелый'; казахский жаксы 'хороший' – жа-**п**-жаксы 'превосходный '; караимский толу 'полный' – то-**п**-толу 'переполненный'; каракалпакский кызыл 'красный' – кы-**п**-кызыл 'красный-красный'; карачаево-балкарский сары 'желтый' – са-**п**-сары 'абсолютно желтый'; киргизский оор 'тяжелый' – о-**п**-оор 'тяжелый-претяжелый'; крымско-татарский айдын 'светлый' — а-**п**-айдын 'совершенно светлый'; кумыкский янгыз 'одинокий' — я-**п**-янгыз 'один-одинешенек'; ногайский кызыл 'красный' — кы-п-кызыл 'красный-прекрасный'; татарский zur 'большой' – zu-**р**-zur 'очень большой'; тувинский кызыл 'красный' — кы-п-кызыл 'красный-прекрасный'; турецкий temiz 'чисхый' — te-**r**-temiz 'чистый-пречистый'; туркменский гони 'прямой' — го-**с**-гони 'совершенно прямой'; уйгурский каттик 'твердый' — ка-**п**-каттик 'очень твердый'; хакасский арыг 'чистый' — а-п-арыг 'пречистый'; шорский кара 'черный' — ка-**п**-кара 'совершенно черный'; якутский үрүн 'светлый' — ү-**п**-үрүн 'пресветлый' и др. Вышеперечисленные формы чаще всего интерпретируются как превосходная степень имени прилагательного, передающего качество предмета, или наречия, характеризующего действие. Эти словоформы представляют не превосходную степень, а предельный признак, ввиду того, что здесь нет сравниваемого объекта, т.е. их можно классифицировать как средство интенсификации значения. Вид усеченного повтора применяется и к именам существительным, и даже к местоимениям, которые в тюркских языках не имеют степеней сравнения. Редуплицируются как исконно тюркские, так и заимствованные как корневые, так и производные основы.

По сравнению с другими тюркскими языками в 160 примерах турецкого языка усилительная морфема {-R-} выявилась в наибольшем количестве – тринадцатью морфологически обусловленными алломорфами. В литературе обычно выделяются четыре алломорфа: -p-, -m-, -s-, -r-. Алломорфы -pA-, -rma-, -RIl-, -re- хотя и упоминаются, но не рассматриваются в качестве алломорф данного ряда. Остальные же – -ram-, -se-, – ş -, -t-, -pis- -нами фиксируются и впервые вводятся в научный обиход.

Относительно выбора алломорф: при гласном анлауте употребляется алломорф -p-. В случае консонантного анлаута нами было подмечено следующее:

а) алломорф-интенсификатор не может совпадать с третьей согласной фонемой частично

редуплицируемой основы;

б) в этом словообразовании недопустимо совпадение начального согласного и аффикса-интенсификатора;

в) если начальный согласный b-, то исключаются алломорфы -p- и -r-; если начальный согласный g-, то исключается алломорф -s-; если начальный согласный p- или t-, то исключается алломорф -m-; если начальный согласный y-, то исключается алломорф -r-.

Формулирование правил выбора алломорф осложняется из-за свободно варьирующих алломорф; к примеру, у слова çevre 'круг' их четыре: çe-**p**-çevre, çe-**pe**-çevre, çe-**re**-çevre, çe-**ş**-çevre 'со всех сторон'.

Правосторонняя агглютинация, т.е. суффиксация, одна из основных черт тюркских языков. Но существуют способы и аналитического словообразования: парные слова, составные глаголы, редуплицированные словоформы и др. В последних оказалось возможным констатация наличия морфем типа префиксов, присоединяющихся с левой стороны к корню или основе. Морфемы-интенсификаторы отмежевываются и подпадают под определение интерфикса, который служит для связи корней, а также части корня с корнем.

Тюркские языки являются языками с фиксированным ударением в конце слова. При частичной редупликации слово удлиняется на один или два слога. Вместо ожидаемого ударения на последнем слоге появляется не обычное, а гораздо сильное ударение на первом усилительном слоге-отзвуке: yuvarlak 'круглый' — yú-**s**-yuvarlak 'абсолютно круглый', karişik 'запутанный' – ká-**rma**-karişik 'весьма запутанный'. Выходит, что изменилась акцентуация тюркского слова, чем нарушилась парадигма словесного ударения.

В небольшом фрагменте тюркской грамматики переплелись вопросы типа аффиксации и ударения, детализация которых создает почву для более адекватной интерпретации основных типологических признаков тюркских языков.

DZITTSOITY Yu.A.
(Tskhinval)

The ethnonym «Scythian» in the Ossetic language

Дзиццойты Ю.А.
(Цхинвал)

Этноним «СКИФ» в осетинском языке

1. Древнеиранский прототип этнонима "скиф", реконструированный на основе древнегреческих, ассирийских и древнеперсидских данных имеет форму *škuda*. Историческая фонетика осетинского языка позволяет реконструировать рефлекс данного этнонима в современном осетинском языке в виде **sk'wyd* > **k'wyd*. Эту форму легко угадать в составе осетинского топонима K'wydar – Южная Осетия.

2. Суффикс *=ar* хорошо представлен в топонимии Осетии. Он восходит к древнеиранскому суффиксу прилагательных *=ra*, имевшему также вариант *=(ā)*ra*. Последний вариант и закрепился в интересующем нас топониме. Вариант *=ra* представлен в топониме *Skudra* – названии Западной Скифии в древнеперсидских надписях.

3. Предлагаемая этимология топонима *K'wydar* подтверждает предположение некоторых исследователей (в первую очередь – И. Гершевича) о скифском происхождении "южного" (кударского) диалекта осетинского языка.

EDELMAN D.I.
(Moscow)

«The Etymological Dictionary of the Iranian Languages» and some problems of comparative historical lexicology of Iranian languages

"The Etymological Dictionary of the Iranian Languages" (vols 1, 2, by V.S. Rastorgueva and D.I. Edelman, printed 2000 and 2003 resp., other vols are under preparation) is the first systematized fund of etymologies of original (non-borrowed) words of all the known Iranian languages, including both extinct, old languages, and modern ones, in Iranian linguistics. Since the Iranian language family is a part of the Aryan branch of the large Indo-European family, the Dictionary also incorporates the Iranian etymological fund into the Indo-European etymological system as a sub-system, being a source of systematized etymological information on Iranian lexical stock for Indo-European language studies.

Therefore, every lexical article of the Dictionary includes information on the most archaic reconstructed Proto-Iranian prototype of the word, base, or root in question, as well as on its pre-history and its reflexes in various Iranian languages.

In the process of compiling such a multi-goal Dictionary a lot of methodological problems had to be dealt with, some of them concerning the principles of reconstruction of Proto-Iranian words, bases and roots as elements of the proto-language's lexical system:

1. The problem of data sorces for reconstructing the Proto-Iranian word stock: attention to the evidence not only of Old Iranian languages, but also of later ones, including modern "minor" languages and dialects which sometimes preserve significant archaisms, lost in the Old Iranian languages, or not attested in ancient texts.

2. The problem of transcribing lexical elements of the proto-language, taking into account the earliest Proto-Iranian phonetic, phonemic and morphological systems.

3. The problem of semantic reconstruction: the principle of revealing the archaic meaning of reconstructed proto-language words

which must be: 1) synchronous with their phonetic, phonemic, and morpholigical forms; 2) corresponding to our knowledge of the historical-cultural background of that particular chronological stage.

4. The problem of ascertainment of the semantic and structural correlations between reconstructed words as elements of the Proto-Iranian lexical system; revealing synonyms and homonyms of that epoch, taking into account the relative chronology of the processes of merging and/or diverging word-forms and their meanings.

EFIMOVA Z.V.
(Moscow)

Referential structure in Japanese

Ефимова З.В.
(Москва)

Референциальная структура в японском языке[1]

В последнее время ведется много разработок по исследованию механизмов референции, однако до сих пор практически не проводилось сравнений референциальных структур текстов разных модусов.

Настоящее исследование отчасти заполнит это пробел: его целью стало сравнение использования разных классов референциальных выражений для обозначения повторяющегося референта в устных и письменных нарративах на японском языке. Письменную часть корпуса составили современные переложения популярных сказок. Устная часть корпуса представлена пересказами текстов из письменной части корпуса. В письменных нарративах встречается около 400 повторных упоминаний референтов, а в устных – около 200.

В традиционной теории референции выделяются три класса референциальных выражений – полнозначные именные группы (далее ИГ), местоимения и референциальные нули. В ряде работ по японскому дискурсу было показано, что местоимения в японском языке по синтаксическим и семантическим свойствам сближаются с ИГ (см., например, [2]). Поэтому местоимения в нашем исследовании не рассматривались. Опираясь на опыт [1], мы считали существенным для референциального статуса ИГ наличие в ней показателя темы, поэтому ИГ были разбиты на два отдельных референциальных класса – ИГ с показателем темы *ва* и ИГ без показателя темы *ва*. Таким образом, у нас получилось три референциальных класса:

- полные именные группы без показателя темы *ва*,
- полные именные группы с показателем темы *ва*,
- референциальные нули.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Минобразования России "Правила выбора референциальных средств в связном тексте" № А03-1.5-188 и гранта РГНФ "Средства организации дискурса в типологическом освещении: корпусные исследования структуры нарратива" №04-04-00220а.

В ходе исследования нами была посчитана частотность употребления выделенных референциальных классов в устном и в письменном нарративах. Противопоставление редуцированных референциальных классов (в данном случае – референциальных нулей) нередуцированным (ИГ) релевантно только для упоминаемых более одного раза референтов (при первом упоминании референта, как правило, обозначается полной ИГ), поэтому при подсчетах учитывались только номинации повторяющихся референтов. Процентное соотношение употребления референциальных классов для обозначения повторяющихся референтов в устной и письменной речи представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Модус нарратива	ИГ без *ва*	ИГ с *ва*	референциальные нули
устный	39%	22%	39%
письменный	36%	9%	55%

По полученным результатам можно сказать, что употребление ИГ без *ва* в устных и письменных текстах встречается одинаково часто – 39% и 36% соответственно. С другой стороны, распределение ИГ с *ва* и референциальных нулей отличается в нарративах устного и письменного модусов. В устных нарративах ИГ с *ва* употребляется в 2,4 раза чаще, чем в письменных. Референциальные нули в 1,5 раза чаще встречаются в письменной речи.

Считается, что эллипсис более распространен в устном модусе, и объясняется это конситуацией, то есть тем, что говорящий и слушающий находятся в одно время в одном месте. Материал устных текстов, взятый в данном исследовании, фактически исключает конситуацию как фактор, облегчающий интерпретировать референциальные выражения – ведь в пересказах сказок нет упоминаний говорящего и слушающего, а также привязки к текущей ситуации. Полученные результаты говорят о том, что при отсутствии фактора конситуации эллипсис в устном модусе более затруднен – говорящие во избежание непонимания предпочитают использовать нередуцированные именные группы.

1. Hinds, J. Topic continuity in Japanese. // Topic continuity in discourse: a quantitative cross-linguistic study (Typological studies in language, vol. 3). – Amsterdam: Benjamins, 1983.

2. Noguchi, T. The role of syntactic categories in anaphora. Amherst: GLSA. 1995.

ENGELENHOVEN Aone van
(Leiden)

Linguistic Research in East Timor: the Case of Makuva

This paper provides results of research on Makuva undertaken in August 2003 in East Timor that shed new light on the linguistic character of Makuva. It is argued that Makuva displays so-called language concealment, an ethnolinguistic phenomenon that thus far was described only for Southwest Maluku. It is hypothesized that there

many more concealed languages in East Timor and that this phenomenon requires a new approach in documentation linguistics.

ERMOLAEVA L.S.
(St. Petersburg)

Towards the typology of Kartvelian languages

Ермолаева Л.С.
(Санкт-Петербург)

К типологии картвельских языков

1. Древнегрузинский, как и современные картвельские языки, обнаруживает признаки ранненоминативного строя с выдвижением и топика и подлежащего. Выдвижение топика первоначально прототипически предопределено категориально-лексическими свойствами глагола и его морфологической формой. Процесс расширения сферы употребления показателя топика (др.-груз. *-man* и под.) свидетельствует о становлении единого падежа подлежащего (процесс исторической топикализации подлежащего, т.е. развитие от типа языков с выдвижением топика к типу с выдвижением подлежащего). Процесс исторической топикализации подлежащего является ведущей тенденцией развития номинативных языков и определяет их семантическую детерминанту. Первоначальное ограничение употребления *-man* существительными, обозначающими человека, засвидетельствованное в древнегрузинском памятнике V в. "Мученичество Шушаник", и некоторые другие явления свидетельствуют в пользу гипотезы о становлении номинативного строя на базе активного.

2. "Новая типология языков", предложенная в семидесятые годы XX столетия Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон, как и опубликованная в том же сборнике статья У. Лемана о развитии индоевропейских языков от типа языков с выдвижением топика к типу языков с выдвижением подлежащего (см. Subject and Topic. Ed. by Ch. N. Li. N. Y.; San Francisco; L., 1975), дают дополнительные аргументы в пользу предположения об активном прошлом индоевропейских и картвельских языков.

3. Реконструкция протоиндоевропейского и протокартвельского как языков активного строя (Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, Г.А. Климов и др.), а также другие проявления типологического изоморфизма данных реконструированных систем, ставят на повестку дня использование материала истории картвельских языков для типологической верификации процессов, предположительно имевших место в дописьменной истории индоевропейских языков.

4. Широко распространенная теория эргативности строя картвельских языков не только не учитывает коммуникативно-динамический аспект синтаксиса, но и обязана своим происхождением взгляду на картвельский материал сквозь призму других кавказских (эргативных) языков. При более широком востоковедческом подходе (выходящем за рамки кавказоведения) можно было бы отметить типологическое сходство древнегрузинского с японским, обнаруживающим признаки типа с выдвижением и топика и подлежащего на иной ступени прототипизации двучленной фразы (возможность двоякого оформления подлежащего в зависимости от коммуникативного членения фразы в конкретной ситуации общения).

5. Кроме того, выделение в грузиноведении "трех серий" глагольных форм на основе их сочетаемости с той или иной формой подлежащего нуждается в дополнительной интерпретации в терминах морфологической семантики (системная значимость словоформ) с учетом противопоставлений "результатив / не-результатив", "центробежность / центростремительность" и некоторых других, второстепенных по отношению к перечисленным.

6. Связь категорий "активность / инактивность", "одушевленность / неодушевленность", "определенность / неопределенность" субъекта создает условия для перерастания средств выражения субъектно-объектных отношений в средства выражения тема-рематических отношений.

7. Подлежащее является синтаксической категорией, выражаемой синтаксическими же средствами при необязательности морфологических показателей и в качестве такового может быть признано универсальной категорией при исторической изменчивости ее содержания.

8. Анафорическое происхождение показателя "повествовательного падежа" в грузинском языке (*man* > *ma*) ни у кого не вызывает сомнений. Ср. др.-груз. *xolo man dedak'acman man*? (Гр. Хандз.) "Что же касается той женщины, кто она?" Поэтому и название данной формы "повествовательной", введенное Антонием I, более адекватно отражает ее содержание, чем "эргативный падеж".

ESENOVA TAMARA
(Elista)

Means of text linking in the Kalmyck language

Есенова Тамара
(Элиста)

Средства текстовой связи в калмыцком языке

В докладе рассматриваются средства межфразовой связи калмыцкого языка.

В качестве материала нами использованы тексты сказок. Выбор материала обусловлен тем, что, на наш взгляд, в фольклорных прозаических текстах представлены все свойственные калмыцкому языку единицы и средства их связи.

Целью доклада было выделение на материале классических прозаических текстов, к которым мы относим фольклорные, основ-

ных средств межфразовой связи и способов соединения предложений СФЕ. По нашему мнению, предметом будущих исследований должно стать выделение и анализ основных типов ССЦ и их рематических доминант.

GADILIA Ketevan
(Moscow)

Concerning the Category of Definiteness in the Iranian Languages (synchronic and diachronic typology)

The exponents of the category definiteness vs. indefiniteness in the Modern Iranian languages are complicated and diverse. What is the reason of the diversity? The typological attitude makes possible to compare the language and dialect status data simultaneously (synchronic typology) as well as establish the regularity of evolution process of the definiteness in the language group (diachronic typology). The privilege of the typological analysis is an ability to consider chronologically distant language and determine the dominant and marginal tendencies of the category of definiteness and ascertain the basic rules of their functioning.

The grammatical (morphological) as well as the semantic (syntactic) field of definiteness consist of various language units like the articles proper, deictic elements (especially demonstratives), numeral "one", definite and indefinite pronouns, case markers and etc.

The category of definiteness and indefiniteness as well as the category of the article respectively is the innovation that was developed in the Middle Iranian period, though E. Benvenist asserted, that Old Persian relative pronoun ****hiya*** possessed all features of the article [1]. Different Iranian languages worked out various patterns and models designating the definiteness vs. indefiniteness. Recently in Modern Iranian languages we can find articles and/or grammaticalized formal elements (a), particle – ***rā*** (b), case markers (c), auxiliary words (d). In general, the postpositional articles are not to be found in world languages frequently. Typologically similar phenomenon is typical for languages of Balkan language area.

Middle Iranian particle ****radiy*** 'for the sake of' lost the lexical meaning and became a grammeme:

(1) In languages with the secondary case paradigm system ****radiy*** transformed in case markers;

(2) In languages where the old category of case was eliminated ****radiy*** transformed in particle (postposition) and became a part of definiteness.

Almost all Iranian languages are united by the tendency of grammaticalization that is realized in the different ways using various language means. The degree of the grammaticalization is also different – it might be hidden or strongly impaired.

The goal of designating the actants by case markers is to distinguish the subject and the direct object of transitive verb and avoid the possible polysemi. Thus, case markers (c) and particle – ***rā*** (b) in Modern Iranian languages reflect the topic-focus/subject-object relations.

Diachronic predefinition and historical continuity is valuable for understanding the Modern Iranian category of definiteness. However, development of the definiteness split up some private processes that depend on the concrete history of each Iranian languages [2], therefore we are not able to talk about global diachronic constant equally relevant for all Iranian languages.

The tendency of grammaticalization and formation of the category of definiteness is the innovation.

Marking actants is the result of changed sentence structure from Old Iranian SVO into Modern SOV.

GANIEV F.A.
(Kazan)

Some problems of the grammatical structure of Turkic languages

Ганиев Ф.А.
(Казань)

Некоторые проблемы грамматического строя тюркских языков

В грамматическом строе многих языков мира наблюдаются разнообразные языковые средства, выражающие грамматические значения и образующие новые слова, которые с ходу не поддаются точному анализу и учету. С этой точки зрения весьма интересными являются тюркские языки. В их грамматическом строе наблюдаются не только синтетические средства (агглютинация), но и многие другие средства выражения грамматических значений и образования слов.

Возьмем глаголы тюркских языков. В них, по самым скромным подсчетам, встречаются около десятка активных временных форм: половина из них образуется аналитически, т.е. выражается дополнительными словами.

Модальные формы тюркских глаголов состоят, в основном, из двух или более слов, их типы насчитывают, по самым приблизительным подсчетам, не менее 100 форм.

В тюркских языках весьма распространены сложные причастные и деепричастные формы.

В именах существительных тюркских языков значительное место занимает выражение падежных отношений формой существительное с нулевым суффиксом + послелог или послесложное слово (*карандаш белэн язам* 'пишу карандашом'). В них такая форма выражения падежных отношений очень распространенное явление, что также показывает значительную роль аналитизма в категории падежа. Такие формы выражения падежных отношений

во французском языке лингвисты называют аналитическими падежами.

В лексической системе глаголов в тюркских языках по количеству сложные и составные глаголы несколько раз превышают простые глаголы (корневые и суффиксальные). Это говорит в пользу того, что в глагольной системе тюркских языков явно преобладает аналитизм.

Междометия и подражательные слова изобилуют двойными и тройными формами.

Отсюда вытекает ясный вывод о том, что называть тюркские языки только агглютинативными, что имеет место во всех грамматиках и трудах тюркских языков, устарело, мягко говоря, не соответствует действительности, неадекватно отражает их природу.

Как видно, анализ показывает, что, безусловно, тюркские языки являются агглютативно-аналитическими языками. Учет данного явления в исследованиях тюркских языков даст возможность глубоко проникнуть в природу их грамматического строя. Включение же в лексическую систему тюркских языков действительных сложных и составных слов и их отражение в словарях обогатит словари в несколько раз в сравнении с уже изданными словарями.

Несмотря на то, что в некоторых исследованиях об этом говорится, но оно очень трудно реализуется в грамматике и словарях тюркских языков.

GORELOVA L.M.
(Moscow)

The means of pragmatic structuring in the Manchu language

As it is widely accepted among linguists, the sentence structure can be fully described only as a multilevel hierarchy in terms of different levels of grammar.

Apart from its formal-syntactic structure, every sentence has an information structure which is studied in discourse pragmatics. The information structure of a sentence deals with different grammatical structures of a sentence that appear under different communicative circumstances. Any information structure reveals itself within a discourse. However, it is an entity of sentence grammar, not discourse.

It is now commonly accepted to describe the information structure of a sentence in terms "topic vs. focus". The definition (and the notion) of topic and focus have undergone certain changes, from the intuitive characterization of topic as "what the speaker is talking about" and focus as "the main predication that is asserted, questioned, etc., relative to the topic" to rather refined ones. The topic tends to occupy the sentence-initial position.

In any specific language, every sentence has its own information structure which manifests itself through different formal devices. Classical Manchu seems to be a language in which topic-focus structures play an important role, and these are closely related to the existence of theoretically interesting and materially diverse devices.

Firstly, in Manchu, the following special words are normally used to mark the topic of a sentence: *oci*, *seci*, *seme*, *sere*, *serengge*, *sehengge*. Being originally conditional and imperfect converbs, the word forms *oci*, *seci* and *seme* derived from the verbs *o-* "to be", "to become", and *se-* "to say". Diachronically, it is obvious that these topic markers developed from conditional clauses which share with topic the property of being given (presupposed) in relation to the rest of the sentence: (1) *etuhun urse oci ehe be yabu-me fafun be neci-mbi* "As for powerful people, [they], making evil, violate law"; (2) *tere seci sin-i deo* "As for him, [he] is your younger brother". When an utterance contains a topic marker, developed from the verb *o-*, the focus is usually expressed by a verbal phrase. When a topic marker developed from the verb *se-*, the focus is normally expressed by nominal phrases (NPs), accompanied by a copula or without it. The words *serengge* and *sehengge* which by origin are the imperfect and perfect participles followed by the suffix of nominalizer *-ngge*, also being used to mark the topic: (3) *menggun jiha serengge ergen be uji-re sekiyen* "As for silver and coins, they are the source of nourishing a life".

Secondly, the following syntactic-topic constructions are used to mark the topic in Manchu. Within the so-called "double subject" constructions the topic and the subject both occur, and they can be easily distinguished from each other. Both of them may be rendered by the same word forms, mostly by nominal words in the nominative: (5) *tasha* (TOP) *juwan juwe* (SUB) *ilaci-de bi* "A three year old tiger looks like a twelve year old one". The second type is usually referred to as left dislocational syntactic-topic constructions. The sentence contains a pronominal form which is co-referential with the NP used to express the topic. In Manchu, the demonstrative pronouns *ere* "this" or *tere* "that", as well the word *beye* in the meaning of the reflexive pronoun "self", are normally used in the role of such a pronominal element. In this case, these pronouns realize the anaphoric function: (6) *hiyooshun deocin serengge* (TOP) *tere* (SUB) *gosin be yabu-re fulehe dere* "Respect for parents and younger brothers, this is the foundation of displaying mercy"; (8) *niyalma de takura-bu-re niyalma* (TOP) *beye* (SUB) *suila-mbi* "A man, who is sent by other people, is exhausted physically". The third type includes the so-called subject-creating constructions. These are formed by participles, followed by the nominalizer *-ngge* which plays here a crucial role. It is used to put participial phrases into the sentence-initial position which is the position of subject. This is the position of a sentence constituent with the highest communicative rank in the Manchu sentence. Hence the suffix *-ngge* can be referred to as rank-ordering of topic-marking devices: (9) *wesi-re forgosho-ro-ngge umesi hudun* "As far as promotions are concerned, they are very quick". The focus of such constructions is normally expressed by NPs, together or without a copula. Passive constructions also belong to this type. As a result of passive transformations, the direct object is normally promoted to the subject position and, as a result, its communicative rank (topicality) increases.

GULIEV T.I.
(Krasnodar)

Some specific features of the meta-language of translation (the case of translations of the constitution of the Republic of Turkey)

Гулиев Т.И.
(Краснодар)

Некоторые особенности метаязыка перевода (на примере переводов конституции Турецкой Республики)

В современной лингвострановедческой науке нет причин оспаривать тот факт, что законодательство любой страны отражает основные вехи ее истории, идейные ценности и традиции. Конституционные и законодательные акты – убедительное тому подтверждение. В них в том или ином виде нашел свое воплощение весь исторический опыт развития государственных институтов, политики и юридической культуры.

Знакомство с правовой системой Турции, в частности с Турецкой конституцией (ТК), сопоставление имеющихся вариантов ее перевода способствуют изучению особенностей языка юридических документов, а также позволяют выявить метаязыковую специфику перевода ТК.

При переводе следует учитывать понимание и передачу имилицитного смысла юридического текста, экономный выбор языковых средств, в частности, ключевых слов, поиск эквивалентных слов и выражений (клише) из правового тезауруса переводимого языка.

Представление об адекватном переводе, опытности переводчика часто связано с его умением применять комплексные трансформации, которые он производит по собственной инициативе. Особую трудность представляет перевод безэквивалентной лексики. Так, в тексте ТК встречается ряд турецких реалий, например:

Турецкое государство основано на принципах республиканизма, национализма, народности, этатизма, лаицизма и революционности. Официальный язык – турецкий. Столица – город Анкара (ст.2) (пер. К.М.Любимова).

В проанализированных вариантах текста ТК самым распространенным приемом можно считать синонимический перевод. Например:

Egemenlik kayitsiz şartsiz Milletindir (m.3).

Верховная власть безоговорочно принадлежит народу (ст.3).

Ср.: Верховная власть без каких-либо ограничений и условий принадлежит народу (ст.3).

Cumhurbaşkanliği boş kaldiğinda Meclis toplaniksa Cumhurbaşkanini hemen seçer (m.34).

Если должность Президента республики освобождается во время работы Меджлиса, то немедленно избирается новый Президент республики (ст.34).

Ср.: Если должность Президента республики освобождается

во время работы Собрания, то немедленно избирается Президент республики (ст.34).

В данном примере употреблены синонимы Меджлис и собрание, поскольку в контексте анализируемого документа (ТК) они обозначают одно и то же понятие – парламент.

Таким образом, в процессе синонимического перевода каждый переводчик попытался выбрать наиболее подходящее (адекватное), по его мнению, значение в русском языке. Как следует из примеров, в языке Турецкой конституции имеется достаточно большое количество синонимов, которые переводчики использовали для разных вариантов перевода.

Однако не всегда в процессе синонимического перевода удается выбрать наиболее подходящее значение в русском языке. Например, «Suçluluğu mahkeme karari ile saptanmayincaya kadar kimse suçlu sayilamaz» (с.15 КТР) переведено «никто не может считаться преступником до тех пор, пока виновность его не будет установлена решением суда» (перевод ТК, ст.15), следовало бы перевести «никто не может считаться виновным до тех пор, пока виновность его не будет установлена решением суда». Дело в том, что слово «Suçlu» с турецкого языка переводится и «виновный», и «преступник». А переводчику следовало бы в данном случае перевести «виновный», т.к. в юридическом смысле (аспекте) слова «виновный» и «преступник» не синонимы и имеют большую разницу.

Говоря языком юриспруденции, преступлением признается виновное совершение общественно опасного деяния, запрещенное действующим законодательством под угрозой наказания, т.е. понятие «преступление» имеет 4 признака, один из которых это «виновность», а понятие «виновность» означает деяние, совершенное умышленно или по неосторожности, и является одним из 4-х признаков преступления (ст.14, 24, 25 УК РФ).

Итак, проблемы выработки четких критериев перевода нормативных документов, в том числе анализ функциональных особенностей метаязыка перевода ТК остаются актуальными и перспективными в современной лингвистике.

GUREVICH T.M.
(Moscow)

The concept of MAN in the Japanese linguistic world image

Гуревич Т.М.
(Москва)

Концепт ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира

Доклад посвящен когнитивному анализу концепта *ЧЕЛОВЕК* в современном японском языке. Языковой концепт детерминирован культурой. Помимо понятийного элемента в нем всегда при-

сутствует и национально-культурный компонент. В этом ключе и рассматривается лексико-семантическое поле (прежде всего, его синонимы и антонимы) концепта *ЧЕЛОВЕК* и фразеологические единицы, в состав которых входит это понятие. На основе анализа языкового материала сделана попытка определить основные актуализировавшиеся в современном японском мировосприятии признаки рассматриваемого концепта.

GUZEV V.G.
(St. Petersburg)

Some insights from the experience of developing functional syntax of Turkic languages: parts of the sentence or parts of constructions?

Гузев В.Г.
(Санкт-Петербург)

Из опыта разработки функционального синтаксиса тюркских языков: члены предложения или компоненты конструкций?

В современном языкознании многозначное по своему содержанию понятие "предложение" постепенно уступает место понятию "высказывание" – речевой единице, передающей законченный, с точки зрения говорящего, смысл. Высказывание может состоять как всего лишь из одного слова или одной словоформы, так и из какого-либо множества слов и словоформ. Крепнет осознание того, что структурными единицами синтаксического фрагмента языковой системы являются абстрактные образы, схемы, модели речевых единиц. Важно понять, о каких именно речевых единицах должна вестись речь. Автор настоящего сообщения считает, что таковыми могут быть и предложения (как полагал В.З. Панфилов), и высказывания, при условии, что они представляют собой конструкции, т.е. речевые образования, состоящие более, чем из одного слова или одной словоформы. Конструкции же могут представлять собой или высказывания, или компоненты таковых и, с излагаемой точки зрения, синтаксис как раздел грамматики понимается как учение о структурах, моделях конструкций и их компонентов, которые реализуются в речи на данном конкретном языке. Развернутое высказывание представляет собой при таком подходе или какую-либо конструкцию или множество взаимосвязанных конструкций. Следовательно, структурные синтаксические единицы языковой системы – это абстрактные модели, которые, с одной стороны, сами формируются в каждой индивидуальной языковой системе путем отвлечения от функционирующих в речи конструкций, с другой, составляют основу построения в виде или в составе высказываний конкретных конструкций.

Понятие предложения перестает быть, с излагаемых позиций, центральным синтаксическим понятием, и его оправданно трактовать как такую разновидность высказываний, которая или представляет собой финитную форму или строится на основе таковой. Под финитной формой предлагается понимать морфологическое средство выражения суждения, т.е. мыслительного содержания, имеющего субъектно-предикатную структуру. По-видимому, только такая трактовка предложения снимает противоречие между понятиями "самостоятельное предложение" и "придаточное предложение". Если оба компонента суждения (субъект и предикат) выражаются лексически, т.е. словами или инфинитными словоформами, результатом является предикативная конструкция, которая может быть самостоятельным высказыванием или компонентом сложного по своей структуре высказывания.

Таким образом, на первый план выходит понятие конструкции и учение о типах и компонентах конструкций. Последние же в значительной мере могут трактоваться в терминах традиционных членов предложения с той оговоркой, что сказуемым рационально именовать только такой компонент конструкции, который представляет собой именную или глагольную финитную форму и возводит синтаксическое образование в ранг самостоятельного или придаточного предложения.

Изложенные положения опираются на материал тюркских языков с их чрезвычайно развитой категорией именных форм глагола и, как надеется докладчик, способствует решению извечной тюркологической проблемы: являются ли вводимые этими формами компоненты конструкций придаточными предложениями. С отстаиваемых позиций такие построения трактуются как тот или иной нераспространенный или распространенный компонент (подлежащее, предикат, определение, определяемое и т. д.) предикативной или атрибутивной конструкции и не признаются придаточными предложениями. Но если осознать, что в тюркских языках имеются финитные формы с обстоятельственными значениями (именно к ним, скорее всего, надо относить формы так называемого условного наклонения и условной модальности) и союз типа турецкого *diye*, который заключает конструкции с финитными формами разных наклонений, то попросту следует признавать, что в тюркском синтаксисе имеются свои достаточно многочисленные разновидности придаточных предложений.

HOFMANN Annabella Claudia
(Munich)

Numbers and Geometrical Forms as an Intercultural Language

Numbers are used in two different modes. One is for calculating, the other is symbolically. Studying different branches of sciences, one comes to the conclusion that for the symbolic use of numbers in myt-

hs, art and religion, in most cases different cultures connect the same value to the same number. A similar connection can be made with geometrical forms.

The next question is, if one can be sure that in past times numbers as symbols and geometrical forms possessed the same values as today, knowing that to the same form even opposite values can be connected as it is well known with the swastika.

As a counter-check one can use architecture in archaeology. There is a strong correlation between shapes of houses and rooms on one side and cultures based on violence or cooperation on the other side.

That leads to the idea that in a certain way geometrical symbols work as an inter-cultural language.

The composition of the symbols (two or three dimensional) follow an inter-cultural "grammar", reproduced in a similar way as language. In myths and in religious rites basic numeric and geometric symbols show up as configurations of action or events. Often they are used on a meta level, defining a dimension of 'deeper' meaning.

It can be shown that the same values show up in modern sciences and it can be found also in architecture. As an excellent example for this statement serves Asian art and architecture.

Archaeological research in England, Ireland, Malta, Italy, or in the area of the American pre-Columbian cultures, support the statement that this theory holds international comparisons.

IBRAGIMOV Ansaritdin
(Tashkent)

Words of Indian origin in «Babur-Name»

Ибрагимов А.
(Ташкент)

Слова индийского происхождения в «БАБУР-НАМЕ»

В изучении индийских языков, как известно, важным подспорьем служит выдающийся памятник староузбекской литературы "Записки Бабура" или "Бабур-наме", который является основным трудом Захириддина Мухаммада Бабура (1483-1530), чьё имя и деятельность неразрывно связаны с историей Индии. Хотя книга носит в основном автобиографический характер, тем не менее основная значимость её в том, что в ней отражена история народов Средней Азии, Афганистана и Индии.

Именно поэтому актуальной задачей узбекской индологии призвано стать научное, лингвистическое изучение этого памятника с позиций истории новоиндийских языков, живым свидетелем которой явился автор "Бабур-наме".

Бабур свои сочинения писал на староузбекском языке, а этот язык, как известно, пользовался арабским алфавитом. Данный алфавит имел ряд особенностей. Так, в староузбекском языке вместо букв "каф" и "гаф" писался "каф", буква "Джим" передавала как

"джим", так и "чим", буква "бе" могла передавать и "бе", и "пе" и т.д. Одно и то же слово могло писаться как слитно, так и отдельно. То есть в староузбекском языке не было чётких правил орфографии. И как результат такого разнобоя в орфографии в "Бабур-наме" некоторые слова имеют по несколько форм написания, в отдельных случаях их количество достигает 4-5.

Данная особенность староузбекского языка чрезвычайно затрудняет чтение произведений узбекской классической литературы, в том числе Бабура. Между тем наличие в "Бабур-наме" большого числа слов индийского происхождения играет существенную роль, во-первых, в плане изучения истории языков хинди и урду (хиндустани), и особенно их словарного состава, и во-вторых, для идентификации правописания индийских слов в языке подлинника, т.е. узбекском языке, поскольку в изданиях "Бабур-наме" в кириллице допущено немало ошибок и искажений.

Нами изучены слова индийского происхождения в "Бабур-наме". В результате исследования выявлено 406 лексем, которые с точки зрения семантико-тематических параметров были разбиты на 7 больших групп: зоонимы (25 слов), флоронимы (37 слов), слова-названия мер, веса и длины (17 слов), хрононимы, т.е. слова-названия времен года и дней недели (19 слов), различные термины (39 слов), антропонимы (65 слов) и топонимы (203 слов). Эти слова в общей сложности встречаются 2368 раз.

Все слова индийского происхождения "Бабур-наме" относятся к двум лексико-грамматическим разрядам частей речи – существительным и прилагательным. Всего существительных – 400; из них собственных – 269, нарицательных – 131. Числительных – 6.

В результате текстологического и лингвистического анализа индийской лексики мы пришли к выводу, что индийские слова, встречающиеся в тексте, по своим формальным параметрам представляются текстуально адаптированными и вполне соответствуют нормам орфоэпии и орфографии узбекского языка. Отклонения же произошли в основном по следующим причинам: 1) трудности арабского письма, где некоторые буквы могут передавать по несколько звуков; 2) то, что ученые, взявшие на себя труд переложения "Бабур-наме" с арабского письма на современное, не были индологами или по меньшей мере лингвистами.

Таким образом, впервые выявлена и проклассифицирована индийская лексика в "Бабур-наме", выявлено их соответствие нормам. Слова индийского происхождения в "Бабур-наме" охарактеризованы как вкрапления и экзотизмы. Результаты данного исследования имеют большое значение для подготовки полного собрания сочинений Захириддина Бабура, других памятников таких как "Зафар-наме", "Хумаюн-наме", "Тарихи Рашиди", изучения проблемы становления прозаического стиля узбекского языка, а также истории языков хинди и урду.

KARABEKYAN S.B., OGANESYAN A.P., YAVRUMYAN M.M.
(Yerevan)

The structure of the Semitic root revisited
(the morphophonological approach)

Карабекян С.Б., Оганесян А.П., Яврумян М.М.
(Ереван)

Вновь о структуре семитского корня
(морфонологическая постановка проблемы)

1. Структура семитского корня привлекла внимание исследователей первоначально в рамках сравнительно-исторического языкознания, в связи с задачей установления общесемитских лексических соответсвий, тем самым она носила лексикологический характер и не преследовала цели выявления морфологической структуры корня. Со временем, однако, достижения этого аспекта исследования стали экстраполироваться на задачи морфологического анализа, и выделяемым с точки зрения выявления общесемитских лексических соответствий трехсогласным комбинациям стало придаваться морфологическое содержание.

2. Однако, если выделение трехсогласных комбинаций, абстрагированных от гласных компонентов корневой основы, при лексикологической постановке вопроса было вполне допустимо, поскольку при этом решалась задача сопоставительного плана, которая, естественно, не предполагала оценки остаточной части корневой основы в силу ее незначимости для поставленной задачи, то перенесение ее на морфологический план рассмотрения, неизбежно ставило задачу морфологической оценки этой части корневой основы.

3. При этом опора на ставшее как бы фактом научного осмысления наличие трех согласных выводила на представление об аналогичной комбинации трех гласных компонентов корневой основы, которая стала противопоставляться трехсогласной комбинации как второстепенная (служебная) морфема – основной (знаменательной), а с учетом того, что подобные комбинации не являются речевыми сегментами, для их определения как морфемных единиц возникла необходимость введения дополнительных понятий, таких например, как трансфикс, прерывистая морфема и т.д.

4. Обобщая сложившуюся к настоящему времени исследовательскую ситуацию вокруг проблемы структуры семитской корневой основы, следует отметить, что весь ход исследовательских процедур, разработанных с целью определения ее морфологического состава, был, по сути дела, предопределен изначально неморфологической постановкой вопроса.

5. Между тем, данные собственно морфологического анализа (практика порождения дериватов путем подстановки корневых элементов в вариативные позиции словообразовательных моделей) свидетельствует о принципиальной неразложимости корневой основы на сегменты, которые могут быть определены как морфемы. На это указывает и фонологическая природа единиц, составляющих экспонент основы – она не разложима на сегменты, которые могут быть определены как фонемы.

6. Это образует в пределах корневой основы особый фономорфологический контекст, анализ которого с применением техники морфонологического анализа, рассматривающего случаи, связанные с отсуствием возможности нахождения межморфемных границ в тексте, позволяет представить ее морфологическое строение как результат наложения двух компонентов, морфологическая граница между которыми неопределима. Так, например, структура простейшей глагольная основа kataba в литературном арабском языке или katav в иврите может быть представлена в качестве нечленимого, "амальгамированного" морфа, одновременно представляющего две морфемы – со значением kataba (katav) "писать" и значением faɛala (paal) "сделал", каждая из которых не может быть реализована в тексте в качестве самостоятельного морфа, и обе они всегда реализуются посредством наложения одного морфа на другой.

KARAMSHOEV D.
(Dyushambe)

Compilation of the comprehensive comparative dictionary
of the Pamir languages

Карамшоев Д.
(Душанбе)

Создание сводно-сравнительного словаря
по памирским языкам

1. На базе изданных по каждому из памирских языков словарей и картотечного фонда Института ГН ПФ АН РТ представляется возможным создание Сводно-сравнительного словаря шугнано-рушанской языковой и диалектной группы (шугнанский, баджувский, шахдаринский, рушанский, хуфский, бартангский, рошарвский, сарыкольский) и близкого им язгулямского языка.

2. Этимологически общие словоформы названных языков объединяются вокруг слов наиболее изученного в лексикографическом аспекте шугнанского языка, а разные по происхождению лексемы образуют самостоятельные словарные статьи и снабжаются ссылочными комментариями.

3. В конце словарных статей шугнано-рушано-язгулямской группы можно отразить совпадающие по этимологии и семантике словоформы остальных памирских и других иранских языков (ишкашимский, ваханский, мунджанский, сангличский, осетинский, таджикский и т.д.). Для подачи слов памирских языков применяется иранистическая международная транскрипция на основе латинской графики.

KASEVICH V.B., SPESHNEV N.A.
(St. Petersburg)

Lacunarity of text:
grammatical, semantic and cultural aspects

Касевич В.Б., Спешнев Н.А.
(Санкт-Петербург)

Лакунарность текста:
грамматические, семантические и культурологические аспекты

В семантике текста языки типа русского, с одной стороны, и типа китайского или бирманского – с другой, допускают разную степень "лакунарности", т.е. невыраженности определенных смысловых компонентов: вторые "не любят" опущения семантических звеньев в развертывании дискурса; как показывает опыт переводческой практики авторов, формально точный перевод с русского на китайский (бирманский) для его адекватной интерпретации порой требует введения "семантических мостиков", отсутствующих в оригинале. В то же время в китайском или бирманском тексте достаточно легко опускается слово-тема, даже при фактическом введении новой темы. Заметно акцентирование предикатов, называющих ситуации, при допущении семантических лакун, отвечающих участникам ситуации.

Семантические импликации вызываются и преимущественно формальными, грамматическими лакунами. Это относится прежде всего к опущению первого актанта. В особенности интересны и важны актанты – личные местоимения 1 л. Их систематическое отсутствие создает характерный эффект "анонимности" дискурса, затушевывание индивидуальности автора. Здесь достаточно явственно прослеживается связь с культурными тенденциями, характерными для соответствующих этноязыковых сообществ, где не поощряется индивидуализм, персонализм.

В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии возникают, как результат, чрезвычайно любопытные расхождения между разными компонентами языка, а также между языковыми и культурологическими характеристиками текста. С лингвистической точки зрения, грамматической информацией здесь можно в определенных пределах жертвовать, а отношение к лексической дифференцированно: предикатная лексика максимально устойчива, имена же (термы) нередко восстанавливаются на базе контекста, включая внеязыовой.

С точки зрения культурологической, религиозно-философские традиции ареала (при их существенных различиях для разных субареалов, в частности, для Китая и Бирмы) придают особое значение "пустоте", категории "ничто" – отсюда повышенная нагрузка на подтекст, часто многозначный, в ущерб тексту. Это хорошо известно специалистам в области классической китайской поэзии, да и просто ее любителям: "семантическое пространство" между строками и строфами часто достаточно велико, оно должно быть за-

полнено реципиентом. Равным образом в традиционной китайской живописи гохуа незакрашенные – "пустые" – участки полотна используются как сильное выразительное средство наряду и наравне с пятном и линией.

В то же время, как сказано, в структуре текста как такового не поощряются семантические разрывы. Степень и тип лакунарности ("скважности") высказывания и текста подлежит изучению в качестве типологически значимого параметра, обладающего как собственно языковыми и, отсюда, лингвистическими, так и культурологическими аспектами.

KHACHIKYAN M.L.
(Yerevan)

Aspects/Tenses in Hurro-Urartian and Sumerian
(typological analysis)

In the paper the aspectual/temporal systems of the ancient languages of the Near East, Hurrian, Urartian and Sumerian, are examined.

The analysis of the indicative mood paradigms of the closely related Hurrian and Urartian led the author to the following conclusion: unlike Late Hurrian which developed a symmetrical system of tenses (present, past, future) for both transitive and intransitive verbs, in Early Hurrian and Urartian the aspectual/temporal distinctions (perfectly : imperfective/non-past) were obviously restricted to transitive/past verbs.

Some typological parallels revealed between the Sumerian and Hurro-Urartian verb allow the author a) to join the traditional opinion, according to which aspectual distinctions in Sumerian were only known to transitive verbs, b) to deny the existence of the alleged imperfective suffix *-e-*, postulated by Yoshikawa and Jacobsen and, hence, to consider the vowel *-e-* to be the constituent part of the personal suffixes 1 p. *-en*, 2 p. *-en*, 3 p. *-e* in sg., 1 p. *-enden*, 2 p. *-enzen*, 3 p. *-ene* in pl. or the modal suffix *-ed-*.

KHAGBA L.R.
(Sukhum)

The concept of «time» in the linguistic mentality of the Abkhazians

Хагба Л.Р.
(Сухум)

Концепт «время» в лингвистическом менталитете абхазов

При исследовании мировосприятия человека и этноса возникает необходимость лингвистической интерпретации таких важнейших атрибутов человеческого бытия, как пространство и время.

Исследование лексических единиц абхазского языка, отражающих в своих значениях основные понятия, связанные с темпоральным пространством, выявляет характерные для носителей этого языка особенности.

Конкретное, хронологическое представление времени передается исконным словом *аамта: ашыквс аамтаква* – «времена года», *аусура аамта* – «рабочее время», *апсцара аамта* – «время отдыха», *аамта бзиа* – «хорошее время», *аамта цвгьа* – «плохое время», *ажвытв аамта* – «старое время», «старина», *аш\атв аамта* – «новое время» и т. д.

Лексема *аамта* может употребляться, особенно в разговорной речи, без суффикса *-мта*. В этом случае элемент, несущий основное семантическое содержание, входит в структуру инфинитной формы глагола с обстоятельственным элементом *-ан-*, выражающим время: *ианиааз* – «в его время»; *ианлааз* – «в ее время»; *аш\а иаам, ажв иаам* – «не время ни для нового, ни для старого» (так говорят, когда старый урожай закончился, а новый ещё не созрел).

Значение времени содержит и послелог *аан* (абаз. *аг|ан)* – «в то время», «тогда»; «тогда, когда», употребляющийся в коррелятивных конструкциях типа *даннеи* (абх. и абаз.) – «когда он (ч.) пришел туда», но *даннеи аан* (абх.), *даннеи аг|ан* (абаз.) – «именно тогда, когда туда пришел он (ч.)».

В близкородственных абхазскому абазинском и адыгских языках «время» передается заимствованием из арабского *заман* (абаз.), *зэман* (адыг.). В соответствующих контекстах они приобретают значения «эпоха», «период», сезон», «пора», грамматическое время.

Во всех абхазско-адыгских языках «час» – отрезок времени и «часы» выражаются заимствованием из арабского *асаат* (абх.), *сах|ат* (абаз.), *сыхьэт* (адыг.): абх. *асаат икоуи? // асаат шака ыкоуи? // асаат абанеихьоу?* абаз. *асах|ат абанадза?* адыг. *сыхьэт дапшэ хъуа?* – «который час?»

Абх. *ахьтвы саат,* абаз. *хьапщ сах|ат,* адыг. *дыщэ сыхьэт* – «золотые часы».

В абхазской идиоматике это слово вовсе не встречается. Из специальной литературы известно, что ритуальные выражения с компонентом «час» – *сыхьэт* в русском и адыгских языках тождественны. В аналогичных выражениях это заимствование содержится и в абазинском языке, напр.: *сах|ат бзи* (абаз.), *сыхьэт махуэ* (адыг.) – «в добрый час!», «счастье». В абхазском этой формуле соответствует *ам|ва бзиа//аманшвалара!* – «в добрый путь!» – букв. «хорошая дорога», «удача»; адыг. *сыхьэт мыгьуэ* – «злополучный, роковой час», «несчастье», абх. *аамта чвгъа, аамта баапсы* – букв. «плохое, сложное, тяжелое время».

Разнообразные временные представления в абхазском языке чаще выражены описательно: *аамта цеит* – «время ушло, прошло, истекло»; *аамта сымам* – «у меня нет времени»; *аамта счвыдзит* – «у меня потерялось время», «я потеряла время»; *аамта иахыпеит* – «просрочилось», букв. «то перепрыгнуло время»; *убри аамтазы* – «в то время»; *ианаамтоу* – «своевременно», «вовремя» и т.д.

Ограничительность временных представлений выражается несколькими способами:

а) понятием *абжьара* – «промежуток»: *асаат хпеи фбеи рыбжьара* – «в промежутке между 3 и 6 часами»;

б) послелогами ⊥ *ала* (ед.ч.), – *рыла* (мн.ч.): *саатк ала* – за час, *х-саатк рыла* – за 3 часа;

в) деепричастиями *иалагдзаны* от *«алагдзара»* – *саатк иалагдзаны* – «в течение одного часа»; *иахмырпакуа* от *«ахмырпара»* – *саатк иахмырпакуа* – «не позже одного часа»; *инаркны* от *«аркра»* – *асаат акы инаркны пщбандза* – «с часа до четырех».

г) наречиями *аюнуцака: саатк аюнуцака* – «в течение одного часа», «за один час» (букв. «внутри одного часа»); *ахала-ацыхуала: саатк ахала-ацыхуала* – «за один час», «в течение одного часа» – (букв. «с головы до хвоста одного часа»).

Назначение срока, времени в абхазском языке передается лексемой аш|х|вара (букв. «говорить ртом»), который является компонентом ряда пословиц и фразеологизмов, напр.: *ш|х|вара змам акгьы ыкам* – букв. «нет ничего, что не имело было срока»;

зегьы ш|х|варк| – ш|х|вараk| рымоуп – букв. «все и всё имеют по одному сроку», соотв. «всему свое время»;

аш|х|вара атара – «давать, определять срок»;

аш|х|вара апч|вара – «назначить срок» (букв. «порезать срок»);

аш|х|вара ацара – «истечение срока» (букв. «уход срока»);

аш|х|вара аиагара – «перенос срока»;

аш|х|вара ахыпара – «просрочить» (букв. «перепрыгнуть срок»).

Эквивалентом этого понятия в абазинском является *п|ат|ла* из адыгского *п|алъэ*. Эта лексема встречается в абхазских фольклорных текстах в форме *патла къарцеит* – букв. «назначили срок» в значении «заключили временное перемирие».

Семантика особого типа времени «пора» семантически совпадает с рассматриваемым концептом, но в абхазских эквивалентах русских идиом со словом «пора» компонент «время» наличествует лишь в единичных случаях: «в ту пору» – *уи аамтазы,* «в самую пору» – *ианаамтач|вкьъаз;* «на первых порах» – апхьанатв; «до сих пор» – *уажвраандза,* «с тех пор» – «убри инаркны, убри нахыс».

Идентичность лингвомышления носителей абхазско-адыгских языков подтверждается наличием в них целого ряда материально и структурно совпадающих пословиц, поговорок, фразеологизмов. Напр.: *абх. аамта ачархь еипш еикушоит,* абаз. *азаман чархта йхъыынх|вит|,* адыг. *зэман шэрхьци мэк|эрахъуэ* – «время крутится как колесо» – (соотв. «Жизнь вечно движется по кругу»).

Некоторые поговорки стали метафорами обыденной речи.

Концепция временных отношений в лингвистическом менталитете носителей абхазского языка во многом соответствует общечеловеческой модели.

Исследованные нами фрагменты подтверждают, что в языковой картине мира абхазов преобладает собственный материал с ценностно-культурной основой.

KHALMURZAEV T.
(Tashkent)

Divergent features in the Urdu language in India and Pakistan

Халмурзаев Т.
(Ташкент)

Дивергентные черты в языке урду Индии и Пакистана

Последние 50 с небольшим лет функционирование и развитие языка урду, разделенного государственными границами Индии и Пакистана, проходит в далеко неодинаковых условиях. Языковая ситуация и языковая политика, социальные, идеологические, демографические и иные факторы складывались для урду в этих странах по-разному. Неодинаковым оказался в этих странах и его статус (официальный и фактический). В Пакистане, наряду с английским, он был возведен в ранг государственного («национального»). В Индии, хотя он и был включен в число основных региональных языков страны, однако официального статуса он ни в одном штате не получал. Все это, вместе взятое, не могло не сказаться на характере и темпах его развития, как в Индии, так и в Пакистане.

В настоящее время в урду, функционирующем в двух соседних странах, на его лексико-семантическом уровне проявляются две тенденции.

Первая и основная, тенденция заключается в том, что пополнение словаря языка урду в этих странах протекает одинаково. Многие лексические неологизмы, различные термины, фразеологические обороты оказываются едиными в языке обоих регионов. В основном, это готовые лексические заимствования из английского языка, создание собственных единиц по существующим в языке словообразовательным моделям, разного рода лексические и семантические кальки и т.д. Такие понятия, как *развивающиеся страны, планирование семьи, конференция круглого стола, ООН, капиталовложение, модернизация, терроризм* и пр. получили в урду Индии и Пакистана одинаковое обозначение.

Наряду с этой тенденцией, в урду этих стран все более появляются и различительные, дивергентные признаки, которые получают в языке все более системный характер. В урду обеих стран такие дивергентные языковые единицы могут быть регионально маркированными или, иначе говоря, их использование оказывается более характерным для языка урду, функционирующего на территории одного государства.

Такие образования можно подразделить на две группы. Одни из них в одном регионе более употребительны, чем их эквиваленты, которые также отмечаются в языке. Другие же, используются **исключительно** в пределах одной страны и совершенно не употребляются в урду, функционирующем в другой. К примеру, многие слова и термины языка хинди, получившие весьма широкое употребление в урду Индии, в Пакистане, за редким исключением, отмечены не были. В то же время, очень значительное количество сложных арабских и персидских слов, устойчивых словосочетаний,

терминов, неологизмов, наречий и служебных слов арабско-персидского происхождения, в урду Пакистана имеют более регулярное употребление, чем в Индии *(Мазид бар а:н; фил – фаор; тафаа:хур; мутала:ши:; шари:фун-нафс; баи:н hама; акс банди:; аз-бас; фаокулт-фитрат* и др.).

Такие расхождения между урду Индии и Пакистана наглядно прослеживаются также и на других уровнях лексики, в частности в сфере словообразования.

Следует отметить, что масштабы и удельный вес таких дивергентных единиц в языке постоянно возрастает и они все более становятся фактами современного урду.

Поэтому для характеристики подобных лексических единиц следовало бы ввести в оборот такие термины, как «пакистанский урду» и «индийский урду» (по типу, «канадский английский», «австралийский английский»), что означало бы их употребительность в пределах той или иной страны.

На такие языковые факты также следовало бы обращать внимание и студентов, изучающих язык урду. Стоило бы их также выделять в учебных и лексикографических пособиях этого языка. (К слову, нами была сделана первая попытка их фиксации, в вышедшем недавно в Пакистане Урду-узбекском словаре). Ввод таких помет мог бы быть весьма полезным и при осуществлении на урду переводов различной литературы, адресно ориентированной на урдуязычное население Индии или Пакистана.

KHARCHEVNIKOVA R.P.
(Elista)

On differentiation the so-called reflexive pronouns in Mongolian languages

Харчевникова Р.П.
(Элиста)

К вопросу о дифференциации так называемых возвратных местоимений в монгольских языках

Тип субстантивных словосочетаний с зависимым атрибутивным компонентом-местоимением разнообразен по составу и выражаемым ими отношениям. Группа словосочетаний с притяжательными местоимениями (П.М.) передает значение принадлежности (притяжания) и выражает отношение предмета к каждому из трех лиц либо к субъекту (безотносительно к лицу). Формы категории притяжания в монгольских языках имеют широкое распространение и передаются следующими способами: *аналитическим* (П.М. + имена), *синтетико-аналитическим* (П.М. + имена с частицами притяжания), образуя словосочетания, и *синтетическим* (предмет обладания и лицо им владеющее либо субъект, обозначенные частицами притяжания, соединены) – падежные словоформы, которые объединяются в парадигмы лично-притяжательного (личного) и безлично-притяжательного склонений.

Если местоименное происхождение лично-притяжательных частиц и название склонения тождественно, то генезис безлично-притяжательных частиц прослеживается трудно, ввиду их более раннего появления в языке. Цыдендамбаев ссылается на возможность общего корня безличной частицы и возвратного местоимения оор/оороо/оohen "сам". Безлично-притяжательные формы известны в специальной литературе как рефлексивные, общепритяжательные, возвратно-притяжательные, возвратные, а безлично-притяжательное склонение называют, субъектно-притяжательным (Касьяненко) или просто притяжательным (Поппе), возвратным (Тодаева, Бадмаев).

Однако, поскольку в монгольских, как и в других алтайских языках безлично-притяжательные частицы «выражают значение *свой, свои,* но не *себя,* следует говорить не о возвратных, а о безлично-притяжательных суффиксах и безлично-притяжательном склонении, а соответствующие местоимения *оороо, оор, оорсо* (сам, сами, свой) отнести к определительным». Они и произошедшие от них безлично-притяжательные суффиксы генетически восходят к слову *beje* – человек, тело, сам. Хотя в этих языках отсутствуют возвратные (рефлексивные) суффиксы типа русского *–ся*, немецкого *sich*, для выражения значения *себя* существуют другие способы.

В бурятском языке в одной парадигме возвратно-указательного местоимения *оороо* передаются значения: *сам, сами* (им.п.), *себя* – формами ед. и мн.ч. с частицами возвратного притяжания в дат.мест, вин., ор., совм. и исх. падежах, *свой* – формой род.п. (Цыдендамбаев, ГБЯ, 1962 г.). Калмыковеды в разряд возвратных местоимений включают местоимения *эврэн* и *бий / бийнь* – сам, *эврэ* – свой. При этом в одной парадигме соединены местоимения *эврэн* – сам, *эврэ* – свой. При этом в одной парадигме соединены местоимения *эврэн* – сам (им.п.) и *эврэ* – свой (в косвенных падежах). *Бий (бийснь)* имеет полную парадигму (Убушаев, ГКЯ, 1983 г.). Бадмаев местоимение *эврэ* – свой называет и безличным притяжательным, но неожиданно указывает на его отношение ко всем трем лицам. *Эврэн* имеет форму только им.п., а *бийнь* – в им.п. выступает подлежащим, в косвенных – дополнением. В их числе названа форма с возвратной частицей *бийэн* – себя и дана неполная парадигма ее склонения (ГКЯ, 1966).

Возникшая в общемонгольский период категория притяжания имен продолжает развиваться в отдельных языках и получила заметное расхождение не только в фонетических формах П.М. и частиц, но и в становлении их семантико-функционального статуса и классификации по разрядам. В калмыцком языке Бадмаевым выделен разряд лично-притяжательных местоимений. Плюс к ним *эврэ* – свой дало бы разряд П.М. *Эврэн, бийнь* – сам следует отнести к определительным местоимениям. Форму *бийэн* – себя является возвратной.

KHARKOVA S.S.
(Elista)

Is it possible to specify the idioethnic in the languages of the world?

Харькова С.С.
(Элиста)

Возможно ли установление идиоэтнического в языках мира?

Лексическая система монгольских языков на поставленный вопрос отвечает утвердительно. В данном случае носителями идиоэтнического в преломлении понятийного мышления, сопряженного с общечеловеческими логическими элементами, оказываются основы – понятия (ядерные части слов).

Данные основы – понятия, видимо, являются свидетельством того, что homo sapiens изначально, от естества природы, был наделен как разумом, так и языком, при этом данный язык древнего человека (прототипа этноса – носителя праязыка) может характеризоваться исключительно как язык понятий, который, безусловно, в свое время представлял собой лишь начаток того языка, который в настоящее время является принадлежностью современного homo sapiens как следствие некоего перелома, что в свое время, по-видимому, пережил древний человек.

Дальнейшее развитие языка homo sapiens, приумножение его словарного состава, параллельно и увеличение количества значений и подзначений слов, являвшихся следствием дробления концентрированно-сгущенных по своему содержанию форм – понятий, очевидно, протекало в канве изначальных основ – понятий, тем самым подтверждая, что представление о предметах и явлениях окружающего мира, возникая у homo sapiens ещё в дореченвой стадии, закреплялось затем в языке за определенным набором основ (ядерных частей слов), выражавших собой факт результата членения его окружающего мира. Таким образом, основы – понятия языка по сути отражают определенную лингвотехнику, данную homo sapiens от естества природы, в основе которой лежит факт результата членения окружающего мира.

В таком случае, можно признать наличие в человеческом сознании понятийных категорий, см. *Б. Серебренников* Роль...: 222, которые обусловили на первоначальном этапе развития языка homo sapiens древнего становление языка понятий. Естество природы вытекает из того, что каждое понятие вытекает из восприятия, а восприятие предопределяется органами чувств, являясь результатом познания homo sapiens предмета или явления в целостности, во всей совокупности конкретных свойств в пространстве и во времени, см. *Б. Серебренников* О материалистическом...: 135, Роль...: 21.

Т. к. континуум окружающего мира в разных языках членится по разному, и одно и то же понятие в разных языках мира может ассоциироваться с разными его признаками в пространстве и во

времени, уже получившими наименование в языке, см. *Б. Серебренников* О материалистическом...: 139, 140, то, очевидно, можно признать, что основы – понятия (ядерные части слов) различных языковых семей на уровне их праязыков будут отличаться друг от друга значительным образом, но возможность случайных конвергенций при этом не исключена.

По-видимому, идиоэтническое в языках мира в конечном счете проистекает вследствие заложенности в самом homo sapiens от естества природы чисто понятийного мышления в переплетении с общечеловеческими логическими элементами, которое проявляется в зависимости от складывающейся в языке лексической системы, поскольку, как известно, лексическая система сама начинает накладывать известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова, почему "номинация становится зависимой от сложившейся лексической системы", см. *Б. Серебренников* О материалистическом...: 146.

Таким образом, можно предполагать, что язык, изначально данный homo sapiens от естества природы в каких-то его ключевых элементах, которые вначале проявившись, допустим, в виде звуковых комплексов или звуков вообще, затем путем конвенции оказывавшихся закрепленными за определенными понятиями, разнился в зависимости от принадлежности к тому или иному подтипу homo sapiens, что в конечном счете предопределило краеугольную составляющую при сложении различных праэтносов и соответственно праязыков.

Литература

1. Б.А. Серебренников. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

2. Б.А. Серебренников. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.

KHOKHLOVA L.V.
(Moscow)

Syntactic oppositions marked by pronominal case systems in Sindhi, Siraiki and Kashmiri

This paper is aimed at comparing the syntactic oppositions marked by pronominal case systems with the oppositions reflected by the bound pronominal suffixes. In Kashmiri which occupies one of the highest positions in ergativity hierarchy, both the free form pronouns and the bound pronominal suffixes pattern ergatively (S and O are marked similarly, and both are opposed to differently marked A). The only exception is the case of similar marking of ergative subjects and of nonperfective nominative objects. Interestingly, the similar marking of A and nonperfective O was a peculiar feature of the 1-st and 2-nd persons singular pronouns in Apabhramsha – a feature lost by most modern NIA languages.

In Sindhi the pronominal system is tripartite, while bound pronominal affixes do not cross-reference S and have different marking for A and O.

In Siraiki the 1-st person pronouns occupying the extreme left of the nominal hierarchy imply accusative case marking system while the 2-nd and the 3-d person pronouns are predominantly tripartite. The bound pronominal suffixes there rarely cross-reference S, the latter being marked differently from all other syntactic roles only in the 2-nd person. All the other suffixes are the same for the syntactic roles of S, A, O, Addressee, Dative subject, Possessor as a pronominal modifier of S and Possessor as a modifier of O. The system of bound pronominal suffixes in Modern Siraiki is a reduction of the system that existed in Old Western Panjabi, where only the first person singular pronouns had the same bound pronominal affixes for both S and A; the rest of the affixes in it marked either A alone or S alone or grouped together S and O.

The general fact that bound pronominal affixes are always less ergative than free form pronouns confirms the universal character of Dixon's conclusions stated on the basis of Australian languages. As for grouping together different syntactic roles marked on the verb by pronominal suffixes, this typological feature is unique and not repeated even in the neighboring Indo-Aryan languages like Sindhi and Siraiki.

KILIC Murat
(Gazi Antep)

Teaching Turkish language in Syria (purpose, methods and techniques)

In Aleppo, with the approvals of Turkish and Syria governments, and with the cooperation of the University of Gaziantep and The University of Aleppo, Turkish language has been taught in TÜDÖM (Turkish Language Teaching Centre) since 1999.

TÜDÖM's main goal is to teach Turkish language by means of contemporary teaching techniques, and to improve learners' four basic skills (listening, speaking, reading and writing), and thus enable them to speak like a native speaker of Turkish.

The instructors in TÜDÖM are well aware that in order to teach a language, one has to be proficient in that language by all means. And when it comes to the teaching material, they are also well-chosen and expedient. They include audio-visual exercises, authentic materials and scenes to reflect Turkish culture. In addition to this, after the determination of learners' purposes in learning Turkish language, groups of 8-10 are formed and LSP (Language for Specific Purposes) is applied if necessary.

Although Turkish and Arabic differ in terms of language families, the common lexicon between these two languages, stemming from the common cultural background, acts as a very effective spur.

In the teaching process, both deductive and inductive teaching methods are employed effectively. A comparison of two languages is given at the very beginning by focusing on differences and similarities. Afterwards, vocabulary items, useful phrases, full sentences and paragraphs are given in order.

Group and pair works are frequently used. In order to enable an effective learning environment, instructors regard the learners as their friends. They try to encourage and motivate the learners by any means possible. For instance, from time to time hardworking students are taken to Turkey; learners are encouraged to watch Turkish TV and radio programs; grammar rules are not taught directly, but students are wanted to form grammar rules themselves by using template sentences. One of the biggest problems, pronunciation of Turkish words which takes its basis from the phonemes in Turkish (like ç, ğ, ı, j, ö, p, ü), is solved by continuous diction exercises.

In addition to Syrian students a lot of other students from other Arabic countries have learned Turkish at TÜDÖM. The general success of these students indicates that these methods and techniques can be applied effectively in other Arabic countries to teach Turkish language. The results of the tests which were tested by using certain statistical techniques and which indicate a 90% success, stand as a confirmator of this success. These courses have also played a significant role in bettering the relationship between these two countries.

KOKSHAEVA N.O.
(Elista)

Chagdorzhab's letters as a major epistolary source for studying the Kalmyck of the XVIII century

Кокшаева Н.О.
(Элиста)

Письма Чагдоржаба как важнейший эпистолярный источник изучения калмыцкого языка XVIII в.[1]

Материалом для доклада послужили подлинные письма-послания Чагдоржаба, хронологические рамки которых охватывают первую половину XYIII века. Имя Чагдоржаба хорошо известно в истории калмыцкого ханства, он являлся старшим сыном первого хана калмыцкого народа – Аюки. Чагдоржаб был искусен в военном деле и принимал самое активное участие в различных боевых операциях в качестве предводителя калмыцких войск. По утверждению профессора Н.Н. Пальмова, "Чагдоржаб выступал в роли народного вождя".

[1] Работа выполнена в рамках научной темы "Калмыцкий язык XYIII века: система и функционирование", которая поддержана РГНФ (грант 2003 г. № 03-04-00493 а/ю)

В 1713 году Аюка хан во время приема китайских послов объявил Чагдоржаба своим наследником. Но Чагдоржабу не суждено было сесть на ханский престол, так как он умирает 19 февраля 1722 года, за два года до смерти своего отца Аюки хана.

Переписка Чагдоржаба носит в основном частно-деловой и в некоторых случаях частно-бытовой характер. Поскольку автор послания – совершенно реальное лицо, то это и определяет одну из особенностей памятника эпистолярного жанра. Каждое его послание является сугубо личным, о чем также свидетельствуют личные печати автора.

По объему и содержанию послания Чагдоржаба различны, но структура изложения выдержана в строгих рамках: изначальное приветствие адресата и его семьи, затем изложение проблемы (вопроса) обращения автора к адресату, которое, как правило, согласно монгольской письменной традиции, передается устно, "вкладывается в уста посыльного". В конце послания имеется личная печать самого автора – Чагдоржаба.

В своих посланиях Чагдоржаб обращается к астраханскому военному коменданту, либо в астраханскую губернскую канцелярию – к губернатору. И в зависимости от этого содержание и форма обращения его посланий самые разные. Разные формы обращения, вероятно, зависели от целевой установки послания и его значения. В одних посланиях Чагдоржаб просит пороха и свинца, в других – извещает о событиях, которые происходили на разных территориях.

Приведем одно краткое послание Чагдоржаба Михаилу Ильичу Чирикову, астраханскому военному коменданту: Cayдor-jab ende bida mendü, Tende Mikayila Ililеüci mendü biyija. Elci Cayaldai. Elciyin aman-du üge biy. "Чагдоржаб, мы здесь пребываем в здравии. Там, Михаил Ильич, надеюсь, также пребывает в здравии (здравствуете). Посланник Чагалдай. В устах посыльного есть (вложены) слова". Закреплено послание подлинной печатью автора. Послание состоит из трех коротких предложений. Все, что нужно знать Чирикову, вложено в уста посыльного. По какому случаю и в связи с какими обстоятельствами было составлено оно, нам трудно определить, поскольку оно адресовано военному коменданту, вероятно, решались какие-то важные военные проблем. Но одно достоверно, что послание написано от имени Чагдоржаба, так как скреплено именной печатью. Вероятно, была большая надобность у автора послания, чтобы в трех предложениях выразить свою просьбу и вложить основную мысль в уста посыльного. Это обстоятельство еще раз подтверждает монгольскую традицию передачи сообщений на расстоянии "устными письмами", которая сохранилась и у калмыков на Волге. Конечно, без знания событий (глобального или местного значения), происходивших в то время в калмыцкой степи, а также взаимоотношений между пишущими, можно неправильно истолковать сообщение и, соответственно, сделать неверный перевод его на русский язык.

Различные по содержанию и составленные в разное время послания вполне соответствуют эпистолярному стилю. Имеют место устойчивые формулы обращения, этикетные и трафаретные выражения, обороты речи, свойственные по своей структуре как монгольской, так и ойратской письменной традиции.

Архивные материалы на заяпандитской письменности представляют собой фактически новый языковой материал, перспективный с точки зрения возможности глубокого понимания процессов, происходящих в современном калмыцком языке.

KONOVALOVA I.G.
(Moscow)

East European Toponyms of Medieval Arabic geographers

The East European toponyms of medieval Arabic authors (such as "The Constantinople channel", the River Atil, the River of the Rus, the Island of the Rus, the Mountain Kukaja etc.) are considered to be a complex combination of various information accumulated from different sources: ancient geography; Muslim cosmographical ideas; contemporary data from traders and travelers. That is why there is a principal difference between modern geographical name that strictly corresponds to certain object and medieval geographical nomenclature which may also include speculative authors' constructions reflecting first of all his own ideas of physical and ethnopolitical geography of the region. Consequently such toponyms do not correspond to any real geographical object and therefore should not be directly transferred to modern map.

Коновалова И.Г.
(Москва)

Восточноевропейские топонимы средневековых арабских географов

Среди восточноевропейских топонимов, упоминаемых средневековыми арабскими авторами, есть целый ряд таких, которые не совпадают – о чем свидетельствуют многочисленные попытки их локализации – с реальными географическими объектами. К подобным топонимам относятся «Константинопольский пролив», река *Атил*, «Русская река», «остров русов», гора *Кукайа*, а также некоторые другие.

Толкование подобных топонимов по принципу «одно наименование в источнике – один географический объект на современной карте» приводит к тому, что вектор исследовательского внимания оказывается целиком направленным на прямое отождествление топонима с тем или иным объектом Восточной Европы – рекой, островом, горной системой и т.п. Такой подход, не предполагающий выяснения специфики самого топонима, оставляет без ответа важные вопросы о составе и происхождении сведений арабских ученых.

В докладе исследуется вопрос о принципиальной разнице между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя страны, моря, реки или горы может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающие прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту.

KORMUSHIN I.V.
(Moscow)

Towards a classification of the Tungus languages

Кормушин И.В.
(Москва)

К классификации тунгусо-маньчжурских языков

Генетическая классификация языков какой-либо семьи призвана отразить степень родственной близости современных языков и диалектов между собой, а также по отношению к любым, когда-либо фиксировавшимся древним идиомам этой семьи. Она всегда основана на принципе родословного древа, исторические ветвления которого определили отстояния современных групп и подгрупп. Логику последовательного членения общесемейного праязыка нарушают ареальные взаимодействия диалектов, приводящие к смешению классификационных признаков, сочетанию форм, характеризующих разные этапы развития одного и того же признака и т.д.

При классификации тунгусо-маньчжурских языков требуется решить по крайней мере три достаточно запутанные проблемы исторического соотношения идиом: 1) положение маньчжурского по отношению ко всем остальным тунгусо-манчжурским языкам – составляет ли он совершенно особую ветвь или входит в состав южной группы вместе с нанайским, ульчским и орокским; 2) положение удыхейского и орочского в противостоянии северных и южных языков: 3) положение чжурчжэньского по отношению к маньчжурскому.

Звуковые соответствия, служащие классификационными признаками разбиения языков на группы и подгруппы, могут носить по отношению к архетипу альтернативный либо градуальный характер. Такова, например. альтернативность серий рефлексов общетунг.-ма. анлаутного p^h-: либо лабиальные рефлексы – ранечжурчж. *p*-, ма. *f*-, нан., ульч., орок. *p*-; либо гуттуральные рефлексы – *x, h, 0 (<h)*. Внутри серий рефлексы представляют собой

ступени одного и того же вектора развития; $p^h > p > f$; $p^h > x > h > 0$. Учет критерия альтернативности/градуальности уже по данному звукосоответствию позволяет уточнить членение общетунгусоманчжурского праязыка на две ветви, не давая особого статуса маньчжурскому. Учет других звукосоответствий, а также анализ характера смешанности промежуточных диалектов, типа удыхейского и орочского, дает возможность решить и другие проблемы классификации тунгусо-манчжурских языков.

KOUNINA Julia
(Moscow)

Grammatical status of contemporary Chinese measure words in the works of the Chinese linguists

Кунина Ю.
(Москва)

К вопросу о категориальной природе счётных слов СКЯ в работах китайских лингвистов

Понятие *liangci* "счётные слова" в китайском языкознании, очевидно, является более широким, чем соответствующее ему понятие счётных слов в русском китаеведении. Китайские лингвисты традиционно объединяют под термином *liangci* не только именные, но и глагольные счётные слова, не говоря уже о закономерном для китайских исследователей включении в один обширный класс как слов меры, так и классификаторов. Оставляя пока в стороне разбиение на подклассы внутри класса *liangci*, вполне развитое и детально разработанное представителями китайской лингвистической школы, обратимся к характеристике категориальной природы данного класса в целом. Ещё в "Mashi wentong" Ма Цзяньчжуна эпохи Цинской династии обращается внимание на существование отдельного класса слов в китайском языке, соответствующего современным *liangci*, хотя и не указывается их место в распределении по частям речи. Чэнь Чэнцзэ впоследствии помещает их в "обширное семейство" существительных, не давая классу формального названия. Гао Минкай в очерке 1948г. "Теория китайской грамматики" использует слово *liangci* "счётные слова", которым даёт определение как "грамматическим элементам, выражающим количественное значение" (по-английски – *quantitatives*). Гао Минкай называет именные счётные слова служебными, вспомогательными и, в конце концов "разрядными", "потому что их функция заключается в дополнительной характеристике вещественных единиц..." и они "обобщают существительные в пределы категории". У Ван Ли в "Основах китайской грамматики" (в русском переводе 1954г.) читаем о двух группах "счётных существительных", первые их которых "употребляются только как названия единиц счёта: *ge, zhi, mei, jian, tiao, ke, duo*", а вторые выступают как "обыкновенные существительные, употреблённые в функции единиц счёта: *zhi* (ветвь), *wan* (чашка), *tao* (комплект), *dui* (куча), *chi* (фут), *dou* (мера)". При этом Ван Ли отмечает, что "между двумя группами нет чёткой границы, и в древности существительные первой группы тоже были обыкновенными". Ван Ли в "Теории грамматики китайского языка" меняет название "счётные существительные" на "единичные существительные" (*unit nouns*). Ли Цзиньси в "Новой грамматике национального языка" 1962г. официально даёт наименование "счётные слова", считая их одним из видов существительных, и в тоже время упоминает "счётные служебные слова", соответствующие современному подклассу глагольных счётных слов. Люй Шусян указывает на служебный характер счётных слов в целом, называя их в "Изучении грамматики" и в "Лекциях по грамматике и стилистике" (в соавторстве с Чжу Дэси) "вспомогательными существительными" (*fumingci*), "выражающими единичность предметов и явлений или действий", а также "единичными существительными" или "счётными словами". В словаре "Восемьсот слов современного китайского языка" 1980г. под редакцией Люй Шусяна счётные слова также выделены в отдельный класс слов, применяемых как при неисчисляемых, так и при исчисляемых предметах. В книге Ван Сишу "Числительные. Счётные слова. Местоимения" 1990г. указывается, что грамматическая группа исследовательского института языкознания китайской академии наук ещё в своём "Слове о грамматике" приравняла счётные слова к равноправному классу слов наряду с другими частями речи, что и является в настоящее время самой распространённой точкой зрения. Ван Сишу определяет счётные слова СКЯ как "слова, произошедшие от существительных и выражающие количественные единицы предметов и явлений или действий", а также приводит другие их наименования у различных исследователей: *bieci* "особые слова", *fanci* "категориальные слова", *shuweici* "разрядные слова", *leici* "родовые слова", *jibiao* "показатели счёта", *danweici* "слова единичности", *bufenci* "партитивные слова", *peibanci* "сопроводительные слова", *fumingci* "вспомогательные или дополнительные существительные", *zhumingci* "служебные существительные".

KOZHA Ksenia
(Moscow)

Initial abbreviations – «lettered-words» in modern Chinese

This paper is concerned with the use of foreign alphabets' letters and foreign words abbreviations, spelled in modern Chinese texts with the initials of these words. This phenomenon is normally called the initial abbreviations or 字母词 *zimuci* "lettered-words".

The flood of loan words in Chinese today is extremely rapid. The fact is that Chinese writing is a syllabic one, and a Chinese syllable is

the basic unit of the modern Chinese language. It seems to be quite natural that initial abbreviations, on entering Chinese, are pronounced as names of initials which are always syllables.

However, being dependant on the syllabic structure of the Chinese language, loan-letters themselves influence the Chinese phonetics. It should be noted that the reading of some Latin letters in Chinese is quite similar to the reading of some original Chinese syllables: C [xi] = *xi* "play" 戏, D [di] = *di* "earth" 地, I [ai] = *ai* "to love" 爱, etc. This is why CD *xidi* "compact disc" abbreviation sounds quite naturally in Chinese. The significant difference is this: the Chinese syllable is the minimal unit distinguishing meaning, and each syllable always bears a special tone. It is still to be found out whether loan-letters of foreign languages, being pronounced as syllables, bear tones or not, and if they do, how steady are the connections between abbreviations and their tones.

In 1927 E. D. Polivanov, describing the structure of a Chinese syllable, came to the conclusion that there are only several possible sequences of a syllable's four sound elements: 1) initial consonant 2) non-syllabic oral narrow vowel 3) syllabic sonant 4) non-syllabic final sonant. According to E.D. Polivanov, these several consequences are the following: 234, 23, 34, 134, 13, 3, 312. (1) In case of initial abbreviations we may see that the phonetic characteristics of English sounds in the names of English letters, pronounced as syllables, and phonetic characteristics of similar sounds in Chinese are not the same. There exist syllables with structures different from the above. For instance, V [vi:] in abbreviation CCTV. According to Polivanov, [u̯] belongs to the second class of syllable elements – non-syllabic oral narrow vowels, while [i̯] belongs to the forth class of elements – non-syllabic final sonants. Therefore the composition of [vi:] syllable (the name of V letter in writing) is 24. This combination is not found among those suggested by E.D. Polivanov, who, furthermore, reckoned that "a wide range of theoretically possible syllabic compositions is not represented in the Chinese language or is even impossible phonetically". However, contrary to Polivanov's aforecited statement, modern Chinese data lead us to the conclusion, that nowadays the language is penetrated by syllables with sound elements combined in completely new way.

The appearance of syllables with new phonetic characteristics in Chinese permits to speak of a new vision of the Chinese graphic system, the system which is tolerant to the letters of foreign alphabets, equal to Chinese original written signs, namely, characters. Evidently, it is permissible to a certain degree to suppose that the Chinese writing system nowadays is not only a hieroglyphic one, but also possesses certain features of an alphabetic writing. We can see a kind of scripts synthesis, where hieroglyphic and alphabetic writings are combined, while the phonetic perception of Chinese words is still based on the syllabic principle.

Кожа Ксения
(Москва)

Инициальные аббревиатуры –
«буквенные слова» в китайском языке

В последние годы заметно усиливается тенденция к использованию в текстах на китайском языке букв иностранных алфавитов и аббревиатур иностранных слов, составленных из инициалей этих слов. Такие слова называются или инициальными аббревиатурами, или 字母词 *zimuci* «буквенными словами».

Дело в том, что в китайской письменной системе не существует иероглифов, чтение которых соответствовало бы отдельным звукам иностранных слов, активно заимствуемым на современном этапе. Иероглифическое письмо является слоговым, а китайская силлабема – это основная, как считает А.А. Драгунов, составляющая современного китайского языка. Соответственно, когда иностранные аббревиатуры проникают в китайскую письменность в виде букв иностранных алфавитов, они произносятся как слоги.

Однако, повинуясь законам силлабического строя китайского языка, сами заимствованные знаки заметно влияют на его фонетические характеристики. Следует отметить, что звучание некоторых названий букв английского алфавита в некотором смысле аналогично звучанию собственно китайских силлабем: C [xi] = *xi* «игра» 戏, D [di] = *di* «земля» 地, I [ai] = *ai* «любить» 爱 и др. Очевидно, поэтому не представляется чужеродным в китайском языке звучание, например, такой аббревиатуры, как CD *xidi* «compact disk». Существенное же различие состоит в том, что китайские слоги, наделённые особой фонологической ролью, всегда тонируются. Пока остаётся открытым вопрос о том, тонируются ли, попадая в китайский язык, названия букв иностранных алфавитов в слоговом произношении, и если да, то насколько прочно закреплён тот или иной тон за аббревиатурами при всём многообразии возможных аббревиатурных сочетаний.

В своё время Е.Д. Поливанов описал состав и элементы силлабического представления слога (т.е. состав и элементы силлабем), предполагающего «наличие четырёх последовательных во времени звукопредставлений, которые следуют друг за другом в одном лишь обязательном порядке». Порядок этот образуется различными сочетаниями: 1) начального согласного, 2) неслогообразующего ртового узкого гласного, 3) слогообразующего сонанта, 4) неслогообразующего конечного сонанта. Поливанов приводит все возможные составы китайского слога: 234, 23, 34, 134, 13, 3, 312. (1)

Обратившись к примерам инициальных аббревиатур, можно видеть, что фонетические характеристики английских звуков, входящих в слоги-названия букв английского языка, не совпадают с фонетическими характеристиками похожих звуков в китайском языке. Сегодня в китайском языке свободно функционируют слоги, составы которых отличны от составов, названных Поливано-

вым. Например, слог [vi:] в аббревиатуре CCTV. Согласно характеристике, данной Поливановым, [u̯] («в» в русск. транскрипции) принадлежит к категории вторых элементов слога – к узким неслогообразующим гласным; звук [i̯] («и») относится к четвёртой категории неслогообразующих конечных сонантов. Следовательно, состав слога [vi:], обозначающего на письме название латинской буквы V, – это сочетание 24, которого нет у Поливанова.

Е.Д. Поливанов высказывал мнение о том, что «целый ряд теоретически возможных силлабических комплексов или просто не представлен в языке или даже является фонетически невозможным» (2). Однако факты современного китайского языка позволяют сделать вывод о том, что в нём всё же появляется целый ряд новых по составу слогов, вопреки приведённому утверждению Поливанова.

В связи с проникновением в китайский язык слогов, наделённых новыми фонетическими характеристиками, формируется новое представление о его графической системе, не исключающей употребления букв иностранных алфавитов наравне с исконными знаками китайской письменности, т.е. иероглифами. По-видимому, сегодня о письменной системе китайского языка можно, с определённой долей условности, говорить не только как об иероглифической, но и как о буквенной. В письменной матрице китайского языка сегодня виден определённого рода синтез иероглифического и буквенного способов записи, в то время как фонетическое восприятие по-прежнему зиждется на слоговом звучании, хотя структура слогов-названий букв в аббревиатурах уже несколько иная.

Список литературы:

1. Поливанов Е.Д. Краткая фонетическая характеристика китайского языка. М., 1927. Стр. 5

2. Там же, стр. 11.

3. Солнцева Н.В. Некоторые вопросы неологизмов. Материалы XI Международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки», Москва, 2002.

4. 子母词词典 (The dictionary of lettered-words), 上海辞书出版社，2001

KOZHEMYAKO Victor
(Vladivostok)

Korean – Russian Parallel Corpora

Almost all the countries with advanced information processing systems have established a basic language database of their own language such as British National Corpus. Russian National Corpus is also available now in WWW. Parallel Corpora in Russia has been carried out among Russian and European languages, but has not yet been extended to Oriental languages such as Korean. The Corpuses compiled in Republic of Korea also has not been extended to Russian.

The compilation of the Russian-Korean Parallel Corpus (RuCoPaC) began at Far Eastern National University in May 2002 with financial support from the Korea Foundation. From the start the design and compilation of the corpus have been carried out in close cooperation with sister projects in Republic of Korea (Center For Language and Information Developments Yonsei University).

The aim of the Corpus. Parallel corpora have proved extremely useful resources for cross-linguistic research and translation studies in recent years. They are also important for practical applications in various fields, such as lexicography, language teaching and computer-aided translation.

The use of corpora allows everyone, from the theoretical linguist to the student learning a second language, to become a researcher. But we strongly believe that parallel corpora have not only been used for linguistic research. A corpus should be integrated into teaching and learning.

A computer-supported investigation of language corpora provides a powerful and simple tool for language learning. Corpus data present a means by which lexical and grammar teaching may be more effective – and more importantly may be rated more positively by learners. The vast differences in writing pronunciation, vocabulary and culture would take at least three or five time more for Russian speakers to achieve a same level of proficiency in Korean than in English. So some research and teaching methods are needed for effective language study.

The Russian-Korean corpus (RuCoPaC) aims at helping intermediate Korean or Russian language learners, such as university students, further improve their second language.

Other aims are to use corpus for grammar and textbooks compiling and for dictionary making.

The principle of selecting Russian and Korean texts is that they should be appropriate for university students to read, and that they should show a variety of genres such as novels, newspapers, TV and radio news, speeches, film scenarios, so these genres were taken into first consideration.

It is not too difficult to find texts in one language, but to get parallel texts in two languages takes some searching. The amount of the Korean texts suitable to creation of the parallel corpus is very limited. So we had we had to use in Corpus own still unpublished translations.

Translation and Interpretation Training. Some materials from parallel corpora have already been successfully used for research into the translation teaching and training.

Dictionary compiling. Now all authentically rigorous language grammatical description and dictionaries are compiling based on language corpus. We also use our corpus for compiling Korean-Russian dictionary (KRAS)

KRAVCHENKO S.L.
(Moscow)

The role of borrowings in the development of the Amharic lexical system

Кравченко С.Л.
(Москва)

Роль заимствований в развитии лексической системы амхарского языка

Экономические, политические, торговые и культурные связи Эфиопии с различными народами привели к проникновению в амхарский язык большого количества заимствований из различных языков (греческого, геэза, английского, итальянского и др.). При этом следует отметить, что арабские заимствования играют существенную роль в развитии лексической системы амхарского языка. В докладе основное внимание уделено вопросам арабской интервенции в амхарском языке на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

KULMAMATOV D.S.
(Termez)

From the history of Turkic borrowing in Russian 1 (*yarlik, yerlichek, babr, elbars*)

Analysis of vocabulary content of the Russian original and translation business documents from the Central Asian work of the Ambassadorial order of the Russian state archive of the ancient acts shows, that there were used the considerable amount of words characteristic for east, including Turkic languages. Among them the large attention is attracted in themselves the words of *yarlik, yerlichok (yarlichek), babr, elbars.*

Yarlik – " the official message of east governors". Under the statement of F.P. Sergeev, in written monuments of Russian language the Turkic word yarlik as the diplomatic term in XVI century was not used further". But the analysis of our sources shows, that it was used in Russian and in XVII century. For example, word *yarlik* by us registered in report list of ambassadors Savin Gorokhov and Anisim Gribov in Khiva and Bukhara in 1641-1643s.

But it is necessary to notice, that in foreign originals of the Central Asian business documents written Arabian alphabet, in relation to official messages of khan alongside with the term *yarlik* other words were used also: *huts* "letter", '*Inayatname*' "gracious letter". In ancient Russian translations of the letters of the Central Asian khans and petitions of their ambassadors they were translated by a word the letter ascending in turn to Greek *τά γράμματα* (the plural form from *το γράμμα*). Thus, in XVII century the word the letter began to designate official "the written reference" of the governors not only Russian and western states, but also East countries.

Yerlichek – "a slip applied to something". This term formed from a word *yarlik* through diminutive suffix *-check* is marked by us only in the unique document – at the end of ancient Russian translation of the letter of Bukhara khan Abdulaziz Bahadir to the tsar Fedor Alekseevich on February 12, 1668: "*На ярлычке напечатано рабъ б(о)жии Абдулазиз Багадыр хан*»

In the dictionary of I.I. Sreznewsky it is not certified. In a card file of the Dictionary of Russian Language of XI-XVII centuries *yerlichek* (*yarlichek*) is mentioned in the not dated document from Revelsky town archive (1397-1689).

Babr-yelbars. A word *babr* ("a large predatory mammal family of cat-like orange-yellow black strips, of colouring") in our materials meets frequently. In particular, it is fixed by us in ancient Russian translation of petitions of Khiva ambassador Davlatmamet to the tsar Aleksey Mikhaylovich on 1657.

In Russian written monuments *babr* for the first time on materials "of the Dictionary of Russian Language in XI-XYII centuries" It is marked in first half XYII centuries. (1624) in Khojeni F. Kotov.

This word, under the certificate M. Fasmef, Russian is borrowed from Persian through Turkic *babr* "tiger". After M. Fassmer one of the composers of the first volume of the second edition" of the Dictionary of modern Russian literary language " (G.N. Sklyarevskaya) the given word too is erected to Turkic *babr* by "tiger", that, on our sight, requires specification, as to the borrowed Russian word babr in foreign originals (Turks and Persian) Central Asian business documents XVII century correspond *yolbars* (literally "striped tiger") or *kaflan* ("tiger"). L.Z. Budagov and V.V.Radlov Persian *babr* is translated by a word *leopard.* However, probably, both translations are unsuccessful, as a leopard ("a Large predatory animal from family of feline species with a reddish-yellow spotty wool") and *babr* different kinds of feline family. Therefore unique probable there is an assumption, that Russian *babr* is borrowed from the Persian language, approximately in second half XYI century – from time of the intensive trade and diplomatic relations of Moscow state with Persian state.

Quite often in ancient Russian translations Khiva and Bukhara letters XYII century and petitions instead of Persian *babr* the word *yelbars*, in particular, it by us noted in ancient Russian translation of the letter of Khiva khan Isfendiyar was to the tsar Mikhail Fedorovich on 1633.

Thus, Persian word *babr* and Turkic – *yelbars* in Russian in XYII century were used as synonyms.

Кулмаматов Д.С.
(Термез)

Из истории тюркских заимствований в русском языке 1 (*ярлык, ерлычек, бабр, елбарс*)

Анализ словарного состава русских оригинальных и переводных деловых документов из среднеазиатских дел Посольского приказа Российского государственного архива древних актов показывает, что в них использовалось немалое количество слов, ха-

рактерных для восточных, в том числе тюркских языков. Среди них большое внимание привлекают к себе слова *ярлык, ерлычек (ярлычек), бабр, елбарс.*

Ярлык – «официальное послание восточных правителей». По утверждению Ф.П. Сергеева, в письменных памятниках русского языка тюркское «слово *ярлык* как дипломатический термин дальше XVI в. не употреблялось. А анализ наших источников показывает, что оно использовалось в русском языке и в XVII в. Например, слово *ярлык* нами регистрировано в статейном списке посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641-1643гг.

Но следует заметить, что в иноязычных оригиналах среднеазиатских деловых документов, написанных арабской графикой, по отношению к официальным ханским посланиям наряду с термином *йарлик* употреблялись и другие слова: *хат* «письмо», *'инайат-намэ* «милостовое письмо». В старинных русских переводах грамот среднеазиатских ханов и челобитных их послов они переводились словом *грамота*, восходящим в свою очередь к греч. *τά γράμματα* (форма мн. ч. от *το γράμμα*). Таким образом, в XVII в. слово грамота стало обозначать официальное «письменное обращение» правителей не только российского и западных государств, но и Восточных стран.

Ерлычек – «записка, прилагаемая к чему-нибудь». Этот термин, образованный от слова *ярлык* при помощи уменьшительного суффикса *-чек* нами отмечено лишь в единственном документе – в конце старинного русского перевода грамоты бухарского хана Абдулазиза Багадыра царю Федору Алексеевичу от 12 февраля 1668 г.: «*На ерлычке напечатано рабъ б(о)жии Абдулазиз Багадыр хан*»

В словаре И.И. Срезневского он не засвидетельствован. В Картотеке Словаря русского языка X1-XУП вв. *ерлычек* (*ярлычек*) упоминается в недатированном документе из Ревельского городского архива (1397-1689 гг.).

Бабр-елбарс. Слово *бабр* («крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих оранжево-желтой с черными полосами окраски») в наших материалах встречается часто. В частности, оно нами зафиксировано в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Девлетмамета царю Алексею Михайловичу от 1657 г.

В русских письменных памятниках *бабр* впервые по материалам «Словаря русского языка X1-XУП вв.» отмечается в первой половине XVII вв. (1624 г.) в Хожении Ф. Котова

Это слово, по свидетельству М. Фасмера, русским языком заимствовано из персидского через тюркское *bäbr* «тигр» Вслед за М. Фасмером один из составителей первого тома второго издания «Словаря современного русского литературного языка» (Г.Н. Скляревская) данное слово тоже возводит к тюркскому *bäbr* «тигр», что, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку заимствованному русскому слову *бабр* в иноязычных оригиналах (тюрки и фарси)

среднеазиатских деловых документов XVII в. соответствуют *йолбарс* (дословно «полосатый барс») или *кафлан* («тигр»). Л.З. Будагов и В.В. Радлов персид. *бабр* переводили словом *леопард*. Однако, вероятно, оба перевода являются неудачными, так как леопард («Крупное хищное животное из семейства кошачьих с рыжевато-желтой пятнистой шерстью») и *бабр* – разные виды семейства кошачьих. Поэтому единственным вероятным остается предположение, что русское бабр заимствовано из персидского языка, примерно во второй половине XVI в. – со времени интенсивных торговых и дипломатических отношений Московского государства с Персией.

Нередко в старинных русских переводах хивинских и бухарских грамот XVII в. и челобитных вместо персидского *бабр* употреблялось слово *елбарс*, в частности, оно нами зафиксировано в старинном русском переводе грамоты хивинского хана Исфендияра царю Михаилу Федоровичу от 1633 г: «*Да послал (Исфендияр хан) есми к вашему (Михаилу Федоровичу) величеству скорым деломъ жеребецъ аргамачеи ... да елбарсова кожа*».

Таким образом, персидское слово *бабр* и тюркское – *елбарс* в русском языке XVII в. употреблялись как синонимы.

KUTELIA N.S.
(Tbilisi)

Disintegration of the Colchic linguistic community and integration of Mingrelian and Laz as dialects

Кутелия Н.С.
(Тбилиси)

Распад колхской языковой общности и интеграция мегрельского и лазского как диалектов

Распад общекартвельского языка положил начало возникновению языковых единиц, которые приобрели в дальнейшем форму исторически засвидетельствованных картвельских диалектов. На раннем этапе распада общекартвельского языкового единства сванский, согласно Г. Деетерсу, выделился как самостоятельная единица, в противоположность грузинско-занскому языковому единству. К более позднему этапу относится выделение грузинского и занского (мегрельско-лазского). К наиболее позднему этапу надо относить распад занской (гезр. колхской) языковой общности и, тем самым, возникновение и обособленное развитие мегрельского и лазского диалектов. Причиной распада колхского языкового единства послужили культурно-исторические факторы. В начале новой эры картвельские племена – лазы и мегрелы, в исторической традиции именуемые колхами, всё ещё сохраняли территориальную целостность, нарушение которой относится, предположительно, к V-VШ вв. Дальнейшее развитие исторических событий привело к их полной языковой изоляции.

Лазы длительное время находились под политическим и культурным влиянием Византии. В 1453 году турки взяли Константинополь и Византийская империя пала. Чуть позже, в августе 1461 года турецкие воины ворвались в осаждённый Трапизон и империя Великих Комнинов, охватившая часть исторической Лазики, прекратила существование. Наступил крутой перелом в жизни лазов, обусловленный характером турецкого владычества. Однако лазы сумели сохранить язык, территориальное единство и, что самое главное, этническую целостность. Тем не менее, лазский подвергся влиянию турецкого языка, что в основном отразилось в лексике и синтаксических кальках.

Фонологическая система, как и ожидалось, оказалась более устойчивой. Несмотря на полную изоляцию от ареала распространения других картвельских языковых единиц, лазский сохраняет удивительное сходство с ними с точки зрения фонемного инвентаря и парадигматических отношений, значительно расходясь в правилах синтагматической сочетаемости.

Лазская фонологическая структура развивалась согласно законам, действующим внутри языка, и рассматривается нами в основном как результат исторически действующих фонетических процессов – палатализации, дефарингализации, глотализации, соноризации. Все эти тенденции выходят за пределы комбинаторной интерпретации и являются глобальными для языка. Следовательно они обусловлены самой структурой языка.

Фонетическая эволюция и структура языка, как взаимодействующие и взаимообусловленные явления, определили единовременность процессов дифференциации колхской (мегрело-лазской) языковой общности и интеграции мегрельского и лазского, как диалектов.

LADYNIN Ivan A.
(Moscow)

The Near Eastern Interregional States («Empires») Viewed through the Ancient Egyptian Toponymy: The Term *Stt/ Stt*

The use of Ancient Egyptian foreign toponymy in the 1st Millenium B.C. is attached to two different spheres: to the temple texts registering the ritual triumph of Pharaoh (in Graeco-Roman time often unnamed) over lands and peoples abroad; and to the actual historical sources. A look at the latter ones shows that the general term applyed to Near Eastern empires of the period is *Stt/ Stt* (often its ethnonymical derivative *Sttyw/ Sttyw*).

Its earliest use in this context is found in the Elephantine Stela of Amasis, telling about the invasion of *Sttyw*, i.e. the Babylonians under Nebuchadnezzar II, in Egypt in 568 B.C. (CM849, l. 14). We have no samples of the kind throughout the Achaemenian period: Udjahorresne called the whole of the Persian empire and its population h3st ("foreign country") or its derivatives (ll. 11-12 of his inscriptions), while the other texts called the Achaemenian metropoly *Prs* ("Persida") and the satrapies with their authentic names in hieroglyphics. The use of *Stt/ Stt* was impossible due to its pejorative connotation (as a denotate of Pharaoh's ritual foe-country): the Achaemenians, as Egypt's legitimate dynasty, would obviously not allow their Hinterland being spoken of like that even in purely Egyptian context.

In the 4th century B.C. *Stt/ Stt* must apply to the Achaemenian empire in the inscription of Wennefer from Saqqara (time of Teos-Nectanebo II; unpublished; ll. x+5-6). The association of the term with this Near Eastern superpower became a stereotype of the post-Achaemenian period. We hardly know it from the time of Alexander (except the Stela of Naples where Stt meant the Achaemenian empire: Urk.II 3.16, 4.4), when, due to his being Pharaoh, the Egyptians had a pretext to imagine themselves the overlords of his new empire (Alexander's Egyptian titulary; distant reminiscences in the Romance of Alexander, C.II.27.3). The traces of this are preserved at the start of the Satrap Stela (CM22182, 311 B.C.; Urk. II 13.3); but in its major text *Stt* and *Sttyw* appear again, meaning the vanished Achaemenian empire (id. 14.9, in the important context of returning the stolen sacred images, and 16.14) and, somewhat unexpectedly, the Alexander's empire as its successor (13.4).

In the Ptolemaic inscriptions *Stt* is a denotate of the target land of these kings' expeditions, in significant connection with the return of the stolen sacred images (the Pythom Stela: Urk.II 91.6; the Canopus Decree: id. 128.12). This blasphemy was strongly associated with the Persian rule in Egypt, while the Asiatic concurrents of the Ptolemies were the Seleucides. Calling their empire *Stt* seems to show it a legitimate successor of Persia bearing all the responsibilities connected with it (like the duty to return once stolen relics).

We are to conclude that in the 1st Millenium B.C. the Egyptians worked out the idea of the "everlasting" multiregional Asiatic state at the Near East, *Stt* being its denotate. The most important for this was the long existence of the Achaemenian empire: later the empires of Alexander-Argeadai and Seleucides could be viewed as its successors and actually its new forms.

LANDER Yury A.
(Moscow)

Interpreting a typological cluster: The case of the Circassian/Philippine system

This paper focuses on a correlation between several grammatical characteristics observed among a number of genetically and geographically non-related languages represented here by a few Circassian (< Northwest Caucasian) and Philippine (< Austronesian) languages. The relevant cluster of grammatical features includes particularly

(a) the absence of the syntactic distinction between nouns and verbs;

(b) certain characteristics associated with ergative-based systems, i.e. systems contrasting absolutive arguments (intransitive subjects and transitive objects) with ergative ones (transitive subjects);

(c) the fuzziness of the distinction between arguments and non-arguments;

(d) the existence of (by no means obligatory) agreement in number only.

The general idea proposed here is that many (if not all) of these features may be traced back to the broader use of the mechanism of equation (like the one observed in pseudo-cleft constructions) as opposed to predication, which is predominant in 'Standard Average European' (SAE) languages. Thus, for instance, the absence of the syntactic part-of-speech distinctions is motivated by the fact that the basic parts of equational sentences are likely to be associated with the same syntactic category (although a category-shift may also be present as a marked means restricted to minor word classes).

Further, if this category is generally individual-denoting rather than eventuality-denoting – as is suggested by the typical equational sentences – it can be hypothesized that at least some of the major constituents in a language would display features relating them to relative clauses (mapping eventualities to some of their arguments) in SAE languages (for Philippine languages see Ross 2002 and references therein). This seems to be the case, as the features (b) and (c) above indicate:

– it has been argued that absolutive arguments are better candidates for relativization than ergative arguments even in non-ergative languages (see Fox 1987; this fact can arguably be traced back to the factor of the involvedness of an argument); accordingly, one can expect that a language of the kind described here would show ergative features;

– relativization in many languages is not limited to the core arguments of a basic predicate, and this well corresponds to the fuzziness of the distinction between arguments and non-arguments mentioned above.

Finally, the "number only" agreement may be a direct consequence of the fact that noun phrases (or any similar individual-denoting categories) often do distinguish number but not person.

It is worth saying that in practice the situation in languages under consideration is not always so transparent. Indeed, there is a big chance that while being unmotivated on the part of information structure, this system may turn out to be unstable, thus easily undergoing the changes occurred under pressure of information structure (the changes whose results are observed for other ergative systems as well; see Silverstein 1976). At the same time, further traces of such a system

can remain (this presumably could also provide a link to the nominal features observed in syntax of some other Austronesian languages; cf. Alieva 1998). However, if this hypothesis is right, this will prove once more that languages may differ in how they distribute the mechanisms of predication and equation.

References

Alieva, N.F. 1998. Tipologičeskie aspekty indonezijskoj grammatiki. Moscow: Fond "Novoe tysjačeletie".

Fox, B.A. 1987. The noun phrase accessibility hierarchy revisited: subject primacy or the absolutive hypothesis. Language 63: 856-870.

Ross, M. 2002. The history and transitivity of western Austronesian voice and voice-marking. In The History and Typology of Western Austronesian Voice Systems, ed. by F. Wouk and M. Ross, 17-62. Canberra: Pacific Linguistics.

Silverstein, M. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In Grammatical Categories in Australian Languages, ed. by R. M. W. Dixon, 112-171. Canberra: AIAS.

LANDO N.S.
(Moscow)

The problem of developing oral speech skills in teaching Arabic

Ландо Н.С.
(Москва)

Проблема формирования навыков устной речи при преподавании арабского языка

Имея небольшой (3 года), но разнообразный опыт преподавания арабского языка, я постоянно сталкиваюсь с проблемой формирования у студентов навыков устной речи на изучаемом языке. Я бы подразделила свои аудитории на две группы:

– студенты ВУЗов, для которых арабский язык – это базовый иностранный язык, предусмотренный программой обучения (в частности в Российском государственном гуманитарном университете);

– взрослые люди, интересующиеся арабскими странами и изучающие арабский язык исключительно в практических целях.

Специфика языковой ситуации в арабских странах заключается прежде всего в огромной разнице между системой, так называемого, литературного арабского языка (ЛАЯ) и систем диалектов, или разговорных арабских языков. На материале ЛАЯ существует огромное количество исследований, как в нашей стране, так и за рубежом. Подготовлены программы и методические пособия для преподавания этого языка. По окончании полного курса обучения (4-5-6 лет) предполагается свободное владение языком, в том числе и умение высказываться на заданную тему. Моя вузовская аудитория – это студенты Института лингвистики РГГУ. Здесь вопрос включения в программу самых разнообразных аспектов грамматики, синтаксиса, морфологии арабского языка очевидно получает положительный ответ.

Однако в последствии эти студенты получают счастливую возможность применить свои знания на практике. Они приезжают в одну из арабских стран и обнаруживают, что могут общаться только с вывесками. В Египте, например, они не только не смогут понять обращенные к ним высказывания, но и быть понятыми, если будут говорить на ЛАЯ.

Еще более остро эта проблема стоит в случае аудитории второго типа, т.е. людей, изучающих арабский язык только с практическими целями. Миновать ЛАЯ никак нельзя, потому что таким образом отбрасывается огромный пласт письменной речи (газеты, документы, художественная литература), а также устные тексты, например, в виде новостных передач.

Кроме того, даже если сосредоточится только на разговорном языке, то автоматически возникает вопрос: а на каком из них? Ведь это и есть одна из миссий арабского литературного языка – являться связующей нитью для всего арабского мира. Владея им и отыскав более-менее образованного человека в любой арабской стране вы все-таки достигнете взаимопонимания.

Понятно, что через какое-то время, пребывая в стране изучаемого языка, студент постепенно начнет использовать те языковые модели, которые он встречает в повседневной жизни. По всей видимости, задача свободного владения устной речью именно на разговорном языке не может ставиться при обучении, например, лингвистов. Однако я считаю, что поскольку владение живым языком предполагает говорение на нем, и не только об абстрактных вещах, но и в бытовых ситуациях, то моя задача как преподавателя – максимально ускорить процесс восприятия студентами разговорных моделей во время языковой практики.

Теперь возникает вопрос, как и когда, в какой момент стоит начать эту подготовку. Стоит ли начинать делать это уже на первом-втором курсе, когда еще не вполне усвоен строй ЛАЯ? Или заняться этим ближе к концу обучения, учитывая в том числе сроки предполагаемой стажировки, т. е. предложить студентам интенсивный курс непосредственно перед стажировкой? А если студенты едут в разные страны? Кроме того, сам преподаватель обычно в большей степени имеет представление только об одном диалекте или группе диалектов.

И наконец, вопрос о методическом обеспечении подобных занятий. Насколько мне известно, в России существует ряд публикаций по отдельным диалектам арабского языка, но не по методологии их преподавания.

Хотелось бы обсудить с коллегами выдвинутые мной вопросы, обменяться опытом преподавания диалектов с российскими, а также зарубежными преподавателями.

LEVIN Aryeh
(Jerusalem)

The Arabic dialects of the Upper Galilee

The dialect area of the Upper Galilee (Israel) is not a homogenous one. It includes some dialect-groups differentiated by communal and social criteria. In this region we must distinguish between the dialects of the traditionally sedentary population, and those of the population of Beduin origin, today living in some settled localities.

This paper deals only with the traditionally sedentary dialects of the Upper Galilee which are divided today into two main groups: the Christian and Muslim dialects vs. the Druze. The main feature distinguishing these two groups is the shift of Old Arabic *q*: in the Muslim and Christian dialects the shift of this old consonant is "hamza", while in the Druze dialects it is pronounced as *q*. The Christian dialect of Mi`ilya forms an exception in this respect, since its speakers pronounce this sound as *q*.

The paper deals with some typical phonological, morphological, syntactic and lexical features of the Upper Galilee dialects, and with their division into sub-groups. It also includes a discussion comparing these dialects with neighboring dialects.

LEVIN G.G.
(Yakutsk)

Inscriptions of the Lena and Baikal area as a source of studying the history of the Jakut language

Левин Г.Г.
(Якутск)

Ленско-Прибайкальские надписи как источник исследования истории якутского языка

Рунические надписи Якутии и Прибайкалья можно разделить на три группы:

1) древние надписи – надписи на скалах (ленско-прибайкальские надписи, наскальные надписи на территории Якутии – р. Синяя, Олекма, Марха);

2) поздние надписи (XIV-XVIII вв.) – надписи на различных мелких предметах (на наконечнике стрелы, на печати, различные рунические знаки на специальных досках);

3) комбинированные надписи (XVII-XVIII вв.) – надписи из Вилюйска, Хотугу Челгерия, Нучалах аласа (Чурапчинский улус), надпись из Улах-Ан I.

Нужно отметить, что на территории современной Якутии наблюдаются не только следы древней руники, но и прослеживается дальнейшее развитие рунической письменности. Например, здесь можно отнести тамги-руны, оставленные на различных печатях,

календарях XVII-XVIII вв., руническую надпись на наконечнике стрелы XIV века, найденную в Усть-Алданском улусе при раскопке кулун-атахской культуры, а также комбинированные надписи XVII века, в которых, по нашему мнению, в немалом количестве имеются рунические знаки. По всей вероятности, некоторая часть якутов сохранила до позднего времени письменность предков и пользовалась ею. В частности, о существовании таинственной письменности у предков якутов упоминается не только в олонхо и преданиях, но и встречается в рассказах старожителей. Очень часто сказывается, что таинственными знаками пользовались шаманы и народные лекари, сказители народного эпоса олонхо.

LEZHAVA Ivan I.
(Tbilisi)

A spectographic analysis of sounds in Georgian

Лежава И.И.
(Тбилиси)

Спектрографический анализ звуков грузинского языка

Для спектрографирования звуков грузинского языка использован динамический сонограф с диапазоном 0,1 -8,0 кГц.

В качестве материала взяты двух-, трёх- и четырёхсложные слова – произнесенные дикторами – мужчиной и женщиной. Согласные звуки проанализированы в соседстве с тремя гласными (a, u, i), в позициях перед гласным звуком, после него и между гласными.

Звуковая система грузинского языка состоит из трёх групп: шумные, сонорные и гласные. Среди шумных согласных выделяются взрывные, аффрикаты и щелевые. Взрывные и аффрикаты представлены троичной системой – звонкий, придыхательный, абруптив (глоттализованный) – расположенный – всего в пяти локальных рядах. Щелевые согласные представлены глухим ларингальным, переднеязычными парами и поствѐлярной (увулярной) тройкой.

По спектральным характеристикам шумные делятся на две основные группы: в одну входят лабиальные и заднеязычные согласные, в спектре которых основная энергия представлена низкими и средними частотами; во вторую группу входят переднеязычные согласные, спектр которых охватывает частоты выше 2,0 кГц (следует отметить, что глухой ларингальный щелевой имеет признаки обеих групп, в зависимости от окружающих гласных). Кроме того, выделяются признаки характеризующие отдельные локальные ряды и серии.

Сонорные согласные отличаются, от шумных отсутствием шума, а от гласных – низким уровнем интенсивности и нечетко выраженной формантной структурой.

Для идентификации гласных достаточны значения первых двух формант. Для различения гласных информативны также соотношения значений первой и второй формант, вне зависимости от особенностей речевого аппарата эти данные для одного и того же гласного более стабильны.

LIJEV A.B.
(Elista)

On the long vowels in Tungus languages (based on the evidence of the Manchu language)

Лиджиев А.Б.
(Элиста)

О долгих гласных в тунгусо-маньчжурских языках (на материале маньчжурского языка)

Проблемы общности алтайских языков по существу невозможны без выхода за пределы близкородственных групп, т.е. только на данных тюркских или монгольских или тунгусо-маньчжурских языков. Хотя основные черты алтайской языковой семьи вырисовываются достаточно четко, тем не менее перед алтайским сравнительным языкознанием, несомненно, стоит еще много задач в области фонетики, морфологии и этимологии, где не достаточно полно использован для алтайской реконструкции материал тунгусо-маньчжурских языков.

Одной из таких проблем являются долгие гласные в алтайских языках. Исходя из накопленных алтаистикой данных, т.е. установления регулярных соответствий, реконструируемых в системе соответствий гласных маньчжурского языка можно сказать следующее:

1. В маньчжурском языке не отражаются долгие гласные, т.е. долгие гласные одного из языков находят себе соответствующие долгие или нормальные гласные в других языках. Исключение составляют некоторые единичные случаи, например: ма. *moo* "дерево", эвенк., сол., эвен.. нег., ороч., уд., ульч., орок., нан. *mō* "id", п.-мо. *modon*, мо., мод, калм. *модн*, бур. *модо(н)* "id". В остальных случаях долгота в маньчжурском языке не сохраняется. например: ма. *šun* "солнце", эвенк., сол., эвен. *siγun*, нег., ороч. *seun*, уд. *sūn*, ульч. *siun*, орок. *seun*, нан. *siu* "id"; ма. *ton* "число, счет", п.-мо. *toγo*, мо. *moo*, калм. *mo*, бур. *moo* "id"; ма. *fon* "время, пора", чж. *fūh-wān-tò* "время", ср.-мо. *hon*, п.-мо. *on*, мо., калм., бур. *он* "год", чжурчженьские данные позволяют в этом слове восстановить первоначальный долготный комплекс *-uva-*, давший впоследствии долготу, которая однако не сохранилась ни в монгольском, ни в маньчжурском языках;

2. В результате выпадения интервокального согласного в тунгусо-маньчжурских языках образуются долгие гласные, в основном это касается языков северной подгруппы, в южной этот согласный дает как долготу, так и дифтонг или сохраняется. В маньчжурском же языке долгота не отмечается, а имеет место краткий гласный. Иными словами, долготный комплекс с гласными твердого ряда, т.е. *~uwa~*, дает долгий гласный "*ā*", в случае же с гласным мягкого ряда *~uwe~* образуется долгий гласный "*ū*, наприме: эвенк. *ǯān*

"десять", сол. ǯ̃ā; ǯ̃ānrъ, эвен. ǯ̃ānra, нег. ǯān; ǯā(n-), ороч. ǯā(n-), уд., ульч. ǯuan ~ ǯuvan, орок. ǯōn, нан. ǯō̃ā, ма. ǯuvan "id"; п.-мо. jaγun < *jawun "сто". Вероятно ма. ǯuvan "десять" и п.-мо. jaγun "сто" гомогенного происхождения; эвенк. ǯūr "два" сол. ǯūr, эвен. ǯūr, нег. ǯūl, ороч. ǯū, уд. ǯū, ульч. ǯuel, орок. dū, нан. ǯuer, ма. ǯuve "id"; уд. kūnti "голубь (дикий лесной)", ульч. kuti "голубь", нан. kūči "голубь", ма. kuvelčihe ~ kuvečike "голубь".

Развития гласных в тунгусо-маньчжурских языках с основной опорой на маньчжурский язык, поскольку маньчжурский язык является единственным из засвидетельствованных в полной мере старописьменным языком, представляет собой попытку пролить свет на развитие фонетических соответствий между тунгусо-маньчжурскими языками и, шире, алтайскими. В качестве освещения данной вопроса были рассмотрены выше приведенные примеры в первом слоге, поскольку эта позиция является важной как для данной языковой семьи, так и для всей алтайской языковой общности, и образование вторичных долгих гласных в тунгусо-маньчжурских языках, так как в тунгусо-маньчжурских языках имеются долгие гласные первичного и вторичного происхождения. Состав подобных фонем от начального пратунгусо-маньчжурского языка имеет различную реализацию в языках данной семьи.

LURJE Pavel
(St. Petersburg)

Dialects of Sogdian from toponymical viewpoint

The survived texts in Sogdian language, a dead East-Iranian tongue of the region of Samarqand and Bukhara, express minimal (if any) dialect variations, the texts were written in a unitary language with variation in their style and antiquity (they are Sogdian Buddhist, secular, Manichaean and Christian texts). Nevertheless, we have indirect evidence that there was variation between the dialects of Samarqand, Bukhara, Chach (Tashkent) etc.

A rich collection of the place-names of Sogdiana, preserved chiefly in Arabic and Persian sources show some dialect variation in the toponymy of Samarqamd, Bukhara, Farghana, Chach, Northern Tokharestan. In this paper I'll try to show previously unknown features of phonetics, lexicon and elements of morphology of these dialects.

MAKHPIROV V.U.
(Alma-Ata)

The concept *tör* in Altaic languages

Махпиров В.У.
(Алма-Ата)

Концепт *tör* в алтайских языках

В каждой национальной культуре имеется целый ряд базовых понятий, которые оказали самое существенное воздействие на формирование данной культуры, которые аккумулируют в себе суть

данной культуры, восходят к самым ее истокам и составляют основу данной культуры во все времена ее существования. Таких понятий не так много – не более пяти десятков для каждой культуры (и, видимо, также не более пяти десятков для культуры общечеловеческой). В современной культурологии, а через нее и в лингвистике эти базовые понятия обозначаются термином "концепты".

Для тюркского, и шире – алтайского мира подобным концептом или базовым понятием, заключающим в себе наиболее важные, знаковые, определяющие значения, является термин *tör* "почетное место". В социально-культурной организации общества в тюркском мире данный термин имеет чрезвычайно важное значение: в жилище *tör* – самое почетное, даже сакральное место, занимать которое имеют право старейшины дома и наиболее почетные гости и доступ куда запрещен членам семьи, занимающим в социальной структуре более низкое положение (исторически неоднозначно для разных даже тюркских культур – невесткам, зятьям и другим).

Структурно-функциональная организация тюркского жилища переносилась и на социальную организацию общественных институтов тюркского мира. Известно, что жилище, являясь квинтэссенцией освоенного человеком мира, представляет собой один из ключевых символов культуры, в котором нашли отражение все важнейшие категории картины мира, освоенного человеком, и что во всех традиционных культах дом являл собой imago mundi – образ Вселенной (2, 61). Кроме того, утверждается, что в древних обществах существовала универсальная тенденция к геометризации структуры пространства с выделением общего центра и дифференциацией иерархических частей, из которых восточная, как правило, с аристократией, восходом, солнцем (3, 439).

Так, политическая структура древнетюркского общества полностью мультиплицируется на структурную организацию тюркского жилища, тем самым подтверждая причастность символики жилья и семиотической значимости его элементов, как знакового комплекса, отражающего различные социокультурные аспекты жизни общества к образу мира в целом.

Структурные соответствия пространственной организации жилища и политико-территориальной организации древнетюркского общества в значительной мере подтверждают вывода А.Н. Кононова о связи термина *türk* с термином *tör* (7), а также наше предположение о связи *толес* с *töl* "момент родов, детеныш" (ДТС, 579) или "собственный, лично принадлежащий", а *тардуш* с *tar-* "распускать, разгонять, рассеивать" (ДТС, 536, Кайдаров, 287).

Термин *tör* употребляется и вне жилища, но в значениях, близких к основному: ср. чув. *тара* "верхушка дерева", первоначально "верхушка мирового дерева"; тат. *тора*, *тура* "город, ограждение, место моления, капища на вершине высокой горы" (8 Ахм), *тор* "самая верхняя часть долины, высокогорное пастбище" (каз., кирг.) (9, 50), *тура* "сторожевая или сигнальная башня; высокий, рослый" (уйг.) и др.

Без сомнения, гомогенными с данным термином являются термины *töre / törà* со значениями "обычай, право" (турецкое), "аристократ, сановник, господин" (каз., кирг., уйг., узб. и др), "судья" (каз., кирг.), *törel* "нравственный" (турецк.), *tören* "торжество, церемония, обряд" (турецк.), *mypa* "сторожевая башня, высокий, рослый" (уйг.) и др.

Происхождение термина *tör* "почетное место" следует связать с общеалтайским *turu / toru* "столб, шаманское дерево, жердь, верхним концом выходящая через дымовое отверстие чума для камлания; шест из обтесанной лиственницы (дорога, по которой духи поднимаются на небо)" (ССТМЯ, 11,221). Указанный столб, несущий важную религиозно-обрядовую функциональную нагрузку, имеет аналоги во многих мировых культурах (10), сохранился в виде реликта в традиционных жилищах алтайцев и даже современных жилищах тюркоязычных народов в виде колонны в центре комнаты. В тюркской юрте произошли существенные структурные изменения внутреннего убранства. *Turu*, столб в середине, подпиравший остов юрты и упиравшийся в шанырак, представлявший собой первоначально религиозно-обрядовый (шаманский) атрибут, утратил свое функциональное значение и был устранен из структуры жилища.

Таким образом, функциональный и религиозно-мифологический статус шаманского дерева *turu* был перенесен на лексически производное от него *tör* "почетное место" и "бакан". Можно привести еще более отдаленные в этническом, но весьма близкие в лингвистическом плане параллели к *turu* "шаманское дерево": ср. санскритское *taru* "дерево".

Если учесть, что центрально-азиатские культуры осваивали и передавали южно-сибирским народам элементы индоиранской мифологии, причем глубина подобных проникновений могла быть весьма значительной, более того, возникновение письменности, а также постепенное утверждение в тюркской среде идеологии мировых религий – в той или иной мере связаны с тюрко-согдийскими и тюрко-тохарскими контактами, перераставшими зачастую в культурный симбиоз (12, 170), а также и известные гипотезы об индоиранском происхождении шаманства, в том числе и у тюрков, было бы весьма заманчиво предположить связь тюркского *tör* "почетное место" > *turu* тунгусо-маньчжурское "шаманское дерево" > санскритское *taru* "дерево". Думается, что с лингво-культурологической точки зрения подобное сопоставление весьма продуктивно.

Имеются и другие лингвистические параллели к *tör*, *turu*: немецкое *Tür*, английское *door*, санскритское *dvar* и русское *дверь* (ср. топоним *Тверь*), которые имеют противоположное значение, обозначая вход, дверь. Данной параллели также можно найти историческое обоснование. Дело в том, что археологами обна-

ружены первобытные жилища, вход в которые был расположен наверху жилища, в дымовом отверстии, и входили и выходили из жилища по специальному дереву с зарубками, расположенному в центре жилища. Следовательно, древнейшая лексема *turu* с первоначальным значением "дерево" получила противоположное развитие в разных языках, обозначая в одном случае вход, а в другом – место против входа, почетное место, что было связано с особенностями организации жилища.

Таким образом, происхождение термина *tör* "почетное место" связывается, прежде всего, с общеалтайским корнем *turu* "шаманское дерево, столб", которое восходит, скорее всего, к индоарийскому *taru* "дерево".

MARDANOVA G.B.
(Naberezhnye Chelny)

Synonymy of phraseological antonyms in English and Tatar

Марданова Г.Б.
(Набережные Челны)

Синонимия фразеологических антонимов в английском и татарском языках

Антонимия и синонимия как два важнейших вида отношений во фразеологии являются родственными семантическими процессами, поэтому между ними существует тесная связь. Эта связь проявляется в том, что фразеологические антонимы (далее ФА) могут входить в синонимические ряды. Прежде, чем разобрать синонимико-антонимические ряды, в первую очередь, рассмотрим, что такое синонимичные фразеологизмы: "Среди ФЕ (фразеологических единиц) ... немало таких, которые близки по значению, но различаются семантическими и стилистическими оттенками (иногда эти различия сопутствуют друг другу); такие фразеологизмы являются синонимичными" (1, с.91).

В контексте, казалось бы, без ущерба для общего смысла можно заменить один фразеологизм другим, но в действительности это не так: каждый из группы синонимичных фразеологизмов вносит во фразу новый стилистический или смысловой оттенок.

Среди синонимичных фразеологизмов различаются фразеологические синонимы и варианты ФЕ. Фразеологические синонимы – это фразеологизмы, которые, обозначая одно и то же понятие и являясь стилистические однородными или разнородными, уточняют, раскрывают, подчеркивают новые признаки, новые стороны и оттенки обозначаемого понятия.

Под вариантами ФЕ понимаются ФЕ, которые различаются отдельными компонентами или их грамматическим оформлением.

При выделении синонимического ряда мы берем за основу определение фразеологического синонима, предложенное И.И.Чер-

нышевой: "Фразеологическими синонимами являются разноструктурные и одноструктурные ФЕ, имеющие одинаковое значение при неадекватности образной мотивированности единиц и возможных различиях в семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости" (2, с.81).

Синонимико – антонимические ряды неоднородны по своему количественному наполнению. В синонимическую связь может вступать только одна ФЕ из двух, составляющих антонимическую пару, тогда в количественном отношении получается неоднородный синонимико – антонимический ряд.

Приведем примеры из английского языка:

wash one's dirty linen at home(не выносить сора из избы) – wash one's dirty linen in public (предавать гласности семейные (свои или чужие) дела, тайны; ср. "выносить сор из избы)

tell tales out of school (разглашать, часто злобно; выдавать чужие интимные, семейные или служебные тайны)

foul one's own nest (чернить, хулить, враждебно критиковать свою семью, общество, учреждение)

cry stinking fish (чернить, хулить, критиковать своих близких, коллег)

Приведем примеры из татарского языка:

эт белән мәче кебек яшәү – күгәрчен кебек гөрләшеп яшәү (гомер итү)

- күзгә күз карашып яшәү
- чүпне читкә чыгармау
- гөр килеп (гөрләшеп яшәү)
- аркага арка куеп яшәү
- сайрашып тору (яшәү)
- бергәләп тоз ашау
- икесе бер кашыктан ашау
- пар күгәрчендәй яшәү
- пар күгәрчен кебек яшәү

Однако нередко в синонимические отношения с другими фразеологическими единицами вступают оба фразеологических антонима. Такие синонимические ряды могут включать:

- только одноструктурные ФА:

be in harmony with something (somebody) – be out of harmony with something;

be in keeping with something – be out of keeping with something;

be in tune with something – be out of tune with something;

be as poor as a church mouse – be as rich as Croesus;

as poor as Job (Job's turkey)- be as rich as Croesus

кулыннан каткан – кулыннан бии;

кулыннан килә – кулыннан килми;

эшкә кулы бата – эшкә кулы килми;

Для подобных рядов характерен параллелизм в числовом соответствии синонимов одного ряда синонимам другого ряда;

- одноструктурные и разноструктурные ФА.

Для примера приведем следующий ряд со значением "умереть – родиться":

be born with a silver spoon in one's mouth – come to an untimely end;

be born under a lucky star – lose the number of one's mess

be born with a caul on one's head – take one's end;

be born on the wrong side of the blanket – break one's heart

draw the first breath – draw one's last breath

kick up one's heels

step off the big plank

sink into the grave

pay one's debt (or the debt of) nature

come to the ground;

give up the ghost

join the angels, etc.

- только разноструктурные ФА.

Сравните следующий ряд со значениями "жить в довольстве, в достатке" – "жить в нужде":

be out of business (быть банкротом, не у дел – be comfortably off (хорошо зарабатывать, быть обеспеченным)

be on one's bones (быть в тяжелом материальном положении, дойти крайности; "быть на мели") – have one's bread buttered for life (быть материально обеспеченным на всю жизнь)

be in low water (быть без денег, находиться в критическом финансовом положении) – eat (or live on) the fat of the land (жить в роскоши, припеваючи, кататься как сыр в масле)

feel the draught (испытывать материальные затруднения, быть без денег; стать несчастным) – be (or live) in clover (жить в роскоши, припеваючи)

fall on evil days (впасть в нищету) – live like a fighting cock (жить припеваючи, жить в роскоши)

arrive at (or live by) one's fingers' ends (or finger – ends) (впасть в нищету) – make a one's fortune (разбогатеть, составить себе капитал)

be in reduced circumstances (быть в стесненных обстоятельствах) – live in the lap of luxury (жить в роскоши)

be in queer street (находиться в больших финансовых затруднениях) – stink of (with) money (быть несметно богатым)

be in low water(s) (быть в тяжелом материальном положении) – be well-to-do (well to do) (быть богатым), etc

be on the rocks ("быть на мели; быть в тяжелом материальном положении"), etc

Приведем синонимико-антонимический ряд разноструктурных ФА с общим значением "жить хорошо – жить в нужде" в татарском языке:

көнгә калу мал басу

көймә комга терәлү аның сандугачы сайрый

кесә сай (такыр) булу	кесә калынаю
көнгә килеп житү	акча кою
көймә комга терәлү	черегән бай булу
аттан кәжәгә калу	майда йөзү
нужадан чыкмау и т.д	байлыкка чуму и т.д.

В английском языке в количественном отношении ФЕ со значением "жить в достатке" меньше, чем в татарском языке (30 ФЕ и 55 ФЕ), а со значением "жить в нужде" – примерно одинаковое количество.

И в английском и татарском языках в синонимические отношения вступают чаще одноструктурные и разноструктурные или только разноструктурные ФА. Сравните следующий ряд синонимичных одноструктурных и разноструктурных ФА в татарском языке с общим значением "умереть – родиться":

теге дөньяга китү	дөньяга килү;
гомер кылы өзелү	белен яуган көнне туу
каенсарга (каен төбенә китү)	уйнаштан туу
теге дөньяга китү	зинадан туу
жир куенына керү	карындык башына киеп туу

В синонимических рядах, состоящих из одноструктурных и разноструктурных ФЕ или только из разноструктурных параллелизма в числовом соответствии синонимов одного ряда синонимам другого ряда обычно не наблюдается. Так, проанализировав английские ФА со значениями "жить в довольстве, в достатке – жить в нужде", мы находим 29 ФЕ со значением "жить в достатке" и 38 ФЕ со значением "жить в нужде"; ФЕ со значением "выносить сор из избы" – 4, со значением "не выносить сора из избы – 1; ФЕ со значением "родиться, появиться на свет" – 5, со значением "умереть" – 32; ФЕ со значением "выйти из себя, рассердиться" – 16, а со значением "сохранять спокойствие, не терять головы" – 14 и т. д.

А в татарском языке наблюдается такая картина: ФЕ со значением "родиться" – 10, со значением "умереть" – 34; ФЕ со значением "проболтаться" – 12, а со значением "держать в секрете" – 8; ФЕ со значением "быть умным" – 16, со значением "быть глупым" – 47; (в английском языке ФЕ со значением "быть умным" почти такое же количество, но ФЕ со значением "быть глупым" встречаются очень редко, по всей вероятности, это объясняется тем, что татарский народ презирает "глупость, недалекость, несообразительность" больше, чем другие пороки и, обильное использование синонимов помогает ему более остро высмеивать людей, обладающих этими пороками).

Наиболее распространенным типом взаимосвязи антонимии с синонимией являются синонимико – антонимические ряды, включающие как одноструктурные, так и разноструктурные единицы. В том случае, если оба фразеологических антонима имеют синонимичные ФЕ, то мы говорим о синонимии антонимических пар,

т.к. из фразеологических единиц двух рядов образуются различные пары антонимов. Они выступают по отношению друг к другу в качестве синонимов. Необходимым условием возможности объединения антонимических пар в синонимический ряд является наличие у них общности предметно – логического фактора их значения при неадекватности образной мотивированности единиц и возможных различиях в семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости.

Литература:

1. Кирсанова Н.А. О некоторых семантических признаках ФЕ. (К вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии). //Проблемы фразеологических исследований и материалы (Под ред. Бабкина). Изд-во Наука. – М.-Л., 1964. – С. 84-101.

2. Чернышева И.И. Явление синонимии и полисемии во фразеологии немецкого языка. Иностранные языки в школе, 1960, № 6.

MATE Zoltan
(Budapest)

Romanization of Japanese:
an unsolved problem of language planning

Language planning as a linguistic term was introduced about fifty years ago (Einar Haugen, 1958), although the activity it denotes existed long before.

As far as Japan is concerned, a deliberate, systematic and organized intervening into the linguistic system has been carried out since the Meiji Restauration when modern Japanese state was born.

Besides individual initiatives, institutional background was also established (Kokugo Chosa Iinkai, Rinji Kokugo Chosakai, Kokugo Shingikai etc.), providing several suggestions and proposals to solve the most urgent problems. One of the central problems was how to reform the Japanese writing system. It can be said without exaggeration that the first hundred years of Japanese corpus planning (until World War II) were mostly devoted to solving problems relating to Japanese writing system (*kanazukai*, transliteration in Romaji, etc.).

Several positive results, although being exposed to severe criticism in the beginning, have finally found wide acceptance in society. On the other hand, there have been some incomplete solutions as well that have be reconsidered and modified.

One of these half measures seems to be the transliteration of Japanese into Romaji. Despite the fact that Roman letters are of secondary importance in Japanese writing, the problem itself cannot be ignored.

There have been many suggestions to transcribe Japanese into Romaji. These attempts can roughly be divided into two categories, one of them being based on the fonetic (Hepburn, modified Hepburn), and the other on the fonological system of Japanese (Nihonshiki, modified

Nihonshiki or Old Kunreishiki /1937/). These two systems were combined in 1954 (Kunreishiki), which resulted in a double standard causing some uncertainties in usage. There are recent proposals (Tatsuoka system, 99 system) as well, but these are relatively unknown and it is highly improbable that they will ever be widely accepted.

It seems to be necessary to reconsider the whole problem from the fundamentals. Do the Japanese need Romaji at all? If so, to what extent (on the level of separate words, sentences, or complete texts)? In what areas should Roman characters be used? Who is Romaji meant for? Taking the above-said into consideration, it is clear that an unambiguous system should be created, and gradually propagated among society.

MAYEVSKI Evgeni
(Moscow)

Orthography of Japanese Proper Names

The written form of a word is not always fully deduced from its spoken form, and vice versa, one may fail to predict exactly how a word is pronounced if one relies solely upon its graphic outer appearance. Such cases can be found in any language, but they certainly are more frequent in Japanese than in most other languages. And Japanese proper names are more prominent in this respect than any other part of the Japanese vocabulary. E.g., one and the same combination of kanji (Chinese characters), normally used as a surname, represents in fact not one but at least five different surnames, *Hanafusa*, *Hanabusa*, *Kôketsu*, *Kikutoji*, and *Kukuri*, and while the first two of them are obvious variant forms, the others have virtually nothing in common as spoken words. Men's personal names are especially irregular; e.g., such names as *Akiyoshi* or *Tadanori* may be actually found in dozens and dozens of kanji representations, graphically not related to one another, and if all theoretically possible representations were to be listed, the list would consist of several hundred items.

The inconvenience of such irregular orthography is evident, and all reforms of the Japanese writing system attempted in the twentieth century were aimed at minimizing this irregularity. Still, habit seems to be stronger in this domain than law, and Japanese proper names, probably in a more conspicuous way than other subsystems of the language, strongly defy all efforts of tidying up the mess.

This peculiarity of Japanese writing, in many ways deplorable, is nevertheless deeply rooted in the communal, corporative, or contextualist character of the Japanese society and culture. In a society where even impersonal relations between its members tend to be personalized and everyone is seen as a member of a close cooperative circle, no efforts are considered too burdensome to learn the actual pronunciation (or spelling) of a name that one has previously encountered in written (resp. spoken) form only — either you learn it no matter how, or you are not admitted to the circle.

Маевский Е.В.
(Москва)

Орфография японских имен собственных

В любом языке встречаются случаи, когда начертательный облик слова не полностью выводится из его звукового облика (*антология—онтология*), а чтение не полностью предсказывается написанием (*Иванóв—Ивáнов*). В японском языке такое случается, по-видимому, значительно чаще, чем в других языках, а в самой системе японского языка исключительное место с этой точки зрения занимают топонимы и антропонимы, орфография которых в высшей степени нерегулярна и причудлива. Одно и то же иероглифическое написание сплошь и рядом соответствует нескольким по-разному звучащим географическим названиям или фамилиям, причем эти звучания могут не иметь между собой ничего общего. Так, одно и то же сочетание из двух иероглифов, обычно выступающее как фамилия, может на самом деле записывать шесть разных фамилий:, *Ханафуса*, *Ханабуса* (тут, правда, сходство очевидно), но также и *Ко:кэцу*, и *Кукури*, и *Кикутодзи* – а это уже не просто произносительные варианты. Особенно часто такие расхождения встречаются в мужских личных именах. Например, имена *Акиёси* или *Таданори* реально встречаются во многих десятках вариантов иероглифической записи, ничуть не похожих друг на друга, а число теоретически возможных способов иероглифической записи достигает для этих имен нескольких сотен.

Ни у кого нет сомнения в том, что подобная иррациональность орфографии мешает процессу общения, и все попытки регуляризации японской системы письма в XX веке были призваны устранить или хотя бы смягчить сложившееся в этой сфере положение вещей. Однако обычай неизменно оказывался сильнее закона, пусть даже самого разумного, и если в написании имен нарицательных японским реформаторам письменности все же удавалось хотя бы на некоторое время (скажем, на первые послевоенные десятилетия) навести относительный порядок, то имена собственные решительно сопротивлялись такому упорядочению, и в этой подсистеме японского языка до сих пор царят в известном смысле произвол и хаос.

По всей видимости, японцы готовы мириться с этой неудобной особенностью своего языка прежде всего потому, что их общество и культура в большей мере, чем во многих других странах,

основаны на общинном или корпоративном начале. В условиях, когда члены общества привыкли, что их связывают между собой не только функциональные отношения (работодатель—работник, поставщик услуг — клиент и т.п.), но и отношения личностные, отношения более или менее близкого личного знакомства и взаимных обязательств, принадлежности к некоему общему кругу — не так уж сложно уточнить, как именно пишется или читается имя партнера, которое ты до тех пор знал только в устной или только в письменной форме. Больше того: если ты не приложишь усилий, чтобы это выяснить, то не будешь допущен в круг. В этом смысле японская орфография – органическая и характерная составная часть японской культуры.

MAZO O.M.
(Moscow)

On some functions and meanings of the Sino-Tibetan suffix *-*t*

Мазо О.М.
(Москва)

О некоторых функциях и значениях сино-тибетского суффикса *-*t*

Суффикс *-*t* является одним из немногих суффиксов, восстанавливаемых для сино-тибетского праязыка. Рефлексы суффикса *-*t* встречаются в тибетском, лепча, качинском, ямпху, лимбу, думи, древнекитайском, лоло-бирманских и куки-чинских языках. Традиционно у этой морфемы выделяется две функции, именная и глагольная. Нам кажется, более логичным говорить о двух разных морфемах, именной и глагольной.

Глагольный суффикс имеет несколько функций. В первую очередь, это образование переходных глаголов от непереходных, например, лепча *bji* "давать (неперех.)" – *bjit* "давать (перех.)", лимбу *hāb/ hāp* "плакать" *hāpt/ hāp* "оплакивать (кого-либо)". Этот суффикс служит также для указания на семантику и тип дополнения, например, лимбу *hās/ hā* "делить (что)" – *hātt/ hāt/ hā?l* "делить (между кем)", *sub/ sup* "закрыть (окно, дверь)" – *sūpt/ sūp* "закрыть (бутылку, крышку и т.п.)" или увеличивает количество валентностей переходного глагола, например, лимбу *nāb/ nāp* "прогнать (кого) – *nāpt/ nāp* "прогнать (кого-то от чего-то)". Встречается этот суффикс и в бенефактивах, например, лимбу *lōs/ lō* "подложить что-либо" – *lōtt/ lōt/ lō?l* "положить что-то кому-то". Сохранились также случаи каузативного употребления *-*t*, например, лепча *rju* "быть хорошим" – *rjut* "делать хорошим", тиб. *ābje* "разделяться" – *ābjed* "разделять"

Возможно, этот суффикс восходит к личному местоимению **tă-*, которое, став частью слова, сократилось до одного согласного. Имеющиеся данные пока не позволяют определить, произошел

этот переход ужу в праязыке или после распада единого языка. Как отмечает П. Бенедикт, в языке хака суффикс *-*t* служит для образования глаголов от существительных. В других языках примеров такого рода словообразования очень немного, поэтому вопрос о реконструкции такой функции суффикса для прасино-тибетского уровня пока остается открытым.

Именной суффикс *-*t* служит для образования отглагольных существительных. Существительные имели значения имени действия (тиб. *ŋu-ba* "плакать" – *ŋud* "рыдание"), имени объекта (тиб. *lta-ba* "смотреть" – *ltad-mo* "вид", "зрелище"), имени деятеля (качинский *ləgu*[3] "красть" – *ləgut*[2] "вор") и результата (лепча *ŋo* "быть старым" – *tă-ŋot* "седые волосы"). В тибетском языке, в отличие от других сино-тибетских языков, представлены как суффикс *-*t*, так и суффикс *-*s*, однако примеров на именное употребление суффикса *-*s* значительно меньше, чем примеров ни именное употребление ?*s*. ?*d* значительно меньше, чем примеров ни именное употребление ?*s*.

Интересно, что семантика древнекитайского суффикса *-*s* в некоторых случаях совпадает с семантикой сино-тибетского суффикса *-*t*: *yŭ* **ŋa*? "говорить что" – *yŭ* **ŋa*?*s* "говорить кому" или *yăng* **lhaŋ*? "кормить вышестоящего" – *yăng* **lhaŋ*?*s* "кормить нижестоящего" (древнекитайские слова приводятся в реконструкции С.А. Старостина). Хотя суффикс *-*t* и реконструируется в отдельных древнекитайских словах, однако определить его функции в них достаточно сложно. Этот суффикс, в отличие от *-*s*, был намного менее продуктивным, и минимальных пар с этим суффиксам нам найти не удалось. Иногда в древнекитайском языке вместо суффикса *-*t* употреблялся более продуктивный суффикс *-*s*, в то время как в других языках представлена форма с *-*t* или вообще форма без суффикса.

Таким образом, сино-тибетский глагольный суффикс *-*t*, в отличие от каузативного суффикса *-*s*, имел ярко выраженное "объектное" значение, в то время как семантика именного суффикса *-*t* очень сходна с семантикой именного суффикса *-*s*.

MELIKISHVILI Irina
(Tbilisi)

Kartvelian-Indo-European as a Macrofamily of Languages

The character and amount of lexical correspondences and structural isomorphism, established between the Indo-European and Kartvelian reconstructed systems allow to postulate a proto-language of the type of Afroasiatic language community. With no other reconstructed systems show the Indo-European or Kartvelian as much isomorphism and correspondences, as with each other. The morphophonology of both reconstructed systems reveal striking agreement: both belong to the same fusion-flexional morphonological type; the word is a fusion unit with regressive processes of qualitative and quantitative ablaut – in contrast to Uralic and Altaic

languages, where the phonetic processes have progressive character and the structure of the word is agglutinative. The structures of the root and affixes are isomorphic: CVC- for root and -VC for affixes; the principles of their combinations are identical, resulting in structures of the type CVCC and CCVC, pointing in the direction of the identity of accentual systems (Gamkrelidse, Machavariani, Melikishvili). There are also numerous agreements in morphology – the system of personal markers with the active-inactive distinction corresponding in sound shape, the affinity of version systems and many others, numerous lexical agreements with regular phonemic correspondences great part of which consist of verbal roots of main vocabulary; this allows the assumption of a language community of the time depth of 6th millennium B.C. The character of the common root stock, including developed semantic groups for such meanings as "weave", "cut" is in agreement with this time depth. In the system of a larger macrofamily the Kartvelian-Indo-European community should be posited as the first step unit.

MISHUKOVA D.D.
(Vladivostok)

On the nature and origin of classifiers in Vietnamese

Мишукова Д.Д.
(Владивосток)

О природе и происхождении классификаторов во вьетнамском языке

Вопрос причины появления, происхождения и природы классификаторов во вьетнамском языке, равно как и в других изолирующих языках Китая и Юго-Восточной Азии до настоящего времени остается открытым. И авторы исследований больше задают вопросы, чем дают ответы, поиски которых ограничены и затруднены по причине отсутствия достаточного количества конкретных языковых фактов и, следовательно, систематизированных общих знаний относительно данного вопроса.

В этой статье мы сделаем попытку сопоставить и проанализировать данные исследований разных авторов с целью обозначить некоторые причины появления классификаторов в языке и по возможности проследить их эволюцию.

"В древнем состоянии ни китайский язык, ни другие изолирующие языки не имели счетных слов" [2,128]. Что касается происхождения, то "счетные слова, происходят от полнозначных слов существительных, этимологическую связь с которыми они чаще всего сохраняют, но в современном состоянии формоизолирующих языков – это уже служебные слова. Их назначение – указывать на штучность, единичность существительных, показывать, что они берутся "поштучно". Такое назначение счетных слов характерно для всех формоизолирующих языков, имеющих эти слова" [1,150]

Касаясь вопроса о происхождении классификаторов во вьетнамском языке, следует отметить, что многие, наиболее часто встречающиеся в современном языке классификаторы, имеют ханьвьетское происхождение. *Bức, viên, toà* – три классификатора из ханьвьета. *Chiếc, cuốn, vì* – классификаторы китайского происхождения, восходящие к ханьвьетским *Chích, quyển* и "*vị*". Любопытным является факт, что во вьетнамском языке параллельно используются классификатор из ханьвьета "quyển" и классификатор "cuốn"; похожим является случай употребления "vì", в переводе на ном (вьетнамский разговорный язык) ставший классификатором "ngôi". [4, 164]

Касаясь двух классификаторов – *quyển* и *cuốn* – следует отметить следующую особенность: и первый и второй классификатор употребляются с существительными, обозначающими книги и подобную печатную продукцию.

Как правило, в учебных пособиях по вьетнамскому языку отмечается, что quyển является классификатором для книг, а *cuốn* является классификатором для предметов, имеющих форму свитка. В самом деле, *cuốn* является классификатором, которому свитка, фотопленка и т.п. Но намного чаще *cuốn* выступает в рый употребляется с такими существительными, как фильм (в катушке), качестве классификатора для книг. В прошлом, когда книги, в самом деле, имели форму свитка, употребление данного классификатора было закономерным, в настоящее время, когда книги уже не имеют форму свитка, столь распространенное употребление классификатора *cuốn* можно объяснить давностью языковой традиции.

Вопрос о правильном выборе классификатора рассматривали многие авторы, но помимо изложенных выше положений о выборе классификатора в зависимости от формы, размера и положения в пространстве предмета, обозначенного существительным, имеет место следующее мнение.

У носителей языка в сознании с каждым предметом связан набор определенных ассоциаций, которые и оказывают влияние на выбор классификатора в зависимости от конкретной ситуации, в которой употребляется данное существительное. Носители языка используют классификатор для придания определенной стилистической окраски своей речи. Таким образом, в зависимости от цепочки имеющихся ассоциаций, носитель языка выбирает соответствующий классификатор [3, 28-29].

Относительно многообразия классификаторов во вьетнамском языке вьетнамские ученые предполагают, что когда-то было только одно слово *cái*, которое указывало на конкретность, выделенность предмета, обозначенного группой "*cái* + существительное". Классификатор *cái* является своего рода универсальным, так как может употребляться с самыми разными существительными. Затем в ходе развития языка, появилась потребность особо выделить,

дополнительно, еще более конкретизировать существительные, обозначающие живых существ (одушевленные существительные), а также указать на иные характерные признаки предмета, обозначенного существительным. Это и породило многообразие классификаторов современного вьетнамского языка.

MONRAEV M.U., UBUSHAEV N.N.
(Elista)

On some problems of the Kalmyck linguistics

Монраев М.У., Убушаев Н.Н.
(Элиста)

О некоторых проблемах калмыцкого языкознания

Прошло почти 60 лет после восстановления автономии республики, но многие проблемы калмыцкого языка так и остались нерешенными, среди которых наиболее актуальной считается современное состояние калмыцкой орфографии, являющейся, по мнению профессора Д.А. Павлова, "безгласной и труднопроизносимой", непосредственно связанной с необозначением редуцированных и долгих гласных на письме и приведшей, в конечном счете, по словам А.Ш. Кичикова к "утрате словом смыслового значения". Необозначение указанных гласных привело не только к скоплению согласных букв, изменению орфографического облика слова, но, как справедливо заметил Д.А. Павлов, и к переходу слов одного типа склонения в другой, к непривычным сочетаниям согласных, несвойственным монгольским языкам.

Вопрос выбора знаков для обозначения неясных гласных требует совместной разработки, объединения усилий калмыцких лингвистов. Однако этого не произошло до сих пор. В этой связи хотелось отметить, что споры и дискуссии могут затянуться еще на многие годы, и это, в конечном счете, возможно, приведет к исчезновению самого предмета обсуждения.

Нисколько не отрицая того факта, что новые правила и словарь (см. "Халимыг келні чикір бичилєені толи", Элиста, 2000) имеют определенные недостатки и недоработки, хотелось отметить: они устранимы только в том случае, если в первую очередь, решить вопросы, связанные с орфоэпией (произношением). Еще акад. Л.В. Щерба говорил: "Чтобы решить орфографический вопрос, надо сперва решить орфоэпический", т.е. разработка орфоэпических норм не менее важна, чем орфографических.

О причинах невостребованности калмыцкого языка, многие лингвисты отмечают ослабление общественных функций языка (Очир-Гаряев В.Э.), социальной непрестижности (Дякиева Р.Б.), преобладание русско-калмыцкого двуязычия (Илишкин И.К.), недостаточное финансирование и "равнодушие местной власти" (Сусеева Д.А.) и т.д.

Также важной задачей являются исследования калмыцкой ономастики, данные которой исключительно ценны не только для изучения истории языка, лексики, словообразования, но также для более детального изучения сложного процесса смешения и взаимодействия с другими этническими единицами, во многом зависящего от глубины и длительности этнокультурных контактов. Изучение и описание ономастики конкретного языка является необходимой ступенью для последующих сравнительно-исторических изысканий. В этом отношении рассматриваемая проблема калмыцкого языка оказалась несколько в стороне от сходных монголоязычных исследований, не охваченной одним ономастическим пространством.

На низком уровне находится разработка общественно-политической, религиозной, научно-популярной терминологии, которая в полном объеме отражала бы реалии нашей действительности. Надо отметить, что по идеологическим соображениям, от многих терминов избавились еще в 30-х г.г. прошлого столетия. Взамен исконно калмыцким терминам и понятиям хлынул поток заимствований из русского языка. В данное время в лексикографических изданиях, научных статьях, газетах происходит замена их на собственно калмыцкие. Тенденция положительная, направленная на использование ресурсов родного языка. Поэтому целенаправленно и постоянно должна вестись разработка калмыцкой терминологии, без которой не обходится ни одна научная дисциплина.

Таким образом, ряд отмеченных выше проблем требует к себе самого пристального внимания, изучение и описание которых восполнит имеющийся вакуум в калмыцком языкознании.

Литература

1. Илишкин И.К. Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыцко-русского билингвизма (рукопись докторской диссертации). Элиста, 1975.
2. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Элиста, 1967.
3. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. ИАН СЛЯ. М., 1940.

MOREV Lev N.
(Moscow)

Abstract Deverbal Nouns and
Variation of Syntactic Structures in Tai

Abstract deverbal nouns (cf. English cleaning, development, melioration, goodness etc.) is a rather new phenomenon in the Tai languages. It appeared only a few centuries ago as a result of contacts with classical and religious literatures of India and later with European languages. The regular substantivation or nominalization now occurs only in Thai, Lao, Shan, and Lue. The means of substantivation are prefixes kaan (derived from Sanscrit kara 'work') in Thai and Lao, kw-

aam (etym. 'words, speech, meaning') in Tai, Lao, and Lue, and taang (etym. 'road, way') in Shan and Lue. The appearance of such abstract nouns had a crucial impact on verbal thinking of Tai-speaking people and consequently on the syntactic structures of the Tai languages. Formerly, Tai sentences or propositions by and large were subject/actor-orientated. After the adoption of above defined abstract nouns there appeared predicate-orientated propositions, cf. English 'the conference opened' and 'the opening of conference'. Deverbal nouns accounts for the essential diversification of Tai syntactic structures. Conventional one event sentences gave way to multievent phrases. E.g. khwaam-ngaam kho'o'ng suan do'o'k-mai tham hai khe'e'k chyyn-chom yin-di 'The beauty of the flower garden delighted guests' instead of two phrases in deep structure: suan do'o'k-mai ngaam 'Flower garden is beautiful' and khe'e'k hen go' chyyn-chom yindi 'guests saw and became delighted'. These modifications is one of the main points that make advanced Tai languages differ from the rest of their family and from the other isolating languages of Far East and Southeast Asia.

Морев Л.Н.
(Москва)

Абстрактные отглагольные существительные и вариативность синтаксических структур в тайских языках

Абстрактные отглагольные имена, ср. русск. *чистка, развитие, совершенствование, доброта* и т.д. это новое явление в тайских языках, появившиеся около двухсот лет назад в результате контактов с классическими и религиозными языками Индии и позже с европейскими языками. Регулярная субстантивация или номинализация пока зарегистрирована только в тайском (сиамском), лао, шан и лы. Средством субстантивации выступают префиксы *kaan* (из санскритского *kara* 'дело, работа') в тай и лао, *khwaam* (этимол. слова, речь) в тай, лао и лы и *taang* (этимол. путь, дорога) в шан и лы. Появление такого рода абстрактных существительных оказало огромное воздействие на языковое мышление тайцев и соответственно на синтаксические структуры тайских языков. До появления таких субстантивирующих морфем тайские предложения или пропозиционные структуры были ориентированы на субъект действия, одушевленный или неодушевленный, но с их появлением в языке стали возможны синтаксические структуры, ориентированные на предикат. Сравни, русск. *конференция открылась* и *открытие конференции*. Абстрактные отглагольные существительные дали возможность разнообразить синтаксические структуры в тайских языках. На смену традиционным высказываниям, основанным на одном событии, пришли высказывания, в которых в спрессованном виде были представлено сразу несколько событий. Например: предложение *khwaam-naam kho'o'ng suan do'o'k-mai tham*

hai khe'e'k chyyn-chom yin-dii 'Красота сада поразила гостей' вместило в себя содержание двух предложений *suan do'o'k-mai ngaam* 'Цветочный сад красив' и *khe'e'k heh ko' chyyn-chom yindii* 'гости увидели и поразились'. Такого рода модификации синтаксических структур составляют одно из важных типологических отличий указанных тайских языков от других изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

MOVSISYAN Artak
(Yerevan)

On the decipherment of the hieroglyphic script of the Biainili-Urartu-Ararat Kingdom

The hieroglyphic script of Biainili-Urartu-Ararat Kingdom is one of the most remarkable among the writing systems of Ancient Near East and Armenian Highland, though until today poorly studied. The history of its decipherment goes back to the early XX century and originates from the publications of C.F. Lehmann-Haupt and W. Belck.

The earliest monuments containing deciphered hieroglyphic signs date back to the IX century BC. According to R.D. Barnett, this script could have originated even from the XIV century BC. The latest monuments date to the VI century BC.

Today we have approximately 1500 inscriptions and monograms. The number of signs is more than 300, which testifies for the assumption that we deal with syllabic-logographic system of writing. Normally the signs should be read from right to left and from top to bottom.

The attempts to decipher the Urartian hieroglyphic script may be divided into two groups:

1) treatment of individual signs; 2) decipherment of entire texts.

The scholars of the first group have dealt with hieroglyphs designating capacity and other categories, as well as the possible links between some widespread symbolic signs (mainly astral), attested in Urartian and other Near Eastern scripts. The scholars of the second group have dealt with the treatment of entire hieroglyphic inscriptions (L.A. Barseghyan, A.A. Vaiman, H.H. Karagyozyan), but haven't had serious results.

In 1995 we succeeded to find a key for decipherment which made possible to read 3 syllabic personal names (written by 11 syllabic signs) and treat several logograms and 1 auxiliary sign. Further decipherment of hieroglyphic script was spurred in Spring 1997; while working on Corpus we revealed a remarkable circumstance. The decipherment of Urartian hieroglyphic script in general can be summed up as follows: three syllabic personal names (*Išpuini, Menua, Inuani*), six logographic god and king names (*Haldi, Teišeba, Šiuini, Sardi, Rusa, Sarduri*), two logographic toponyms (*Rusahinili*, "Rusa's small city"), several numer-

als and one auxiliary sign. In general today we have about 60 deciphered hieroglyphs (20% of all signs).

Until 1995 none of the existing hieroglyphic inscriptions was interpreted. Their language remained unknown, with two probable candidates: 1) the language of the cuneiform inscriptions of Biainili-Urartu-Ararat, or 2) one of the most common languages of the Kingdom. The final solution of this problem needs much more data than it is available today. But the first results of the decipherment have cleared this problem.

Several Indo-European (Armenians, Luwians, Iranians, Thracians, Phrygians, etc.) and Hurrian peoples populated the Urartian Kingdom. The first results of decipherment, as well as the considerable amount of Armenian toponyms and theonyms, the clear Indo-European character of the Van Kingdom pantheon (showing the prevalence of the Armenian ethnic element in Van Kingdom) may be taken as a serious proof for the possible Armenian character of the language of hieroglyphic script in Biainili-Urartu-Ararat Kingdom.

MUDRAK O.A.
(Moscow)

The linguistic situation in the North-Eastern Asia through the glottochronological data

Мудрак О.А.
(Москва)

Лингвистическая ситуация в Северо-восточной Азии по данным глоттохронологии

Новые глоттохронологические исследования по эскимосским и камчукотским языкам основаны на этимологических словарях, сделанных автором для праэскимосской (ПЭ) и пракамчукотской (ПКЧ) семей. Эти семьи не родственны между собой по крайней мере последние 10 000 лет. Однако в течении последних 2-3 тысячелетий они активно контактировали в Северо-восточной Азии. Результаты соответствуют субъективным представлениям о глубине семей, основанных на уровне сложности развития праязыковой исторической фонетики.

Глубина ПКЧ приблизительно 2800 л. (55% совп. в стословном списке). При усредненном, а не минимальном количестве расхождений эту границу можно отодвинуть до 2500 л., но не позже. В это время происходит распад на Прачукотскую (ПЧ) и Пракамчатскую (ПК) ветви, после чего наступает их самостоятельное развитие. В начале 6 века н.э. (83%), ПК общность разделилась на несколько частей, внутри которых были Южная и Западная ветви (часть языков фиксируется до конца 19 в.). Восточно-камчатский языковой материал указывает скорее на ответвление Западной ветви, чем на полноценную филу.

Примерно в то же время или чуть раньше около 510 н.э. (82%) ПЧ делится Чукотскую (северную) и Охотскую (южную) ветви. На рубеже 1-2 тысячелетия Корякский (чавчувенский, оленеводческий) теряет контакты с диалектами на севера Камчатского полуострова, расположенными у Срединного хребта. Возможно это связано с переходом от охотничье-рыболовецкой культуры промысла лососевых, сохраняемой остававшимися носителями ПЧ языков Камчатки, и освоением оленеводства. Выделение "языка Западных Камчадалов" (записи Б. Дыбовского 19 в., скорее Седанкинский "диалект") из остальных ЗК произошло около 1100 н.э. (92%) и было результатом корякской миграции. Позже в 1250 (95%) остававшиеся на Камчатке Нымыланские языки (ПЧ) делятся на Паланский ("Паланский диалект корякского") к западу от Срединного хребта у Охотского моря и Алюторский к востоку у тихоокеанского побережья. Около 1420 (97%) остальные ЗК языки делятся на Ительменский (Напанский диалект, описанный А.П. Володиным в монографии) и Ительменский ИР-РИ словаря (А.П. Володин, К.Н. Халоймова, диалект Ковран и Верхн. Хайрюзова). На этом исчерпывается доступный материал по ПКЧ языкам, но даты разделений находят интересные параллели в развитии ПЭ семьи.

ПЭ делится на две ветви около 2700 лет назад (57%), но не позже 2400 при усреднении результата расхождений. Эти ветви традиционно известны как Инупик (ПИ) и Юпик (ПЮ). В 140 до н.э. (68%) от ПЮ отделяется Сиреникский язык; к 180 н.э. (75%) формируются Сибирский Юпик (СЮ) и Американский Юпик (АЮ). Разделение СЮ единства и формирование отдельных Чаплинского (Уназигмит) и Науканского (Нывукагмит) языков происходит к 510 (82%), это примерно в то же время, когда Чукотский выделился из ПЧ языков, и, по-видимому, связано с миграцией чукчей на Чукотский полуостров и нарушением контактов внутри СЮ. Первое ответвление от АЮ появилось около 760 (87%), оно включает такие близкородственные диалекты, как Нунивак (Нун), использованный при подсчетах, Нортон Саунд, Чевак, Эгегик, ныне расположенных на островах аляскинского побережья Берингова моря и анклавами на прибрежной территории Аляски. Выделение языка Сюпик (Чевак и Кониаг) из АЮ и формирование Центрально-Аляскинского языка Юпик (ЦАЮ) имело место около 1180 (94%). Периферийное положение диалектов, близких к Нунивак, обусловлено экспансией ЦАЮ.

Распад ПИ начался около 640 н.э. (85%), когда стал незавимым языком Инупик полуостров Сьюард (СПИ). В действительности, носители СПИ остались на старой территории, а остальная часть начала миграцию на северо-восток. Возможно первой волной колонизации территории Аляски, оставленной остальными ПИ языками, была волна Нун. Позже, около 1050 (93%) формируется Вос-

точная ветвь ПИ, включавшая Гренландский и Восточно-Канадский Инупик, распавшиеся приблизительно в 1430 (97%). Западная ветвь ПИ разделилась на Северно-Аляскинский Инупик и Западно-Канадский Инупик около 1340 (96%). Разумеется, внутренняя картина распада близкородственных языков Инупик достаточно условна, однако вне сомнений сначала был распад на ветвь СПИ и всех остальных.

Современные эскимосские языки имеют уровень схождения с Алтайскими языками как минимум 11% при сравнении любой пары современных языков.

Алеутский праязык (ПАл) распался примерно в 810 н.э. (88%) с выделением языка Атту. Это соответствует оформлению ветви Нун в подгруппе АЮ эскимосских языков. Распад Восточно-алеутского и Атку был около 1140 (94%), что корреспондирует с дроблением ЦАЮ и Сюпик подгруппы АЮ эскимосских языков.

Проблема т.н. "палеоазиатских языков" может быть решена только в результате применения сравнительно-исторического метода и использования этимологических словарей языковых семей, традиционно включаемых в объединение "палеоазиатские", начиная со Л.И. Шренка, т.е. камчукотских, юкагирских, эскимосских, енисейских и нивхского языка. Проблема соотнесения енисейских языков решена С.А. Старостиным, и доказана принадлежность этой семьи к сино-кавказской макро-семье. Ностратическая принадлежность эскимосских языков не вызывает сомнений, Отмечается их специфическая близость, возможно, вхождение в алтайскую ветвь этих языков. Глоттохронологические подсчеты остальных языковых групп, проведенный на базе этимологических словарей, сделанных автором, дают такие результаты.

Нивхской праязык распадается на амурский и сахалинский нивхский около 1285 н.э. (96%). Как показывают заимствования в соседних тунгусо-маньчжурских языках, ареал его распространения изначально был шире и включал в себя кроме нижнего течения Амура, его среднюю часть И нижнюю часть бассейнов рек Уссури и Сунгари.

Глубина Юкагирской семьи (ПЮк) довольно большая, – она распадается приблизительно в 1430 до н.э. (45%) в результате выделения архаичного в лексике, фонетике и морфологии Омокского языка (Матюшкин XIX в.). Остальные языки делятся примерно 2750 лет назад (56%), но при усреднении результата распада примерено в V в. до н.э., что соответствует глубине ПКЧ и ПЭ семей. Появляется южная и северная подгруппы. Потомок последней известен как современный Нижне-Колымский (Алазейский или Тундренный) "диалект" юкагирского языка. Южная подгруппа делится на два языка около 180 н.э., эта дата соответствует распаду ПЮ на Сибирскую (СЮ) и Аляскинскую (АЮ) ветви. Оформляются современный Верхне-Колымский (Лесной) "диалект" и Чуванский (приморский или приреченский) языки (записан Бенсингом и Матюшкиным).

Анализ данных этих языков позволяет установить лексические и фонетические нетривиальные, но регулярные соответствия. По ним в 100-словном списке юкагирские и нивхские языки имеют около 38% соответствий (от 36% до 46%), что указывает на время распада Юкагирско-Нивхской общности около 1875 до н.э. Интересно, что во многом Омокский выглядит более похожим на Нивхский, чем остальные Юкагирские языки. Возможно следует постулировать и три равноправных ветви этого объединения – Нивхскую, Омокскую и Юкагирскую. При сравнении юкагирско-нивхских данных и данных современных камчукотских языков обычно сохраняется около 33% (минимально встретилось 28%), что указывает на время распада около 2400 до н.э. При поддержке методов компаративистики, это указывает на исторически реальное существование Палеоазиатской или Палеосибирской семьи (глубина которой моложе индо-европейской), состоявшей из Юкагирско-Нивхской и Камчукотской подгрупп.

MUKHAMETDINOV R.F.
(Kazan)

The «Sun» phylosophy of the proto-Turks and its traces in the languages of the world

Мухаметдинов Р.Ф.
(Казань)

«Солнечная» философия прототюрок и ее следы в языках мира

Одним из доказательств древности тюркских языков является их морфологическая и лексическая незыблемость на протяжении веков. Язык возник из звукоподражаний. Например, из вороньего крика *кар-кар* в татарском образовалось слово *карга* (ворона) и целый ряд однокоренных слов. Татарское слово *тукран* (дятел) образовалось от звука *тук-тук*, издаваемого этой птицей. Так как птицы считались астральными символами, тюркские основы *кар* и *тук* с их фонетическими дериватами означали солнце и сопутствующие ему ассоциативные понятия. Понятия, ассоциирующиеся с солнцем: "рождение, старание, деятельность". Например: *tuw-/dog-* (тат. "родиться"), *ту-* (чув. "делать", тюрк. соответствия: уйгурск. *токмак* – родиться, выходить /о солнце и звездах/), *ит-* (тат. "делать, совершать"), *делать* (рус.), *do* (англ. "делать"), *tu-n* (нем. "делать"). Основа *тук/тык-дык/* со временем превратилась в тюркский глагольный аффикс *дык*. Например: *яздык* (тат. "мы написали"), *язды* (тат. "он написал"). Эта же основа есть в немецких глагольных формах: *mal-t, mal-te, gemal-t.*

От тюркской основы *кар* образовался показатель настоящего будущего времени тюркского глагола: *таб-ар* (он найдет). В герм. яз. – *mal-er* (художник).

В тюркской глагольной форме *догар/туар* (рождается, рождающийся) произошло стяжение до *тур/тар*. Далее на базе *тар* и ее дериватов сформировались абстрактные понятия "бытие, множественность и деятельность", которые в свою очередь способствовали возникновению грамматических категорий в тюркских и индо-европейских языках. Приведем ряд примеров: *Tarkan doktor-dur* (Таркан [есть] доктор) (тур.), *китаптар* (кирг., башк. "книги"), *Fa-ter* (нем. "отец"), *Man-ner* (нем. "мужчины"), *Mul-ler* (люди от предка по имени *Mul*), *Hal-ler* (от предка – *Hal*), *Him-ler* (от предка – *Him*).

Далее мы рассмотрим алтайско-тюркскую основу *кун/кюн, гюн* и ее дериваты: *кон, кан, кин, хан, хун, сун, тюн* и т. д. с семантикой "солнце, день".

В тюркских языках известен переход *к* > *х* > *с*, например: *кара* (тат. "черный") > *хара* (якут.), *ху* (башк. "вода") > *су* (тат.), а потому англ. *sun* восходит к тюркскому *кун/хун*. Приведем примеры образования частей речи и показателей грамматических категорий в различных языках при помощи тюркской основы *кун/кан* и ее усеченной формы *ун-ан-ен*.

1. Числительные: *ип* (фр. "1"), *ун/он* (тюрк. "10").

2. Двойств. и мн. число:

а) *китаб-ан-и* (араб. "2 книги"),

б) *муаллим-ун-а* (араб. "учителя"),

в) *мард*-ан (перс. "мужчины"), *ох-еп* (англ. "быки").

3. Неопределенные артикли: *ип* (фр.).

4. Местоимения: *оп-а* (тур. "к нему"), *он* (рус.), *hun* (датск. "она"), *hun-па* (араб. "они/женщины/").

5. Глаголы и причастия:

а) камыр *кат-кан* (тат. "тесто затвердело"), *yaz-an talebe* (тур. "пишущий студент, написавший студент"),

б) *кап-а* (араб. "быть, существовать"),

в) *sag-en* (нем. "сказать").

Названия солнца в индо-европейских языках условно можно разделить на 3 типа:

1) тип *hu-un/su-un*: *suun, soon, saan* (гер. прафор.), *sunna* (др. исл.), *sun* (англ.).

2) тип *ha-ul/sa-ul*: *saul-e* (лит.), *haul* (кимр.), *sol* (лат.), *солнце* (рус.).

3) тип *hu-ar/su-ar*: *suar* (вед.), *svar* (др.инд.), *hvar-e* (авест.).

Эти слова не индо-европейского происхождения, они являются тюркскими названиями солнца вторичного порядка, в основе которых лежит одно из древнейших первичных названий солнца *тук/сук* или *ток/сок* с его дериватами *туг, сог, сов, чок, хув, ков*. Окончание же *ип, ul, ar* – это всего лишь тюркские словообразовательные и грамматические аффиксы, присоединяемые к первичной основе *тук/сук*.

Выводы:

1. Солнечная философия прототюрок с ее богатой номенклатурой названий солнца в определенные исторические эпохи обогатила представления семитов и индоевропейцев о природе и обществе, она возвысила их конкретно-утилитарные представления до образно-сакрального уровня.

2. Проникновение в другие языки таких тюркских понятий как "солнце-сын, солнце-вождь", тесно связанных с господством патриархата, говорит о том, что тюрки были пионерами в переходе к системе патриархальных отношений.

3. Опережающее по сравнению с другими языками развитие тюркского языка и в частности его грамматической системы говорит о том, что в определенную эпоху у прототюрок была и более развитая система материальной и духовной жизни.

MUSHAEV V.N.
(Elista)

A study of syntactic relations in the Modern Literary Kalmyck

Мушаев В.Н.
(Элиста)

Исследование синтаксических связей современного калмыцкого литературного языка

Исследование синтаксических связей на различных уровнях синтаксиса современного калмыцкого литературного языка важно не только в структурно-семантическом плане, но и может стать объектом коммуникативного и изофункционального анализа. Общие процессы и закономерности проявляются начиная со словосочетания и выходят за пределы сложного предложения. Изучение особенностей проявления коммуникативного аспекта языка рассматривается с учетом не только коммуникативных, но и иных факторов, которые диктуются экстралингвистическими характеристиками и обстоятельствами антропоцентрического плана. Тематическое деление высказывания на материале калмыцкого языка позволяет осмыслить роль порядка следования компонентов для понимания семантического содержания, модального и экспрессивного плана на всех указанных уровнях.

NAMZHAVIN Sodmon
(Elista)

The «Clear script» of the Oirats of Xinjiang, the People's Republic of China

Намжавин Содмон
(Элиста)

«Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР

Ойраты Китая, в общей сложности около 300 тысяч человек, проживают преимущественно в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, а также в аймаке Алашань Автономного района Внутрен-

ней Монголии, уезде Субэй провинции Ганьсу, в уездах Улан, Дулаан Монголо-Тибетского автономного округа провинции Циньхай (Куку-нур). В Синьцзяне ойратов около 170 тысяч человек, которые проживают в основном в центре Монгольского автономного округа Баян-гол, гор. Корла; в уездах Хаджин, Бостнур и Хошут того же округа; в уезде Джин Монгольского автономного округа Бортала; в уездах Хобуксайр, Дурбулджин, Хар усун, Толь Тарбагатайского аймака; в уездах Монгол курэ, Тэкэс, Нилха Илийского аймака; в уездах Алтай, Буурджин, Чингэл Алтайского аймака.

Ойратоязычные народы, проживающие в Синьцзяне, в настоящее время используют две разновидности письма: 1) старомонгольское (уйгуро-монгольское письмо) и 2) ойратское или «ясное письмо», которое является объектом нашего исследования.

«Ясное письмо» является объектом научных изысканий, ученых различных стран мира уже более полутора сотен лет и, можно сказать, что сегодня сформировалось ойратоведное направление монголоведной науки. Однако и в настоящее время еще немало вопросов, решение которых требует новых теоретических и методических подходов. Следует заметить, что все предыдущие исследования в области «ясного письма» в основном были связаны с класссическим периодом его развития. Современное «ясное письмо», используемое и сегодня в Синьцзяне, не получило достаточного научного освещения в лингвистических трудах.

Несмотря на то, что ойраты Синьцзяна в Китае пользуются «ясным письмом», систематическое изучение последнего не проводилось как в России, так и в Монголии. Но с середины XX века новые условия функционирования «ясного письма» побудили ученых КНР к проведению специальных исследований.

Историческое развитие «ясного письма» Х. Лувсанбалдан делит на два этапа, первый из которых начинается с года создания и хронологически завершается 2-ой половиной XVIII века, а второй длился до 1924 года в Калмыкии и до настоящего времени в Синьцзяне. На основе анализа конкретных письменных памятников, датируемых 2-ой половиной XVIII в., XIX в. и началом XX в., нами сделан вывод о том, что процесс исторического развития «ясного письма» в Синьцзяне можно разделить на следующие этапы: с 1648 года до конца XIX в. – первый этап (классический период), с начала XX в. до начала 50-х годов XX в. – второй этап (переходный), с 50-х годов до настоящего времени – третий этап (современный).

В XX веке «ясное письмо» претерпело две серьезные языковые реформы. Первая – российская реформа В.Л. Котвича 1915 года, вторая реформа была проведена в 50-х годах в Синьцзяне КНР. Основной причиной этих реформ явилась необходимость отражения на письме изменений, произошедших на протяжении столетий в фонетической и грамматической системах разговорного языка ойратов и калмыков. Таким образом, это были попытки максимально сблизить существующую графику и орфографию «ясного письма» с разговорным языком.

В процессе своего развития «ясное письмо» постоянно усовершенствовалось и уточнялось. В современных условиях регионального существования графика «ясного письма» получила дальнейшее развитие. Целостное сравнительно-типологическое исследование графики и орфографии класссического и современного «ясного письма» в контексте фонетической, морфологической и лексической систем ойратского языка Синьцзяна имеет важное значение для дальнейшего совершенствования действующей письменности в Синьцзяне, а также для решения ряда теоретических, в том числе и дискуссионных проблем ойратоведения и монголоведения.

NASILOV D.M.
(Moscow)

Some Aspects of Reconstruction Turkic Tense Forms in View of the Language Picture of the World

The idea of known turcologist and comparativist T.M. Garipov that word-formation and form-building it is possible to consider together as a certain one and indivisible system of formal transformations, is represented rather productive for the remote reconstruction of meaning of Turkic tens forms, is especial when we on the basis of the results reflected in five volumes of Comparative-historical Grammar of Turkic languages (ed. E.R.Tenishev), have addressed to the description of fragments of a language picture of ancient Turkic tribes.

If at the synchronous description of language distinction of the phenomena of word-formation, form-building and form-inflection is desirable, at historical research similar strict opposition is represented unjustified. For the agglutinative Altai languages, probably, in general historically it is more expedient to allocate the general class of derivation formatives as modifiers of the semantic side of process words.

Preferability of the specified approach to reconstruction of formatives of a verbal derivation and their ancient semantics can be shown on an example common Turkic verbal formatives *-a- / -i-*, acting nowadays as affixes either word-formation model, or gerund, or tens forms. Estimating their semantic spectrum and functions, it is possible to conclude, that affix *-a-/-i-* show the most ancient and that their functioning is traced from the period of Turkic parent language, and their individual grammatical value was situational realization of the general verbal sense "iterative ~ frequentative ~ usual ~ reduplicative etc.". Hence, formation of verbs from names and formation of verbs from verbs with iterative-intensive value – essence two derivational functions of homogeneous formatives with the general value. These functions are conditioned by distribution and consequently are perceived in synchronism so independent. Moreover, in three groups of the Altai languages are submitted inter-language alternants of these affixes also having function of verbal derivation as denominative, and deverbative, or inter-verbal. (Especially there is a question on them parent language form: **-a-/*-i-//*-γa-/*-γi-*?)

In becoming Turkic tens systems the special place belongs to affixes of a perfect *-miš / -γan*, designating the arisen condition an attribute and covert process initiating it. It is known, that the new attribute and process initiating are phasely connected: the attribute does not outstrip, it coincides or follows process. Such perfect semantics brings language consciousness to actualization of most this process as continuing in the certain period; besides the constant attribute too is actual in the current period of time. Dual semantics of a perfect (stativity and processuality) as though clears up phase structure of any process, and suggest to designate specially each of its phases. From here there is an opportunity (and requirement!) to designate the present the actual, current, progressive action by the special tens form, it takes place in tens system of Turkic languages in the early period of their development.

Other side of this semantic phenomenon is occurrence of the specialized forms of resultative. And this law is precisely shown in tens system of Turkic dialects. Therefore consideration of formation of perfect formantes is impossible without the reference to forms of stative which most ancient affixes are -q / -γ (nowadays are unproductive and treated as verbal adjectives). As against a perfect the stative does not include in its semantic structure the value of previous action (compare: a perfect of a passive).

At last, at reconstruction of a perfect, a stative, a gerund, and also tens forms (many of them have common-altaic parallels) it is necessary to pay attention others to the fact, that in a history of Turkic languages all of them in structure of predicate realize the senses connected to *the qualitative characteristic* of process.

In it is possible to see a direct connection with the most ancient representations of Turki about ways of reflection in language the extralinguistic phenomena having a processuality nature.

Насилов Д.М.
(Москва)

Некоторые аспекты реконструкции тюркских темпоральных форм в свете языковой картины мира

Мысль известного тюрколога-компатаривиста Т.М. Гарипова о том, что «словообразование и формообразование можно рассматривать вместе как некую единую систему формальных изменений в языке», представляется весьма продуктивной для отдаленной реконструкции семантики тюркских темпоральных форм, особенно когда российские тюркологи на основе результатов, отраженных в пяти томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (под ред. Э.Р. Тенишева), обратились к описанию фрагментов языковой картины древних тюрок.

Если при синхронном описании языка различение явлений словообразования, формообразования и формоизменения желательно, то при историческом исследовании подобное строгое противопоставление представляется неоправданным. Для агглютинативных алтайских языков, видимо, вообще целесообразнее исторически выделять общий класс деривационных показателей как модификаторов смысловой стороны процессуальных слов.

Предпочтительность указанного подхода к реконструкции показателей глагольной деривации и их древней семантики можно показать на примере общетюркских глагольных формантов *-a- / -i-*, выступающих ныне как показатели или словообразовательной модели, или деепричастий, или темпоральных форм. Оценивая их семантический спектр и функции, можно заключить, что формантты *-a- / -i-* являются древнейшими и что их функционирование прослеживается с периода праязыкового состояния, а их частным грамматическим значением была ситуативная реализация общего процессуального смысла «многократность» ~ «повторяемость» ~ «обычность» ~ «учащательность». Следовательно, образование глаголов от имен и образование глаголов от глаголов с учащательно-интенсивным значением – суть две деривационные функции г о м о г е н н ы х показателей с общим значением; эти функции дистрибутивно обусловлены и поэтому воспринимаются в синхронии столь независимыми. Более того, в трех группах алтайских языков представлены межъязыковые альтернанты этих аффиксов, также имеющих глаголообразующую функцию как отыменную, так и отглагольную, или внутриглагольную. (Особо стоит вопрос об их праязыковой форме: **-a- / *-i- // *-γa- / *-γi-* ?)

В становлении тюркской темпоральной системы особое место принадлежит показателям перфекта *-miš / -γan*, обозначающим возникшее состояние / признак и имплицитно инициирующий его процесс. Известно, что новый признак и инициирующий его процесс фазово связаны: признак не опережает, а совпадает или следует за процессом. Такая перфектная семантика подводит языковое сознание к актуализации самого этого процесса как длящегося в определенный период; кроме того, сам постоянный признак тоже актуален в текущий период времени. Двойственная семантика перфекта (статальность и процессность) как бы проясняет фазовую структуру любого процесса, наталкивает на желательность обозначить специально каждую из его фаз. Отсюда возникает возможность (и потребность!) обозначить настоящее текущее, актуальное, процессуальное действие специальной формой прогрессива, что и происходит в темпоральной системе раннего периода развития тюркских языков.

Другой стороной этого семантического феномена является возникновение специализированных форм результатива. И эта закономерность четко проявляется в темпоральной системе тюркских диа-

лектов. Поэтому рассмотрение формирования перфектных показателей невозможно без обращения к формам статива, древнейшими показателями которого являются форманты *-q / -γ* (ныне непродуктивные и трактуемые как отглагольные прилагательные). В отличие от перфекта статив не включает в свою семантическую структуру значения предшествующего действия (ср.: перфект пассива).

Наконец, при реконструкции перфекта, статива, «деепричастных» форм, а также иных темпоральных форм (многие из них имеют общеалтайские параллели) нельзя не обратить внимание на тот факт, что в истории языков все они в составе предикативных структур реализуют смыслы, связанные с *качественной характеристикой* процесса.

В этом можно видеть прямую связь с древнейшими представлениями тюрок о способах отображения в языке внеязыковых явлений, имеющих процессуальную природу.

NECHAEVA L.T.
(Moscow)

What exactly is «a commentary» in a Japanese textbook?

Нечаева Л.Т.
(Москва)

Что такое «комментарий» в учебнике японского языка?

Во многих учебниках даётся комментарий к тексту. Проблема в том, что включать в комментарий? Предлагая своё понимание комментария, принимаем во внимание ещё и то, что комментарии – неотъемлемая часть японского классического текста (Дьяконова Е.М. Текст и интерпретация текста. Психология и социология чтения в Японии. Сб. "Япония: культура и общество в эпоху НТР.", М., 1985, стр. 93), они раскрывают в подробностях детали текста, являясь продолжением текста. Что подразумевается под содержанием комментария? Комментарий в учебнике необходим для решения следующих проблем:

- объяснение элементов речевого этикета;
- объяснение особенностей разговорной речи;
- объяснение грамматических явлений;
- объяснение лексических явлений;
- объяснение содержательного плана.

1. Объяснение элементов речевого этикета

Японцы в общении придают большое значение этикету. Этикет проявляется в определённых жестах, действиях и, безусловно, словах. Поэтому в комментарий обязательно должен быть включен подраздел с переводом и объяснениями этикетных выражений. При этом необходимо дать, если возможно, эквиваленты на русском языке и объяснить ситуации, в каких они употребляются. Например, японцы перед едой обязательно произносят фразу

いただきます。, которая на русский язык дословно переводится *Я ем*, если не объяснить её этикетное значение, то ситуация при её произнесении может быть не понята. В этом подразделе следует объяснять элементарные правила японского этикета.

2. Объяснение особенностей разговорной речи

В японском языке значительно различаются разговорная и письменная речь. Эти различия наблюдаются во всём – в лексике, грамматике. В связи с этим в комментарий должен вводиться подраздел "Особенности разговорной речи", где обращается внимание на произносительные и интонационные, грамматические и лексические особенности японской диалогической речи.

Здесь обязательно должно быть дано объяснение особенностям мужской и женской речи, т.е. различиям в употреблении лексики, грамматических форм, частиц и т.д.

3. Объяснение грамматических явлений

В грамматике, кроме общих вопросов, есть и частные. Предлагаем объяснение этих частных вопросов выносить в комментарий– не в грамматику и не в словарь. Под грамматическим комментарием понимается объяснение валентности глаголов, употребления послелогов, падежных показателей и т.д. – всего того, что трудно воспринимается студентами и не очень чётко соответствует известным правилам. Например, в комментарии следует объяснять, что 待つ *ждать* в ответе на вопрос "где?" управляет творительным падежом, а 集まる *собираться* в ответе на этот же вопрос – дательным. Такие объяснения способствуют упреждению появления ошибок в речи.

4. Объяснение лексических явлений

В комментарий следует включать объяснения по лексике – особенности словоупотребления, перевод фразеологических выражений, подробно рассматривать и сравнивать синонимичные ряды в японском языке, переводящиеся на русский язык одним словом, например: *надеть (платье)* 着る, *надеть (обувь)* はく, *надеть (шапку)* かぶ , *надеть (перчатки)* はめる, *надеть (очки)* はめる и т.д.

5. Объяснение содержательного плана

Японская культура относится к культурам "чувственного" типа (Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка как проявление устойчивости культурных стереотипов. АДД. М., 1999, стр. 23). Это проявляется во всём – в восприятии мира, в богатстве лексики, описывающей эмоции и эстетическое состояние и т.д., поэтому в некоторых случаях студентам надо объяснить суть ощущений, ситуаций, описываемых в текстах. Например, повар в лекции об особенностях японской кухни говорит, что всё построено на принципе "пять", т.е. "пять способов приготовления еды", "пять вкусовых ощущений", "пять цветов готовых блюд", "пять чувств". В комментарии надо объяснить, что, по мнению повара, ощущает человек в процессе еды, иначе текст будет непонятен.

NEVSKAYA I.A.
(Novosibirsk)

Ancient Turkic texts of the pre-Mongolian period

Невская И.А.
(Новосибирск)

Древнетюркские тексты домонгольского периода

Электронный корпус древнетюркских текстов домонгольского периода (VATEC) создавался с 1998 по 2003 год в городах Франкфурт, Берлин и Геттинген группой тюркологов и специалистом по компьютерной лингвистике под руководством профессоров Эрдала, Циме, Реборна и Гипперта. Финансировался проект Немецким научно-исследовательским обществом. Координация осуществлялась во Франкфурте И.А.Невской. Корпус включает в себя древнетюркские тексты различных Жанров, написанные руническим, манихейским, согдийским, уйгурским и сирийским письмом. Все тексты даны в транслитерации и в нормативной транскрипции, переведены на немецкий или английский язык, проведена поморфемная разбивка, глоссирование. Попутно решались задачи уточнения состава и функций графем различных алфавитов, используемых для записи древнетюркских текстов, проводилась сверка более ранних изданий с оригиналом, уточнение орфографических особенностей каждого памятника и их фиксирование в транслитерации, уточнение состава и вариативности грамматических и лексических единиц, исследование особенностей передачи в древнетюркском языке заимствований из других языков.

Первичная база данных создавалась в программе Shoebox, позволяющей в значительной степени автоматизировать морфологический анализ и создать и постоянно пополнять словарь лексем и аффиксов по мере заполнения текстовой базы данных. На последующих этапах эти данные были импортированы в базу данных ACCESS, позволяющую проводить поиск контекстов по целому ряду одновременно заданных критериев. Кроме того, тексты были представлены в Интернете в формате HTML и соединены с электронным архивом турфанских Манускриптов, хранящихся в Турфанском собрании Берлинско-Брандербургской Академии наук.

NORMANSKAYA Yu.V.
(Moscow)

The localisation of Turkic Proto-home on the base of semantic reconstruction of fytonims

Норманская Ю.В.
(Москва)

Локализация тюрской прародины на основе семантической реконструкции фитонимов

Существует богатая традиция изучения названий растений в тюркских языках: обширный материал по реконструкции названий растений имеется в 5 томе издания Лексика, 1997 (очерк

«Растительный мир: дикорастущие деревья, кустарники и травы», автор Э.Р.Тенишев). Огромную работу по истории тюркской фитонимии в рамках алтаистики проделала Л.В.Дмитриева. Большую ценность представляет фундаментальная работа К.М.Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении». Количество специальных исследований по названиям растений в татарском, казахском, азербайджанском, туркменском, чувашском языкознании весьма значительно. Огромный языковой материал, собранный по этой проблеме, в настоящее время делает особенно актуальным ряд отдельных аспектов реконструкции системы названий растений.

Первая часть работы посвящена вопросу локализации тюркской прародины. В случае с тюркскими языками мы имеем весьма редкую ситуацию с точки зрения лингвистики и истории. С одной стороны, существуют надежные исторические сведения о локализации тюркской прародины, с другой стороны, большое количество современных тюркских языков, в ряде случаев весьма разошедшихся с точки зрения лингвистики. Таким образом, на материале тюркских названий растений мы можем попробовать отработать методику лингвистической верификации местоположения языковой прародины с системой контроля в виде исторических данных.

Мы подробно рассматриваем исторические и археологические данные, подтверждающие традиционные представления о локализации этноса-носителя пратюркского языка к моменту его распада в предгорьях Саяно-Алтая и о возможных миграциях пратюрков из Ордоса в саяно-алтайский регион. Далее рассматриваются названия растений, которые реконструируются «однозначно», т.е. рефлексы которых во всех современных языках имеют одно и то же значение. На базе этой реконструкции определяется территория, на которой, с учетом данных ботаники и палеоботаники, могли произрастать эти растения.

Вторая часть посвящена классификации семантических переходов в системе дикорастущих растений в тюркских языках. Обширный материал по названиям растений в современных тюркских языках дает возможность подробно проследить развитие значений рефлексов одного и того же слова в разных языках. Мы пытаемся определить стратегии, в рамках которых могут происходить семантические переходы, выявить условия этих переходов, установить границы теоретической возможности переходов. Для подобного исследования тюркские языки опять же дают материал, ценность которого трудно преувеличить. Дело в том, что, несмотря на большое количество тюркских языков, в большинстве случаев их этимология в достаточной мере прозрачна и надежна. Семантические наблюдения, выполненные в рамках тюркских этимологий, не вызывают такого количества возражений об устройстве каждой конкретной эти-

мологии, как в случае, например, индоевропейских языков. Таким образом, как нам кажется, именно на материале языковых семей, подобных тюркским, должны разрабатываться принципы классификаций семантических переходов.

В третьей части работы реконструируются «неоднозначные» (т.е. такие, рефлексы которых имеют в разных языках различные значения) тюркские названия деревьев и кустарников. Используя данные ботаники и палеоботаники, картографирование и ряд других приемов, мы пытаемся восстановить пратюркские названия растений, проследить семантические изменения при их рефлексации, описать, чем эти переходы могут быть вызваны и т.д.

Наконец, на основе разработанной классификации семантических переходов, картографирования, подробного анализа распространения семантики рефлексов тех или иных пратюркских слов, мы попробовали уточнить реконструкцию системы тюркских названий растений.

NURMUKHAMMEDOV A.
(Ashkhabad)

Turkmen vowels in «Divan» by the Machmud of Kashgar

Нурмухаммедов А.
(Ашхабад)

Отражение в «Диване» Махмуда Кашгарского гласных фонем туркменского языка

О том, что в современном туркменском языке имеются 16 гласных фонем, первым сообщил известный тюрколог Е.Д. Поливанов в середине двадцатых годов прошлого века. Отметив, что этот язык богат на группу гласных и в нем присутствуют все виды гласных, встречающихся в мировых языках, он перечислил 8 кратких и 8 долгих гласных в своем труде «Введение в языкознание для востоковедных вузов». Правильность данного мнения не вызывает сомнений.

Можно добавить, что до настоящего времени в литеературе не отмечалось о том, что в языке «Дивана» присутствуют 16 гласных фонем, а также не определялись фонологические функции долгих гласных данного произведения. Напротив, встречаются иные взгляды. Так, в материалах Первой тюркологической конференции, состоявшейся в Ленинграде в 1970 году, отмечается, что ученый Т.А. Боровкова в своем докладе *«К вопросу о долготе гласных в языке "Дивана лугат ит турк" Махмуда Кашгари»* сообщила, что долгота гласных не имела фонологического значения. Наше исследование показало, что долгие гласные, встречающиеся в языке «Дивана», фонематичны. Мы обнаружили в «Диване» Кашгарского семь видов фонологической оппозиции кратких и долгих гласных, таких как: *а – а:, е – е:, i – i:, о – о:,*

ö – ö:, u – u:, ü – ü:. Вышеизложенные факты свидетельствуют, что в «Диване» нашли свое отражение следующие 15 гласных фонем: ***а, а:, е, е:, о, о:, ö, ö:, u, u:, u, ü:, ü, i, i:, y.*** Долгая *y:* встречается в качестве варианта краткого *y*.

Можно также выразить мнение, связанное с историческим развитием гласных. Долгая *y:*, не сыгравшая роль фонемы в языке «Дивана», в современном туркменском языке употребляется уже в качестве полноправной фонемы, противопоставляясь краткой *y*. Например, *gyr* 'истреби' – *gy:r* 'серый', *gyz* 'грейся' – *gy:z* 'девушка'. Можно сказать также об историческом развитии древней долгой гласной *e:*. Уступив свое место широкой долгой *ä:* в последующие столетия она потеряла свою способность быть самостоятельной фонемой. Вместо нее появилась долгая *ä:* гласная, ставшая самостоятельной фонемой и противопоставляемая краткой *е* гласной: *dep* 'барабан' – *dä:p* 'обряд', *gep* 'речь' – *gä:p* 'чучело'.

Итак, за время, прошедшее с XI века, с последующим развитием языка в системе гласных фонем произошли качественные и количественные изменения, и появились новые противопоставления типа *y – y:, e – ä:*. Следовательно, в современном туркменском литературном языке имеются следующие 16 гласных фонем, образующие 8 пар противопоставлений по краткости – долготе: *а – а:, е – ä:, о – о:, ö – ö:, u – u:, ü – ü:, y -y:, i – i:.*

OMAKAEVA Ellara
(Elista)

The functioning of Kalmyck as the national language in the Republic of Kalmykia

Омакаева Э.
(Элиста)

Функционирование калмыцкого языка как государственного в Республике Калмыкия[1]

В настоящее время самой актуальной, на наш взгляд, проблемой в языковой жизни республики является проблема функционирования калмыцкого языка как государственного, особенно в системе образования. При равноправном юридическом статусе функционирование двух государственных языков значительно отличается друг от друга. Как известно, важнейшая функция языка – коммуникативная. Калмыцкий же язык несмотря на свой государственный статус, к сожалению, является

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии" (проект "Лингвистический ландшафт Евразии: Грамматический строй калмыцкого языка в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом освещении")

на сегодняшний день коммуникативно ущербным. Он уступает другому государственному языку (русскому) во всех сферах как организованного, так и неорганизованного общения. Из выделяемых нами 12 сфер организованного общения калмыцкий язык относительно стабильно функционирует в сфере образования, более или менее – в сфере культуры и в сфере СМИ, слабо задействован в сфере книгоиздания и науки, практически не востребован в других сферах коммуникации, в частности, в сфере официального делопроизводства, законодательной деятельности, судопроизводства и религии.

Определенные шаги сделаны в сфере образования. Разработан проект усовершенствованной орфографии калмыцкого языка, больше внимания уделяется изучению калмыцкого языка в школе, колледжах и вузе, открываются новые национальные классы. Необходимо изучить реальные и потенциальные возможности калмыцкого языка как государственного и на основе этого создать новую модель, новую методическую концепцию обучения калмыцкому языку на разных ступенях системы образования.

Крайне недостаточная разработанность научного и официально-делового стилей (отсутствие терминологии и т.д.) значительно затрудняют их использование в соответствующих сферах общественной коммуникации. В бедственном положении находится национальное книгоиздание: из-за отсутствия средств не издается художественная и иная литература на калмыцком языке. В СМИ недостаточно ведется пропаганда языка: национальная газета "Хальмг унн" практически стала калмыцко-русской, на телевидении мало интересных познавательных и развлекательных калмыцких передач.

Сегодня сложилась такая ситуация, когда калмыцкий язык потерял статус родного языка. Процесс смены родного языка проявляется в том, что все больше калмыков только понимают речь на калмыцком языке, но не могут сами говорить, а то и вовсе не понимают речь на родном языке. Тем не менее абсолютное большинство калмыков, для которых родным языком фактически стал русский, считают родным языком язык своего народа, видя в нем символ этнической идентичности.

Для изменения сложившейся ситуации необходимы грамотная, целенаправленная государственная политика по фактическому выполнению принятых законов и программ в области языка и комплекс мероприятий, стимулирующих знание калмыцкого языка. В сфере образования необходимо создать научно обоснованную концепцию обучения калмыцкому языку как иностранному, на базе которой разработать новую сквозную программу с учетом уровня владения учащимся языком и этапа обучения (начальный, основной, продвинутый и высший).

ORLOVSKAYA M.N.
(Moscow)

Some specific features of simple sentence constructions in ancient Mongolian texts

One means of constructing sentences is word order which is closely linked with the grammatical system of a language. Mongolian languages being agglunative in their nature, this is reflected, among other things, in the specific features and aspects of simple sentence constructions in these languages. The chief and most important factor underlying Mongolian word order in Mongolian languages is the grammatical one, the essence of which is that the position of a word or word combination in a sentence is determined by its grammatical function. The typical order of parts of a sentence is characterized by the fixed position of the predicate nucleus at the end of the sentence. The subject should precede the predicate. The modifier appears in preposition to the noun phrase it modifies, objects and adverbial modifiers also precede the words they are related to.

However, due to a number of reasons, both grammatical and semantico-stylistical, this positional model may be violated, which is especially characteristic of ancient texts. In them, the SOV word order typical of Mongolian languanges was not absolutely obligatory. This can be seen, e.g., from the "Mongolian dictionary Mucaddimat al-Adab" (below denoted as MA) which contains not only separate words, but also a considerable number of whole sentences where word order does not correspond to the syntactic norms of Mongolian languages: [VO] *kirbičēr bosqačiraba idekü-yi* [MA, c.95] "<He> fetched food"; [OVO] *abči ba quduγi* [MA, c.219] "From bricks <he> built a well"; [VOS] *orčiba tni keyēr* [MA, c.94] "The steppe spirit took him away".

Violation of syntactic norms in this dictionary can be partly explained by the influence of non-Mongolian languages, "by the fact that the original was translated into Mongolian and Turkic in a literal, word-for-word mode"[Poppe 1938, p.5]. But there are also examples of non-standard word order in other ancient written monuments: *Uyiγurčin Mongγol Üsüq-ün Durasgaltu Bičig-ud* (below denoted as UM), The Secret History of the Mongols (SH), The Twelve Deeds of Buddha (TD) etc., demonstrating that sentential word order was not always rigidly regulated: [VS] *irebei bida* [TD, p.64] "we arrived" (*bida* "we" follows the verb *irebei* "arrived"); [VO] *jebelei imayi* [SH, §147] "<let us> arm him".

Word order was free in sentences based on alliterations: [O_1SVO_2] *qaqalq-a-dur činu bii tas bayiqulbai yeke-de tali* [UM, c.388-389] "By the gate of yours a stele was built magnificently"; [SO_1VO_2]: *qamuq bügüdeger neres-iyen bičigülbei bii tas-tur qamtu* [UM, c.387] "All of them made their names be written on the stele together"; [SVO]: *soyurqal kürtebei ürkügsen ba amudu-dur* [UM, c.388] "Gratitude reached the living and the dead". The main

grammatical participant in the construction of a sentence – its subject – is quite often left unexpressed, but is easily restored from the context.

The interrogative particle *-ū/-□* [*-uu/-üü; -uʻu/-üü; -wu/-wü*] which follows predicates in interrogative and rhetorical negative-interrogative sentences containing no other interrogative words in ancient texts could appear after any part of such a sentence, even after a negative particle: *čaq-uʻu qürba* [SH, §248] "Did <he> arrive in time?" (cf. its rendering in the present-day language: *цагт ирэвүү?*); *ariγui-daki aγlaγ-taki tngri-üü bui* [TD, c.43, F32v] "Does God rest in a pure country alone?"; *olan-ta-wū quyuʻylju...* [SH, §66] "should one beg many times...?"; *Bi nidöni čimada eseʻ□ ügülelеʻe* [SH, §104] "Did I not tell you last year?" (in the present-day Mongolian: *Би ноднин жил чамд хэлсэн бишүү?*); *namayi eyimü-yi ülü□ jiʻaqu büleʻe či keʻeba* [SH, §145] "Would you have not betrayed me such as I was?" (in the present-day Mongolian: *намайг энд ингэж хэвтэнэ гэж хэлэх байсан бишүү?*).

Nouns and participles used as predicates and were accompanied by auxiliary verbs *a-* and *-bü-* "be", the verb *a-* having a complete conjugation paradigm, while in the present-day language only a few of its forms remain, used in auxiliary functions.

Орловская М.Н.
(Москва)

Некоторые особенности в построении простого предложения в древних монгольских текстах

Одним из средств формирования предложения служит порядок слов, который тесно связан с грамматическим строем языка.

Принадлежность монгольских языков к агглютинативным отражает и наиболее характерные особенности и специфику построения предложения в этих языках. Главным и важнейшим фактором словорасположения служит здесь момент грамматический, суть которого состоит в том, что позиция слова или словосочетания в предложении определяется их грамматической ролью. Типичная модель размещения членов предложения характеризуется фиксированной позицией предикативного ядра – сказуемого, которое всегда завершает предложение. Подлежащее должно предшествовать сказуемому, определение находится в препозиции по отношению к определяемому, дополнения и обстоятельства стоят перед поясняемыми словами. Однако по ряду причин, как грамматических, так и стилистически-смысловых, такой порядок слов может нарушаться, что особенно проявляется на материале древних текстов. Порядок слов, являющийся для монгольских языков нормой [SOV], не был незыблемым.

Характерен в этом отношении "Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб" (ниже MA), зафиксировавший не только отдельные слова, но и значительное количество целых фраз, где порядок слов не соответствует синтаксическим нормам монгольских языков: [VO] *ačiraba idekü-yi* [MA, с. 95] "принес еду"; [OVO] *kirbičēr bosqaba quduγi* [MA, с. 219] "из кирпича воздвиг колодец"; [VOS] *abči orčiba t□ni keyēr* [MA, с.94] "степной дух унес его".

Но если нарушение синтаксических норм в данном словаре можно объяснить влиянием немонгольских языков, "тем, что оригинал переводился на монгольский и тюркский языки дословно и подстрочно" [Поппе, 1938, с.5], то примеры нестандартного словопорядка в других древних письменных источниках: Uyiγurčin Mongγol Üsüq-ün Durasgaltu Bičig-ud (ниже UM), The Secret History of the Mongols (ниже SH), The Twelve Deeds of Buddha (ниже TD), – свидетельствуют о том, что порядок слов в предложении не всегда строго регламентировался: [VS] *irebei bida* [TD, с.64] "прибыли мы"; [VO] *jebelei imayi* [SH, §147] "вооружим его".

Свободным был порядок слов в предложениях, построенных по принципу аллитерации: [O_1SVO_2] *qaqalq-a-dur činu bii tas bayqul-bai yeke-de tali* [UM, с.388-389] "у ворот твоих стела была воздвигнута великолепно"; [SO_1VO_2]: *qamuq bügüdeger neres-iyen bičigülbei bii tas-tur qamtu* [UM, с.387] "все они свои имена заставили написать на стеле вместе"; [SVO] *soyurqal kürtebei ürkügsen ba amudu-dur* [UM, с.388] "благодарность достигла живых и мертвых".

Главный грамматический актант в построении предложений – подлежащее довольно часто остается не выраженным, но легко восстанавливается из окружающего контекста.

Вопросительная частица *-ū/-□*[*-uu/-üü; -uʻü; -wu/-wü*], которая употребляется после сказуемых в вопросительных и в риторических вопросительно-отрицательных предложениях, не имеющих в своем составе иных вопросительных слов, в древних текстах употреблялась после любого из членов таких предложений, не исключая и отрицательных частиц: *čaq-uʻü qürba* [SH, §248] "прибыл ли во время?" (ср.: в современном монгольском переводе: *цагт ирэвүү?*); *ariγui-daki aγlaγ-taki tngri-üü bui* [TD, с.43, F32v] "пребывает ли бог в чистом краю в уединении?"; *olan-ta-wū quyuʻülju...* [SH, §66] "просить ли многократно...?"; *Bi nidöni čimada eseʻ□ ügülelеʻe* [SH, §104] "Разве я тебе не говорил в прошлом году?>" (совр.: *Би ноднин жил чамд хэлсэн бишүү?*); *namayi eyimü-yi ülü□ jiʻaqu büleʻe či keʻeba* [SH, §145] "Разве ты таким образом лежащим меня не выдал бы?" (совр: *намайг энд ингэж хэвтэнэ гэж хэлэх байсан бишүү?*).

Предикативно используемые имена существительные и причастные формы сопровождались служебными глаголами *a-* и *-bü-* "быть", причем глагол *a-* имел полную парадигму спряжения, тогда как в современном языке у него сохранилось лишь небольшое количестве форм, употребляющихся в служебной функции.

PAN Lien-tan
(Mexico)

The culture in teaching Chinese as Foreign language

There is no doubt that "culture" plays a very important role nowadays in the teaching of the foreign languages. It is impossible to untie a language from its culture. Therefore, the culture and the language are complementary elements in the process of the teaching-learning of the languages. The present work studies, in general, the role of the culture in the teaching of foreign languages and the activities designed specifically for the culture classes in the classrooms of teaching foreign languages. In the case of the culture in teaching Chinese as foreign language in Mexico, the author points out some different aspects between Chinese and Mexican culture so that the Mexican students will learn and have a good communication with Chinese speakers in the future.

PARSADANYAN Vrezh.Kh.
(Yerevan)

Lexicological comparison of Persian and Dari

Парсаданян В.Х.
(Ереван)

Лексикологическое сопоставление персидского и дари

За последнее время в свете событий происходящих в Афганистане в частности с приходом к власти новой политической силы, реализуется большое количество проектов по восстановлению экономики страны, а также проекты, которые относятся к общественной, политической, культурной и научной жизни, в том числе и развитие афганистики. Наиболее возможными становятся вопросы, связанные с многосторонним исследованием двух национальных государственных языков, дари и пушту. Известно, что эти два языка мало исследованы по сравнению с персидским.

К сожалению, до последнего времени языку дари Афганистана не было выделено должного места в ряду иранских самостоятельных языков. Этот факт негативно отразился как на самом исследовании данного языка так и на правильном определении места современного дари в группе иранских языков. После официального переименования фарси Афганистана в дари и приобретения самостоятельности, расширились возможности его научного исследования. Предметом исследования стали фонетическая структура, грамматическое построение, словообразование, фразеология, синтаксис. а также региональные диалекты языка дари, которые вызывают большой интерес в иранистике, в том числе на пути развития афганистики. Они представляют также значительную ценность в освещении отдельных проблем

арменалогии, в первую очередь в армяно-персидских, в частности, в армяно-дари и армяно-пушту лексических взаимоотношениях.

В различные времена прибывающие в Афганистан исследователи из многих стран мира, владеющие персидским, интересовались проблемой афганского фарси, особенно кабульского диалекта. При этом они обращали внимание исключительно на словарную общность и различия этого языка с персидским. Однако, нужно отметить, что до последнего времени не были опубликованы какие-либо лексикологические работы, освещающие отличие словарного состава этих языков, В то время как такого рода исследования на сегодняшний день необходимы.

Начиная с 90-ых голов политически нестабильная обстановка в регионе, о частности, в Афганистане не позволяла продолжать начатые детальные исследования отдельных проблем языка дари и его диалектов. Однако, сегодня в рамках диалога цивилизаций, возникает крайняя необходимость осуществления исследований, которые по сути могут быть актуальными.

Если мы принимаем дари как отдельный самостоятельный национальный официальный язык, естественно он должен стать отдельным предметом для исследований, независимо от его общих и различительных грань, которые он имеет с персидским или каким- либо другим иранским языком. Мы рассматриваем дари, как национальный язык самостоятельного государства и будучи знакомыми с ценными работами представителей русской и советской востоковедческой школы, лингвистическими исследованиями европейских стран, трудами иранских и афганских ученых, нами осуществлено сравнительно-сопоставительное исследование словарных составов персидского и современного дари.

Особенности и отличительные черты персидского и дари, в рамках такого исследования, предоставили нам возможность проявить дифференцированный подход к вопросам освещения фонетических структур, грамматических построений, изучению словарных составов и взаимоотношений этих родственных языков.

Данное исследование, на наш взгляд, по своей структуре отличается от прежних работ, посвященных современному дари. На основе имеющегося нами богатого языкового материала, нашей целью было осуществить своеобразное сравнительное исследование, представить возникшие в течение веков и углубляющиеся со временем отдельные различия, а также акцентировать факт того, что дари действительно является самостоятельным языком.

На основе данного исследования недавно в Ереване издали «Персидско-дари-русский, дари-персидско-русский» и «Персидско-дари-армянский, дари-персидско-армянский» словари, каждый из которых содержит более чем 3500 различий между словарными составами этих языков.

POGIBENKO T.G.
(Moscow)

Copula of identity in Modern Khmer and Old Khmer

This report deals with the copula of identity in Modern Khmer and Old Khmer: *кшш* and *gi* respectively[1]. It is one of the most frequently used elements in both languages. It is asserted, that the function of this copular is to express logic-semantic relation of identity (or equation) conceived both as substantival and property identity.

The function of *кшш* in Khmer has not been clearly defined so far. It is often described as an emphatic copular, which, however, suggests little or nothing as to how to use it. In Khmer the copular of identity *кшш* is contrasted with the copular of predication *cio'*. Sentences with the copular *кшш* are used in two different functions: for identification and to express different indirect meanings derived from the meaning of equative sentences proper.

In sentences with identificational copular *кшш* two different linguistic expressions (nominations) of one thing, quality or a fragment of reality are related in two problem situations: a) interpreting (or specifying) identification: when the first nomination is not informative enough to enable the listener to locate the referent in the relevant denotative domain, in this case the second nomination is to promote the required felicity conditions (*The receiver is Ponh Chpong*), b) clarifying identification: when the first nomination is informative enough to enable the listener to locate the referent in the relevant denotative domain, but this localization remains ineffective as long as the listener is unable to relate the newly-acquired information with some information from his previous experience, in this case the knowledge of a certain identity promotes the required felicity conditions (*Is that you?*). Interpreting identification can be applied to qualities and propositions as well when the first nomination is not informative enough to enable the listener to acquire the full scope of the sense of the utterance. Khmer sentences with the copula *кшш* can have quite a variety of syntactic structures, *кшш* being the marker of logic-semantic structure.

In Khmer and Old Khmer the copular of identity is used in sentences with rheme shift, which can have a variety of syntactic structures, including the so-called cleft sentences, found in many languages of the world. This use can be accounted for by the fact, that the semantic structure of sentences with rheme shift is a statement of equation (*It is John, who loves Mary* = John is the person, who loves Mary). Moreover, in Old Khmer in sentences with rheme shift the head predicate can be marked with the marker of dependent predication *ta*, which is an overt manifestation of its shift to a lower position in the underlying structure, e.g. Old Khmer: *purohita vraḥ neḥ gi ta paripāla āçrama* (K691) 'Purohita of this god is the person to guard this sanctuary' (lit. Purohita of this god *gi ta* guard this sanctuary).

[1] Modern Khmer is given in phonological transcription and Old Khmer in transliteration.

Identity (equative) sentences in natural languages is a promising domain for cross-linguistic studies in syntax, semantics and communicative structure. The more so are identity sentences in Khmer, their scope of semantic and communicative resources being vast and unexplored.

Погибенко Т.Г.
(Москва)

Связка тождества в кхмерском и древне-кхмерском

В данном сообщении рассматривается связка тождества в современном кхмерском (КЯ) и древне-кхмерском (ДКМ) языках: *кшш* и *gi*, соответственно. Делается вывод, что данная связка выражает логико-семантическое отношение тождества, понимаемого не только как субстанциональное тождество, но и как тождество свойств и пропозиций.

Функции связки тождества в КЯ до сих пор не было дано точного определения. В научной литературе она часто квалифицируется как эмфатическая, что не объясняет, в каких случаях ее следует употреблять. В КЯ связка тождества противопоставлена предикативной связке *cio'*. Предложения со связкой *кшш* в КЯ могут выполнять функции двух разных типов: функцию идентификации и функцию выражения непрямых смыслов, вытекающих из собственно предложений тождества.

В идентифицирующих предложениях тождества со связкой *кшш* отношением тождества связываются два языковых выражения (номинации), обозначающих один предмет, свойство, или фрагмент ситуации, в двух проблемных случаях: а) при поясняющей идентификации: когда номинация, являющаяся первым компонентом тождества, не несет достаточного количества информации, позволяющей адресату речи локализовать референт в релевантном денотативном пространстве, в этом случае номинация, выступающая в качестве второго компонента тождества, устраняет неспособность адресата установить референцию (*Получатель даров – Понь Чпонг*), б) при уточняющей идентификации: когда номинация, являющаяся первым компонентом тождества несет достаточную информацию, позволяющую адресату локализовать референт в релевантном денотативном пространстве, однако это локализация не является достаточно полной, поскольку в памяти адресата хранится еще одно «мысленное досье» данного объекта, и без знания некоторого тождества адресат не способен сопоставить новую информацию с информацией из предшествующего опыта, в этом случае номинация, выступающая в качестве второго компонента утверждения тождества, устраняет неспособность адресата

установить тождество объекта самому себе (*Так это ты?*). Поясняющая идентификация может также применяться по отношению к номинациям свойств и пропозиций. В этом случае номинация, являющаяся первым компонентом тождества, не содержит достаточного количества информации для того, чтобы смысл сообщения был усвоен адресатом в полном объеме. В КЯ предложения тождества не привязаны к определенной поверхностно-синтаксической структуре, и связка *кши* является маркером логико-семантической и логико-коммуникативной структуры.

В КЯ и ДКЯ связка тождества выступает в предложениях со сдвигом ремы, которые могут иметь разную синтаксическую структуру, в том числе структуру расчлененных предложений. Данное употребление объясняется тем, что семантическая структура предложений со сдвигом ремы – это утверждение тождества. Боле того, в ДКМ в предложениях со сдвигом ремы при вершинном предикате отмечается маркер зависимой предикации *ta*, что является поверхностной манифестацией понижения предиката в глубинной структуре предложения со сдвигом ремы.

PORKHOMOVSKY V.YA.
(Moscow)

The Berber tense-aspect system: a comparative study

Порхомовский В.Я.
(Москва)

Берберская видо-временная система в сравнительном освещении

Берберские языки распространены в Северной Африке и составляют одну из ветвей обширной афразийской (семито-хамитской) семьи языков. Целью настоящего доклада является реконструкция видо-временной системы берберских языков как на основании сравнительного аннализа глагольных систем берберских языков, так и в общеафразийских рамках, прежде всего с привлечением данных семитской глагольной реконструкции.

PRASAD Ravi
(Minneapolis)

Can increasing randomness in languages be abated?

The universe is breaking down! So implies the second Law of Thermodynamics. Structurally, dynamically and progressively, our universe is following a natural order and the natural order is chaos. Every event that takes place means an increase in entropy, i.e. an increase in chaos, a more random distribution of material particles, a more diffuse distribution of energy. I find it awesome that laws of Physics should show pertinence to something as unrelated (or so we thought) as the evolutionary behavior of Languages and Linguistics.

On the one hand, where some languages are successfully able to oppose this drift towards increasing entropy or even move in a direction opposite to that specified by the Second Law, it has been impossible for many.

Language, as the very foundation of culture, has to a great extent captured the free energy, harnessed it, and put it to work for the advancement of the human species. Most linguists agree that wherever humans exist, languages exist and man's curiosity about himself led to his curiosity about languages. They disagree about basically everything else. Given this commonality in understanding, or lack thereof, the radically central debate I want to initiate is "Is this curiosity fading with time? Does man, under God, still control his own linguistic destiny"? At the backdrop of the less common and outmoded languages on this planet, much of what will be said in this paper is at this level. I will present problems faced by linguists in understanding the progression of language towards chaos (a genuine thermodynamic principle), and I will propose possible solution scenarios to avoid and abate the consequences.

PSYANCHIN Yu.V.
(Ufa)

The special features of the scientific-educational little style in Turkic languages of Ural-Volga region in the second half of the XIX century

This article is devoted to the problem about in special features of formation and development of the scientific-educational little style Turkic languages of Ural-Volga region in second middle of XIX century. The scientific-educational little style of Bashkir language of this period is presented by the poetic models of the leaders of Bashkir Enlightenment M. Akmulla and M. Umetbaev.

The scientific publications, written in national style, promoted the formation of the scientific style of Tatar language.

Псянчин Ю.В.
(Уфа)

Особенности развития научно-учебного подстиля в тюркских языках Урало-Поволжья во второй половине XIX века

Процесс дифференциации научного стиля на подстили (научный, научно-учебный, научно-популярный) в тюркских языках Урало-Поволжья, входящих в кыпчакско-булгарскую группу, а именно – в башкирском и татарском языках, начался во второй половине XIX века.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование и дальнейшее развитие научно-учебного подстиля башкирского и татарского языков во второй половине XIX века было связано именно с той демократизацией в языке, которая была вызвана идеологией просветительства.

PÜRBEEV G.Ts.
(Moscow)

Lexico-semantic field of fate in Mongolian languages

Notion of fate as core of collective and individual consciousness, reflecting the idea of mysterious outside forces that predetermine events of people's lives, occupies an important place in traditional culture of all Mongolian peoples. It is present in their mythology, religion, folklore and philosophical and ethical systems.

Forces controlling human fates, agents of destiny are personified with Mongolian peoples as *zayaan, zayaagch, zayaach* 'spirit-creator, the Almighty creator', *tenger* 'spirit, living in Heaven, deity of Heaven'. Notion of fate is also associated in the consciousness of the Mongols with *burhan* – the allseeing and merciful Buddha. The believers regard him as incarnation and symbol of the supreme force, which plays the role of the Justice of the Peace, determining people's destinies.

On the level of language the conception of fate has a wide semantic field, which includes such widely used words as *huv', zayaa, tavilan, töörög, üyl* etc. Depending on context they have one of the following meanings: 'fate, destiny; the inevitable; lot'.

More general meanings may be expressed by the same words coupled together, e.g. *huv' zayaa, huv' tavilan, töörög zayaa* etc. Besides, they are firmly linked by relation of synonymity with their correlatives – group of words denoting close conceptions, thus accentuating the different manifestations or incarnations of destiny. Such are *az, zol* 'fortune, luck', *zhargal* 'happiness, well-being, pleasure', *buyan* 'good deed, virtue', *hishig* 'happiness, welfare', *erööl* 'wishing of well-being', *onoo* 'lot; what has befallen', *zön* 'occasion, will of fate', *zetger* 'hindrance, impediment (out of ill will)', *zurag* 'draft, blueprint', *süld* 'spiritual capacity, vitality; preordained happiness', *mör shor* 'good and bad luck', *od(on)* 'star (happy, unhappy)', etc.

Plurality in signification of the notion of fate is characteristic of many languages including Mongolian languages. It results from, firstly, language striving to reflect the many aspects of the phenomenon of fate, secondly, immanent disposition of language to variation and different modes of semantic coding.

Since spirits-masters of destiny in advance make known the fate of a particular person (*zaayaa saytay, zayaa muutay, zayaa dutuu hün* 'with good, bad or poor luck', *huv' zayaguy, hishigguy* 'fateless, unhappy'), then, naturally, themes of distribution of life lot and luck (*zayaasan, noogdoson, tavisan huv"*) prevail in the cultural tradition of Mongols, their picture of the world and 'karmic' forces of nature.

Belief of the Mongols in fate being inevitable and unavoidable (*zaylashguy huv' zayaa*), as force surpassing human faculty, lifts the question of its choice. Human being should accept predestined. On the other hand, this does not exclude exerting free will, when by one's

action and feats a person is able to influence one's fate, gaining well-deserved happiness, success and luck (*huv' zayaandaa, hishig buyand hürteh, zol zayaatay boloh, zayaagaa oloh*).

The paper offers material from fileds of paremiology and phraseology, sufficiently explicit to demonstrate fate in different situations, showing attitude of Mongols to this cultural category and characterizing its lexico-semantic field.

Пюрбеев Г.Ц.
(Москва)

Лексико-семантическое поле судьбы в монгольских языках

Понятие судьбы как ядро коллективного и индивидуального сознания, отражающее представление о таинственных внешних силах, предопределяющих события в жизни людей, занимает важное место в традиционной культуре всех монголов. Оно присутствует в их мифологии, религии, фольклоре и философско-этической системе.

У всех монгольских народов вершителями человеческих судеб, персонифицированными субъектами действия считаются *заяан, заяагч, заяач* «дух-твореч, всевышний создатель», *тэнгэр* «дух-небожитель, божество Небо». Понятие судьбы в сознании монголов ассоциируется также с *бурханом* – всевидящим и милосердным Буддой. В глазах верующих он служит воплощением и символом той высшей силы, которая играет роль мирового судьи, предопределяющего участь людей.

На языковом уровне концепт судьбы обладает широким семантическим полем, в формировании которого участвуют такие наиболее употребительные слова, как *хувь, заяа, тавилан, төөрөг, үйл* и другие. В зависимости от контекста они функционируют в одном из следующих значений: «доля, участь, удел; предопределение, предназначение; рок, жребий, судьба».

Для выражения более обобщенного смысла указанные слова могут выступать в парных сочетаниях, например: *хувь заяа, хувь тавилан, төөрөг заяа* и т.д. т.д. Кроме того, они тесно связаны узами синонимических отношений со своими коррелятами – группой слов, обозначающих близкие понятия и тем самым подчеркивающих разные образы или ипостаси судьбы. К таким лексическим единицам относятся *аз, зол* «счастье, удача, везение», *жаргал* «счастье, благоденствие, наслаждение», *буян* «благодеяние, добродетель», *хишиг* «счастье, благополучие», *ерөөл* «пожелание благ добра», *оноо* «доля; то, что выпало на долю», *зөн* «воля, случай, произвол судьбы», *зэтгэр* «помеха, препятствие (по злому умыслу)», *зураг* «рисунок, чертеж», *сүлд «духовная мощь, жизненная сила; счастье, написанное на роду», мөр шор* «удача и неудача», *од(он)* «звезда (счастливая, несчастливая) и т.д.

Множественность в обозначении концепта судьбы является характерной чертой многих языков, в том числе и монгольских. Она обусловлена, во-первых, стремлением языка запечатлеть разные элементы смысла феномена судьбы, а во-вторых, тенденцией языка к вариативности и разным способам семантического кодирования.

Поскольку духи-хозяева судьбы заранее предвещают о том, какой будет удел того или иного человека (*заяа сайтай, заяа муутай, заяа дутуу хүн* «с хорошей, плохой или неудачной судьбой», *хувь заягүй, хишигүй* «без судьбы-доли, несчастливый»), то, естественно, мотив распределения и раздачи жизненной доли и счастья (*заяасан, ноогдосон, тависан хувь*) превалирует в культурной традиции монголов, их воззрении на мир и «кармические» силы природы.

Вера монголов в неотвратимость и непреодолимость судьбы (*зайлашгүй хувь заяа*) как силы, возвышающейся над людьми, снимает вопрос о ее выборе. Человек должен принимать предначертание судьбы как нечто неизбежное. Тем не менее это не исключает проявления им своей воли, когда своими делами и поступками он может повлиять на милости судьбы и добиться заслуженного счастья, успеха и удачи (*хувь заяандаа, хишиг буянд хүртэх, зол заяатай болох, заяагаа олох*).

В докладе привлекается материал из области паремиологии и фразеологии монгольских языков, достаточно показательный для экспликации судьбы в разных ситуациях, выявления характера отношений монголов к данной категории культуры и особенностей ее лексико-семантического поля.

RADNAEV V.E.
(Moscow)

Two alphabets of square writing
(the results of the study:
metamorphosis and the essence of the truth)

1. The Mongols as a united nation from their ancient times have had original cultural heritage to which rightly can be referred the system of Mongolian writing. It includes Uighur-Mongolian alphabet (XIII), "Clear writings" by Zaya-Pandita Namkhaidzamtso Oiratsky (1648), Vagindza (A.Dordzhiev, 1905), square (vertical) writing by Pagba-Lama Lodoyzhaltsan (1269), horizontal writing by G.Zanabazar (Önder-gegen) (1686) and other alphabets.

The Mongolian studies as one of the trends of the European oriental studies were formed in the Petersburg Academy of Sciences and Kazan University in the result of the aimed work of the group of well-known scientists. Among them were Academician Ya.I. Shmidt (1779-1847) and Professor O.M. Kovalevsky (1801-1878). O.M. Kovalevsky was the founder of the Kazan school of Mongolian studies that marked the scientific Mongolian studies in Russia in the whole. Different kinds of written ancient manuscripts were

RADNAEVA L.D.
(St. Petersburg)

The phonetic system of the Buryat language
and new informational possibilities
of its investigation and representation

Раднаева Л.Д.
(Санкт-Петербург)

Фонетический строй бурятского языка
и новые информационные возможности
его исследования и представления

Уникальной особенностью культурного наследия человечества является звуковая форма всех языков мира, обеспечивающая возможность общения между людьми. Сохранение звуковой формы языков мира в первозданном виде, ее поддержание и развитие находится в центре внимания современных фонетических исследований, которые характеризуются широким применением информационных речевых технологий, таких как организация акустических баз данных, автоматическая сегментация и транскрипция, обработка речевого сигнала и синтез речи, системы моделирования и распознавания речи. Новые технологии открывают возможности анализа реальных фонетических процессов, происходящих на звуковом уровне и осуществления на их основе исследования звуковой формы.

В настоящей работе представлено комплексное исследование свойств живой звучащей речи на бурятском языке (артикуляторные процессы, акустические и перцептивные характеристики) на примере анализа реализаций элементов звуковой системы в различных условиях: в слоге, слове, тексте. В работе представлена звуковая база данных бурятского языка и возможности ее дальнейшего применения в исследовательских и образовательных целях. Исследование звуковой формы современного бурятского языка основывается на фонологических принципах Л.В. Щербы, нашедших свое продолжение в трудах его последователей: Л.Р. Зиндера, М.И. Матусевич, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, М.В. Гординой, В.Б. Касевича и других.

Теоретически значимым является весь комплекс проблем, проанализированных в исследовании, все фонетические процессы и явления, охватывающие звуковую систему бурятского языка, среди которых выделяются 1) состав и система фонем, 2) система фонем и сингармонизм, 3) взаимосвязь системы и нормы, 4) вариативность комбинаторных и позиционных аллофонов гласных и согласных 5) функциональная нагрузка всех элементов системы, 6) фонетическая выделенность первых и последних слогов слова и особенности оформления фонетического облика бурятского слова, 7) стремление к количественному равновесию гласных твердого и мягкого сингармонических рядов при их реализации в связном тексте, 8) вариативность дифференциальных признаков фонем в условиях связного

текста. 9) взаимозависимость качественной и количественной редукции гласных при реализации в связном тексте.

В работе представлена фонетическая база данных современного бурятского языка в количестве 5390 звуковых единиц, которая состоит из звуковых версий: фонотеки слогов, звукового произносительного словаря, фонетически представительного текста, а также автоматического транскриптора и статистической базы данных. В работе представлены: 1) уточненный состав и система гласных и согласных фонем; 2) артикуляторно-акустические качественные и количественные характеристики аллофонного варьирования гласных и согласных в зависимости от различных фонетических условий; 3) система фонематического и фонетического транскрибирования бурятского орфографического текста, с представлением системы алгоритмов автоматического транскрибирования; 4) автоматическая статистическая база данных и распределение аллофонов, фонем, слогов на материале выборок различного объема. 5) фонетически представительный текст в реализации четырех эталонных дикторов. 6) звуковая база данных бурятского языка, включающая ключевые блоки: звуковую фонотеку эталонных слогов с описанием, автоматический транскриптор, звуковой произносительный словарь и фонетически представительный текст.

Таким образом, в настоящей работе представлен комплексный анализ фонетического строя бурятского языка и звуковая база данных, разработанная на основе новых информационных речевых технологий. Звуковые версии материалов базы данных хранятся в Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы Санкт-Петербургского государственного университета (www.phonetics.pu.ru).

RASSADIN V.I.
(Novosibirsk)

On the principles of parts of speech classification in Mongolian languages

Рассадин В.И.
(Новосибирск)

О принципах классификации частей речи в монгольских языках

Вопрос о классификации частей речи в монголоведении далеко не нов, но до сих пор остается дискуссионным и окончательно нерешенным. Его история начинается с грамматики монгольского языка И.Я. Шмидта 1831 года. В ней взят за основу класссификации морфолого-семантико-синтаксический критерий, применяемый в индо-европейском языкознании. Выработанный А.А. Бобровниковым в своей грамматике монгольско-калмыцкого языка в 1849 г. принцип учета формальных признаков грамматической

изменяемости слов тоже оказался неадекватным, и монголоведы в общем-то вернулись к принципам класссификаций, применяемым к европейским языкам, в том числе и к русскому. Чувствуя, что для монгольских языков должен быть использован иной критерий при классификации частей речи, впоследствии многие монголоведы (например, О. Ковалевский, А. Орлов, Вл. Котвич, А. Руднев, Н. Попе, Г. Санжеев, Д. Алексеев, Б. Тодаева, Т. Бертагаев, В. Наделяев) предлагали иные, но в основном те же самые, только несколько видоизмененные критерии. Основным их недостатком является многокомпонентность критериев классификации, не позволяющая выдержать до логического конца эту их классификацию. Логика же учит, что при любой классификации должен быть взят за основу какой-либо один признак, то есть должно быть одно основание для деления. Морфологический признак, по которому хорошо можно отличить части речи, например, русского языка, в монгольских языках неэффективен. Так, например, монг. *хатан* может быть понято и как существительное «ханша, жена князя», и как прилагательное «крепкий, прочный», и как слитное деепричастие «высыхая» от глагола *хат* – «сохнуть». Основным критерием здесь может послужить лишь семантический. Причем играет роль не просто значение, а тип лексического значения. Различая языковую и речевую функцию слов, мы предлагаем при классификации слов монгольских языков исходить из типа лексического значения и оставаться на языковом уровне.

REDKIN O.I.
(St. Petersburg)

The dialects of Yemen and language contacts

Редькин О.И.
(Санкт-Петербург)

Йеменские диалекты и межъязыковые контакты

Контакты между носителями различных языков и диалектов оказали заметное влияние на лингвистическую ситуацию в Йемене. Говоря о юге Аравии, следует в первую очередь отметить тот мощный культурно-лингвистический и религиозный субстрат, который предшествовал арабскому, их взаимное проникновение и взаимовлияние. Так, на протяжении почти полутора тысячелетий в Йемене синхронно сосуществовали арабский литературный язык и его диалекты с одной стороны, а также произошедшие от семитских языков древнего автохтонного населения – мехри, шхери и сокотри – с другой. Еще один язык семитского субстрата, химьяритский, просуществовал здесь по крайней мере до середины 10 века н.э. Субстратное влияние отмечено в парадигме спряжения глаголов на севере Йемена, в т.н. k-диалектах. Химьяритское влияние отмечено и в проявлении определенного артикля am- вместо традиционного al- в ряде северойеменских диалектов. Изоглосса

подобных явлений позволяет воссоздать ареал распространения химьяритского языка.

Еще в античности имели место контакты между языками юга Аравийского полуострова и персидским, свидетельством чему является, в частности, значительный пласт персидской лексики, денотирующей мореходную терминологию. Подобные контакты продолжились и в средние века. В то же время, несмотря на длительное политическое присутствие Османской империи в Йемене, влияние турецкого языка на уровне лексики не столь очевидно.

Важным явлением жизни Йемена в первые века ислама становится эмиграция местного населения за пределы региона – в Северную Африку, Испанию, Ирак. В этот период идет активное становление торговых связей между Аравией и странами бассейнов Индийского и Тихого океанов.

Миграционные процессы не прекращались и в течение последующих столетий, однако наиболее бурный рост колоний йеменцев за пределами страны наблюдается в 19 – 20 в.в. В это время начинается активная эмиграция в страны Юго-Восточной Азии – Индонезию, Малайзию, Сингапур и Восточную Африку – Сомали, Кению, Танзанию, Уганду, а также в страны бассейна Красного моря, Индию и на Коморские острова. Интенсивные связи данной части Аравийского полуострова с окружающим миром привели к интерферирующему влиянию индонезийского, малайского, суахили, хинди, дари и других языков. Так, еще в середине XX века в некоторых районах Йемена суахили использовался в качестве lingua franca. В последние десятилетия усилился процесс проникновения в словарь местных диалектов лексики европейских языков (английского).

В настоящее время пестрота этнического состава населения обусловливает и синхронное сосуществование на территории Йемена различных диалектов и языков. Среди наиболее крупных диалектных образований следует отметить диалекты Саны, Хадрамаута, Таизза и Адена. Довольно широко распространенный до конца 40-х годов XX века диалект йеменских евреев в настоящее время практически исчез и количество его носителей составляет около 1 тыс. человек (данные 1995г.). Кроме того на территории Йемена проживают около 10 тыс. носителей арабских диалектов Персидского Залива и от 10 тыс. до 40 тыс. говорящих на египетском диалекте арабского языка, что создает предпосылки междиалектной интерференции.

REMARCHUK V.V.
(Moscow)

The Latin alphabet in the Vietnamese culture

The report considers the historical dynamics of the Latin-based phonetic writing system, at present functioning in Vietnam. This country has traditionally been within the region of predominant Confucian

culture, the literary Chinese language *Wuenyang*, and used character-based writing systems. In each country (Vietnam, Korea, Japan) this took place in the context of the local culture, language and writing systems.

A peculiar pattern has emerged. The languages differing typologically from Chinese have a special disposition to character writing and implant it readily into the texture of its non-character-based texts. The language of similar typology with Chinese, in an attempt of creating own *writing and not having withstood the pressure* of interference, in the final account transfers to Latin.

It is possible to preserve the culture in case it continues developing. It seems that the Vietnamese were bound to reject character writing in the 20th century for the same reason as it was kept in the 10th, for the reason of developing the culture.

In the many centuries' Vietnamese "runaway" from the Chinese characters the following processes can be observed: 1) the phonetic adaptation of *Wuenyang* and its subsequent isolation from the Chinese language, which objectively narrowed its functional opportunities and prospects (Hanvan); 2) the formation and the development of a local writing system Nom, made up of the elements of same character-based writing; 3) intensive expansion of the non-written sub-culture, including through oral existence of the Nom classics ("*Kieu*"); 4) the emergence and the development of the Latin-based Vietnamese literature.

One has to note the high level of the phonetic audibility, phonological transparency, aesthetic attractiveness and practical wisdom of the Latinized Vietnamese writing. In the interests of communicative reliability it sometimes reflects either phonetics or phonology, and testifies unequivocally to the unconditional intuitive competence of its creators, who had had a very refined feeling of the main laws of the Vietnamese oral medium, long before the language was investigated by the linguistic science and the respective terminology emerged.

The initial multi-functional nature of the Latin writing concealed in its germ a cardinal cultural revolution. The transition from hierarchically awkward bilinguism, emerged on the basis of *a poorly fragmentable solution* of the two character systems, *Hanvan* and Nom, a unified national language overcoming it.

Under the circumstances, the texts of the traditional literature (pieces in Hanvan, translations from *Hanvan*, the literary *Nom* classics) are translated into the latinized writing, being discovered by the masses of a wide democratic audience. In doing so, the masterpieces of the literary classics sometimes are able to overcome the inevitable artistic drawbacks, caused by the change in the writing paradigm.

Whereas the character writing was marked by a socially oriented (class) vector, and was bound to serve a particular part of society, the new writing is principally expectant of the mass literacy as a natural social standard. Therefore, unlike the traditional society, in today's Vietnam the correlation between "literate" and "illiterate" population

does not comprise a necessary constant, and is a dynamic model. Due to increased literacy and a developed network of state-run schools both in the cities and in the villages, latinized writing facilitates the cultural unity of the nation.

Given the above, *the phonetic writing Quoc ngu, uniting the many sub-cultures of the society, is a system-forming factor of the contemporary Vietnamese culture at whole.*

During the past century, *all cultural life of the country proceeded in conditions of the phonetic writing*, and there are no Vietnamese characters which could now reflect it. The lack for them was felt even earlier, in the 19th century.

However, the contemporary Vietnamese culture is multi-colored and polyphonic, plastic and stable, open to the world and very self-content. It has the historic experience, and it is reasonable to find a practical use to everything *without denying anything*. Therefore, conceding its place to Latin writing, character writing has not gone to history. Having its own biopsychological expressive dynamics of writing, it has found itself an environmental niche. It has become an important element of the cultural periphery. This enriches the culture of the contemporary society and makes it more diverse. Therefore, while the Latin alphabet is an efficient tool of the continuous *production* of new texts, the character texts are only *reproduced* as a valuable cultural heritage, and being so, comprise a subject of fixed attention of the specialists, philologists, historians and culturologists.

Further investigation of the above paradigm shift and forecasting its development prospects is reasonable already within the system of a special and a complex consideration of all the countries, comprising a single cultural process. This could require the respective widening of the investigator's competence and maybe, some collective effort.

Ремарчук В.В.
(Москва)

Латинский алфавит во вьетнамской культуре

В докладе рассматривается историческая динамика фонетического письма на латинской основе, функционирующего в настоящее время во Вьетнаме, традиционно входящем в регион, где на протяжении более двух тысячелетий господствовали конфуцианская культура, литературный китайский язык *вэньянь* и использовались иероглифические системы письма, причем в каждой из стран (Вьетнам, Корея, Япония) это происходило в контексте местных культур, языков и письменностей.

Сложилась любопытная картина. Языки типологически отличные от китайского – агглютинирующие Корейский и японский – питают особенное расположение к иероглифике и охотно вживляют ее в ткань своих неиероглифических текстов. Язык одной с

китайским типологии, испытав иероглифику в попытках создать собственное письмо и *не выдержав интерференционного давления*, в конечном счете переходит на латиницу.

Сохранить культуру можно только ее развивая. По-видимому, вьетнамцы были вынуждены отказаться от иероглифики в XX в. по той же самой причине, по которой они удерживали ее в X веке: во имя развития самой культуры.

В растянувшемся на многие столетия поэтапном «убегании» Вьетнама от китайской иероглифики отмечаются следующие процессы: 1) фонетическая адаптация вэньяня и тем самым его изоляция от собственно китайского языка, что объективно сужало его функциональные возможности и перспективы (*ханван*); 2) формирование и развитие местного, сложившегося из элементов той же иероглифики письма – нома; 3) интенсивное расширение бесписьменной субкультуры во вьетнамской словесности, в том числе за счет перехода в изустное бытование основных произведений номовской классики («Киеу»); 4) появление и развитие вьетнамской литературы на латинице.

Следует отдать должное высокому уровню фонетической внятности, фонологической прозрачности, эстетической привлекательности и практической мудрости вьетнамского латинизированного письма. В интересах коммуникативной надежности отражающее где следует фонетику, а где – фонологию, оно неопровержимо свидетельствует о безусловной интуитивной компетенции его создателей, тонко почувствовавших (еще задолго до того, как этот язык был изучен лингвистической наукой, до того, как появилась вся соответствующая терминология) основные законы вьетнамской речевой стихии.

Изначальная многофункциональность латинизированного письма таила в зародыше кардинальную культурную революцию: переход от иерархически громоздкого двуязычия (возникшего на основе слабосподобляемого сплава двух иероглифических систем – ханвана и нома) к победе единого национального языка.

В этих условиях тексты традиционной литературы (произведения на ханване, переводы с ханвана, литееРатурная «номовская» классика) перелагаются на латинизированное письмо и выходят на простор широкой демократической аудитории. При этом некоторые шедевры литееРатурной классики иногда оказываются в силах преодолеть неизбежные художественные издержки, причиненные сменой письменной парадигмы.

Если иероглифическое письмо характеризовалось социально ориентированным (классовым) вектором, было уделом определенной части общества, то новое письмо в новом обществе принципиально рассчитано на всеобщую грамотность населения как естественную социальную норму. Таким образом, в отличие от традиционного общества, в современном Вьетнаме соотношение «грамотное и неграмотное население» уже не составляет некоторую

необходимую константу, а представляет собой динамическую модель. Вследствие роста грамотности населения и развитой сети государственных школ как в городе, так и на селе, латинизированное письмо способствует культурному единству нации.

В силу вышесказанного, *фонетическое письмо куок нгы, объединяя многие субкультуры общества, является важнейшим системообразующим фактором современной вьетнамской культуры в целом.*

В течение истекшего столетия *вся культурная жизнь страны осуществлялась в условиях фонетического письма*, и практически нет таких вьетнамских иероглифов, которыми можно было бы ее сейчас отразить (их нехватало и раньше – в XIX веке).

Но вместе с тем, современная вьетнамская культура – многоцветна и полифонична, пластична и устойчива, открыта миру и вполне самодостаточна, у нее хватает исторического опыта и благоразумия, не отвергая ничего, всему найти достойное применение. Поэтому, уступив латинице, иероглифика не канула в Лету. Со своей собственной биопсихической экспрессивной динамикой письма, она нашла себе новую экологическую нишу, став важнейшим составляющим культурной периферии, что делает саму культуру современного общества богаче и разнообразнее. Таким образом, если латинский алфавит есть действенный инструмент непрерывного *производства* новых и новых текстов, то иероглифические тексты в наше время по преимуществу только воспроизводятся как ценное культурное наследие и как таковое составляют предмет пристального внимания со стороны специалистов: филологов, историков, культурологов.

Дальнейшее изучение состоявшейся смены парадигмы вьетнамского письма и прогнозирование перспектив его развития целесообразно предпринять уже в системе специального комплексного рассмотрения и сопоставительного анализа письменных культур всех стран-участниц единого культурного процесса, что потребует соответствующего расширения исследовательской компетенции и, возможно, коллективных усилий.

RESHETNIKOV K.Yu.
(Moscow)

The split of first syllable vowels in Samoyed and Hungarian

Решетников К.Ю.
(Москва)

Дробление рефлексов гласных первого слога в самодийском и венгерском

В наиболее признанной ныне модели реконструкции прауральских гласных первого слога восстанавливаются основы, где в качестве гласного первого слога предполагается узкий гласный задне-

днего или среднего ряда. Такое решение обосновывается, в частности, в статье Ю. Янхунена "О лексике уральского праязыка" (1981). Как соответствие прафинно-пермскому **a* первого слога в одних прасамодийских словах выступает **a* (в прасамодийской реконструкции Ю. Янхунена этот гласный огубленный), а в других – **ы* (гласный, аналогичный вышеупомянутому прауральскому) или, реже, **э* (средне- или заднерядный гласный среднего подъема, являющийся непереднерядным коррелятом **е*). Для прасамодийских **ы* и **э* в этом случае предполагается простое распределение (которое устанавливается по крайней мере на материале, рассмотренном Ю. Янхуненом – **э* возникает в закрытом слоге). Однако распределения этих двух прасамодийских гласных с прасамодийским **a* якобы не обнаруживается, ввиду чего Ю. Янхуненом были выделены два несводимых друг к другу ряда соответствий, один из которых он и предложил возводить к прауральскому **ы*: финно-перм. **a* – самод. **a* < < урал. **a*, финно-перм. **a* – самод. **ы/ *э* < урал. **ы*. Особая рефлексация предполагаемого прауральского **ы* как будто просматривается также в венгерском: известны случаи, когда на этом месте в венгерском налицо *i* (хотя бывает и *a*).

Однако уже самим Ю. Янхуненом было отмечено, что самодийский **ы* с таким финно-пермским соответствием встречается только тогда, когда в самодийском во втором слоге налицо шва, происходящий из прауральского нешироkого гласного или же – за счет вторичной редукции – из прауральского **a*. В тех самодийских словах, где во втором слоге сохранен прауральский **a, *ы* в первом слоге не появляется (структура типа **СыСа* в самодийском представлена, но уральская этимология для соответствующих слов пока не найдена). В докладе предлагается элиминировать прауральский **ы* и считать, что самодийский **ы* первого слога в качестве соответствия финно-пермскому **a* закономерно возникает из прауральского **a* при шва второго слога (совершенно независимо от происхождения последнего). Этому как будто противоречит тот факт, на котором построена интерпретация Ю. Янхунена, а именно: при шва второго слога в первом слоге соответствующих самодийских слов бывает не только **ы*, но и **a*. Имеющийся в настоящее время материал, однако, позволяет предположить, что **a* здесь сохраняется только в позиции после начального велярного **k-* (тогда как в остальных случаях, в том числе при вокалическом анлауте, налицо **ы*). Похоже, что аналогичная ситуация имеет место в венгерском, где в первом слоге происходит дробление праур. **a* > *a/i* – с той разницей, что там узкий гласный закономерно возникает только в основах с уральским нешироким гласным второго слога, тогда как в основах с исходом на уральский **-a* старый **a* первого слога сохраняется. Особенностями самодийских правил объясняется, почему венгерскому *a* первого слога может соответствовать самодийский **ы*: это бывает тогда, когда в самодийском **ы* появляется перед шва, развившимся из уральского **-a*.

Сходным образом обстоит дело с венгерскими и самодийскими соответствиями прафиннопермскому гласному, отраженному в прибалто-финском как долгий **o* – здесь рефлексы гласного первого слога в восточных ветвях тоже дробятся в зависимости от гласных второго (хотя в этих словах картина осложнена вторичной меной типа основы в глаголах, происходящей в прибалто-финском и, видимо, в марийском). Для этого класса случаев такая интерпретация уже предлагалась В.М. Илич-Свитычем, но была в дальнейшем многими (в частности, Ю. Янхуненом) проигнорирована. Наше наблюдение заключается в том, что правила и результаты указанного дробления в этой группе анналогичны тем, которые налицо в словах с уральским **a* первого слога.

Аналогичные распределения просматриваются и в обско-угорских языках, но их материал требует дополнительного изучения.

RUDNITSKAYA E.L.
(Moscow)

Evidentiality in Korean

Evidentiality refers to the source of information reported in a sentence (Chafe and Nichols 1986, Guentchéva 1996, Plungian 2001). Besides being a verb category, "evidential" refers to any construction with the source-of-information meaning. The main evidential meanings are visual or auditory (i. e. direct) evidence vs. inference or hearsay (indirect evidence).

I consider two evidential Korean constructions: the verb form with the modal-retrospective affix *-te-* (Cholodivich 1954, Chang 1996, Hong 2003) and the quotative construction with *-ta-n-ta/-ta-y* (so-called "contraction" sentence – cf. Kholodivich 1954, Mazur 1975, Martin 1992, Chang 1996).

-Te- denotes the situation P 'getting information S reported in the sentence by the speaker'. P is retrospective with respect the reference point (the time of uttering this information), that is why *-te-* is often called a "retrospective" marker. If S denotes an event or action (1), P is the 'direct evidence' situation. Therefore, some authors (Hong 2003) consider *-te-* as a 'direct evidence' marker. However, if S refers to a property (2), P is the situation of speaker's learning about S rather than of direct evidence. If the time reference of P does not coincide with the time reference of S, P can denote 'inderect evidence', such as inference (3). In (3), the past tense affix *-ess-* and *-te-* refer to two independent points on the time scale. That is why P cannot be a 'direct evidence' situation (which would have the same time reference as S). Thus, *-te-*, on my account, does not refer to any specific type of evidence but to a general evidence situation. This situation can be interpreted as direct evidence, inference, etc. depending on the context.

(1) Mia-ka yel-si-ey ka-te-la
Mia-NOM ten-hour-LOC go-EVID-DECL
"Mia (as I saw) went away at 10 o'clock"

(2) Mia-nun kyosa-0-ta
Mia-TOP teacher-be-DECL
"Mia (as I know) is a teacher"

(3) Chelswu pap mek-ess-te-la [(6) from Hong 2003]
Chelswu rice eat-PAST-EVID-DECL
"Chelswu (as it seems) has had his meal"

The quotative construction is usually considered a complex sentence with omission of the quotative particle *–ko* and the 'say' matrix verb stem *(mal-)ha-* (4) (the omitted material is boldfaces). Besides the verb ellipsis, the 'addressee' of saying cannot be overt (5), and the omitted 'say' predicate cannot be quantified by an adverb (6). Therefore, I conclude that the 'say' proposition does not form a separate clause, whereas the *-n-ta* sequence has been grammaticalized as the quotative affix *-nta*. The subject of 'saying' cannot be first person. This restriction follows from the semantics of quotation as 'reporting the information already uttered'.

(4) Ku i-ka na-hanthey senmwul-ul
this man-NOM I-DIR present-ACC
cwu-keyss-ta **[-ko (mal-)ha]**-n-ta
give-SUPPOS-DECL **[-QUOT say]**-ASP-DECL
(A) ?"They say he will give me a present"
(B) "He says he will give me a present"

(5) Chelswu-nun (*Swuni-eykey) Mia-ka yeppu-ta-nta
Chelswu-TOP (*Swuni-DAT) Mia-NOM pretty-DECL-QUOT
"Chelswu says (to Swuni) that Mia is pretty"

(6) *Chelswu cacwu Mia-ka kyosa-0-ta-nta
Chelswu-TOP often Mia-NOM teacher-be-DECL-QUOT
"Chelswu often says that Mia is a teacher"

Рудницкая Е.Л.
(Москва)

Категория эвиденциальности в корейском

Эвиденциальное значение относится к источнику информации, которая сообщается в предложении (см. Chafe and Nichols 1986, Guentchéva 1996, Плунгян 2000: 321-325). Более узкое понимание эвиденциальности как глагольной категории предполагает наличие глагольного аффикса, выражающего данное значение, а в более широком понимании к эвиденциальной относится любая грамматическая конструкция с подобным значением. Основные значения в категории эвиденциальности – зрительное и слуховое восприятие (непосредственное наблюдение) и логиический вывод или цитация (косвенная эвиденциальность).

В настоящем докладе рассматриваются и сравниваются две эвиденциальных конструкции в корейском: конструкция с модально-ретроспективным аффиксом *–te-* (см. Холодович 1954, I. Chang 1996, Chang 1996, Sohn 1999, Хонг 2003) и цитативная конструкция типа *-ta-n-ta/-ta-y* (так называемая конструкция с сокращением, или «контрактура» (contraction) – см. Холодович 1954, Мазур 1975, Martin 1992, Chang 1996, Cho and Lim 2002). Первая конструкция является эвиденциальной в узком, а вторая – в широком смысле слова.

Аффикс *-te-* обозначает ситуацию P 'получение говорящим информации, сообщаемой в предложении'. Ситуация P предшествует речевому акту (произнесения предложения с *-te-*, далее S), поэтому *-te-* часто называют 'ретроспективным' показателем. Если S – событие или действие (1), P – ситуация непосредственного наблюдения, поэтому некоторые авторы (Хонг 2003) считают *-te-* показателем 'непосредственного наблюдения'. Однако если S обозначает свойство, P – ситуация узнавания говорящим об S или (2). Если временная локализация P не совпадает с временной локализацией S, P может выражать значение косвенной эвиденциальности, например, инферентива (3). В (3) аффикс прошедшего времени *-ess-* и аффикс *-te-* соответствуют двум независимым точкам на временной шкале, то есть у P и S различная временная локализация. Поэтому P не может быть ситуацией наблюдения S (которая была бы синхронна S), а обозначает ситуацию наблюдения последствий S. Таким образом, *-te-* выражает общее значение приобретения информации о ситуации, которое может конкретизироваться в зависимости от контекста.

(1) Mia-ka yel-si-ey ka-te-la
Миа-ИМ десятьчас-ЛОК идти-ЭВИД-ИЗЪЯВ
«Миа (как я видел) ушла в 10 часов»

(2) Mia-nun kyosa-0-ta
Миа-ТОП учитель-быть-ИЗЪЯВ
«Миа (как я знаю) преподаватель»

(3) Chelswu pap mek-ess-te-la [Хонг 2003, пример (6)]
Чольсу рис ест-ПРОШ-ЭВИД-ИЗЪЯВ
«Чольсу (похоже/по всей вероятности) пообедал»

Цитативная конструкция обычно трактуется как сложноподчиненное предложение, в котором опущена цитативная частица *-ko* и корень *(mal-) ha-* глагола 'говорить' (4) (опущенный материал выделен жирным шрифтом). Последовательность *-n-ta* '-АСП-ИЗЪЯВ', однако, грамматикализуется как цитативный показатель *-nta*. Хотя субъект ситуации 'говорение' может конкретизироваться (4)-(5), в пользу грамматикализации свидетельствует то, что адресат 'говорения' не может быть выражен (5); кроме того, ситуация 'говорения' не всегда может квантифицироваться кванторными

наречиями (6). Данная конструкция функционально эквивалентна парентетическим оборотам с *как* типа *как говорит Иван*, рассматриваемых в Зализняк и Падучева 1987. В обоих случаях субъектом 'говорения' может быть третье лицо, но не говорящий; данное ограничение вытекает из семантики цитатива 'передача сообщения, уже высказанного в другом речевом акте'.

(4) Ku i-ka na-hanthey senmwul-ul
этот человек-ИМ я-НАПР подарок-ВИН
cwu-keyss-ta **[-ko (mal-)ha]**-n-ta
дать-ПРЕДП-ИЗЪЯВ **[-ЦИТ говорить]**-АСП-ИЗЪЯВ/ЦИТ
(А) ?«Говорят, он подарит мне подарок»
(Б) «Он говорит, что подарит мне подарок»

(5) Chelswu-nun (*Swuni-eykey) Mia-ka yeppu-ta-nta
Чольсу-ТОП (*Суни-ДАТ) Миа-ИМ красивый-ИЗЪЯВ-ЦИТ
«Чольсу говорит (*Суни), что Миа красивая»

(6) *Chelswu-nun cacwu Mia-ka kyosa-0-ta-nta
Чольсу-ТОП часто Миа-ИМ учитель-быть-ИЗЪЯВ-ЦИТ
«Чольсу часто говорит, что Миа учительница»

RUKODELNIKOVA M.B.
(Moscow)

On Chinese swimming verbs semantic description

Рукодельникова М.Б.
(Москва)

К описанию семантики глаголов плавания в китайском языке

Данное исследование проводится в рамках проекта, посвященного типологии лексического выражения перемещения в воде (aquamotion) в различных языках мира. Особенностью предложенного подхода является то, что описание лексической системы конкретных языков ведется под единым углом зрения, что дает возможность не только сопоставлять данные разных языков, но и делать некоторые обобщения и прогнозы относительно лексической сочетаемости и т.п. Работа проводится в несколько этапов, первый из которых – сплошная выборка из словарей глаголов, одним из компонентов значения которых является «плавать, плыть».

Как показывает анализ словарей современного китайского языка, лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих перемещение в воде, неоднородна.

Во-первых, существует по крайней четыре односложных лексемы, используемых для выражения семантики плавания:

you[2] (плавать, плыть /о человеке или животном/; парить в воздухе; скитаться; путешествовать; вести праздный образ жизни); *piao*[1] А (плыть /на поверхности воды/; дрейфовать, плыть по воле волн, ветра /т.е. неконтролируемое движение/; наплывать, наносить /например, песок на берег/; странствовать); *piao*[1]

В (держать на плаву; смывать, сдувать, сдвигать); *fu²* (плавать, всплывать, быть легче воды; плыть, двигаться по воде; нестись по течению; бежать; всплывать /появляться/, проступать /о каплях пота, улыбке); *liu²* А (течь; скользить по воде, плыть; двигаться; скитаться; бездельничать; переходить в другое состояние / плавиться, испаряться); *liu²* В (лить; обливать; держать на плаву; распространять).

Во-вторых, в китайском языке выделяется ряд сложных глаголов (большинство образовано от вышеперечисленных), отражающих следующие аспекты перемещения в/на воде:

перемещение человека или животного;
неконтролируемое движение в/на воде (дрейф);
движение на поверхности воды; качающиеся движения в воде (качаться на воде то появляясь, то исчезая);
скорость движения в воде;
направление перемещения в воде.

Направление передается в китайском языке либо присоединением глаголов направления движения, либо ситуация задается лексически. Следует отметить, что для передачи движения в воде вертикально вниз используются иные глаголы, чем для горизонтального движения и движения вверх. Такое разделение лексической системы на две непересекающиеся группы типологически ожидаемо. Действительно, идея «тонуть, идти на дно» обычно бывает противопоставлена идее «плавать», а значение движения в воде вверх «всплыть» может передаваться с помощью глаголов плавания.

Особняком стоит подгруппа глаголов, выражающих движение по воде на каком-либо плавучем средстве или движение самих этих средств. Для обозначения данного способа перемещения в/по воде могут использоваться как глаголы активного плавания, так и глаголы, обозначающие перемещение как таковое или езду на каком-либо транспортном средстве: например, глаголы *xing²* перемещаться; *cheng²* ехать [на], использовать [что].

Относительно закрытой можно считать группу глаголов, обозначающих стиль плавания. Они все образованы по единой модели со вторым компонентом *yong³* плыть, плавание (употребляется только в сочетаниях). *zi⁴you²yong³* плыть вольным стилем «свободный+плыть»; *wa¹yong³* плыть брассом «лягушка+плыть» *qian²yong³* плыть под водой, подводное плавание «нырять+плыть»; *yang³yong³* плавать на спине «лицом вверх+плыть» и т.п.

Как и во многих других языках мира, в китайском языке движение воды также может передаваться с помощью глагола лексико-семантической группы плавания, это касается глагола *liu²*, среди значений которого мы находим не только «плыть, скользить по воде», но и «течь».

Исходя из описываемого материала, можно сделать вывод о наличии в современном китайском языке богатой лексической системы движения в воде, организованной на основе противопо-

ставления по ряду признаков. Активное (человек, рыба, животное) и пассивное (неодушевленные предметы, такие как бревно, лист, водоросли, труп) плавание выражается с помощью разных базовых глаголов.

Направление плавания выражается стандартным для китайского языка способом: путем присоединения глагола направления движения к основному глаголу или через контекст.

RUMYANTSEV M.K., KAPLUN M.I., POSPELOV B.V.
(Moscow)

On the problem of evolution of word tone characteristics into accentual ones

Румянцев М.К., Каплун М.И., Поспелов Б.В.
(Москва)

К проблеме эволюции тоновых характеристик слова в акцентные

На материале языков Африки лингвисты уже довольно давно обсуждают проблему "прорастания акцентных систем из тональных". Этим констатируется существование систем смешанного просодического устройства слова, когда, хотя бы в каких-то слоях лексики в определенный период языковой эволюции наличествуют и тоны, и ударения, поскольку процесс "прорастания" не может быть одномоментным.

Китайский язык на всем протяжении его наблюдаемой эволюции относится к языкам тотально тоновым. В этой просодической системе нет слов (слогов) вне тона. Но и в ней в процессе эволюции произошли заметные сдвиги в просодическом устройстве слова. Об этом свидетельствует появление в 17-18 веках легкого (нейтрального) тона.

В связи с означенной проблемой небезынтересно рассмотреть общие предпосылки способствующие возникновению просодических мутаций в слове и в принципе возможной эволюции слоговых (словных) тонов в словесные ударения. Обязательным общим условием указанной эволюции является дефонологизация слоговых тонов. Дефонологизация тонов происходит в двусложных и многосложных словах. Односложное слово, как правило, тоноустойчиво.

Дефонологизации тонов способствуют следующие факторы.

1. Формализация (грамматикализация) одной из слоговых морфем двуслога не выводится из значений слоговых морфем, марки-

рованных соответствующими тонами. Функцию номинации берет на себя двуслог в целом. В процессе эволюции и в этом случае происходит дефонологизация тоновых признаков морфем. Тоны какое-то время существуют как характеристики нормативно-произосительные. Но в результате потери связи с лексическими значениями в них могут начаться просодические мутации, т.е. вместо них могут возникнуть ранжиры слогов по выделенности.

3. Процесс дефонологизации слоговых тонов, наблюдаемый в некоторых слоях лексики современного китайского языка, происходит в языковой системе с контурными тонами, тонами больших частотных интервалов и потому акустически очень устойчивых. Тоны регистровые часто встречают в языках Африки, в частности чадских, сахарских языках и группы манде. Регистровые тоны в этих языках – с небольшими варьируемыми контурами, они менее устойчивы и легче поддаются дефонологизации, в результате которой и возникают акценты. Ярким примером этого может служить язык хауса, тональная система которого состоит из двух регистровых тонов. Невыразительная модуляция этих тонов при противопоставлении друг другу фактически ведет их к дефонологизации, что и приводит к появлению акцента. Недаром в истории исследования просодической системы хауса многие авторы утверждали, что наряду с тонами в языке присутствует и ударение.
4. Большую роль в рассматриваемой эволюции играет также разная фонологическая продуктивность тонов в разных языковых системах. Одну ситуацию может представлять язык китайский – язык тотально тоновой, и другую – языки, в которых тоны фонологически действуют ограниченно, только в каких-то слоях лексики. Языковое сознание в системах тотально тоновых расшатывается труднее, но и оно, как показывает история китайского языка, не остается незыблемым.

SAKHOKIA M.M.
(Tbilisi)

Materials for the historical morphosyntax of the Persian language

Сахокия М.М.
(Тбилиси)

Материалы к историческому морфосинтаксису персидского языка

В сообщении представлены полученные в результате диахронно-типологического анализа материалы к фундаментальному историческому морфосинтаксису персидского языка, в пределах которого могут быть подробно рассмотрены формоизменения и функционирование отдельных морфосинтаксем и морфосинтаксических элементов в истории персидского языка с привлечением фактических данных (как письменных, так и устных) по диахрониическому диапазону: древнеперсидский – среднеперсидский – новоперсидский (классический – современный, включая разговорный фарси). В настоящем сообщении будут представлены отдельные морфосинтаксические блоки (специиальные конструкции, морфосинтаксемы, элементы и др.), выделенные в результате диахронно-типологического и ретроспективного анализа, рассматриваемые в вышеописанном порядке и квалифицированные нами как Основные Морфосинтаксические Конституенты (Составляющие) Персидского языка, или Основные Составляющие (Конституенты) Морфосинтаксиса Персидского Языка.

***SAMARINA* Irina V.**
(Moscow)

Towards typology of phonological systems of Vietic languages

In this paper I will compare phonological systems of 15 languages, which belong to the Vietic group of the Mon-Khmer branch of the Austro-Asiatic family.

Most of the Vietic languages are used by small ethnic groups (about 100 members or even less) and found mainly along the Laos-Vietnamese border. However, Vietnamese and Muong languages have more speakers and wider distribution.

Vietic classification has been studied by several scholars, including Nguyen Van Tai, Nguyen Tai Can, Chan Chi Doi, M. Ferlus, G. Diffloth, I. Peiros. This is generally adopted view that Vietic branch is subdivided into 7 subgroups:

1. Viet-Muong: a) Vietnamese dialects; b) Muong dialects, Nguon;
2. Tho: Cuoi, Tho Mon;
3. Poong: Poong, Danlai – Liha, Turn;
4. Chut: Sach, Rue, Mai, Salang;
5. Arem;
6. Aheu: Aheu, Ahlau (Thawmg), So – Thavung;
7. Malieng: Maleng, Malieng, Pakatan, Kha Phong (Coi), Harem.

"Monosyllabization" can be seen as one of the main trends of historical development of

Austro-Asiatic languages including Vietic group. "Monosyllabization" is a historical process of phonological simplification, when original disyllabic structures are reduced to monosyllabic ones via the stage of so-called "quasi-disyllables", or "sesquisyllables" (i.e. a syllable-and-a-half in length): (C)V(C)-CV(C) or N-CV(C), where N – is a nasal homorganic with the initial stop of the second syllable. The main characteristic of these quasi-disyllables is the absence of vowel opposition in their first syllables.

My field work with some of the Vietic languages gave me an opportunity to observe how the tendency towards "monosyllabisation"

affects modern spoken languages. There are no Vietic languages with disyllabic words revealing vowel opposition in the first syllable. Some Vietic languages, however, have quasi-disyllabic words, where the role of the first syllable is less important. Thus, the first syllable is affected by various changes: consonantal alternations (Rue *lata*^{3} ~ *rata*^{3} 'stone'), loss of the first consonant (Rue *hapa*^{1} —*apa*^{1} 'they'), loss of the second consonant (Rue *kərβe*^{1} —► *kəβe*^{1} 'finger'). The appearance of initial consonantal clusters in main (major) syllable as a result of reducing the pre-syllable (minor syllable) can be observed. These initial clusters in their turn often undergo further simplifications: Rue *bloŋ*^{3} ~ *loŋ*^{3} (classifier).

Currently Vietic languages reveal different stages of monosyllabisation. At one end, we have archaic languages with quasi-dissyllabic words. These languages usually have phonologically relevant opposition of phonations, but do not have fully developed tonal systems. Some languages, however, have more quasi-disyllabic words than others. At the other end we can see languages with innovations, which have only monosyllabic words with no initial clusters, but with fully developed tonal systems (4-6 tones).

Archaic languages are found mainly in south-western part of the Vietic territory, while languages with innovations are found mainly in their eastern and north-eastern parts.

Самарина И.В.
(Москва)

Вьетические языки:
типология фонологических систем

Материалами к типологическому сопоставлению, результаты которого будут представлены в докладе, послужили данные 15 вьетических языков. Практически все вьетические языки (группа мон-кхмерской ветви аустроазиатских языков), за исключением вьетнамского и языка мыонг, представляют собой языки небольших этнических групп численностью в несколько сотен человек или даже менее 100 человек. Вьетические языки делятся на восточные и западные. К восточным относятся языки на территории Вьетнама, к западным – языки на территории Лаоса и Таиланда. В Лаосе этнические группы, говорящие на вьетических языках, проживают в основном вдоль вьетнамско-лаосской границы в пров. Кхаммуан.

В последние десятилетия классификация вьетических языков уточнялась и пополнялась по мере получения новых данных многими исследователями (Нгуен Ван Тай, Нгуен Тай Кан, Чан Чи Зой, Ж. Диффлот, М. Ферлюс, И.И. Пейрос и др.). Наиболее общепринятой является классификация, в соответствии с которой вьетические языки делятся на следующие подгруппы: 1) *вьет-мыонгская:* а) вьетнамский язык и его диалекты, б) язык мыонг и его диалекты,

а также язык нгуон; 2) *тхо*: куой(тям) и (тхо)мон; 3) *поонг*: поонг, данлай-лиха, тум; 4) *тьыт*: шать, рук, май, саланг; 5) *арем*: арем; 6) *ахеу*: два говора ахеу и ахлау (тхавынг), со (тхавынг); 7) *малиенг*: маленг, малиенг, пакатан, кхапхонг (кой), харем.

Одной из основных тенденций развития большинства аустроазиатских языков, в том числе и вьетических, является моносиллабизация. На фонологическом уровне эта тенденция реализуется в процессах перехода от дисиллабических структур к моносиллабическим через стадию «квазидисиллабических», или «полутора-силлабических» структур, которые представляют собой последовательность двух слогов, первый из которых является пресиллабом, или слабым слогом, а второй – сильным слогом. Структура «полуторасиллаба» во вьетических языках: (C)V(C)-CV(C) или N-CV(C), где N – назальный сонорный, гоморганный с инициалью сильного слога. Этот переход характеризуется общими закономерностями для всех языков. По мере продвижения языка в сторону моносиллабичного состояния упрощается структура пресиллаба, сокращается инвентарь фонем, встречающихся в пресиллабах, менее значимым становится его материальное выражение, и как следствие этого появляются свободные варианты (например, рук *təka*^{1} ~ *rəka*^{1} 'курица'), слово существует в двух формах – с пресиллабом и без него (например, рук *rəka*^{1} ~ *təka*^{1} ~ *ka*^{1} 'курица'). Одновременно происходят изменения и в структуре сильного слога, в том числе появляются инициальные консонантные кластеры, являющиеся результатом выпадения гласной пресиллаба и стяжения инициалей пресиллаба и сильного слога. Затем вступает в действие закон упрощения структуры слога, характерный для языков данного ареала, вследствие чего происходит утрата инициальных кластеров, например, за счет утраты первого или второго элемента кластера. В связи с этим отсутствие инициальных консонантных кластеров в языке может означать, что язык еще не перешел к этапу образования кластеров, т.е. находится на стадии дисиллабичности (со, ахлао), либо он уже стал моносиллабичным и прошел этап упрощения инициали слога (вьетнамский, диалекты языка мыонг). Если в языке остается еще достаточно много пресиллабов, то инициальные кластеры по аналогии могут разбиваться гласной, образуя вторичные пресиллабы.

На синхронном уровне вьетические языки демонстрируют разные стадии процесса моносиллабизации, и таким образом характеризуются как более или менее архаичные. Архаичные языки сохраняют дисиллабическое (или «квазидисиллабическое») состояние и более сложную структуру слога, фонологически значимыми супрасегментными характеристиками являются фонационные различия, система тонов отсутствует либо находится в процессе формирования. В языках, занимающих промежуточное положение, появляются инициальные консонантные кластеры, которые затем утрачиваются в языках, завершивших стадию моносиллабизации.

Географическому делению вьетических языков в основном соответствуют и типологические различия языков. Так, в большей степени реликтовые черты сохраняют западные вьетические языки, в меньшей – восточные, архаичность языков уменьшается также при продвижении с юга на север.

ŜČEKA Y.V.
(Moscow)

The principles of Turkic reconstruction

The traditional reconstruction based on the analysis of written texts and the comparative method serves only as a necessary foundation. But the evolution of language can be laid bare solely a) in its integrity (to embrace all the epochs including even most remote ones) and b) on the interdisciplinary basis with the only criterion of proof being a wide interdisciplinary all-round justifiability. We should like to name a complex of articles by the author of this report, essentially throwing light on the epochs of the evolution of language categories and to indicate their main ideas.

In the philosophical respect the understanding of the evolution of language is unthinkable without the criticism of the absolute approach to reason in science and the overcoming of the methodology of structuralism. This presupposes a comprehension of the *isomorphous* inconsistency of reason, ensures an adequate understanding of the significance of structural scientific propositions, enables their conceptional separation from and a simultaneous integral profound unity with the divine origin of language.

Speech is not a realization of the system of language as it is understood in the traditional structural linguistics. Speech is the motion of this system, i. e. a major energetic, nonstructural principle of language. This makes it possible to conceive the essence of the linguistic evolution as a passage of the socio-linguistic motion (diachronic aspect) into the synchronic structure of language. All segmental units came from the prespeech prosody, the basis of which was syllabic and wordy rhythm. The units of language and its categories are convolutions of certain degrees of generalized predicative relation of one or another epoch.

The essence of structures as convolutions of motion presupposes one more interdisciplinary aspect, connected with a socio-linguistic extrapolation of the biogenetic law. The language acquisition process of an individual represents a condensed reproduction of the evolution of language. By the formula, converting the stages of the language acquisition process to the chronological limits of the major epochs of the evolution of language, the epoch of the syllabic rhythm and interjections comprises the period from 10 million to 2.4 million years ago (the single common protolanguage). The epoch of the word rhythm and protowords formation through

interjections and the protopronoun connected in the form of the generalized predication took place from 2.4 million to 240 thousand years ago (the eastern branch of the single common language and the Ural-Altaic protolanguage). The formation of the rhythm of syntactic groups and of the categories of the simple sentence developed from 240 thousand to 7.6 thousand years ago (the Altaic protolanguage). The categories of the polypredicative sentence and of the text developed from 7.6 thousand to the 8th century A.D. (the Turkic protolanguage). After the 8th century A.D. developed written languages (the Turkic languages). The protolanguage of every level was homogeneous with a corresponding range of occasionally probable realizations of forms. A system of relatively stable forms (normative in the case of standard languages) exists only in modern languages.

Щека Ю.В.
(Москва)

Принципы тюркской реконструкции

Традиционная реконструкция, ориентирующаяся на анализ письменных текстов и сравнительно-исторический анализ, выступает только необходимым фундаментом. Раскрытие же языковой эволюции возможно исключительно лишь а) в ее целостности (с охватом сразу всех эпох, включая самые отдаленные) и б) на междисциплинарной основе, при которой единственным критерием доказательности оказывается широкая междисциплинарная комплексность. Хотелось бы назвать комплекс работ автора данного общения, существенно проясняющих эпохи эволюции языковых категорий, и указать их основные идеи.

В философском плане раскрытие эволюции языка немыслимо без критики абсолютизации разума в науке и преодоления методологии структурализма. Это предполагает постижение *изоморфной* несостоятельности разума, обеспечивает адекватное понимание значимости научно-структурных положений и их концептуальное разведение при одновременном органичном и глубоком единстве с божественным происхождением языка.

Речь выступает не реализацией языковой системы, как это принимается в структурно-традиционном языкознании, а ее движением, т. е. важнейшим энергетическим, внеструктурным и качественно бесконечным началом языка. Это позволяет раскрыть суть языковой эволюции как перехода в синхронную структуру социально-языкового движения (диахронии). Все сегментные единицы произошли из праречевой просодии, в основе которой лежал слоговой и словесный ритм. Единицы языка и его категории являются свертками определенной степени обобщенной предикативной связи той или иной эпохи.

Суть структур как сверток движения предполагает еще один междисциплинарный аспект, связанный с социально-языковой экстраполяцией биогенетического закона. Развитие языковой способности индиивида выступает сжатым воспроизведением эволюции языка. По формуле, переводящей этапы становления языковой способности в хронологические рамки основных эпох эволюции языка, эпоха слогового ритма и междометий охватывает период от 10 млн. до 2.4 млн. л. тому назад (единый праязык). Эпоха образования словесного ритма и праслов путем обобщенной предикации в виде соединения междометия и праместоимения имела место от 2.4 млн. до 240 тыс. л. тому назад (восточная ветвь единого праязыка, а также урало-алтайский праязык). Становление синтагменного ритма и категорий простого предложения происходило с 240 тыс. до 7.6 тыс. л. тому назад (алтайский праязык). С 7.6 тыс. л. тому назад до 8 века н. э. – развитие категорий полипредикативного предложения и текста (тюркский праязык). После 8 века н. э. – развитие письменных языков (тюркские языки). Праязык каждого уровня был един, обладая соответствующим диапазоном случайно-вероятностных реализаций форм. Система относительно стабильных форм (нормативных в случае литературных языков) имеется лишь у современных языков.

SHAIKHULOV A.G.
(Ufa)

Specific features of ideographic paradigmatics in the languages of the Volga-Kama-Urals ethnolinguistic area

Шайхулов А.Г.
(Уфа)

Особенности идеографической парадигматики в языках Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона

Реферируемое исследование посвящено рассмотрению особенностей идеографической парадигматики указанных заимствований в языках Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона в трехмерной (фонологической, морфологической и семантической) структурной характеристике. Это новое осмысление в значительной мере стимулируется попытками автора осознать и в плане методологии науки выработать аспекты новой теоретико-познавательной ориентации, что сопровождается, как это постулируется в современных штудиях, постепенным переходом от имманентного рассмотрения языка «в самом себе и для себя» к его изучению в тесной связи с сознанием, мышлением, культурой и предметно-практической деятельностью человека, т.е. к лингвистике антропологической, прямо связанной с когнитивным аспектом языка, широко обсуждаемым в настоящее время (сравн. Работы Е.С. Кубряковой, В.И. Пустовалова, И.Г. Рузина и др.).

SHAKHBIEVA M.Kh.
(Moscow)

The category of class: cognitive and grammatical content

(based on the material of Nakh languages)

Шахбиева М.Х.
(Москва)

Категория класса:

когнитивное и грамматическое содержание

(на материале нахских языков)

Категория грамматического класса, являясь одним из необходимых средств организации, как семантической константы пропозиции (реализует референциальное значение), так и ее субъективной переменной (предикативность, модальность), обнаруживает неизбежность своей связи с другими категориями. Данная функция детерминирована реляционным значением категории грамматического класса. Поскольку экспонент грамматического класса (термин *класс* здесь идентичен термину *артикль* и обозначает не множество, а категорию) является одновременно и глаголом *есть*, то целесообразным мы находим говорить об их синкретизме, недифференцированности, то есть, категория класса присутствует везде, где употребляется глагол *есть* (но не *быть*). Количество классов в нахских языках по разным источникам составляет от 4 до 8. В нашей работе, определяя количество классов, мы будем исходить из формального признака, в соответствии с которым во всех трех языках выделим все 4 основных сингулярных класса: *ja, va, ba, da* (бацб.) *ja, va, ba, da* (инг.), *ju, vu, bu, du* (чеч.). Других формальных экспонентов нет. Плюральные классы в настоящей работе не рассматриваются, поскольку такая классификация вторична.

Категория класса, выявленная в лингвистике (науке о языке, а не о мышлении), не нашла сколько-нибудь адекватной интерпретации своего референциального значения. В поле зрения исследователей она попала в процессе анализа структуры предложения, где наиболее очевидным было ее реляционное значение. Вместе с тем, имелись попытки объяснения и референциального значения, которые, однако, не дали положительных результатов. Такого рода неудачи объясняются неверным подходом к исследуемой проблеме: задача определения когнитивного содержания решалась в терминах и понятиях лингвистики. Мало что изменило и привлечение экстралингвистического материала. Подобные попытки не дали положительных результатов, и этого стоило ожидать по следующим причинам. Понятийная категория класса является категорией селективной: когнитивное структурирование действительности происходило на основании выявления существенного (интегрирующего) признака явлений и объединения их в класс по данному признаку. Основное ее значение (если не единственное) – референциальное. Грамматическая же категория класса является модифицирующей

и имеет два значения – реляционное и референциальное. Языковой материал дифференцируется на основании понятийной (уже готовой) категории класса, когнитивное содержание при этом не играет особой роли. То есть принцип когнитивной дифференциации остается неизвестным и не нужным для реализации реляционного и все более ослабевающего референциального значений.

Неудачи в поиске семантических оснований классификации не прибавляли оптимизма в поиске ответа, и вопрос о референциальном значении категории класса постепенно отошел на задний план. Между тем данная проблема всплыла в той области, где ее меньше всего можно было ожидать: в области исследования сегментного и просодического устройства слова в нахских языках (подробно будет сказано ниже).

Когнитивное содержание категории класса не может быть объяснено в пределах одной дисциплины, поскольку природа когнитивного процесса может быть исследована лишь комплексно (междисциплинарно). Категория класса – это продукт когнитивного структурирования действительности. Наш материал показал, что исследуемая класссификация детерминирована изначально принципами чувственно-образного познания. Освоение окружающего мира изначально базировалось на пространственных и временных отношениях.

Когнитивное и грамматическое содержание категории класса в исследуемых языках не совпадают. Так, элементами множества могут быть только однородные явления. Если элемент, включенный в множество, не имеет интегрирующего признака, то он не может быть элементом данного множества. Между тем, в грамматической категории класса данный критерий не работает. Так, элементами множества, составляющего грамматический класс, например, *ja/ju* могут быть любые явления, в которых весьма затруднительно отыскать интегрирующий признак. Четкой интерпретации в этом плане поддается только класс *va/vu*. Интегрирующий признак элемента понятийной (не грамматической) категории класса традиционно пытались отыскать чисто лингвистическими средствами.

В нахских языках глагол есть является одновременно и экспонентом того или иного грамматического класса. Между тем, активное его (глагола) использование как при именных, так и вербальных и вербоидных частях речи, свидетельствуют о наличии других, пока не известных нам функций данного глагола-класса. На такую мысль наводит нас следующий факт. Глагол *есть* является классным, а это значит, что он передает не только утверждение о субъекте/объекте, но и маркирует его классную принадлежность. Причем необходимость в такой маркировке прослеживается не только в предикатно-субъектных структурах высказывания (здесь это явление поддается какой-то интерпретации, например ему приписывается функция связки), но и в изолированных формах, вне всякого континуума, где нет никакой необходимости в связке. Так, изолированные словарные формы нахских языков имеют открытые валентности на глагол *есть* и носителями воспринимаются как аномальные, пока эти валентности не заполнены. Данный факт представился весьма интересным, поскольку изолированная единица не нуждается в связке. Стало быть глагол (и класс) *есть* реализует иную функцию, востребованную изолированной формой. Попытки объяснить эту функцию заставили нас обратиться также к исследованию его (глагола *есть*) темпорально-аспектуальной парадигмы, одновременно с анализом когнитивного содержания категории класса, выразителем которого он же и является.

В докладе будет рассмотрен отдельно каждый класс.

В становлении системы классов четко прослеживается изначальная недифференцированность субъекта/объекта и предиката. Дальнейшая их дифференциация была обусловлена определенными коммуникативными условиями. В этих условиях и стало развиваться реляционное значение класса. Референциальное же значение стало утрачивать связь с денотатом.

Материалы нахских языков свидетельствуют о том, что глагол *есть* (*иметь*) имеет непосредственную связь с местоимением *мы* (*наш*). Местоименная парадигма в нахских языках развивалась из разных понятий, как из прономинально-дейктических, так и вербальных, адвербиальных и др. Такую парадигму теория языкознания называет супплетивной, и не поддающейся объяснению. В нахских же языках, благодаря их моносиллабизму, прономинальный супплетивизм вполне объясним.

Наш материал дает основание полагать, что предикативы *есть* и *быть* не являются элементами одной парадигмы. В составе понятия глагола *быть* не содержится маркирующего элемента. Глагол же *есть*, напротив, не развил глагольного спряжения и не имеет инфинитивной формы. Он остался чем-то средним между именем и глаголом. Референтами глаголов *быть* и *есть* являются разные денотаты.

SHAKHBIEVA M.Kh.
(Moscow)

Systematization of scientific information in Caucasian linguistic studies (based on reviews and analytical studies of the Institute of Information in Humanities over the period from 1973 to 2003)

Шахбиева М.Х.
(Москва)

Систематизация научной информации в области лингвистического кавказоведения (по материалам реферативной и обзорно-аналитической работы ИНИОН за 1973–2003 гг.)

Реферативная и обзорно-аналитическая работа ИНИОН РАН осуществляется с целью, как научного информирования, так и систематизации знаний в области социальных и гуманитарных наук (этой стадии предшествует регистрация, классификация и рубри-

кация информации). Результаты этой работы публикуются в специальных изданиях ИНИОН: реферативных журналах, сборниках обзоров, сборниках рефератов и др.

В докладе речь пойдет о реферативной и обзорно-аналитической работе в области языкознания, которая отражена в серии № 6 РЖ ИНИОН за 30 лет, и в сборниках обзоров. В частности, речь будет идти о систематизации лингвистического кавказоведения.

Анализ материала показал, что лингвистическое кавказоведение за весь исследуемый период не носило сколько-нибудь систематического характера. Если на определенном этапе научно-информационного развития в области языкознания отсутствие такой информации компенсировалось наличием крупнейших исследовательских кавказоведческих центров, то в настоящее время проблема систематизации лингвистического кавказоведения представляется весьма актуальной. Так, из единого научно-информационного пространства вышли Армянское, Азербайджанское, Грузинское подразделения бывшей АН СССР. Немаловажным представляется в свете исследуемой проблемы и прекращение деятельности Европейского общества кавказоведов, которое в 2002 году провело в Москве свой последний Коллоквиум.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости активизации научно-информационной работы в области кавказских языков. Решение данной задачи затрудняется сложившейся традицией рубрикации Реферативного журнала, серии 6 «Языкознание». Зародившаяся более тридцати лет назад, эта рубрикация не подвергалась пересмотру, несмотря на то, что знания в области общего языкознания обогатились довольно обширными материалами, полученными как в процессе исследования конкретных языков, так и в процессе междисциплинарных исследований. Под многие парадигмы рубрик в РЖ просто не существует, и авторский коллектив вынужден подтягивать материал под ту или иную рубрику на свое усмотрение.

Традиционная рубрикация ориентирована преимущественно на структурное описание языков. Раздел «Уровни языка», ориентированный на двухмерные грамматики, плохо вбирает в себя исследования иноструктурных языков, отличающихся плохой выделимостью частей речи, большим количеством конвербиальных образований и пр. Многие категории, грамматические и понятийные, поддаются адекватному их исследованию и отражению в грамматиках соотвеетствующих языков в парадигмах, не входящих в структуру РЖ.

В докладе будут подробно изложены обстоятельства, свидетельствующие о необходимости пересмотра рубрикации в связи с новыми задачами научно-информационной работы, ориентированной на конкретную языковую семью.

SHALYAPINA Z.M., KANOVICH M.I., KOSTYRKIN A.V., LUBCHENKO V.I., MODINA L.S., PANINA A.S., SENINA V.I., SIVTSEVA N.I., TARASOVA Ye.S., SHTERNOVA O.A.
(Moscow)

The JaRAP system of Japanese-Russian automatic translation in 2004[1]

The JaRAP system is developed as a computational environment for linguistic research and experimentation in Japanese-Russian automatic translation. The system relies on the classical transfer model of translation, thus including separate components for Japanese analysis, Japanese-Russian cross-linguistic transfer, and Russian generation.

Japanese analysis envisages LM-, SR, and CA-phases establishing, resp., ***L***exico-***M***orphological composition of the input text, the structure of its ***S***yntactical ***R***elations, and its ***C***ommunicative ***A***rrangement. LM-analysis segments the input text into graphico-morphological (GM-) elements representing Japanese LM-entities (lexemes, grammatical categories, or their syncretic combinations), and forms its LM-representation by replacing GM-elements with the corresponding LM-entities, grouping them into word-forms, and verifying the result by checking the co-occurrence restrictions imposed by each LM-entity on other elements of the same or adjacent word-forms. SR-analysis, designed to identify the text's dependency structure, is limited so far to predicate-to-subject and predicate-to-object relations marked regularly enough to allow default processing. CA-analysis processes the text into a hierarchy of lexico-syntactical groups specifying word sequences that behave as communicative unities.

Japanese-Russian transfer transforms the text with its LM-, SR-, and CA-characteristics into its Russian generation (RG-) representation by switching from Japanese entities and relations to their Russian correspondences (with part-of-speech transpositions and structural modifications, if necessary), arranging the latter into formal definitions of Russian word-forms (each provided in the general case with a specification of the part of its structural context relevant to its generation), and ordering them to fit the communicative arrangement required.

Russian generation starts with checking the input RG-representation against the lexical and grammatical restrictions of Russian and correcting the inconsistencies found. The resulting word-form definitions are then processed to obtain the output Russian text.

Up till now, SR- and CA-processing was only limited to the most preferable of the LM-representations formed by the LM-analysis of the input text and did not deal with complicated linguistic ambiguities. At present, an extended version of the system is under development, pro-

[1] The research is partially supported by RFBR (grant № 04-01-00623).

vided with more powerful computational tools for tackling sentential syntax. The linguistic basis of this system is the concept of structural valency that extends traditional valency definitions and makes possible interpretation of all aspects of syntactic structures in terms of direct or indirect realizations of structural valencies. In direct realization of a valency, there is a direct syntagmatic relation between the valency's carrier and filler, this relation appearing either in the nexus mode (with the valency carrier occurring as head of the resulting word combination), or in the junctive one (with the head being the valency filler). Indirect realization of valencies is achieved by means of their contextual inheritance: a valency is "loaned" by its carrier to one of its structural neighbours and realized (directly or indirectly) as a valency of this neighbour.

The problems of text processing appear within this linguistic ideology as constraint satisfaction problems. For their solution, dynamic backtracking technique is being adapted, implemented within the framework of an object-oriented language of scripts.

Шаляпина З.М., Канович М.И., Костыркин А.В., Любченко В.И., Модина Л.С., Панина А.С., Сенина В.И., Сивцева Н.И., Тарасова Е.С., Штернова О.А.
(Москва)

Система японско-русского автоматического перевода ЯРАП в 2004 г.[1]

Система ЯРАП разрабатывается качестве компьютерной среды для экспериментальных лингвистических исследований по японско-русскому автоматическому перевода. Система реализует традиционную трехэтапную модель перевода, включая компоненты японского анализа, японско-русского межъязыкового перехода и русского синтеза.

Японский анализ предусматривает выявление лексико-морфологического состава входного текста (ЛМ-анализ), структуры его синтаксических отношений (СО-анализ) и его коммуникативной организации (КО-анализ). Модуль ЛМ-анализа разбивает входной текст на графико-морфологические (ГМ-) элементы – выражения японских ЛМ-сущностей (лексем, грамматических категорий или их синкретических сочетаний), – и формирует его ЛМ-представление: замещает ГМ-элементы соответствующими им ЛМ-сущностями, объединяет те в словоформы и верифицирует результаты с учетом ограничений, налагаемых каждой ЛМ-сущностью на другие элементы той же словоформы или ее соседей. СО-анализ, призванный устанавливать структуру зависимостей входного текста, работает

[1] Исследовани выполняется при частичной финансовой поддержке РФФИ (грант № 04-01-00623).

пока только по умолчанию, выявляя лишь наиболее стандартно маркируемые связи между глаголом и его основными актантами. СО-анализ представляет текст в виде структуры лексико-синтаксических групп – цепочек словоформ, функционирующих как целостные в том или ином отношении коммуникативные единицы.

На этапе японско-русского перехода входной текст с его ЛМ-, СО- и КО-характеристиками преобразуется в РС-представление – представление, ориентированное на **Р**усский **С**интез: японские сущности и отношения заменяются своими русскими эквивалентами (с необходимыми частеречными транспозициями и структурными изменениями), из них строятся формальные определения русских словоформ (в общем случае содержащие также сведения о структурном контексте, релевантном для реализации определяемой словоформы), и эти определения упорядочиваются в соответствии с требуемой КО.

При русском синтезе входное РС-представление проверяется на соответствие лексическим и грамматическим ограничениям русского языка, обнаруживаемые несоответствия корректируются с тем, чтобы получить правильные и синтетически реализуемые определения русских словоформ, и по ним далее строится окончательный русский текст.

До сих пор СО- и КО-характеристики рассматривались только для наиболее предпочтительного из ЛМ-представлений, формируемых при ЛМ-анализе входного текста, без учета сложных случаев неоднозначности. В настоящее время создается расширенная версия системы, предусматривающая более мощные средства обработки сентенциального синтаксиса. В основе этих средств лежит понятие структурной валентности, расширяющее традиционные валентностные подходы и позволяющее описывать все синтаксические явления в терминах прямых и косвенных реализаций структурных валентностей. При прямой реализации носитель и заполнитель валентности непосредственно связаны синтагматическим отношением, реализующим ее в режиме нексуса (в направлении от носителя валентности к ее заполнителю) или юнкции (в направлении от заполнителя к носителю валентности). Косвенная реализация валентностей обеспечивается их контекстным наследованием: носитель валентности "передает" ее одному из своих структурных соседей, при котором та реализуется (прямо или косвенно) как его собственная валентность.

Задачи обработки текста предстают в рамках данного лингвистического подхода как задачи удовлетворения ограничений. При их решении применяется метод динамических возвратов, реализуемый в среде объектно-ориентированного языка сценариев.

SHAMATOV A.N.
(Tashkent)

On the correlation of the notions «direct» and «indirect» interference in areal studies

Шаматов А.Н.
(Ташкент)

К соотношению понятий «прямой» и «косвенной» интерференции в ареальных исследованиях

Настоящая проблема представляется особенно актуальной при диахроническом рассмотрении «отдаленных результатов» средневековой интерференции в рамках генетически гетерогенных и типологически эквиполентных языковых микросоюзов. К их числу в первую очередь относимы центрально- и южноазиатские языки, которые взаимодействовали в ходе интеграционных процессов XI-XVIII вв., обусловленных глобальной трансляцией исламской культуры в ряде регионов Евразии и Северной Африки.

Указанные языки по существу представляют собой две гетерогенно сопоставимые макросистемы с общим универсальным компонентом тюркского и неарийского (дравидийского, аустроазиатского и тибето-бирманского) происхождения. Важной чертой здесь также является нивелирующая роль агглютинативного строя, присущего тюркским и дравидийским и приобретаемого некоторыми индоарийскими языками.

Синтез тюркско-иранских элементов в Центральной Азии и индо-иранско-неарийских в Южной Азии приводит к формированию типологически сходных лексико-словообразовательных и фразеологических пластов наряду с принципиальной общностью в области синтаксиса.

На этом фоне прослежено влияние экстралингвистических (культурно-исторических) и собственно языковых факторов центральноазиатского происхождения на процесс становления ряда новоиндийских языков Южной Азии в эпоху XII-XVIII вв.

При этом наиболее конструктивную роль сыграла деятельность суфийских проповедников и наставников, выходцев из Центральной Азии, внесших особый вклад в формирование таких индоарийских языков, как хинди, урду, панджаби, бенгали, синдхи, маратхи и гуджарати, а также и ряда дравидийских – телугу, тамильского и каннара, в чем большая заслуга принадлежала орденам Накшбанди, Чишти и Сухраварди, берущим начало в Центрально-азиатском регионе.

Касаясь соотношения рассматриваемых понятий, следует указать, что если прямая интерференция обычно характеризуется простым «переносом правил из родного в неродной», то вторая практически идёт дальше по линии упрощения «правил преобразования глубинных структур», что особенно характерно для морфологического и синтактического уровней.

Так, например, случаи прямой интерференции наблюдаются при переносе изафетной конструкции из персидского в хинди и урду или из таджикского в узбекский, в результате чего в первом случае в хинди и урду налицо нарушение юкстапозиции компонентов послелога *ke sivaa* «кроме, исключая» путем переноса именной части его в препозицию с подключением изафетного показателя «*-e*». Например: *sivaa-e aane jaane ke kharche ke* «кроме расходов на проезд» вместо нормативной конструкции *aane jaane ke kharche ke sivaa*.

В узбекском же изафетный показатель *-i* заменяется на *-u*, как более соответствующий узуальным произносительным нормам; например: *mardu maydon* вместо ожидаемой *mard-i maydon* «мужественный (букв. «муж на поле битвы»)», которая поддаётся сравнению с обычной конструкцией, образованной по правилам узбекского языка – «*майдондаги мард*».

Косвенная же интерференция проявляется в случаях переносения в индоарийские (хинди и урду), с одной стороны, а также в узбекский, – с другой, персидско-таджикской изъяснительной конструкции с подчинительным союзом ki, которая становится одной из отличительных черт письменно-литературной речи в языках-реципиентах.

Таким образом, рассмотрение этих явлений на материале средневековой истории наиболее распространенных языков изучаемого ареала показывает, что косвенная интерференция более эксплицитно выявляется при анализе фактов прошлых состояний, тогда как прямая гораздо отчетливее различима при сегментации живой речи.

SHARBATOV G.Sh.
(Moscow)

The development of the secondary root formation in the Arab colloquial speech

The Arab word roots are higly rich and stable. In the modern rural Arab dialects (ADD) and in the town spoken languages (SL) we see the development of such an important occurrence as the secondary root formation, when the word is formed not from the etymological root, but it appears as a result of free formal establishment of a new (derivative) foot, i.e. by means of a secondary derivation or a divarication of secondary roots ets.

The secondary, new level appears from the stem of the derivative noun, which, in its turn, formed from the etymological, primary root; new roots may consist of three and four consonants:

egyp. [ḥyy]: II ḥayya "to greet", masdar taḥiyya "greeting" > [thy] II taḥḥa "to greet".

alg. [rwḥ]: VIII rtāḥ "to rest" > [rtḥ] II rattaḥ "to let rest".

syr., *egyp.* 1) [’d̲n > ’zn]: I ’azan "to allow" 2) *syr.*, *egyp.* [’d̲n > ’dn]: II *syr.* ’addan, *egyp.* ’addin "to call for the prayer".

New denominative formed root families may widen by means of derivative verbal forms:

boks (< *engl.* box) – 1) *sport.* "box" 2) (*pl.* – āt, ’abkās, bikās) "punch, cuff" > III bākis "to box", II bakkis "to beat by fists".

The secondary world-building is developing widely also by verbs of four vowels:

iraq., *alg.* dagg, *egyp.* da” "to knock" > dagdag *iraq.* "to beat", *alg.* "to break", *egyp.* da’da’ "to beat".

New compound stems and roots appear more often in colloquial speech as a result of the composition:

a) nominal forms: *egyp.* bani’ādam (< bani + ’ādam) (*fem.* bani’adma; *pl.* bani’admīn) "a human being"; maward (mā’ + ward) "rose-water".

b) verbal forms: gāb (< gā + bi) "to bring".

c) different adverbial categories: innaharda "today"; dilwa’ti "now"; bišwēš "little by little".

d) different pronominal categories: ’ēš "what"; maḥaddiš "nobody".

e) different categories of the numerals: talattāšar "thirteen"; tultimiyya "three hundred".

We find a great number of new denominative verbs which formed from primary stems: *saud.* gahwa, *moroc.* qahwa "coffee" > *saud.* tigahwa, *moroc.* tqahwa "to drink coffee".

egyp. lagna "committee" > II laggin "to pass to the committee".

Adopted nouns from different languages take much place in this process of the root formation:

nirfiz (< *engl.* nervous) "nervous" > II itnarfiz "to be nervous".

budra (< *fr.* poudre) "powder" > II baddar "to powder".

munawra (< *fr.* manoeuvre) "manoeuvre" > III nāwir "to manoeuvre".

maġnaṭīṣ (< *greek.* maġnētēs) "magnet" > I maġnaṭ "to magnetize".

Шарбатов Г.Ш.
(Москва)

Развитие вторичного корнеобразования в разговорной речи арабов

Арабский корнеслов весьма богат и устойчив. В современных сельских арабских диалектах (АДД) и городских обиходно-разговорных языках (ОРЯ) получило развитие такое важное явление, как вторичное корнеобразование, когда слово образуется не от этимологического корня, а возникает в результате свободного, чисто внешнего, формального установления нового (производного) корня, т.е. путем вторичной деривации либо раздвоения вторичных корней и т.д.

Вторичный, новый уровень возникает из основы производного имени, которое, в свою очередь, образовалось от этимологического, первичного корня; новые корни могут состоять из трех, четырех и более согласных:

егип. [*ḥyy*]: II *ḥayya* "приветствовать", имя действия *taḥiyya* "приветствие; привет" > [*tḥy*] II *taḥḥa* "приветствовать".

алж. [*rwḥ*]: VIII *rtāḥ* "отдыхать" [*rtḥ*] II *rattaḥ* "дать отдохнуть".

сир., егип. 1) [*’d̲n* > *’zn*]: I *’azan* "разрешать", *’izn* "разрешение"; 2) сир., егип. [*’d̲n* > *’dn*]: сир. II *’addan*, егип. II *’addin* "призывать на молитву", *’adān* "призыв на молитву"; 3) сир. *’idn*, егип. *widn* "ухо".

Вновь образованные отыменные корневые гнезда могут расширяться, обрастая формами производных глагольных пород:

boks (< анг. b*o*x) – 1) спорт, "бокс"; 2) (мн. *-āt, ’abkās, bikās*) "удар кулаком" > III *bākis* "боксировать", VI *itbākis* "боксировать друг с другом", II *bakkis* "избивать кулаками", V *itbakkis* "быть избитым кулаками", *mibaksa* "боксирование", *mibākis* "боксирующий".

Вторичное словообразование широко развивается также за счет четырехгласных глаголов, которые образуются АДД и ОРЯ намного продуктивнее, чем в АЛЯ путем редупликации двухгласных глаголов и именных основ:

ирак., алж., *dagg* "стучать", егип. *da”* > ирак. *dagdag* "ударять, стучать", алж. "разбивать, дробить", егип. *da’da’* "ударять".

егип. *baṭṭ* "утки" > I *baṭbaṭ* "крякать".

В большей степени, чем в литературном языке, в арабских странах в АДД и ОРЯ появляются новые сложные основы и корни, возникшие в результате словосложения:

а) именные формы: егип. *bani’ādam* (< *bani* + *’ādam*) "человек, мужчина", ж.р. *bani’adma* "женщина", мн. *bani’ādmīn*; *maward* (< mā’ + ward) "розовая вода".

б) глагольные формы: *gāb* (< *gā* + *bi*) "приносить".

в) наречия: *innaharda* "сегодня"; *dilwa’ti* "сейчас".

г) местоимения: *’ēš* "что?"; *maḥaddiš* "никто".

д) числительные: *talattāšar* "тринадцать", *tultimiyya* "триста".

Особенно значительно количество новых отыменных глаголов, образованных непосредственно от первичных основ:

сауд. *gahwa*, марок. *qahwa* "кофе" > сауд. II *tigahwa*, марок. II *tqahwa* "пить кофе".

егип. *lagna* "комитет" > *laggin* "передавать в комитет".

dīk "петух" > II *dayyik* "быть чопорным, напыщенным".

Большое место в этом процессе корнеобразования занимают заимствованные имена из различных языков:

егип. *nirfiz* (< анг. *nervous*) "нервный" > II *’itnarfiz* "нервничать";

budra (< фр.*poudre*) "пудра" > II *baddar* "пудрить";

munawra (< фр. *manoeuvre*) "маневрирование; маневр" > III *nâwir* "маневрировать";

maġnaṭis (< греч. *maġnêtês*) "магнит" > [*mġnṭ*]: I *maġnaṭ* "намагничивать"; II *'itmaġnaṭ* "быть намагниченным"; *maġnaṭa* "намагничивание".

SHCHUKIN A.A.
(Vladivostok)

Repetition as a System in Modern Chinese Text

In this paper some problems connected with Cohesion & Coherence in Chinese Text are considered. A new approach to a Text as a System of Repetitions is suggested, in which connection vehicles of textual coherence (such as ellipsis, reference, et al.) is considered as different (explicit or implicit) kinds of Repetition in general.

SHKARBAN Lina I.

(Moscow)

On the syntax of Philippine languages in typological context

This paper aims at discussing certain syntactic properties of Philippine languages in the context of integral (in different terminology – holistic, whole-system) typology. This trend of contemporary typological research focuses on the phenomenon of cross-linguistic co-variation of different subsystems (subparts, levels) of grammatical systems.

Evidence from several Philippine languages (Tagalog, Cebuano, Kapampangan, Pangasinan, Ilokano and some others) in comparison with data from typologically and genetically different languages directs the attention of a linguist to the grammatical domain relevant to the basic issue of integral typology.

This domain is delineated by the two most generalised cross-linguistically co-varying graduated parameters – one pertaining to syntax, the other – to lexicon. In syntax it is cross-linguistically varying degree of formal and semantic divergence between grammatical structures (like the Subject – Predicate ones) and pragmatically based communicative (Theme – Rheme, or Topic – Comment) structures. In lexicon it is the varying degree of differentiated ness of the parts of speech, which are understood in contemporary linguistics as word classes specialising each in a certain syntactic (grammatical) function/ functions.

These generalisations reflect in particular the following correlating features of lexicon and syntax of Philippine languages: in lexicon it is underdifferentiation of parts of speech, in syntax it is the unclear

borderline between grammatical syntactic structures and pragmatically based communicative ones, with the obvious formal and semantic domination of the latter over the former ones. This situation does not provide necessary conditions for the full formation of functionally opposed word classes, i.e., the parts of speech.

The two kinds of structures in the syntax of Philippine languages (grammatical and communicative ones) share common inventory of formal elements, including analytical case markers (proclitic particles) which possess certain deictic features. Of particular importance is their ability to mark not only a syntactic function, but also a referential status of an NP.

These factors determine the pragmatic orientation of syntax in Philippine languages. The rich system of voice constructions supports this orientation. Nevertheless, within this voice system the peculiarities of the coding of Patient, influenced by the role prominence of Agent (Actor), show the following tendency: they tend to «switch off» the referential (deictic) properties of grammatical elements from coding communicative (Theme – Rheme/ Topic – Comment) structures and shift them to the coding of Predicate – Argument relations and as a result, to the formation of purely grammatical components of syntactic structures (first of all, of the Subject). The unequal representation of this tendency in different Philippine languages is touched upon in the paper. This tendency might indicate possible directions of evolutionary changes in the type of relations between syntax and lexicon which is now dominant in Philippine languages.

Шкарбан Л.И.
(Москва)

О синтаксисе филиппинских языков в типологическом контексте

Цель данного сообщения – обсуждение некоторых аспектов синтаксиса филиппинских языков (ФЯ) в контексте интегральной (в иных терминах – холистической, целостно-системной) типологии. Первостепенная задача данного направления современных типологических исследований – изучение согласованного варьирования (по языкам) свойств разных подсистем (уровней) грамматических систем.

Данные, полученные при анализе нескольких филиппинских языков (тагальского, себуано, капампанган, пангасинан, илокано и некоторых других) в сопоставлении с фактами языков различной типологической и генетической принадлежности направляют внимание лингвиста на область грамматических явлений, релевантных с точки зрения центральной задачи интегральной типологии.

Указанная грамматическая область задается двумя согласованно варьирующими (по языкам) максимально обобщенными градуальными параметрами, относящимися к синтаксису и лексикону. В синтаксисе – это варьирующая (по языкам) степень разграниченности собственно синтаксических (грамматических, подлежащно-сказуемостных) структур, с одной стороны, и прагматически обусловленных коммуникативных (темарематических) структур, с другой. В лексиконе – это варьирующая степень различимости частей речи, понимаемых в современной лингвистике как классы слов, специализирующиеся на определенных синтаксических (грамматических) функциях.

Данные обобщения отражают, в частности, следующие коррелирующие свойства лексикона и синтаксиса в ФЯ: в лексиконе – это слабая разграниченность частей речи, в синтаксисе – неотчетливая отграниченность членов предложения (т.е. грамматических составляющих собственно синтаксических структур) от компонентов прагматически обусловленных коммуникативных структур. В этой ситуации нет четких соответствий между членами предложения и функциональными классами слов, т.е. невозможна четкая функциональная противопоставленность частей речи.

Очевидна формальная и семантическая доминация коммуникативных структур над грамматическими в синтаксисе ФЯ. Оба указанных вида структур делят в ФЯ общий инвентарь служебных средств, включая аналитические падежные показатели (проклитические частицы), обладающие некоторыми дейктическими свойствами. Особенно важна их способность маркировать референциальный статус именных групп.

Эти факторы определяют прагматическую ориентированность синтаксиса ФЯ. Развитая система залоговых конструкций поддерживает данную ориентацию. Однако, в рамках залоговой системы особенности кодирования Пациенса, связанные с ролевой выделенностью Агенса (Актора), демонстрируют тенденцию «отключения» референциальных (дейктических) свойств грамматических элементов от кодирования коммуникативных (тема-рематических) структур, переключения их на кодирование предикатно-аргументных отношений и в конечном счете, на формирование чисто грамматических составляющих синтаксических структур (прежде всего – подлежащего). В сообщении затрагивается неравная представленность данной тенденции в разных ФЯ. Вероятно, эта тенденция указывает на некоторое направление эволюционного сдвига в том типе отношений между синтаксисом и лексиконом, который доминирует в ФЯ.

SHUTOVA E.I.

(Moscow)

To the problem of language usage in act of speech

1. What is happening when we speak? In what way the language is capable to perform the infinite usage of finite means? In that or another way these questions were discussed in linguistics during the long time of its existence. Founded by American scientist N. Chomsky so-called generative linguistics is famous through its special attention to the problem of language usage (performance) in the act of speech. According to the main principle of generative linguistics the usage of language is based on knowing (competence) by the speaker the formal rules of transformation the basic syntactic structures in derivative ones. With the introduction into the theory of generative linguistics such terms as "deep structure", "surface structure" its main contents had been complicated by some semantic ideas.

The terms of "deep structure", "surface structure" became in linguistics a widespread use, but just as in generative linguistics these terms have not obtain any exact definition. During discussion in literature the base principles of generative linguistics it has been indicated its many weak points. But, according to our opinion, the main defect of this theory consists in the absence of principles grounding the ontology of language performance in the act of speech.

2. The conception of language performance presented in our work is based on the definite treatment of the ontology of the act of speech. Thus the process of language usage is considered as an interaction between two main factors such as 1) language system being the basic, initial point of the act of speech; 2) speech sense being the final product of this process. The speech sense is understanding as any mental notion including in itself an information about the finite fragment of reality and existing as an intention in the mind of the speaker in the beginning of the act of speech and as organized formal thought obtaining a finite language substance in the end of act of speech.

The language system as the base of language usage include three necessary basic subcomponents: 1) Phonetics – the aggregation of sounds and its combinations; 2) Vocabulary – the aggregation of lexemes, or meaning elements, reflexing in its contents the separate phenomena of the reality; 3) Grammar: a) syntax – an indispensable component of language system, represented by the aggregation of typical structures, reflexing and generalizing in its meanings the different connections between the objects of the reality and imaging the semantic syntactic relations in some communicative perspective; b) morphology – a possible component of language system represented by categories, which implicate the form of the existence of lexcems in language systems.

3. The especial factor founding the arrangement of language system is the sign character of its meanings. According to the "law of the sign" language meanings are formal and only formal – in that sense of the word that outside of support on finite significants language meanings can't be expressed and the thought of corresponding speech units can't be objectivized. The formal character of language meanings implicates their dependence on the system of corresponding significants in finite language on account of what obtaining some distinctive features. Hence there is a difference of the "picture of world" represented in semantic arrangement of different languages so as it supposed by the hypothesis of linguistic relativism of Sapir and Worph and so as it is confirming by language data. The specific semantic picture of the world represented in the system arrangement of finite language is just the point on the base of which the language substance of the sense as an indispensable condition of its objectivation, perception and understanding is being created. The choice of corresponding meanings and its forms is performing by speech thinking of the speaker who interpret the intended sense in the light of the system arrangement of meanings in finite language turning in that way the intended sense in real one.

It is very important that any sought may obtain in the act of speech non-single language interpretation and hence the opportunity of expression by some number of forms. The opportunity of expressing the same sense by a number of different forms ensues the existence on the level of speech activity the phenomenon of asymmetric between form and meaning in opposite of its unity on the level of language system.

Шутова Е.И.

(Москва)

К вопросу о сущности процесса речевого употребления

1. Что происходит, когда мы употребляем язык? Каким образом язык способен «осуществлять бесконечное использование конечных средств» (В. Гумбольт) – вопрос вопросов лингвистики, на который она так или иначе стремится ответить в течение всего длительного периода своего развития. Привнесенная в языкознание 50–60-х гг. 20-го века американским ученым Н. Хомским так называемая генеративная, или порождающая, лингвистика примечательна тем, что она ставит указанную проблему в центр своего внимания, разрабатывая определенную модель употребления языка. Согласно генеративной лингвистике, в основе речевого употребления языка лежит языковая компетенция говорящего, понимаемая как знание формальных – трансформационных – правил преобразования терминальных синтаксических объектов, образующих базовый субкомпонент синтаксиса, в нетерминальные структуры.

С введением в генеративную лингвистику понятий глубинной и поверхностной структур прокламируемый ею основной принцип порождения речи осложняется привнесением в него некоторого семантического начала. Термины «глубинная структура», «поверхностная структура» вошли в широкий лингвистический обиход, не получив, однако, так же как и в генеративной лингвистике, необходимой ясности и определенности.

Имевшее место в литературе обсуждение принципиальных оснований генеративной лингвистики вскрыло присущие ей многие слабые стороны. Однако главное, по нашему мнению, состоит в том, что в выстроенной генеративной лингвистикой эпистемологической конструкции недостает теоретического звена, объясняющего онтологию речеупотребления.

2. В нашей работе обосновывается онтологическая модель функционирования языка, согласно которой процесс порождения речи трактуется как отношение между языковой системой в качестве исходной точки, первоосновы процесса, и речевым смыслом как его конечным продуктом, понимаемым как некоторое умственное построение, содержащее в себе информацию об определенном факте или ситуации реальной действительности и существующее как интенция в сознании говорящего в начале речевого акта и как организованная, оформленная мысль, опирающаяся на определенную языковую субстанцию, в его итоге.

Языковая система как первооснова процесса порождения речи включает в себя три необходимых базовых компонента: 1) фонетика – репертуар звуков и их комбинаций; 2) лексикон – репертуар лексем, или значимых элементов, отражающих в своем содержании отдельные явления реальной действительности; 3) грамматика: а) синтаксис – непременная составляющая языковой системы, представленная репертуаром типовых структурных образований, обобщающих в своем значении связи объектов реальной действительности, представляя их в той или иной функционально-коммуникативной перспективе; б) морфология – возможная составляющая языковой системы, представляемая категориями, предустанавливающими определенный способ (форму) существования в языке тех или иных классов лексем.

3. Основополагающей особенностью устройства языковых систем является знаковый характер входящих в них значений. Согласно «закону знака», языковые значения формальны и только формальны – в том смысле, что вне опоры на определенные означающие (внешние, чувственно воспринимаемые элементы) они не могут быть восприняты, а смысл соответствующего языкового выражения объективирован. Формальный характер языковых значений, их опора на определенные означающие имплицирует зависимость языковых значений от системы соответствующих означающих в конкретном языке, предопределяя тем самым их (значений)

дифференциальный характер. Отсюда – различия «картин мира», представляемых в системе языковых значений различных языков, как это полагает гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа и как это с очевидностью подтверждают наблюдения над языковыми фактами. Именно специфическая картина мира, запечатленная в системе языковых значений определенного языка, является основой создания языковой субстанции мысли как необходимого условия её объективизации, восприятия и понимания. Выбор соответствующих языковых значений и сопутствующих им элементов языковой формы осуществляется на базе речевого мышления говорящего, интерпретирующего предполагаемый смысл в свете определенной системы языковых значений, формируя тем самым смысл языкового выражения в качестве конечного итога речевого акта.

Существенно важной особенностью процесса речевого употребления является существование возможности не одно-однозначной языковой интерпретации объективного факта, отвечающего заданному смыслу и соответственно – возможности употребления некоторого ряда языковых форм для выражения одного и того же смысла. Реализация указанной возможности обуславливает существование в сфере употребления языковых знаков феномена асимметрии формы и содержания, в отличие от феномена единства формы и содержания, определяющего способ существования языковых знаков в языковой системе.

SIGORSKIY Alexander A.
(Moscow)

Convergence vs. divergence
in closely related language families – Iranian and Indoaryan:
a case study of declension in Dakhini

Indoaryan and Iranian languages originated from the same source (protolanguage) demonstrate substantial differentiation in the process of evolution from the Old period through the Middle up to Modern stages. But sometimes convergence takes place. One example is noun declension. Reduced two-case system (cumulating of gender, case and number: direct/oblique, singular/plural of masculine or feminine nouns) in Hindi and in its language-dialects is similar to noun declension in some East Iranian languages, e.g. Pashto. But there is another similarity: elimination of case when nouns indicate only number irresponsible of gender. Such isogloss combines Southern Hindi – Dakkhini and Farsi or Persian language. But unlike Farsi two noun declension systems coexist in Dakkhini. The first one – a common four member – two case two number – system. The second system does not distinguish case and gender, and distinguishes only sg./pl. The second system distinguishes neither gender, nor case, only number: *zero* ending for singular and *–a:N* for plural of nouns of both genders. This

ending derives from Old Indoiranian *–a:na:M* (GEN pl. in OIA and GEN-DAT pl. in Old Iranian). Such explanation of noun declension in Dakkhini is presented for the first time. Usually it is deemed as a whole four-member system with some variations. The coincidence of dir. and obl. pl. is mentioned as influence of Panjabi or Hariani (Bangaru). But in both of them *–a:/-a:N* ending is a member of gender/case/number paradigm. I argue that more suitable source is Marwari – a Rajasthani language.

Origin of the "Farsi" type of declension in Dakkhini may be explained in two ways. First: borrowing from Farsi. There were not only Indo-Aryans among migrants to the Deccan in the end of 13th – beginning of 14th centuries AD but Iranians, Turks and Arabs also. Besides educated Muslim Indo-Aryans have good command of Farsi and Arab languages. But this explanation is highly improbable because borrowing of inflections is extremely rare phenomena. Two declension systems exist in Dakkhini from the very beginning, from the first written texts of 14th AD up to the present time. So convergence of two declensions was independent from each other and took place due to the same "program" embedded in both languages.

Evolution of noun declension in Dakkhini which distinguishes only number, eliminates not only case but implicates elimination of gender. But neither case nor gender is exposed to extinction. Coexistence of two interchangeable systems of declension does not permit the "case-free" system to develop to completion that is to extinction of case and gender. Any noun may decline according to both types. Attrition of old inflections promotes emerging of a new case system based on simple postpositions, which are cliticicised and form a new morphosyntactic case system. Syntactic behavior of different noun endings is the same.

Dakkhini is a prominent example of multilingualism and languages in contact situation. Dakkhini includes elements of Khari-boli, Hariani or Bangaru, Marwari, Panjabi, Braj, Awadhi. It remains in permanent contact with Indo-Aryan Marathi and Dravidian languages Telugu and Kannada. But the basis of Dakkhini is a language of Delhi and its surroundings – Khari-boli. That is why Dakkhini is called Southern kind of Hindi and a forefather of Urdu.

Сигорский А.А.
(Москва)

Процессы конвергенции и дивергенции в языках
близких языковых семей: индоарийской и иранской
на примере склонения существительных в даккини

Индийские и иранские языки, развиваясь из одного источника (праязыка), в ходе развития от древней и средней стадии к стадии новых языков демонстрируют все более значительные расхождения. Но иногда наблюдается параллельное развитие сходных явлений. К одному из них относится склонение имен существительных. Редуцированная до двух падежей – прямого и косвен-

ного – система падежей в хинди и его языках-диалектах находит параллели в ряде восточноиранских языков, например, в пушту. Но имеется и другая параллель, а именно полное исчезновение категории падежа, когда существительные различают только число, причем единообразно для любых классов существительных. Такая изоглосса соединяет южный хинди – дакхини и фарси. Но, в отличие от персидского языка, в дакхини параллельно сосуществуют две системы склонения. Первая – обычная двухпадежная система, образованная кумуляцией граммем рода, числа и падежа. Вторая система склонения не различает форм падежа и рода и имеет только окончание множественного числа *–a:/a:H*, восходящее к санскритскому окончанию генитива мн. ч. *-a:на:M*, аналогичного окончанию древнеиндоиранского род.-дат. падежа мн. ч. *–a:на:M*. Такая трактовка словоизменения существительных в дакхини предлагается впервые. До сих пор склонение в дакхини рассматривалось как единая система с различными вариантами. Окончание мн. ч. прямого и косв. падежей *–a:* обычно возводится к панджаби или хариани (бангару). Но ни в том, ни в другом это окончание не является показателем множественности. Там это – обычное кумулятивное окончание рода – падежа – числа. Я предполагаю, что более подходящим кандидатом на источник возникновения «беспадежного» склонения в дакхини является марвари – один из языков-диалектов раджастхани.

Происхождение склонения «персидского» типа в дакхини можно объяснить двояко. Во-первых, напрашивается самый простой ответ: прямое заимствование из фарси. Дело в том, что язык дакхини ведет свое начало от «северного» хинди, который принесли переселенцы из разных районов Северной Индии, главным образом, из района Дели, Панджаба, Раджастхана, Браджа, а также из районов восточного хинди. Вместе с хиндиязычными переселенцами на Декан переехало много носителей иранских и тюркских языков, а также арабского. К тому же среди образованных индийцев-мусульман было много знатоков этих языков.

Но эта версия представляется маловероятной, так как заимствование флексий – вещь крайне редкая. Тем более, что в дакхини две системы склонения сосуществуют с появления первых литературных текстов в 14 в. до наших дней. Анализ корпуса текстов на дакхини 14-20 вв. показал близость второго, «персидского» типа склонения к марвари. Предпосылки к элиминации категории падежа имеются и в других языках диалектах хинди и в панджаби. Так что наиболее вероятен вариант независимого, параллельного конвергентного развития.

Развитие системы склонения в дакхини, в которой различаются только формы числа, исключают не только категорию падежа, но и имплицируют исчезновение категории рода. Но категории падежа и рода в дакхини не исчезли. Причин тому несколько. Одна из них – сосуществование двух редуцированных систем

склонения, одна из которых различает категории падежа и рода, а вторая различает только число. Возможность склонения любого слова по обеим системам не дает развиться второй системе до логического конца, то есть до исчезновения падежа и рода. Категория падежа к тому же получает новое направление развития с развитием системы простых послелогов, которые, превращаясь в клитики, образуют новую, морфосинтаксическую падежную систему. Синтаксическое поведение окончаний обеих систем склонения отличий не обнаруживает, то есть все окончания сочетаются с послелогами или функционируют самостоятельно в зависимости от своей синтаксической позиции.

Дакхини – пример ситуации многоязычия и языковых контактов. Помимо различных языков, которые были принесены пришельцами на Декан, и которые легли в основу дакхини: кхари-боли, хариани (бангару), марвари, панджаби, брадж, авадхи, дакхини находился в постоянном контакте с маратхи и с дравидскими языками – каннада и телугу. Но в основе дакхини лежит диалект района Дели – кхари-боли. Благодаря этому дакхини считается разновидностью хинди, а, кроме того, – родоначальником языка урду.

SINKOVA Oksana M.

(Moscow)

Word-formation of neologisms in the sphere of computer technology (on the modern Arabic press material)

In our research we would like to observe subject-matters connected with the process of new formation of linguistic units and the problem of lexical adoption – one of the most important matters in the interaction of languages.

Historical transformation of foreign lexic and its total assimilation depended upon various reasons, for example, upon intensity of interlinguistical contacts, its nature (direct and indirect ties), literacy level of the population its knowledge of another language, method of adoption (through oral or written speech).

Arabic world is actively aspiring to use modern computer technologies. All those phenomena are accompanied by creation or adoption of new terminology, invasion of words from West European languages.

In the stage of integration neologisms of foreign origin are regularly used in the press, acquiring new meanings – direct and figurative.

Arabic language reacts actively to the inflow of adoptions and assimilates them, to the Arabic models. Together with the main primordial Arabic method of adoption of foreign terms simultaneously

exist such as transliteration and descriptive method. While transliterating foreign words it is advisable to observe phonetical tracery of the language from which they are coming; in some loan-words some lack of coordination may be retraced: there is no graphical and phonetical unity. Adopting foreign words Arabic language accommodates them to the analogous by structure to its own lexical units (for example, in formation of plurals).

Sometimes words and word combinations become actual in the particular period (for example, the word that earlier stood for gramophone record now stands for CD). Together with lexical adoptions in Arabic there are also semantic loan translations formatted by literal translation.

Such tendencies are connected with different factors and also coexistence of dialects. And its not only regional difference in spelling of loan-words but also the usage of primordial Arabic words and transliterated loan-words. The problem of linguistic situation is very important. The idea of arabisation that proclaims rebirth of the Arabic language and maximal broadening of its social functions has always been very important.

It is usually conceded that the usage of foreign word is not advisable, if it has Arabic equivalent. But while researching Arab press we can come to conclusion that society is rather tolerant in such situations.

Usually it is not desirable to use in the same text for designation of subject loan-word and Arabic equivalent by turns, but this rule is seldom followed.

And also there is a tendency to use terminology that is easily understood by readers (for example, terminology that is commonly used in newspapers differs from that listed in English-Arabic dictionaries of computer terms published in Arab countries) and some other interesting tendencies.

Синькова О.М.

(Москва)

К вопросу о словообразовании неологизмов в сфере компьютерных технологий на материале современной арабской прессы

В исследовании мы хотели бы рассмотреть вопросы, связанные с процессом новообразования языковых единиц и проблемой лексического заимствования – одной из общелингвистических проблем, имеющих важное значение для выяснения взаимодействия языков.

Историческое преобразование иноязычной лексики и ее полное усвоение зависело от множества различных причин, в том числе от интенсивности межъязыковых контактов, их характера (пря-

мые или опосредованные связи), уровня грамотности населения и знания им другого языка, способа заимствования (через устную или письменную речь).

Арабский мир стремится активно использовать современные компьютерные технологии и средства связи. Все эти явления сопровождаются созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков.

На стадии «интеграции» неологизмы иноязычного происхождения регулярно употребляются на страницах прессы, приобретая новые значения – прямые и переносные.

Арабский язык активно реагирует на приток заимствований и ассимилирует их, адаптируя их к арабским моделям. Наряду с основными исконно арабскими методами адаптации иноязычных терминов параллельно существуют такие, как транслитерация и описательный метод. При транслитерировании иностранных слов желательно соблюдать фонетический рисунок того языка, из которого они заимствуются; в целом ряде заимствований прослеживается некоторый разнобой: нет графического и звукового единства. Заимствуя иностранные слова, арабский язык приспосабливает их к аналогичным по структуре своим собственным языковым единицам (напр., при образовании мн. ч.).

Нередко используются слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в указанный период (например, слово, ранее означавшее патефонные пластинки, сейчас употребляется для обозначения компьютерных дисков). Наряду с лексическими заимствованиями в арабском языке имеются и семантические – разнообразные кальки, образованные путем буквального перевода слова или словосочетания.

Эти тенденции обусловлены различными факторами, в том числе сосуществования АЛЯ и диалектов. Причем речь идет не только о региональном различии в написании иноязычных заимствований, но и о регионально обусловленном использовании исконно арабских слов и транслитерированных заимствованных слов. Проблема языковой ситуации в последние десятилетия приобрела особую значимость, хотя и существовала уже давно. Широкое движение арабизации, одной из основных идей которой провозглашается возрождение арабского языка и максимальное расширение его общественных функций, всегда было актуальным.

Обычно считается, что употребление иноязычного слова нецелесообразно, если у него есть арабский эквивалент с таким же объемом значения; однако исходя из исследования арабской прессы, можно прийти к выводу, что арабский узус толерантен в этом отношении. Иногда наблюдается такое явление, когда английское

слово по сравнению с русским аналогом имеет большую социальную престижность. Слово, которое в языке-источнике называет обычный предмет, в заимствующем языке относится к предмету, в том или ином смысле более значительному, престижному. Однако подобная ситуация редка для арабских газет.

Обычно употреблять в одном тексте для обозначения одного и того же понятия попеременно и заимствование и родное слово не рекомендуется, но подобное правило редко соблюдается арабскими авторами. Например, в ряде газет существуют целые разделы, посвященные современным технологиям, где в статьях на компьютерную тематику попеременно используются транслитерированное заимствованное слово и опиисательная компенсация заимствования.

При этом прослеживается тенденция к использованию терминологии, наиболее доступной для понимания читателя (отсюда и использование СМИ терминологии, отличной от приведенной в англо-арабских словарях компьютерных терминов, изданных в арабских странах), а также ряд других интересных тенденций.

SIRK Ulö

(Moscow)

Preliminaries to the etymological dictionary of La Galigo Buginese: the physical world and some important directions therein

At the 11th European Colloquium on Indonesian and Malay Studies, I expressed my opinion that it would be impossible to compile an etymological dictionary of La Galigo (henceforth: LG) "at present" (as I said then). Now, five years later, the extent of published LG texts accessible to me has somewhat increased (but is still much less than a half of the whole volume of this huge cycle of poems). Yet in the LG texts published so far, undoubtedly we shall not find all the lexemes discoverable in LG as a whole. To add, most of the languages to which many words of LG (as well as other Buginese poetical works) may trace their origins have no dictionaries at present, for most of them, we obtain only wordlists of various quality. Moreover, the dialects of the Buginese language are insufficiently known, and this shortcoming becomes especially troubling in regard to the dialects of Luwu and also the more westerly ones located near the northern border of the Buginese language area.

Although we are not yet able to compile a reasonably full and credible etymological dictionary of LG, I maintain that we should endeavor to begin compiling something that might be called *Preliminaries*

to the etymological dictionary of LG Buginese. Even the work on creating such preliminaries can improve our understanding of various archaic words met within LG texts. I would give a few examples.

1) In Fachruddin's book "Ritumpanna Wélenrénngé" ('felling of Wélenreg', a mythical tree), in the list of archaic and other less-known words one finds *améteseng* translated as *'kekeringan'* ('dried out'). By the way, the form of the just cited Buginese word contains a little mistake, it should be *amétéseng* (in the given book *é* symbolizes [e] while *e* symbolizes schwa [ə]). In the same book (p. 464) the author translates this Buginese word (containing the same mistake) as *'keheranan'* ('amazed'). Of course, one of these translations may be due to a typographical error. Yet a person compiling an etymological dictionary of LG Buginese ought to check on possible cognates of *(m)eteC* in various Austronesian languages, bearing in mind both meanings found in Fachruddin's book.

2) On the first glance, the etymology of the LG Buginese word *toddang* translated in Matthes dictionary (19th century) as 'the lowermost part' is not clear. Formally the word can be compared with Sa'dan *to'dang* (lofty word) 'remain quiet' and with Makasar *To'dang* 'lee-side lands (in relation to Arabia), in particular Malay archipelago'. But what about the senses? True, in the meaning of Makasar *To'dang* one might see some allusion to 'lower, below'. However, apparently we can find a more convincing cognate in Pamona *tuda* 'round boards on the pillars of a rice-barn (under its floor)'.

3) Archaic and poetic Buginese *mene'* 'top' is to be compared, e.g., with Malay *naik* 'to go up' (which would regularly correspond to Buginese *ne'* – Buginese *me-* is an obsolete prefix).

In this paper I shall look on the LG Buginese words having relation to the physical world and also on some words denoting relevant directions like 'above', 'below'.

Сирк Ю.

(Москва)

Материалы для этимологического словаря бугийского языка «Ла Галиго»: физический мир и направление

На XI Европейском коллоквиуме по индонезийским и малайзийским исследованиям я выразил точку зрения, что составить этимологический словарь языка бугийских поэм "Ла Галиго" (далее ЛГ) "в настоящее время" невозможно. За пять лет, прошедших после этого коллоквиума, объем опубликованных текстов ЛГ несколько увеличился (хотя ими охвачено все еще меньше половины этого огромного поэтического цикла). Тем не менее, в текстах ЛГ,

изданных до сих пор, мы, естественно, не найдем всех лексем, представленных в цикле. Кроме того, большинство языков, из которых могли прийти многие слова, употребляемые в ЛГ (и в других бугийских поэтических произведениях), до сих пор не имеют словарей и представлены лишь разного качества списками слов. Даже диалекты самого бугийского языка недостаточно хорошо известны, что должно особенно сильно чувствоваться в связи с диалектами Луву, а также более западными диалектами, распространенными вблизи северной границы бугийской территории.

Хотя мы еще не способны создать полный и достаточно достоверный этимологический словарь ЛГ, следует начать составление того, что можно было бы назвать "Материалами для этимологического словаря бугийского языка "Ла Галиго", Очевидно, что работа над подобными материалами поможет улучшить наше понимание разных архаических слов, встречающихся в ЛГ. Несколько примеров:

1) В списке архаических и других менее известных слов, приложенном к книге Fachruddin A.E. "Ritumpanna Wélenrenngé" ("Рубка Веленренга", мифического дерева) можно найти слово *amételseng*, переведенное индонезийским *kekeringan* 'высохший'. (В форму этого бугийского слова здесь вкралась неточность: должно быть *amétéseng*; у Фахруддина *é* – это [e], а *e* передает шву [ə].) В той же книге (с. 464) автор переводит данное бугийское слово (с такой же неточностью в форме) на индонезийский язык как *keheranan* 'удивленный'. Конечно, один из этих переводов мог появиться в результате типологической ошибки. Но воображаемый автор этимологического словаря ЛГ должен был бы проверить когнаты корня *(m)eteC* в различных австронезийских языках на оба значения, представленные в книге Фахруддина.

2) Этимология бугийского слова *toddang*, переведенного в словаре Маттеса (XIX в.) как 'нижняя часть', остается неясной. Это слово можно по форме сопоставить с са'данским *to'dang* (возвышенное) 'оставаться спокойным' и с макасарским *To'dang* 'страны, расположенные на "подветренной" ("ниже расположенной" – по отношению к Аравии), в частности, Малайский архипелаг'. Но какова семантическая связь? В макасарском *To'dang* можно увидеть некий намек на значение 'ниже'. Однако более убедительный когнат можно, по-видимому, усмотреть в памона *tuda* 'круглая дощечка на свае рисового амбара под его полом'.

3) Архаическое и поэтическое бугийское *mene'* 'верх' следует сопоставить с малайским *naik* 'идти вверх' (чему соответствовало бугийское *ne'*; *me-* в бугийском – вышедший из употребления префикс).

В этом докладе я рассматриваю ряд слов ЛГ, имеющих отношение к физическому миру, а также лексемы, указывающие на важнейшие направления типа 'вверху', 'внизу'.

SLEZKINA O.Yu.
(Moscow)

Spatial relations in a multilingual system of computer translation (English-Russian-Turkish)

The problems of representation of *spatial relations* (***SR***) in different languages have already been under consideration for a long time. The linguists of different schools have tried to describe and classify them. But nevertheless in remains an unsolved problem especially within the framework of computer linguistics.

In the article I have made an attempt to compare the representation of the SR in Turkish (affixes) and in English and Russian (prepositions or/and cases) and work out such classification and the algorithm for machine translation from English into Turkish presently realized in a Multilanguage system of machine translation Crosslator.

The classification is based on the notions of localization and orientation of the object (A) relatively to the reference point (B). Thus every spatial relation is formed in the following way:

- **LOC on**, **static** (**on** means 'on the surface', static means that the object does not move),
- **LOC in**, **end point** (**in** means 'inside', end point means that the object is the end point of some movement or transference).

The category of orientation can be showed with the help of the following scheme:

ORIENTATION – non-movement (**static**)
– movement
– **undirected**
– directional – **starting point**
– **end point**
– **path**

The LOCALIZATIONS are the spaces 'above the upper surface of B', 'inside B', 'outside', 'under', 'above', 'near', 'far from', 'in front of', 'behind', 'among', 'between B1, B2... Bn' and 'the upper surface of B'.

The following examples show the ways of representation of SR:

on the surface	**English**	**Turkish**	**Russian**
LOC on, static	lay **on** the table	masa**da** durmak	лежать □**а** стол□
LOC on, undirected	walk **on** the lawn	çimen**de** gezmek	гулять □□ лужайк□
LOC on, starting point	take **from** the table	masa**dan** almak	взять □□стол**а**
LOC on, end point	put **on** the table	masa**ya** koymak	положить □**а** стол
LOC on, trans	go **along** the street	cadde**den** gitmek	идти □□улиц□

inside			
LOC in, static	be **in** the box	masa**da** durmak	лежать **а** стол
LOC in, starting point	take **from** /**out of** the box	masa**dan** almak	взять **□** стола **...**

As can be noticed, some spatial relations have different representations in one language and the same representation it another. Some SR represented for example in Turkish can not be translated into Russia or English because of lack of proper preposition unless by means of using several lexemes. For example, **LOC in front of**, **end point**: *'duvarın önünden'* means that something is moved from the space in front of B (the wall) and this meaning can not be expressed with the help of a preposition. One more example: **LOC over**, **end point** in English is *'from over his eyes'* but it has no equivalent in Russian (**сверху его глаз*).

Thus the article presents the ways of expressing SR in Turkish in comparison with European languages. In the table it is shown how the SR are represented in English, Russian and Turkish.

Слезкина О.Ю.
(Москва)

Пространственные отношения в многоязычной системе машинного перевода

Проблемы отображения пространства в языке уже долгое время находятся в центре внимания лингвистов различных направлений. Тем не менее, данная тема далеко не исчерпана, и одним из относительно «белых пятен» остается универсальная и стандартная классификация пространственных отношений (ПрО), выражаемых средствами естественного языка. Для многоязычного машинного перевода это проблема особенно актуальна. Грамматика, построенная на базе такой класссификации, должна, с одной стороны, охватывать все выделенные и описанные ПрО (хотя бы для некоторого набора языков), а с другой стороны, быть достаточно стройной и максимально обобщенной, чтобы ее легко было представить в виде алгоритма.

В данной работе предлагается классификация-грамматика для сопоставительного описания средств выражения ПрО, таких отдаленных друг от друга в генетическом плане языков, как русский, английский и турецкий.

В качестве базовых при описании ПрО в данной работе используются традиционные понятия *объекта* и *ориентира*. Для обозначения и группировки отдельных отношений, выделенных в процессе членения категории пространства, используются понятия:

- категория *локализации*, указывающая на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру;
- категория *ориентации*, элементы которой характеризуют направление развертывания данного события по отношению к данному ориентиру.

Значения категории ориентации можно представить в виде схемы:

О*риентация*
→**статика**
движение
→ **ненаправленное**
направленное
→ориентир – **начальная точка движения**
ориентир – **конечная точка движения**
ориентир – **траектория движения**

Параметр *локализации* при этом может принимать следующие значения: верхняя поверхность, внутренность, пространство вне ориентира, под ориентиром, над ориентиром, около, далеко от, перед, позади ориентира, сбоку (справа и слева), между ориентирами В1, В2... Вn и т. п.

Тогда ПрО отношения можно представить следующим образом: **LOC 'локализация'**, **'ориентация'**. Например:

LOC перед, **статич.**: *duvarın önünde* означает, что объект расположен в пространстве, расположенном перед ориентиром — *in front of B* (*the wall*);

LOC под, **кон**. точка: означает, что объект перемещается в пространство под ориентиром — «*под стол*».

В□ □□□ □□ □□□ □□□□ □	**А□□ □□□ □□**	**Т□ □□□ □□**	**Р□□ □□ □**
LOC □a, □□a□	lay **on** the table	masa**da** durmak	□□a□□**на** □□□**е**
LOC on, □□a□□ □□□.	walk **on** the grass	çimen**de** gezmek	□□□ □□**по** □ □**ае**
LOC □a, □a□. □□□a	take **from** the table	masa**dan** almak	□□□**со** □□□**а**
LOC □a, □□□. □□□a	put **on** the table	masa**ya** koymak	□□□□□ □ □**на** □□□□
LOC □a, □□a□□	go **along** the street	cadde**den** geçmek	□□□ □**по** □□□**е**

Нужно отметить, что далеко не все пространственные отношения, имеющие стандартные способы выражения в одном языке, имеют также стандартные способы выражения (или же вообще не могут быть выражены) в другом языке. Например, **LOC перед**, **кон. точка**: *duvarın önünden — in front of B* (*the wall*) не имеет точного аналога в русском и английском языках. Еще один пример: **LOC над**, **кон. точка** по-английски *from over his eyes* также не имеет эквивалента в русском (*сверху его глаз*).

Таким образом, в статье сравниваются способы выражения пространственных отношений в турецком языке с их русскими и английскими эквивалентами. Метаязык, предложенный для описания ПрО, представляется достаточно компактным и удобным инструментом для создания алгоритма передачи пространственных отношений, в частности в целях машинного перевода.

SOLNTSEV A.V.
(Moscow)

On hieroglyphic, post-hieroglyphic, and non-hieroglyphic languages

Солнцев А.В.
(Москва)

Об иероглифических, пост-иероглифических и не-иероглифических языках

Как известно, сегодня существует два-три иероглифических языка: китайский и японский, отчасти корейский в своем южном варианте. Северный вариант корейского языка, а также вьетнамский язык предполагается отнести к пост-иероглифическим языкам. Не-иероглифическими языками, естественно, следует считать все остальные живые языки. Возможно, следует обратиться и к древнеегипетским иероглифам, а также другим древним языкам связанным с клинописью?

Японский язык демонстрирует собой смешанный вариант так называемого фонографического и идеографического письма, то есть сосуществуют силлабическая азбука в двух вариантах, латиница и иероглифика, обладающая большей ёмкостью информации, нежели китайское письмо.

Китайский являет собой практически в чистом виде идеографическое письмо, то есть запись смысла "картинками", образами. Китайский язык имеет соотношение Значение-Картинка-Звук или одно-одно-однозначное соответствие в отвлечении от явлений омонимии и полисемии. Иными словами, одному иероглифу-"картинке" соответствует один звукоряд и одно значение.

Японский язык, благодаря сосуществованию разных а чаще всего, смешанного способа регистрации смысла, имеет для одной картинки – иероглифа до десятков вариантов звучания и, естественно, тех же десятков вариантов значений.

Человеческий мозг на уровне обыденного сознания имеет два полушария. Одно из них ответственно за логику. Другое – за образы и эмоции. Фонографическое письмо регистрирует звуковой образ слова. А идеограмма позволяет понять значение свое без "озвучивания".

Носители иероглифических языков в отличие от основной массы случаев (не-иероглифических языков) задействуют при мыслительной деятельности и (как ее результате или средстве) языкоречи оба полушария. Справедливо ли это? А как следствие есть ли разница в организации когнитивного процесса, в том числе и в целях образования, преподавания языков? Возможно ли прогнозирование "успешности" мозговой деятельности индивидуума при изучении и использовании иероглифических языков?

Необходимо учесть опыт отказа от иероглифики вьетнамского и северокорейского языков, в особенности первого в связи с моносиллабизмом и, как следствие, резким возрастанием проблемы разрешения омонимии в связи с наличием большого количества биномов и односложных слов.

Действительно, язык тесно связан не только с мозгом (его развитием в процессе индивидуального и эволюционного становления), но и с организацией когнитивного и ментального пространства. В этом отношении, такое очевидное различие в иероглифических и «обычных» языках должно находить отражение и в различиях устройства и функционирования мозга и психики носителей этих языков.

К сожалению, нам не известны сколько-нибудь убедительные исследования на эту тему. Тем не менее, в научных кругах неоднократно высказывалась гипотеза о том, что представители восточных культур (китайцы, японцы и корейцы) должны иметь правополушарное доминирование. Напомним, что вообще, полагается, что отличительным видовым признаком человека является доминирование левого полушария (что в первую очередь связывается с появлением языка). Однако эта гипотеза так и не стала теорией, но, и не была окончательно опровергнута. По-видимому, причин для этого несколько: как правило, исследования проводятся изолированно, – либо нейро-учеными, либо психологами, либо лингвистами, либо социологами и т. д. Поскольку тема, очевидно, междисциплинарная, то и исследования должны проводиться командой разных специалистов. Другая причина методологическая. Зачастую измеряются параметры, которые не имеют прямого отношения к целям исследования.

Скорее всего, представители восточных (ДВ и ЮВА) культур должны быть «правополушарными».

Что касается вопроса о обучении, то уже давно известно, что адресация к обоим полушариям и к обеим модальностям (визуальной и акустической) существенно повышает процесс обучения и запоминания.

SOLNTSEVA N.V.
(Moscow)

The Borrowed Morphological Elements in the Nung Language

Солнцева Н.В.
(Москва)

Заимствованные морфологические элементы в языке НУНГ

Общеизвестно, что на территории Китая и Юго-Восточной Азии (ЮВА) некогда существовал (и, по-видимому, существует в наши дни) так называемый «лингвистический коридор» (термин Дж. Эдмондсона), по которому тайско-язычные народы, некогда проживавшие в Китае, перешли на территорию Лаоса, Тайланда и Вьетнама. По мнению В.И. Гохмана, который опирается на данные А.Одрикуре и С.Е. Яхонтова, первые переселения произошли в 12–13 вв. [2].

По данным информантов языка Нунг, который был обследован Российско-вьетнамской лингвистической экспедицией в 1999 г., предки этих информантов переселились во Вьетнам более 3-х – 4-х вв. назад, или пять поколений тому назад [1].

Во время полевой сессии 1999 года было обследовано четыре диалекта языка Нунг: Фаншлинь, Чао, Суонг и Лой. Информанты, говорящие на этих диалектах, родились в различных районах на северо-востоке Вьетнама (см. «Приложение»).

Во всех диалектах представлено множество заимствованных единиц: слов и грамматических элементов, большинство из которых заимствовано из китайского и вьетнамского языков.

В Нунге, который относится к тай-кадайским языкам, представлено достаточно большое число кадайских (австро-тайских) единиц.

В Нунге активно используются заимствованные грамматические показатели разных морфологических систем: показатели числа, вида, времени и залога.

Основная особенность заимствованных грамматических элементов Нунг состоит в том, что все они являются краеугольными, или ядерными, составляющими морфологических систем Нунг.

Морфологические системы Нунг демонстрируют сосуществование грамматических показателей, заимствованных из разных языков, но передающих одно и то же грамматическое значение.

Например, в системе числа используется четыре синонимичных показателя множественного числа: один тайский показатель – *p'aŋ*^{33}, один китайский – *ki*^{213}, два вьетнамских – *bǎj*^{21} и *bɔŋ*^{33}.

Синонимичные показатели в основном распределены по различным диалектам или идиолектам информантов.

Так, например, в идиолекте Ло Нгок Ким сосуществуют два показателя множественного числа: тайский – *p'aŋ*^{33} и китайский – *ki*^{213}. (Информантка владеет тайским и китайским (немного) языками).

Два заимствованных показателя непосредственного ближайшего будущего в Нунг разные по своему происхождению: *ʔaj*^{35} – это калька китайского показателя *yao*^{4}, а *ti*^{33} – это общетайский показатель (также используется в лаосском и сиамском).

Показатель *ʔaj*^{35} использовался двумя информантами: Хоанг Минь Хонг и Нгок Тхи Зип.

И только в идиолекте Ло Нгок Ким представлены оба показателя: *ʔaj*^{35} и *ti*^{33}.

В Нунге имеются два показателя неблагоприятного пассива: показатель *ŋaj*^{31} заимствован из китайского (он употребляется всеми информантами) и показатель *mɛn*^{31} (этимология неизвестна), который встречается только в идиолекте одного информанта Хоанг Тхань Лан.

В условиях взаимодействия языковых систем во всех заимствованных грамматических элементах произошли фонетические и грамматические изменения (феномен интерференции).

Некоторые заимствованные лексические единицы были грамматикализованы в Нунге, а некоторые утратили свой статус собственно элементов морфологических систем, когда попали в Нунг.

Приложение

Трое информантов говорили на диалекте Фаншлинь:

1. Хоанг Минь Хонг. Родился в 1979 г. в уезде Чиланг в провинции Тхайнгуен,
2. Лам Суан Динь. Родился в 1974 г. в уезде Биньза в провинции Лангшон,
3. Хоанг Тхань Лан. Родилась в 1979 г. в уезде Нганшон в провинции Баккан.

Два информанта говорили на диалекте Чао:

4. Ло Нгок Ким. Родилась в 1977 г. в уезде Ванланг в провинции Лангшон.
5. Лыонг Тхи Иен. Родилась в 1977 г. в уезде Чангдинь в провинции Лангшон.

Один информант говорил на диалекте Лой:

6. Лыонг Тхи Зуен. Родилась в 1970 г. в уезде Бабэ в провинции Тхайнгуен.

Один информант говорил на диалекте Суонг:

7. Нгок Тхи Зип. Родилась в 1978 г. в уезде Хуанхуа в провинции Каобанг.

Литература

1. Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Вып. 5. Язык Нунг (в производстве).

2. *Гохман В.И.* Тайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 502-503.

STAROSTIN George
(Moscow)

On the possible ways of click system evolution in Khoisan languages

Based on typological criteria, one can separate all of the attested khoisan languages (including extinct ones) in two major groups depending on the inventory and fuctions of their click systems, with Group A covering the North, South, and Central branches of Khoisan and Group B being represented exclosively by Hadza and Sandawe. This typological gradation turns out to be well supported by lexicostatistical data which show Sandawe and particularly Hadza to be the earliest offshoots of Proto-Khoisan.

The main differences between Group A and Group B can be formulated as follows: a) a larger number of available click influxes in Group A (four or five as compared to three in Hadza and Sandawe); b) a much richer system of click effluxes in Group A (on average, ten to fifteen, as compared to four in Hadza and Sandawe); c) a much larger proportion of roots beginning with clicks in Group A than in Group B; d) the possibility of meeting clicks in the intervocal position in Group B as opposed to the strictly anlaut-based clicks in Group A.

Judging from the historical perspective, it would be possible to suggest two ways of development – (a) a simplification of the original complex click system in Hadza and Sandawe or (b) the appearance of a new, highly complex, yet essentially secondary system in the rest of Khoisan. The serious, systematic study of the problem is merely in its initial stages, but as of now, solution (b) seems to be one that is most supported by comparative lexical data. Some of the most decisive arguments include:

(a) the predominantly bisyllabic root structure in Hadza and Sandawe as opposed to predominantly monosyllabic roots in Group A; there are at least several good examples where bisyllabic roots of Group B correspond to monosyllabic roots of Group A, with the first consonant of the root becoming the click influx and the second one becoming the click efflux;

(b) the typological similarity of Group B clicks to non-click consonants, with click influxes essentially coinciding with the corresponding larengeal features of non-click consonants;

(c) very untrivial correspondences between click consonants within Group A, possibly hinting at a non-click origin for at least some of them;

(d) lack of good correspondences between Group A and Group B click consonants (in fact, the regular situation seems to be the opposite).

These and several other arguments, supported by lexical data, seem to indicate that Hadza and Sandawe may have more or less preserved the original click system of Proto-Khoisan, whereas the systems in all the other languages share certain important common innovations.

STOLBOVA Olga
(Moscow)

The role of folklore textes in field-research (the case of Kirfi language in Northern Nigeria)

Field research with Kirfi language (Chadic branch of the Hamito-Semitic family) was carried out in years 1996-2000. Some peculiarities of the research are typical of all the endangered languages of the area.

Most of the Chadic languages spoken in the Northern Nigeria are being ousted by Hausa (the latter belongs to the same branch) or Kanuri (Nilo-Saharan family). Hausa is used for intertribal communication in the north. As a result small languages (with the number of speakers from one to ten thousands) do not pay any role in social life. In the Kirfi-speaking area, for example, older people know the language better then the young generation, while some of the latter population do not speak Kirfi at all. Numerous borrowing from Hausa (beginning with lexicon up to syntax) can be found in Kirfi as well as in all the neighbouring languages. Thus, Hausa can not be used by a field-researcher (in the latter case borrowing will be collected instead of the original elements).

On the other hand, carrying out the field research in English (the official language of Nigeria), encounters difficulties as well, due to the very low level of education in general. As a result any progress in syntax or contrastivity is hardly possible.

In such a situation the most important role in the field research the folklore tales play.

Firstly, they present the more archaic language level (that one before the Hausa expansion). Secondly, the best connoiseurs belong to the older generation, characterized by better knowledge of the native speech.

Analyzing the folklore texts helped not only to contribute to the Kirfi vocabulary, but also to reveal: the internal noun plural, the archaic form of Imperative, the passive participle form, the third grade of determinatives («that invisible»), etc.

As for syntax, most of the more or less complicated constructions were first found and identified in texts.

Столбова О.В.
(Москва)

Роль фольклорных текстов в полевой работе с бесписьменным языком

Полевые исследования бесписьменного язык КИРФИ (чадская ветвь семито-хамитской семьи) велись в 1996-200 г.г. Некоторые особенности этой работы, типичны для всех исчезающих языков этого ареала.

Во-первых, большинство из них постепенно вытесняется или языком Хауса (который является языком межэтнического общения в Северной Нигерии) или Канури. В последние двадцать лет во все чадские языки проникают хаусанские заимствования (на всех уровнях).

Поэтому хауса не годится как рабочий язык при полевой работе (в этом случае информанты регулярно заменяют оригинальные формы и конструкции кальками из хауса).

Более целесообразно вести полевую работу на английском языке, который, с одной стороны – нейтрален, с другой – является государственным языком Нигерии (на нем ведется преподавание в школе).

Однако, недостаточное знание английского языка, а также довольно низкий уровень образования не позволяет полноценно исследовать такие области как синтаксис или контрастивность.

Еще одна сложность проистекает из преобладающей роли хауса в социальной сфере.

Это приводит к билингвизму, снижению значимости местных языков, в результате – с каждым следующим поколением знание родного языка ухудшается.

В такой ситуации чрезвычайно важную роль играют фольклорные тексты.

Во-первых, они отражают более архаичный язык (во многих случаях это состояние до начала экспансии хауса). Во-вторых, знание фольклорных текстов характерно для пожилых людей, как и лучшее знание родного языка.

Запись и анализ фольклорных текстов позволили не только пополнить словарь языка кирфи, но также обнаружить: архаичное множественное число имен существительных, нередуцированную форму императива, пассивное причастие, утраченное в языке указательное местоимение («тот, невидимый»).

Кроме того, исследование синтаксиса в основном осуществлялось по моделям, первоначально обнаруженным и идентифицированным в текстах.

STRIZHAK Ul.P.
(Moscow)

Some aspects of applying the motivation phenomenon of hieroglyphic characters in teaching Japanese

Стрижак Ул.П.
(Москва)

О некоторых аспектах использования явления мотивированности иероглифических знаков в процессе преподавания японского языка

1. В последнее время наблюдается всплеск интереса к методикам обучения иероглифам, в основе которых лежит принцип образного запоминания. Авторами предлагаются различные варианты повышения эффективности запоминания отдельных иероглифов и сложных слов, состоящих из двух и более иероглифов, путем образования различных ассоциативных связей. Тем временем, использование такого языкового явления, как мотивированность значения отдельных иероглифических знаков и составных иероглифических слов имеет свои особенности, которые не всегда берутся в расчет составителями данных методик.

2. На первый взгляд, использование явления мотивированности делает возможным понимание значения составного слова из значения компонентов без его предварительного знания, что может значительно облегчить процесс изучения иероглифов.

3. Однако, далеко не всегда внутренняя форма составных слов так проста и наглядна. Пониманию составного слова из значений компонентов препятствуют разные факторы.

4. Например, понимание даже ясно мотивированных слов может быть затруднено, если понятие, обозначающееся японским словом, по-русски выражается словом или словосочетанием, имеющим другую внутреннюю форму. Например, аналогия между японским словом 遊金 ю:кин «праздные деньги» и русским выражением «мертвый капитал» будет легко проведена экономистами, поскольку само это понятие знакомо специалистам экономического направления из родного языка. Такие же примеры можно найти и в лексике из других областей знаний (биология, физика, информационные технологии и др.)

5. В качестве примера использования явления мотивированности в курсе обучения иероглифике можно привести творческое задание, выполненное студентами ГУ-ВШЭ (1 курс, специальность «Мировая экономика», японский язык как основной иностранный), по обоснованию значения основных экономических терминов, используемых ими в русле своей специальности в переводе на японский язык. В результате были выявлены как положительные

стороны применения явления Мотивированности при изучении иероглифических знаков, так и различного рода трудности.

6. Наиболее типичными ошибками были:

- некорректный метафорический перенос значения компонента или слова в целом;
- попытки разложения слов, лишенных внутренней формы;
- отсутствие у студентов навыка дифференциации явления мотивированности от немотивированности (узаконенная традицией ошибка и фонетическое использование иероглифов) и ассоциативности.

7. Выводы:

1) на начальном этапе преподавателю необходимо давать четкие определения каждому типу соотношения компонентов в составе слова, записанного иероглифом (иероглифами);

2) сформировать у учащихся навык различения типов составных иероглифических слов, отрабатывая его на примерах;

3) в связи с увеличением количества учебных материалов по иероглифике привить навыки работы с такого рода вспомогательными пособиями во избежание подмены одних понятий другими.

SUETINA Ju.G.
(Moscow)

The contrastive analysis of noun morphology in Saharan and Chadic languages

Суетина Ю.Г.
(Москва)

Контрастивный анализ морфологии существительного в сахарских и чадских языках (на примере канури и хауса)

В данной работе делается попытка рассмотрения некоторых вопросов морфологии двух языков, относящихся к различным языковым семьям – нилосахарской и афразийской. Язык канури является языком, принадлежащим к сахарской группу, а язык хауса – к чадской группе. Оба этих языка – крупнейшие в своих группах по числу говорящих на них. Кроме того, только они имеют письменную традицию.

Имя существительное в канури имеет только категорию числа в отличие от имени в хауса, где помимо категории число имеется и категория рода. Некоторые исследователи, например, Ю.К.Щеглов, усматривают в хауса наличие «феминативных» окончаний, присущих, по их мнению только существительным ж.р. С этим утверждением можно согласиться, но с некоторыми оговорками. Действительно, существительные, оканчивающиеся на *-wa*, *-iya* или *–nya/-anya*, относятся к женскому роду. Но вряд ли правомерно рассматривать их как окончания. Морфемы *–wa*, *-iya* являются словообразующими суффиксами, при помощи которых от глагольных основ образуются существительные: *rabu* "расставаться" – *rabuwa* "разлука", *tafi* "идти, ехать" – *tafiya* "поездка, путешествие". При помощи суффикса *-nya/-anya* образуются формы женского рода от существительных, обозначающих живые существа: *bara* "слуга (мужчина)" – *baranya* "служанка", *zaki* "лев" – *zakanya* "львица", но этот суффикс малопродуктивен, на что указывают все исследователи хауса. Оформление суффиксом *–iya* существительных мужского рода, не обозначающие живые существа, носит единичный характер: *itace* – *itaciya* "дерево". Это следует рассматривать как наличие в языке двух родовых форм одного слова.

В канури форма множественного числа образуется путем прибавления к основе существительного суффикса *-wa*, что дает основание говорить о наличии в канури нулевого суффикса ед.ч. В хауса множественное число может быть образовано несколькими способами, при этом одно и то же слово может иметь не одну, а несколько форм множественного числа. В канури суффикс мн.ч. является однозначным, тогда как в хауса многие суффиксы, участвующие в образовании формы мн.ч., имеют омонимы. Так, суффикс мн.ч. *–i* (*bako* "гость" – *baki* "гости") имеет омонимом суффикс *–i*, участвующих в процессе создания имен с общей семантикой «имя действий» от глаголов *noma* "заниматься земледелием" – *ma+nom+i* > *manomi* "крестьянин, земледелец"; и имя орудия действия: *duba* "смотреть" – *madubi* "зеркало".

В хауса имеются также и другие суффиксы, обладающие омонимами. Наличие омонимичных аффиксов в канури пока не находит подтверждения.

Проведенное исследование показывает, что хотя и канури и хауса относятся к агглютинативным языкам, между ними наблюдаются определенные различия.

TADINOVA R.A., EKBA Z.N.
(Moscow)

Towards sacral concepts of speakers of Proto-Turkic

Тадинова Р.А., Экба З.Н.
(Москва)

К сакральным представлениям носителей пратюркского языка

В статье анализируется слово «*jer*» ‘земля’, являвшееся важной составной частью традиционного мировоззрения древних тюркских народов. Слово *jer* сохранилось в тюркских языках, носители которых донесли до наших дней древние верования – тенгрианство и шаманизм. Рассматриваются различные версии происхождения данного слова.

Древнетюркский словарь приводит употребление ряда производных от этого слова, что может указывать на широкое распространение данной лексемы в языке древних тюрков: а) композит *jer jet-* 'достигать определенного положения' (QBH); б) композит *jer sub* 'материк, земля' (E); в) Adj *jerdäki* 'находящийся на земле' (E); г) S *jerdäš* 'земляк' (MK); д) V *jerik-* 'оседать, поселяться' (QBK).

Достаточно широкое распространение имеет это слово и в современных тюркских языках: алт. *jär/d´er*, аз., гаг., сал., турк., уз., тур., кум. *jer*, баш. *jer*, каз. *žer*, кир. *žer/ǯer*, ккал. *žer*, тоф., тув. *čer*, уйг. *jer/jär/jej/je*, хак. *čir/šer*, чув. *s´er*, як. *sir* и др.

В древнетюркских памятниках 'земля' имеет единое общетюркское название и не имеет диалектного членения (параллели *jer~jir*, наблюдаемые в ряде источников, свидетельствуют в пользу праформы **jer*), следовательно, слово существовало до распада пратюркского языка на диалекты. Земля рассматривалась как место обитания человека. На основе этой семантики развиваются такие значения, как 'место', 'почва', 'пространство'. В дальнейшем от них образуются и другие значения: 'постель', 'земельный участок', 'расстояние', 'владения', 'территория' и др.

В древнетюркских памятниках в основном встречается слово *Jer-Sub* – великое божество. Опираясь на древние памятники, можно сделать вывод, что главенствующую роль в определении судеб людей, целых народов древние тюрки признавали за божеством *Täŋri*, а силу имело то решение божества *Jer-Sub*, которое принималось в согласии с *Täŋri*.

В народной культуре наблюдается разделение образов духа-хозяина земли и самой земли. Так, в башкирском сохранились языковые формы: «*jer inähe*», «*jer ejähe*», «*jer xuǯahy*» (хозяйка, мать земли, дух земли, хозяин земли), которые употребляются в заговорах, мольбах, заклинаниях. У татар-мишарей дух, покровительствующий полям – *ǯir ijase* 'хозяин земли', представлялся в человеческом облике. Он мог навлечь болезнь на человека. Для его умилостивления ежегодно после весеннего сева устраивалось общественное моление с жертвоприношениями.

В мифологии алтайцев, хакасов, киргизов *Jer-Su* Олицетворяет землю и воду. Культ *Jer-Su* восходит к мифологии древних тюрков, почитавших *yduq Jer-Sub* 'священная земля-вода' как главное божество среднего мира, покровительствующее тюркам. У алтайцев *Jer-Su* – это добрые божества, покровительствующие людям. Они живут на снежных вершинах горных хребтов и у истоков рек. У хакасов *čirsuŋ* – духи – хозяева местностей, живущие в горах, тайге, реках, озерах. Ежегодно весной им приносились жертвы.

В казахском, башкирском, турецком и др. языках сохранились поговорки, свидетельствующие об отношении древнего тюрка к земле, как к одушевленному объекту: каз. *žer žutqandaj* 'как будто земля проглотила'. Земля представлялась им в женском облике: *žer jemšegin jetuw* 'заниматься земледелием' (*букв.* сосать

грудь земли); баш. *jer jotow* (или *jer ubyw*) 'провалиться под землю; потеряться, исчезнуть' (букв. 'быть проглоченным землей'), *jer qujynyna inew* 'умереть' (букв. 'попасть в объятия земли'). В башкирском фольклоре есть множество пословиц и поговорок, связанных со словом *jer*: *Jerzän syqqan jergä qajta* – букв. "Вышедший из земли в землю и уйдет", *Jere barzyŋ jeme bar* – букв. "У кого есть земля, у того и пища" и др.

Сакральные употребления *jer* в древнетюркском и новых тюркских языках позволяют рассматривать его в ряду других пратюркских слов, составляющих поле значений, связанных с культовыми практиками.

TAGANOVA M.A.
(Ashkhabad)

A functional grammar of the Turkmen language

Таганова М.А.
(Ашхабад)

Функциональная грамматика туркменского языка

В конце XX века туркменский язык получил государственный статус. В независимом и нейтральном Туркменистане были созданы все условия для углубленного изучения туркменского языка с использованием приоритетных направлений мирового языкознания, одним из которых является функциональная грамматика.

В туркменском языке возникают случаи, когда отнесение того или иного слова к какой-либо части речи становится спорным вопросом. Например, в некоторых грамматиках туркменского языка по традиции такие слова как *gowy, yagsy, oŋat*» в зависимости, с каким словом они употребляются, относились и к прилагательным, и к наречию. Неточность такого мнения может быть проиллюстрирована следующим искусственным примером: *čagalaryŋ gowusy gowy kitaby gowy saklasa gowudyr*. Здесь слово *gowy* имеет разные формы и выполняет разные синтаксические функции. По устоявшемуся мнению, они относятся к разным частям речи. Использование функционального подхода при изучении этой проблемы способствует трехстороннему изучению такого типа слов. Следует заметить, что независимо от того, что у слова *gowy* разные формы и функции, значение его не меняется. В любом случае оно обозначает признак и относится к прилагательному.

Слова с аффиксом *–agan/-egen* (*baragan, gezegen*) относят и прилагательному, и причастию. Использованный в данных случаях функциональный подход позволил выявить, что у таких слов зна-

чение признака действия больше, чем просто признак, поэтому их следует рассматривать и изучать как причастие.

Слова с аффиксом *–çy/-çi* (*çaúçy, işçi*) относят и к существительному, и к прилагательному. Анализ показал, что у слов с этим аффиксом в любом случае сохраняется значение предметности. Это позволяет отнести их к разряду существительных.

В грамматиках *–lyk/-lik* является словообразующим аффиксом существительных. Но в сочетании с *–mak/-mek* в виде *maklyk/-meklik* (*aýtmaklyk, gelmeklik*) его считают сложным аффиксом глагольной формы, точнее имени действия. Анализ же показал, что это не сложный аффикс. Здесь имеется два самостоятельных аффикса: *-mfk/-mek* – аффикс неопределенной формы глагола, *-lyk/-lik* словообразующий аффикс существительных. Поэтому считать их сложным глаголообразующим аффиксом будет неверно. Такая неточность связана с малоизученностью категории номинализации глаголов, что позволяет на основе «вторичной репрезентации» представить в сознании носителя языка процесс в виде предмета, признака и обстоятельства, что дает возможность изучать имена действия, причастия и деепричастия в новых аспектах и выявить их особенности.

В туркменском языке аффикс *-jvk/-jik*, образующий уменьшительную степень существительных (*almajyk, dänejik*), употребляется некоторыми глагольными формами: *bar-dajyk gel* (досл. сходи и приходи), *aýdypjvk gaýt* (досл. скажи и уходи). Исследование показало, что такое употребление свойственно взрослым при обращении к младшим. Кроме этого имеется семантика быстро и за очень короткое время выполнить тот или иной процесс.

Вышеизложенное дает некоторое представление об изучении туркменского языка на современном этапе.

TAYURSKAYA K.A.
(Khabarovsk)

«Liu-sing-yu» in Modern Chinese

Таюрская К.А.
(Хабаровск)

«Люсинъюй» в современном китайском языке

В последние десятилетия ряд китайских лингвистов: Хань Лихуа, Су Цзиньчжи, Ху Минъян, Чжан Ин указывают на то, что в китайский язык активно проникает огромное количество слов, которые не относятся к разряду нормативных, и имеют ярко выраженный разговорный характер, часто отличаются вульгарным оттенком, в заметках китайских авторов, речь идет не совсем о слэнге, жаргоне или арго. Ими используется термин «люсинъюй»

(модные словечки или популяризмы), либо «куюй» («клевый», прикольный язык).

Первая попытка описать характерные особенности люсинъюй была сделана в статье Ху Минъяна и Чжан Ина, но наиболее полная работа посвященная этому лексическому явлению принадлежит перу лингвиста Чжоу Иминь.

Люсинъюй можно классифицировать, исходя из трех типов принадлежности: возрастные люсинъюй, территориальные люсинъюй и профессиональные люсинъюй.

Употребление люсинъюй носит неформальный характер, это слова и выражения разговорной речи повседневного общения. Они служат для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни, часто выступая в роли заместителей слов стандартного литературного языка, являясь яркими примерами каламбурного словообразования. Для них характерна избыточность, их появление в языке не оправдывается недостатком лексических средств для выражения тех или иных понятий, они являются своеобразными «неофициальными синонимами» слов стандартной литературной речи.

TOPRAK Funda
(Denizli)

Religious terms in Karakhanic, Kharezm and Keptchak Turkish

After the acceptance of Islam religion, terms and their specific usages developed by Turks, under the influence of this new culture, is the subject of this study. Sections are given below as;

1) Words meaning God and God's attributes (*bayat, beyer, iδi, keşüş, ogan, üyegençi*, etc.).
2) Words equivalent to *Prophet* and *Messenger* (*sözzçü, savçi, tildem, yalawaç*, etc.).
3) Words meaning *Spirit, Breath* and *Life* (tin, *ödü, etöz, tözlik*, etc.).
4) Words used in place of Canonically lawful, Forbidden by religion, Meritious action in God's sight and Sin (ar*ov, erinçü, muyan, teltük*, etc.).
5) Words equivalent o *Prayer* and *Worship* (*algiş, baçak, okiğ, yükünç, turtanak*, etc.).
6) Words related to *Death* and *Grave* (*bitik, kabirçak, kurgan, sin, ölüt, yovaç*, etc.).

During the study, Karahanli works such *Dîwânu Lugâti't-Turk*, Kutadgu Bilig, *Atabetu'l-Hakâyit*, Harezm Turkish works such as *Nehcu'l-Ferâdis, Kisasu'l-Enbiyâ, Mukaddimetu'l-Edeb* and Kipchak Turkish works and dictionaries such as *Codex Cumanicus, Kitâbu'l-İdrâk li Lisani'l-Etrâk, İrşâdu'l Mulûk ve's-Selâtîn, Translation of Gu-*

listan and *et-Tuhfetu'z-Zekiyye fi'l-Lugati't-Ttirkiyye* are searched. Historical dictionaries and works are used to give evidence to the collected data. This study aims at classifying the religious terms according to subjects and trying to make their etymologic analysis.

TORLAKOVA Ludmila
(Bergen)

Fixed Comparative Expressions in Standard Arabic

One of the most prominent medieval Arab philologists, Abu l-Fadl al-Maydani (d. 518/1124), at the end of the section on each letter in his Majma' al-amthal lists expressions based on the pattern 'af'alu min (e.g., 'amarru mina l-hanzali, very bitter, lit. more bitter than colocynth). This paper will attempt to present a concise picture of this type of fixed comparatives, which seems to prevail in Arabic over other types of similes such as those based on words like ka- and mithl (e.g., jamilun ka-l-mamluki, very handsome, lit., handsome like a Mamluke).

TROFIMOVA S.M.
(Ulan-Ude)

Manifestation of the definiteness-indefiniteness category in the pronominal system of Mongolian languages

Трофимова С.М.
(Улан-Удэ)

Проявление категории определенности-неопределенности в системе местоимений монгольских языков

Категория определенности-неопределенности (О/НО) имеет более четкое выражение в системе местоимений, у которых сформировался особый разряд *неопределенных местоимений*. Как часть речи местоимение занимает в грамматике монгольских языков особое место. Оно не имеет конкретного вещественного значения и выражает субстантивно или атрибутивно мыслимые понятия о лице или предмете, также может указывать на действия и обстоятельства.

Представляется возможным выделить следующие типы категории О/НО, которые образуют самостоятельный центр поля О/НО: предметная, субъектная О/НО; качественная О/НО; О/НО действия; обстоятельственная О/НО; количественная О/НО.

Группа же неопределенных местоимений монгольских языков образует самостоятельный центр поля неопределенности, например, монг. *нэгэн* «кто-либо», «кто-то»; *хэн ч, хэн чиг* «кто-нибудь», «любой»; *юу хээн* «кое-что», *юу ч, юу чиг* «что-нибудь»; *ямар нэгэн* «какой-нибудь», *ямар ч, ямар чиг, аль ч, аль чиг, али нэгэн* «который-нибудь», «какой-нибудь» (из них) и т.п.

ULANOVA A.E-G.,
UBUSHAEVA B.V.
(Elista)

Towards studying the language situation in Kalmykia

Уланова А.Э-Г.,
Убушаева Б.В.
(Элиста)

К изучению языковой ситуации в Калмыкии

Функционирование калмыцкого языка переживает в настоящее время мучительный процесс возрождения в новых социально-экономических условиях жизни.

Полноценное функционирование калмыцкого языка на протяжении почти четырех столетий нарушилось, прежде всего, благодаря, экстралингвистическому фактору: насильственной депортации калмыков в 1943 г. в районы Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока. Еще более негативное влияние, если не сказать, решающее, на функционирование калмыцкого языка оказала так называемая «теория сближения социалистических наций», выдвинутая в начале 60-х годов в СССР и согласно которой необходимость в национальных языках должна была исчезнуть. Таким образом, постепенно престиж родного языка начинает падать, функции калмыцкого языка ограничиваются семьей, бытом, полноценная языковая среда разрушилась.

Для решения проблемы ревитализации родного языка открываются национальные школы, национальные классы, в детских дошкольных учреждениях – кабинеты калмыцкого языка и т.д. но в условиях сохраняющейся невостребованности калмыцкого языка отсутствия достаточного количества специальной учебно-методической литературы и других экстралингвистических факторов ревитализация родного языка оказывается достаточно мучительным и трудноуправляемым процессом.

В рамках изучения современной языковой ситуации в Калмыкии нами было проведено пилотажное анкетирование среди школьников-старшеклассников (9–11 кл.) в двух обычных средних школах: одной городской, одной сельской. Было опрошено всего 298 человек, из них 259 калмыков, 31 русских, 2 казашки, 3 чеченца, 3 азербайджанца, при этом в сельской школе учится 141 калмык и 2 русских, в городской школе – 118 калмыков, 29 русских, 2 казашки, 3 чеченца и 3 азербайджанца. Родным языком считают калмыцкий язык 229 человек, русский язык – 38 человек, чеченский – 3 человека, азербайджанский – 3 человека, 18 человек не ответили, 2 человека считают родным и калмыцкий и русский языки.

Несмотря на изменение отношения к родному языку в ментальном плане, все же русский язык остается единственным язы-

ком общения. Изучение калмыцкого языка, как предмета в школе, требует «обратной связи» с семьей, с родителями. Но данный фактор, как показывают результаты нашего анкетирования, остается желанной мечтой: все опрошенные школьники в реальной действительности пользуются только русским языком. Из 298 чел. 49 городских школьников и 81 сельских переходят на калмыцкий язык в случаях общения с пожилыми людьми и учителями. Признание языка для калмыцких школьников-старшеклассников является лишь фактором этнического самосознания, а реальное знание и использование даже в быту, в семье – минимальное: всего 43%.

Этнолингвистическая ситуация в Калмыкии, характеризующаяся сужением сфер функционирования калмыцкого языка, невостребованностью родного языка в обществе, отсутствием мотивации к его изучению, требует неординарного подхода к решению вопроса сохранения и развития калмыцкого языка.

Одной из первых попыток остановить процесс снижения общественного статуса калмыцкого языка можно считать «Закон о языках в Республике Калмыкия – Хальмг Тангч» от 30 января 1991 г., в соответствии с которым калмыцкий язык получил статус государственного языка наряду с русским языком. В принятом 1994 г. «Степном уложении» (Основном Законе) Республики Калмыкия также отмечается, что «... возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления калмыцкого языка являются приоритетными задачами органов власти Республики Калмыкия (Степное уложение Республики Калмыкия 1994 г.). Кстати, из 298 опрошенных старшеклассников знают о «Законе» 108 человек, 187 не знают, 3 – не ответили. При этом важным и нужным считают 174 чел., не видят необходимости – 31 чел.

VOIGT Rainer
(Berlin)

Two Suffix Conjugations of Hebrew

The intention of this paper is to demonstrate a genetic link between the East Semitic stative and the West Semitic perfect. Although it is maintained from the very beginning that the East Semitic stative and the West Semitic perfect are related, no detailed account has been put forward so far. Especially the different character vowels (mainly *i* in East Semitic and mainly *a* in West Semitic) and the long *a*:-vowel in Akkadian (*parsa:ku*) have not been taken into consideration. My proposal is to bring East and West together by claiming that the *a*(:)-vowel is not an exclusive feature of East Semitic but does occur also in Hebrew where it has been neglected as relevant feature. Hereby, it was necessary to depart from the traditional view by distinguishing two kinds of suffix conjugations, a transitive and an intransitive-stative

suffix conjugation which were melt to one suffix conjugation in most Semitic languages. Only in Hebrew we have some evidence for their original distinction.

If we have a look on the Hebrew verbal roots with *nûn* as third radical we can distinguish between verbs of action as √ *ntn* 'to give' and verbs of state as √*ys* 'n 'to sleep' and √ *zqn* 'to be old'. We note that the third radical is not assimilated to the dental of the personal suffix in all verbs of state whereas in the case of the verb of action √*ntn* the nasal is assimilated (*nåtatti:*). We must vocalize the non-assimilating forms with a vowel between the nasal and the suffixed dental: *zåqanVtå, qåt onVti:*. The postnasal vowel is the same as that in the Akkadian stative *parsa:ta*. The forms *zåqanVtå* and *qåṭonVti*: go back to *zaqin-ata*: and *qaṭun-ati:* resp.

Additional evidence for positing a vowel before the personal affixes in the suffix conjugation is derived from the conjugation of the verb type mediae geminatae. Here the forms *qallo:tå, qallôti*: etc. 'you are slight' ought to be seen in a new light. The long vowel after the last radical corresponds directly to the Akkadian stative *parsa:ta*. Hebr. *qallo:ta* and Akk. *parsa:ta* are identical in every respect. In Hebrew the long *a:*-vowel of the stative verb type was taken over to the transitive verb, e.g., *sabbo:tå*.

There is some evidence form the mediae *y*-verbs too.

VOLODINA E.G.
(Moscow)

Anglicisms in Turkish and the language reform in Turkey

Володина Е.Г.
(Москва)

Англицизмы в турецком языке и реформа языков в Турции

Введение: заимствование иноязычных слов – объективно-исторический процесс, поскольку осуществляется постоянное и разностороннее общение между народами. По разным причинам отдается предпочтение иностранным словам: желание сделать речь более выразительной, избавиться от неприятных ассоциаций и т.д.

История появления англицизмов в турецком языке: англицизмы проникали в турецкий язык главным образом через такие сферы, как газета и научные стили речи. Иноязычные слова, вошедшие письменным путем, так или иначе, подчинялись графическим нормам воспринимающего языка, которые были более типизированы и унифицированы по сравнению с устным воспроизведением. Поэтому заимствования из английского языка относительно быстро стабилизировались под влиянием

нормализирующего воздействия речи письменной. Часто англицизмы относятся к специальным и научным сферам, являются обозначениями отвлеченных или научных понятий, заполняют пустые ячейки номинационной шкалы. Для процесса выяснения процесса вхождения англицизмов в турецкий язык полезно сравнить словари разных лет, что выявит те изменения, которые произошли с языком за прошедший отрезок времени. Однако стоит сразу отметить, что определить какую-то конкретную даты вхождения англицизма в турецкий язык достаточно сложно и условно. Ведь часто слово может быть впервые использовано, а потом снова забыто, получив широкое распространение уже позже. В этом аспекте очень важна оперативная деятельность организаций, занимающихся лингвистическими вопросами, в частности Турецкого лингвистического общества. Очень много слов английского происхождения используются как термины в различных сферах деятельности.

Языковая политика Турции – пуризм. На развитие языка оказывает влияние как объективные факторы (социально-экономические сдвиги, вовлечение в сферу воздействия научно-технической революции и т. д.), так и субъективные, среди которых важную роль играет языковая политика. В этом направлении руководящим центром является Турецкое лингвистическое общество, регулярно издающее списки слов турецкого происхождения, предлагаемых для использования вместо заимствованных из западноевропейских языков. Для этого существует специальный отдел, занимающийся «туркизацией» иностранных слов. Большинство турецких лингвистов выступают за очищение родного языка от иностранных слов.

Причины заимствований из английского языка:

- тесные взаимоотношения со странами Запада, как на уровне политики, экономики, так и на бытовом;
- пропаганда западного образа жизни через средства массовой информации;
- влияние науки и техники, развивающихся опережающими темпами на Западе;
- распространение информационных и коммуникационных технологий в мире;
- общая вестернизация жизни в мире и процессы глобализации;
- ориентир на Запад в качестве законодателя моды.

На основе примеров из турецкой прессы был сделан вывод, что заимствования из английского языка занимают значительное место в турецком языке. Их соотношение с турецкими словами и решение об использовании иностранного или своего слова определяется несколькими факторами. Это тема сообщения, уровень культуры и образования автора, его политические убеждения; политическая ориентация газеты или журнала также во многом является существенной при выборе слова.

Заключение: заимствования из английского языка широко распространены в турецком языке. Они проникли практически во все его сферы – политическую, экономическую, спортивную, научную, бытовую. Несмотря на попытки Турецкого лингвистического общества избавиться от потока иностранных слов, их переизбыток до сих пор сохраняется в турецком языке.

WEN Jian
(St. Petersburg)

Daocism in Chinese set expressions

Вэнь Цзянь
(Санкт-Петербург)

Даосизм в устойчивых выражениях китайского языка

Даосизм – традиционная религия Китая, является одним из важнейших культурообразующих факторов Срединного государства. Это утверждение справедливо и в отношении языка. В то же время названный аспект до сих пор не нашел должного освещения в этнолингвистических работах, как русских, так и китайских исследователей. Представленный доклад посвящен некоторым вопросам влияния даосизма на формирование устойчивых выражений (УВ) китайского языка.

Нами проведен культурологический анализ 368 УВ связанных с даосизмом. Заметное место среди них занимают базовые категории даосизма – Дао и Дэ. Например: *Yi ren de dao, ji quan feisheng* – "один человек достигнув Дао, возносит кур и собак", т.е. "получать выгоду от достижений близкого человека"; *jiu dao de*, в значении "старая мораль". Почетное место занимают крылатые выражения из произведений даосского канона. Так из трактата «Чжуан цзы» перешло выражение *san cun niao, qi cun zui-* "птица в три цуня, а рот в семь", обозначающее болтуна.

Излюбленные образы даосских божеств и бессмертных нашли свое отражение в следующих УВ: *guangong mianqian shua dadao* – "размахивать большим мечом перед Гуаньгуном (выставлять свои малые способности перед специалистом)"; *Ma wangye san zhi yan* "Трехокий Ма Ванъе, как воплощение дальновидности и прозорливости"; *Gouyao Lu Dongbin, bu shi haoren xin* – "Гоу Яо по отношению к Люй Дунбинь (не различать добросердечность, в значении – пустая обида, непонимание)". Восемь бессмертных, герои многочисленных легенд и произведений искусства живут в выражении – *baxian guo hai, ge xian shentong* – "при переправе через море каждый из восьми бессмертных демонстрирует свои чудеса", т.е. "по-своему проявить талант и способности (индивидуальное решение проблемы)". Обобщенный образ бессмертного – сяня и злых духов, наиболее часто встречались в исследованном материале, нами были отобраны 67 подобных выражения. Среди них: *ren mang gui bu mang* – "человек суетлив, бессмертный спокоен"; *rili mo shuo ren, yeli mo shuo gui* – "днем не говори о человеке, ночью о черте".

Небезызвестно, что даосы считали организм человека вместилищем тысяч мифических существ, к которым относятся и три червя. УВ – *san shi baotiao, qi qiao sheng yan* – "три червя мечутся, семь отверстий дымят", отражает старинные представления и используется для обозначения предельного гнева.

Даосские практики (гадание, геомантия, выплясывание духа, изгнание бесов) и культовые предметы (мечь инь-ян, курительницы и др.), встречаются во многих УВ. К примеру: *zi zuo shipo zi tiao shen* – "сама колдунья, сама и духов выплясывает", используется при характеристике человека, играющего много ролей; *bu pa mingchu qiang he gun, zhi pa yinyang liangmian dao* – "не страшись явных копья и дубины, а страшись двустороннего меча инь-ян" – "не страшна явная опасность, страшно скрытое двуличие".

Особое место занимают УВ характеризующие последователей даосской и буддийской школы, такие как: *yi jia buzhi yi jia,heshang buzhi daojia* – "одна семья не ведает другую, буддист не ведает даоса"; *bu pa hong lian Guanye, jiu pa min zui Pusa* – "не страшен красноликий Гуанье, а страшен улыбающийся бодхисатва".

В заключение, хочется еще раз подчеркнуть важное значение этнолингвистических исследований без которых невозможен не только адекватный перевод китайских текстов, но и понимание психологии Китайского народа.

YAKHONTOVA N.S.
(St. Petersburg)

Sanscrit names in an oirat dictionary by Zaya-pandita Namhaidzhamco

In the paper it is shown how Sanscrit names from Sanscrit Lexicons (mainly Amaracosha) were transformed and changes which they underwent in the course of their translating first into Tibetan and then into Oirat. Such a process couldn't avoid a number of misreadings (on both stages) leading to mistakes in the Oirat text in spite of the prominent translator Zaya-pandita Namkhaidzhamco.

Яхонтова Н.С.
(Санкт-Петербург)

Трансформация названий из санскитских лексиконов на примере ойратского словаря

В докладе на примере ойратского словаря эпитетов (или синонимов) показана трансформация названий из санскритских лексиконов (в первую очередь Амаракоши), через их тибетский перевод в ойратский. Анализируется характер ошибок неизбежных при таком процессе, несмотря на автора перевода на ойратский – Зая-пандита Намхайд.

YANG R.
(Kowloon)

Conversation Organization in Web-based Academic Discussion

The increasing use of Computer-Mediated Communication (CMC) worldwide has been accompanied by investigations of various related aspects. However, CMC as an online conversation mode may also be viewed as a distinctive linguistic variety, which differs from written as well as from spoken forms of language used in other contexts. A Conversation Analysis (CA) perspective can be applied to web-based discussion, as it is a form of language use and also involves organization of «talk-in-interaction». As in face-to-face interaction, participants in web-based discussion organize activity in an interaction where some «trouble» or difficulty appears to have developed. This can be referred to as «repair work» in order to connect it with a body of CA literature on how participants handle difficulties/«trouble» which is impeding the course of web-based discussion. «Organization of repair» operates in conversation to address recurring problems in speaking, hearing and understanding. Previous work in Conversational Analysis has indicated strongly the existence of a «self-righting mechanism» through which participants deal with a variety of «troubles» in talk and thus keep the interaction going. So, the aim of this study is to investigate whether any such systematic method/procedure is used by participants to handle «repair work» in web-based discussion. The study collects data from two web-based discussion boards for teacher education courses at the School of Education and Language of OUHK, and reports an investigation of the preference organization of repair in web-based discussion in educational setting. The result of analysis of collected 369 instances of repair in Chinese shows that although the self-initiated and self-repair (63.41%) makes up higher percentage than other-repair (36.59%), the other-repair is not the case of which may be a rare event according to the researches in face-to-face conversation of English. The study attempts to do the explanation for the different preference organization with the factors of Chinese culture and the asynchronous situation.

YOUSEFIAN Pakzad
(Zahedan)

A Description of Verbal Structure in Baluchi (Laashaari)

Baluchi is mainly spoken in Pakistan, Iran, Afganistan, The Gulf States and Turkmanistan. Linguistically, it belongs to the Western group of the Iranian branch of the Indo-European languages. According to Elfenbein (1989), there are six dialects in Baluchi: Raxshaani, Kechi, Coastal Dialect, Saraawaani, Laashaari and Eastern Hill. This article studies Laashaari which is merely spoken in some areas of Sistan and Baluchistan Province of Iran.

This article deals with Laashaari verbal construction. First, verbal bases, endings and prefixes will be introduced and classified. In this dialect, the infectional endings representing the subject are of three types on the basis of transivity and tense of the verb. Then, a description of verbal system with regard to tense, mood, and aspect will be represented. I will argue split ergativity in past tense form of the verbs. Finally, the article will describ the imperfect verbs in this dialect.

ZAKIEV M.Z.
(Kazan)

The lexemes *akatsir/agadir* [*agathirs*] and *mishar/mad'yar* in the system of Turkic ethnonymes

Закиев М.З.
(Казань)

Лексемы *акацир/агадир* (*агафирс*) и *мишар/мадьяр* в системе тюркских этнонимов

1. В роли этнонимов выступают лексемы концепта "человек", "люди", "род", "племя". Различаются этнонимы первичные, вторичные, третичные и т.д. Возьмем первичный тюркский этноним *ар/эр/эрк* (эркек), путем прибавления к нему определений образуются вторичные этнонимы. В качестве определений в большинстве случаев применяются слова: 1) *су/суб, булак/балк* 'вода', 'река': *суар/субар, булгар/балкар*; 2) *тау/даг, кас* 'гора', 'скала': *дагар, тохар, тавр, туэрк* (тюрк), *касар/хазар*; 3) *акац/агач, мише*: *акацир, агадир, агач эри, мишар, мищер, мажар, маджар*; 4) прилагательные *куу, сарыг*, 'светлый', 'желтый', *олуг* 'большой, *'ийи'* 'хороший', *тат/йат* 'чужие', *ганды/ханлы* 'имеющие хана' и др. : *куар, куэрк, сарагур*, (о)*лугар, иэрк, татар, гандар*; 5) этнонимы: *hун, канг, ок*, сак: */hун'ок'эр* > Ноногур, *кангар, окур/огур, сакар* и др.

2. Этноним *агадир* широко применяется Геродотом в его древнегреческом тексте «Истории» в виде *агадирс*, в котором межзубной звук [д] (th) в старой транскрипции передавался буквой θ (Theta), которую впоследствии начали произносить как [Ф] (ср. *mythos/миф, Athena/Афина*), в результате лексема *агадирос* приняла форму *агафирос*.

Об агафирсах имеется большое количество литературы. Это слово этимологизировано по-разному, то как *большие волкодавы*, то как *жаждущие яркого* (*металла*) или как *жадные до золота*. По нашему мнению, в лексеме *агадирос ос* – греческий именной показатель, а основа *агадир* состоит из первичного этнонима *ир* 'люди, мужчины' и его определения *агад/агач* 'дерево, лес', *агадир* в целом означает 'лесные люди' или 'люди с тотемом дерево'. Таким образом, *агадиры* в этническом отношении принадлежали к тюркоязычным племенам. Многие исследователи *агадиров* считали или скифами, или тракийцами (фракийцами). Исходя из «Историй» Геродота, ученые полагали, что агадиры в VII-V вв. до н.э. занимали территорию Трансильвании, в то же время область их обитания расширяли на западе до северо-восточной части Прикарпатья, на востоке до Северного Причерноморья, до Северного Кавказа и Мещерской низменности.

3. Синонимом лексики *агадир/акацир* выступает этноним *мишар*, который состоит из первичного тюркского этнонима *ар/ир* с определением *мише* 'лес, дерево'. Слово *мише* в некоторых тюркских языках и сейчас употребляется в значении 'лес'. В древнетюркском языке это слово зафиксировано как *бешэ*. В татарских и башкирских диалектах *мешэ/бешэ* применяется в значении 'сосна, растущая в болотистой местности'.

Исследователями установлено, что этноним *мишар* в различных языках и диалектах имел разное фонетическое звучание: *мишар, мижер, мещера, мещеряк, можар. мажар, маджар, мадьяр, мажгар, мачар, мочар, бечер, бесер* и т.д.

Заметные следы оставили мишари на территориях Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Мещерской низменности, в бассейнах рек Оки и Суры.

Мишари, называвшиеся в древности *агадирами* / *акацирами*, являются одними из самых древних племен, занимавшие обширные территории. Западные мишары участвовали в формировании венгерской народности: большая их часть ассимилировалась среди финно-угороязычной массы, но оставила свое название *мишар* в виде *маджар/мадьяр* как самоназвание народности. Определенные части мишарей возглавляли Волжскую Булгарию, вошли в состав башкир, русских, мордвы, чувашей. Сохранившая тюркский язык часть мишарей в Предкавказье приняла этноним *нугай*, а в Поволжье и Мещерской низменности – этноним *татар*.

ZHANG Bennan
(Hong Kong)

Language attitude and Putonghua promotion in post colonial Hong Kong

On 1st July 1997, Hong Kong ceased to be a colony of the United Kingdom and became the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China (PRC). The political transition has greatly affected Hong Kong society, including its «language ecology». Although the substantial debate on the language policies governing the three principal languages has continued for more than two decades among policy-makers and educators, Putonghua (Mandarin Chinese), the official language of the PRC, has grown to be a powerful and important language in Hong Kong, sitting together with English and Cantonese. What has been changed in the mind of Hong Kong people because of Putonghua promotion after 1997? Will Putonghua ever be in a position of hegemony in the context of Hong Kong? Do Hong Kong people

sustain Putonghua education in primary and secondary schools? And what is the relationship between Putonghua and the other two principal languages? These questions have drawn energetic study from Hong Kong as well as international socio-linguists. This paper discusses the status of Putonghua in Hong Kong focusing on people especially young people's language attitude to Putonghua learning and usage, and argues that, along with the change of sovereignty of Hong Kong, the political and economic duel factors have greatly affected Hong Konger's language attitude, which is inclined to encourage Putonghua promotion in all aspects of society, including education. In fact, Putonghua, as a symbol of «one country» and bringing with the political and economical two-edged powers, is going to become an important language in post colonial Hong Kong. Meanwhile, English, as a recollection of the colonial past, has abdicated from its absolute position and become, more or less, a pure international business language in Hong Kong. In addition, Cantonese, the local Chinese dialect, taken a new look as a symbol of «two system», has drawn more attention in education as the «mother-tongue» of most Hong Kong young people.

ZOGRAPH Irina T.
(St. Petersburg)

The Syntax of Wenyan against that of Ancient Chinese

The Wenyan syntax study is natural to begin with describing the simplest, elementary constructions. For elementary constructions of a simple sentence we take syntactic structures made up of a nuclear predicate with associated syntactic components whose obligatory or standard appearance is regulated either by grammatical class of a predicate word or by its general semantics. The predicate is expressed by a verb, an adjective, a link-verb or other grammatical copula as well as a numerical adjective substitute.

In addition to the nuclear predicate, any elementary construction should incorporate full (substantival) members related to its predicate. The shortest elementary construction includes only a subject which is not taken into consideration here, while the largest one has three substantival members and the lack of any of them gives an elliptic construction. The correspondence between the substantival members and the predicate may be expressed both by word order, and by means of syntactic words like prepositions.

In our semantic classification the types of elementary constructions depend on: 1) the number of obligatory or characteristic substantival members for each construction; 2) grammatical class/subclass of a word used as the nuclear predicate (transitive verbs, intransitive verbs, nonverbal forms); 3) the positioning of substantival members in

respect to the nuclear predicate; 4) presence or absence of syntactic words (prepositions), and 5) a link-verb as the element added to the nuclear predicate. The types are further divided into subtypes and the classification based on the given parameters yields 25 elementary constructions with 12 basic types and a number of subtypes.

The report is supposed to give the list of elementary constructions which are obtained in this way, to provide each construction with its elaborate description and to compare this list with its counterpart for Ancient Chinese.

ZOMORRODIAN Reza
(Mashhad)

Evolution du système phonétique persan des origines à nos jours

Le persan contemporain vient historiquement du vieux perse, celui-ci a évolué au moyen perse, et le moyen perse a évolué au persan initial. Le persan initial depuis le 4-e siècle de l'hégire (X-e siècle de l'ère chrétien) au point de vue grammaticale, lexicale, phonétique et phonologique a beaucoup changé. Dans cet article nous nous sommes proposé d'étudier le changement phonologique.

FOMIN Maxim
(Colerain)

Exploring Connections between Celtic and Indian Studies: Pitfalls and Fascinations of Comparative Approach

The scholars who previously dealt with comparing different aspects of early Irish and early Indian cultures, were confined with once postulated hypothesis on their preservation of extremely archaic features and I-E ancestry of the Irish and Indian ideas relating to kingship.

Not denying the results of their research, I shall be trying to address the topic from the typological perspective. I shall argue that many of the parallels noted in the development of the institutions of power (kingship) and place-name tradition (onomastics) are to be understood in terms of analogies in their religious and cultural development.

НАРМАЕВ Б.М.
(Санкт-Петербург)

Этика Гэсэриады

Героический эпос о царе Гэсэре известен многим народам Центральной Азии – тибетцам, монголоязычным народам тувинцам, уйгурам и другим. Основа эпоса сложилась в XI – XIV вв. в Тибете, причем окончательная кристаллизация сказания относит-

ся к Амдо (северо-восточный Тибет). Амдоская версия включала в себя следующие сюжеты: пролог, рождение героя, победа над северным демоном, война с хорами. Эти главы являются ядром, основой сказания.

В XV- сер. XVI вв. происходит процесс первичной обработки эпоса в монголоязычной среде. В монголоязычной традиции к имеющимся главам присоединяются сюжеты нетибетского происхождения. В 1716 г. часть ученых членов коллегии, работавшей в это время над переводом буддийских сочинений на монгольский язык, издала в Пекине ксилограф, содержавший семь глав монгольской Гэсэриады. Ксилограф широко распространился, приобрел большую популярность. Процесс последующей циклизации протекал как присоединение к корпусу ксилографа новых глав.

В данном, носящем предварительный характер сообщении, автор ставит перед собой цель рассмотреть доступные центральные главы тибетско-монгольского эпоса с точки зрения наличия в них древних этических представлений.

Главной идеей Гэсэриады является схождение сына небожителя на землю для борьбы с распространившимся на ней злом. Основные сюжетные линии рассматриваемых глав таковы. В детстве герой уже совершает ряд подвигов – например, убивает трех оборотней (ворону, ламу и горностая). Дядя мальчика, Цотон, олицетворение коварства и предательства, всячески преследует его, но всякий раз терпит поражение. Гэсэр побеждает в состязании претендентов на руку красавицы Бругмо, занимает трон царства Лин, побеждает демона севера. Тем временем на родину Гэсэра нападают хоры (монг. ширайгольцы). Они захватывают жену Гэсэра Бругмо и увозят с собой. Гэсэр возвращается на родину, затем в облике мальчика проникает во дворец хорских ханов и возвращает себе жену.

Буддийское духовенство неодобрительно относилось к Гэсэриаде. В монгольских монастырях запрещалось хранить тексты Гэсэриады, читать ее и и распространять в народе. Известный тибетский историк Сумба-хамбо (1704-1788) считал, что в этих сказаниях содержатся "пустые слова, ложные предания еретиков". Буддийское духовенство пренебрежительно относилось к сказанию о Гэсэре потому, что оно, с их точки зрения, никчемно, пусто, не способствует духовному совершенствованию.

Действительно, сюжеты, содержащиеся в Гэсэриаде, чаще всего не имеют прямого отношения к буддизму. В качестве примера можно привести пролог ладакской (западно-тибетской) версии эпоса. Некто Таши вместе с женой сажают дерево. С этого дерева они собирают большой урожай зерна. Однажды это зерно превращается в червей. Черви поедают друг друга до тех пор, пока не остается один громадный червь. Через семь дней червь превращается в прекрасного ребенка. Юноша женится на восемнадцати

девушках, в результате этих браков рождаются дети, в том числе и с головами животных. Старая женщина дает предсказание о том, что сын владыки небес родится в Лине и станет царем этой страны. На этом заканчивается пролог ладакской версии. К добуддийской традиции восходят и мифическая концепция царя – избранника, дающего закон людям, и первого человека, спустившегося с неба, а точнее – вылупившегося из небесного "космического яйца".

В эпосе о Гэсэре содержатся и прямо антибуддийские мотивы. Так, будущий герой, собираясь переродиться на земле, просит своего небесного отца: "Коня, летающего по воздуху, дай! Меч, злых людей поражающий, дай! Меч, самого Будду поражающий, дай!" Основатель добуддийской религии бон, Шенраб, упоминается с должным уважением во многих тибетских версиях эпоса.

Не имея возможности запретить Гэсэриаду и учитывая ее широкую популярность, духовенство стремилось внести в нее такие изменения, которые сделали бы ее более приемлемой с буддийской точки зрения. Например, вступление к камской (восточно-тибетской) версии было явно составлено буддистами и присоединено к более древнему циклу сказаний. Участие мотивов индийской мифологии в формировании сказания о Гэсэре является очевидным. Небесное божество, отец Гэсэра, во всех монгольских версиях именуется Хормустой (Индра). Иногда Гэсэр осмысливается как один из властителей четырех сторон света (локапала) и его локализация относится к северу. Он является предводителем войск и его походы впоследствии связываются с распространением буддизма, а борьба с демонами и чудовищами принимает вид уничтожения врагов веры. Северная локализация получает поддержку и в относительно позднем синтезе с буддийской легендой о стране Шамбала, из которой Гэсэр вернется для распространения буддизма. С Гэсэром связан ряд персонажей буддийского пантеона, он выступает как божество войны (тиб. Да-лха, монг. Дайсун-тэнгри). Часто Гэсэра отождествляли с богом войны китайской мифологии Гуань-ди, ранее включенным в ламаистский пантеон.

Таким образом, основа эпоса о Гэсэре отражает добуддийские, бонские представления тибетцев. Для бонского мировоззрения характерен четкий дуализм света и тьмы, добра и зла. Носителями света, добра и истины являются главные боги: Мудрый Ахура (первоначально – Небо), Митра (Дневной Свет) и другие. Этим богам соответствует великое множество люминофоров, т.е. светоносных божеств. Напротив, демон или злой дух и его армия, олицетворение зла и всех пороков, пребывает в царстве тьмы и в аду. Учитель Шенраб принес на землю учение великих богов о свете и добре, о связи между богами и людьми, а также о необходимости вести борьбу против зла, лжи и обмана, против демонов и злых духов.

Подводя итог, можно сказать следующее. Основа тибетско-монгольского эпоса о царе Гэсэре имеет добуддийский, бонский

характер. Попытки буддийского духовенства адаптировать эпос принесли лишь ограниченные результаты. Для бона характерна нетерпимость ко злу, лжи, коварству, предательству. Этика Гэсэриады, во многом отражающая бонскую этику, является не последним фактором, определявшим мировоззрение тибетских и монгольских буддистов. Имеется достаточно много примеров того, как они выступали с оружием в руках против тех, кого они рассматривали как носителей зла.

The author of the report investigates central chapters of the Geser-saga from the point of view of ancient ethics. He comes to the conclusion that the bases of the Geser-saga is of pre-Buddhist, Bon character. Buddhist clergy tried to adapt the Geser-saga, but the results were not very successful.

AZIMOV Kamil S
(Tashkent)

"Конфликты и кризисы на Ближнем Востоке: потенциал и типологические особенности".

Ближний Восток – район, в котором сосредоточены интересы многих стран. Причиной этого является его стратегическое положение, а также колоссальные запасы энергоресурсов, и других полезных ископаемых. Сравнительно поздно начавшийся процесс становления независимых государств осложняется параллельно происходящим арабо-израиль-ским конфликтом. Кроме того, в регионе продолжаются двусторонние конфликты, эскалация которых не всегда вызвана внутренними причинами. В ряде случаев кризисы в межгосударственных отношениях можно рассматривать как попытку дестабилизировать обстановку извне. Ни один из конфликтов нельзя рассматривать как межконфессиональный, межэтнический, пограничный и т.д. В то же время практически в каждом конфликте есть социально-экономическая составляющая и заинтересованность внешних сил.

MALIK Anjali
(New Delhi)

Women in Early Indian Society

The society in early India was sharply divided on caste and gender lines. The brahamanical law books laid down rules to regulate the life of women, particularly the brahamana women and held them under strict subjection. However, the picture that we get is only one sided. Therefore an attempt has been made here to deal with the subject on the basis of Kautilya's Arthasastra. Being a secular text it does not make laws, instead it tries to present an actual picture of women in contemporary society as it existed. Thus we get to know about women belonging to various strata of society including those from lower castes, outcastes, destitute women, prostitutes and widows. We notice

that women of different classes led a life that was very different from women of the upper castes.

The State assisted and protected women when in distress. The State also controlled and regulated the prostitutes and employed them along with wandering nuns for the purposes of espionage.

Thus the Arthasastra treats the subject in much a more detailed, comprehensive and systematic manner.

SHAW Brian Carl J.
(Hong Kong)

Bhutan 1972-2004:
a "just-in-time" polity – techniques and achievements

The small Himalayan kingdom of Bhutan situated between the Tibet region of China and India is undergoing important changes in its political as well as its economic and "to a lesser extent" social and religious infrastructures and institutions, with the explicit goals of strengthening the society and to better ensure survival of the state in the face of contemporary pressures.

This paper reviews the "just-in-time" (JIT) style of decision-making in recent decades, and attempts an initial assessment of the benefits and costs of such a style. The JIT concept usually refers specifically to the manufacturing industry, notably Toyota (per Wikipedia: JIT is a set of techniques to improve the return on investment of a business by reducing in-process nventory, and its associated costs), but in the present study the concept is used in a much broader sense to report and examine the policy styles, techniques and institutionbuilding decisions that have abled a small country – with limited endowments and a small population – to optimize external technical assistance and aid in order to move closer to achieving several important domestic goals.

НАБИЕВ Р.А.
(Казань)

Религиозная толерантность в структуре идентичности российских мусульман Поволжья

Межконфессиональная толерантность является фактором, складывающимся в течение длительного периода и требующим постоянного взаимодействия партнеров при уважении свободы вероисповедания. Представители этносов существуют в пространстве наполненным культурными артефактами, являющимися ценностями для этнической группы.

В период существования мусульманских государств в Поволжье межконфессиональная толерантность была институционализирована в рамках Шариата и Ясы и превратилась в один основополагающих принципов идентичности тюрок-мусульман, принадлежащих к ханафитскому мазхабу. Религиозная веротерпимость была константой. Принципы межконфессиональной толерантности были

нарушены в период насильственного крещения (сер.XVI – сер.XVIII вв.) и в период борьбы государства с религией в годы Советского режима, особенно с конца 1920-х гг. В российском государстве ее основы были заложены во время правления Екатерины II Указом Святейшего Синода о свободе вероисповедания в 1773 г.

При этом мусульмане России отошли от модели исламского государства, как единственного варианта существования мусульманской общины (уммы). На уровне государственно-исламских взаимоотношений возникло сотрудничество между мусульманской религиозной элитой в лице "указных мулл" Оренбургского Духовного Собрания, мусульманской светской элитой в лице старшин Татарских Слобод и феодалов даруг Башкирии и российским государством, прежде всего в лице верховной власти. Сама организация Оренбургского Духовного Собрания, выделение территории его юрисдикции, групп его мусульманской элиты определили основных участников межконфессионального диалога. В 1920-е гг. (период НЭПа) стороны этого треугольника составило духовенство Центрального Духовного Управления мусульман, власти автономного Татарстана и центральные власти. На современном этапе мы можем говорить о сотрудничестве и взаимном признании Духовного Управления мусульман Татарстана, властей РТ и центрального правительства. Ключевыми принципами для всех этих периодов является признание необходимости существования структур религиозной автономии, свободы вероисповедания и свободы религиозного образования. Эти требования не противоречили устоям российского государства и общества. На практике даже в самые либеральные периоды и в царской и советской России религиозная автономия мусульман ограничивались, но существовало четкое понимание, что эволюционное развитие страны неизбежно влечет движение по этим векторам.

Развитие гражданского общества среди мусульман региона, также начинается с либеральной модернизации, впервые предпринятой в эпоху Екатерины II. В наказах мусульманских депутатов Уложенной комиссии выдвигаются вышеупомянутые принципы религиозной автономии. Эти принципы легли в основу модели развития нации у мусульман региона, которая обозначается как западная концепция гражданской нации. В 1788 г. контуры этно-религиозной общности были определены миллетом Оренбургского Духовного Собрания.

Концептуально модель гражданской нации берет начало в идеях великого улема и историка Ш. Марджани в 1860-1880-е гг. о религиозной автономии, едином правовом поле и юридическом равенстве всех членов миллета при равноправии мусульман с христианами. На современном этапе модернизация традиционных требований мусульман региона связана со структурированием границ и полномочий регионов в рамках их конституций и Конституции РФ 1993 г.

Вместе с тем, эффективное функционирование принципов межконфессиональной толерантности у российских мусульман было бы невозможно без взаимодействия с российским обществом, другими религиозными общинами, в первую очередь с православными.

Таким образом, в структуре идентичности российских мусульман идеи толерантности глубоко укоренены и имеют прочные основы для дальнейшего укрепления и развития принципов мирного сосуществования и развития общероссийского гражданского общества.

AKSAKOLOV Sultonbek
(London)

Soviet Orientalist Studies of Ismailism:
Methods of Research and Interpretation

Soviet Orientalism left behind a large amount of scholarship on Ismailism (the history, doctrine and culture of Ismaili sect of Islam), that were conducted along the lines of various scholarly disciplines in the period of more than 70 years.

In this paper few example from this scholarship, will be analyzed that will give an insight into general Soviet Orientalist methods of research and ways of interpreting Ismailism. In order to provide a proper background for the analysis, references will be made to the general studies on the Ismailis (their history and doctrine), Orientalism, and methods of research in the Soviet period.

Although being influenced by the Soviet state ideology and the dominance of the Marxist-Leninist paradigm of research, scholars have still produced various and often contradictory accounts of the origin, development and philosophy of the Ismaili movement.

Consequently, Ismailism have been regarded as both reactionary and progressive mass movement in the light of Marxist account of society and history. Some scholars, however, produced a moderate account of Ismailis as a minor sect within Islam. The paper reveals that in many cases the Soviet time research on Ismailis were processes of social constructions, negotiated between the dominant ideology, scholars? personal beliefs and knowledge, the realities of the texts and fields of study.

INAN Kenan

Trabzon and the Black Sea trade in the second half of the 17th century as reflected in the Kadi court records

The city of Trabzon is situated in the South East shores of Black Sea. The city's story with the Ottomans begins with Mehmed II's conquest of 1461. Before that from 13th century onwards until the Ottoman conquest and after the Ottoman annexation, the city had great importance in terms of regional and international trade between Europe and Middle Asia. The traders of Trabzon carried regional products like

hazelnut, bean, and copper and ship columns and also carried Iranian products and Russian iron with their ships. The traders on their ways back home were carrying textile products, paper, foods and metallic goods. The 17th century Ottoman traveller Evliya Çelebi mentions that in Istanbul eight thousand people working in two thousand shops involved in the Black Sea trade. Mainly Muslim and non-Muslim traders of Ottoman Empire were controlling the Black Sea trade.

The city of Trabzon kept its non-Muslim population after the Ottoman annexation. Towards the end of the 16th century the number of the Muslim population passed the non-Muslim one. The non-Muslims, however, continued to be part of the city's daily life. They were free to buy, sell, trade and go to Kadi court like the Muslim population. Thus they were not excluded from the city's life. In addition to these, Trabzon had some Armenians and Iranian people who were involved in city's trading activities regionally and internationally. Court records have great importance on the social and economic life of the Ottoman cities since they consist of information that we cannot find in the other archival material. Here we have tried to throw light to this matter using the court records.

SUZUKI Michitaka
(Okayama)

Orthodox Icons in Japan

Orthodox Christianity came to Japan in 1858 when the Russian consulate was founded in Hakodate. Three years later Archimandrite Nikolai Kasatkin (1836-1912) arrived in Japan as a devoted missionary. Russian icons were transported in great numbers. His intention was to train indigenous icon painters and he subsequently sent Yamashita Rin (1857-1939), a student in the Japanese National Art School, to the Novodevichi Nunnery in Saint Petersburg in 1880. She returned to Tokyo in 1883 and painted icons from 1889 through to 1918, one year after the October Revolution.

Through extensive research all over Japan, I have discovered approximately three hundred of her icons. All her icons have proved to be copies of the Russian icons transported to Japan. The most important and well documented of her icons is kept in Ermitazh Museum. This icon was presented in 1891 to the then crown prince Nikolai when he visited Japan. She took the composition of this icon from a Bible illustration made by V. Kriukov in 1876. Kriukov is most likely the Creole painter Vasily Kriukov (his father was Russian, his mother Aleut) who was trained in the early 19th century by St. Innocent (1797-1871) in Alaska. Assuming I have identified Kriukov correctly, this example of the compositional relation between Yamashita and Kriukov's works well illustrates the close relationship between indigenous icon painters in Asia and Alaska.

In this paper I particularly wish to investigate interpretations of one of Yamashita's Japanese style Indian ink drawings, which is inscribed with the names of the four evangelists and shows an encounter of Russian and Japanese cultures.

DE CASTRO Patrick Anthony
(Quezon City)

From the Settlement (banua) of Bawang to the Capital-city (laum banua) of Jolo: The Search for the historico-geographical factors behind the transformation of a riverine settlement into the capital of a powerful maritime Sultanate in Southern Philippines during the Proto-historic Times

The city of Jolo in the Philippines is known as the oldest and most important city of Muslim Filipinos in the southern part of the country. It hails its esteemed status from the 14th century when it was made capital of the Sultanate of Jolo; the first one in the country, an example of a higher political order and consolidation that came about prior to the creation of the Gobierno de Felipinas in the northern and central parts of the Philippine islands in the 15th century by Spanish conquistadores where the modern-day nation of the Philippines developed from and which lasted until its conquest by North American imperialist at the beginning of the 20th century when the southern part of the country was forced to integrate with the newly eatablished North American Philippine Colony throughout the Philippine archipelago.

Unknown to a lot of Filipinos and to Philippine historiography, the city of Jolo, known before as the banua of Bawang at the beginning of cultural developments in the Sulu archipelago; the sub-region in the Philippines where it is located, was not the center nor call the same attention as some other settlements did even with the establishement of the sultanate in the said sub-region.

There were nevertheless events coupled with its natural endowment, available during critical moments in the development of the sultanate, which permanently altered the fate of the banua of Bawang into becoming the last and for the longest time capital of the Sultanate of Jolo.

This paper is about the search for those events vis-a-vis the geographical endowment of the place with its peculiar natural resources which all contributed in transforming the sleepy riverine banua of Bawang into the bustling mighty laum banua of Jolo.

FUTAKI Hiroshi
(Fuchu)

On the Mongolian Regulations of the Sngags pa Grva tshang Enacted by Noyan Khutugtu Danzanravjaa

Poems and teachings of the Fifth Noyan Khutugtu Danzanravjaa (1803-1856) have been very popular among the Mongolian people and he is considered one of the most important authors in history of Mon-

golian literature. However, his religious activities are less known than his literary ones.

According to Danzanravjaa himself, many rules were established leniently, considering Mongolian circumstances.

These regulations are useful for studying diversities of Mongolian cultural history, as Danzanravjaa belonged to the Karma pa sect, not the mainstream in Mongolian Buddhism.

TEWARI D.P.
(Lucknow)

Social conditions in the Chalcolithic cultures of the Gangetic plains in India.

The Chalcolithic cultures of India have a diverse regional characteristic features which is reflected by ceramic traditions, tools, antiquities, and mode of constructing houses. These are categorized in different zones such as southern, Deccan, Central, western and eastern Indian zones. The important sites are Tekkalkotta and Hallur in Karnatak; Maheswar, Navdatoli, Inamgaon, Chandoli, Diamabad and Jorwe-Newasa in Maharashtra; Tripuri, Eran, Ujjain, Kayatha and Nagada in Madhya Pradesh; Ahar, Gilunda and Balathal in Rajasthan; Chirand, Chechar and Kutubur in Bihar; Pandu Rajar Dhibi, Mahishdal and Bharatpur in West Bengal. In spite of these a number of Chalcolithic settlements have been discovered in course of explorations and exactions in Uttar Pradesh. Some of these are Alamgirpur, Hulas, Khairadih, Narhan, Imalidih Khurd, Dhuriapar, Sohgaura, Waina, Susipar, Sisuavania, Lahuradeva, Pipari, Koldihwa, Khajuri (Panchoh), Kakoria etc. Stratigraphically these cultural deposits are found either on the natural soil or above the deposits of Neolithic period and are sealed by the cultural deposit of Proto-historic / early historical periods. Some times the lithic tools are found in good quantity in association with copper implements and some times the number of these stone tools is negligible. But the pottery and other archaeological material including the radiocarbon dates are very akin to Chalcolithic culture. This finding has opened a possibility of a new cultural complex in Ganga plain especially in its middle portion.

This paper deals in details the new dimensions of Chalcolithic cultures of Gangetic plains in respect of tools, pottery, antiquity, structures and other cultural components, which highlights the various aspects of Indian Chalcolithic societies, which thrived in the Ganga Plain.

BERDZENISHVILI Irma
(Georgia)

The oldest Christian monuments and the issue of the architectural liaisons i n the eastern Black Sea coast (Western Georgia)

It is well known that geographically the Caucasus represents the bridge between Europe and Asia. It stretches from the Black Sea to the Caspian Sea. Many ancient geographers considered river Rioni (old Fasis) as the natural boundary between Europe and Asia. The location of the Caucasus was particularly important for the historical development of the local people. The Caucasus represented an area where different cultural contacts and traditions crossed at the time of expansion of Christianity, i.e. the IV c., and earlier. According to the clerical sources the beginning of the Christianity is connected to the period of the prophets what explains the oldest tradition of Christianity in Georgia.

Pitiunt (today Bichvinta) was the oldest and the biggest Christian center. The pulpit of the bishop Stratophile who was the participant of the first world clerical meeting in Nikea in 325. In the IV-VI cc. many Christian churches were built not only in Bichvinta but also in many other important regions of Georgia. The oldest Christian monuments in western Georgia are mainly represented by several variations of Basilica type: two-nave churches, three-nave Basilicas, three-church Basilicas and single-nave churches. Hellenistic type Basilicas are characteristic to the eastern Black Sea coast (Bichvintas number 2 and 3 churches, Petra, Alakhadze) in contrast to other regions of the South Caucasus where the eastern type Basilicas are spread. Most of the monuments are discovered during archeological excavations.

According to R. Krautheimer, there are three main regions where early Christian architecture is revealed: (1) Latin speaking West, (2) the coast of the Egeos Sea including Constantinople, Balkans, Greece, the coast of the small Asia, the Black Sea coast and (3) The Christian East. Such division in the eastern Black Sea is conditional.

The comparative analysis of the monuments gives the possibility to separate several tendencies of architectural liaisons. These are first of all, small Asia (costal and inland regions), Syria-Palestine and Mediterranean liaisons. At the same time, there are no blind repetitions of the above-mentioned architectural types in Georgian monuments. Instead, the local architectural had elaborated the type of monument that suited political, cultural and religious life of the region.

SHAW Felicity
(Hong Kong)

Bhutan's school libraries: an overview

Only traditional monastic education was available within Bhutan before the country began its modernisation program in 1961. This paper first outlines development of a state-run education system, then discusses the initial setting up and running of school libraries. A more detailed account follows of steps taken in recent years to achieve uniformity of practice, to provide and train appropriate staff to run the libraries, and to build up the book collections of individual schools.

The research is based on data gathered during numerous visits to schools and educational institutes across Bhutan from 1984 to 2004. During these visits, wide-ranging, informal discussions were held with teachers and especially the teacher-librarians, and many libraries were seen. Informal discussions were also held with officers of donor agencies involved in Education Sector activities. A review of notes taken of these visits and meetings has enabled the fortunes of individual school libraries to be followed within the broader context of development of education policy. While there have been occasional setbacks, and several difficulties still remain, nevertheless school libraries are now much better accommodated, furnished, stocked and managed than they were previously. The importance of good school library provision, combined with reading programs and activities designed to generate an interest in reading as a life-long, rather than examination-centred, activity, is now well understood and supported. These positive developments are significantly due to the pro-active library development policies of senior career and planning officers (not least, those involved in curriculum and professional support service development). Due credit must also be given to the donor agencies which have responded to specific requests from the Bhutan side, and are thereby helping transform vision into reality.

КОЖЕВНИКОВ А.Е.
(Россия)

Формирование предпосылок модернизации в общественно-политической мысли цинского Китая

Начало процесса модернизации на Дальнем Востоке было вызвано Западом, его вторжением в середине XIX в. Наиболее подготовленной к "вызову" Запада была Япония. Китаю же понадобилось значительное время, чтобы начать движение по пути модернизации.

К началу XX века китайская общественная мысль утвердилась в необходимости глубоких перемен в обществе, восприняла духовную культуру Запада, в достаточной степени освоила современный научный лексикон. Начались великие споры XX века о путях развития китайской цивилизации.

САМОЙЛОВ Н.А.
(Россия)

Российские планы организации управления Ляодунским полуостровом на рубеже XIX и XX вв.

15(27) марта 1898 г. Россия и Китай подписали конвенцию об аренде Ляодунского полуострова, согласно которой Российская империя получала в аренду Порт-Артур на срок в 25 лет для устройства там базы русского военно-морского флота. Однако Россия недолго распоряжалась Ляодунским полуостровом. После поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. по условиям Портсмутского мирного договора, заключенного 23 августа (5 сентября) 1905 г., Россия была вынуждена уступить Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и портом Дальним, а также южную ветку КВЖД.

Тщательный анализ документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге и относящихся к означенному периоду, дает возможность понять характер российской внешней политики в отношении "арендованных территорий" и осознать планы России на Дальнем Востоке в те годы. В РГИА хранятся дела, насчитывающие по нескольку сотен страниц каждое, которые включают в себя документы, содержащие сведения о распределении земель в Порт-Артуре и Дальнем, о продаже там земельных участков и условиях передачи их в аренду, об отчуждении земель на линии КВЖД и для города-порта Дальнего.

Огромный интерес к будущему обустройству арендованной территории на Ляодунском полуострове проявляло российское Министерство финансов и лично влиятельнейший министр финансов С.Ю. Витте.

При составлении различных проектов тщательно изучался опыт уже существовавших к тому времени на территории Китая арендованных западными государствами территорий.

Документы показывают, что российские власти не только придавали Ляодунскому полуострову важнейшее военно-стратегическое и внешнеполитическое значение, но и отводили данной территории важную идейно-провиденциальную роль в деле рос-

сийского продвижения на Восток. В силу того, что "Квантунская область" недолго находилась под властью России, эти проекты не успели полностью претвориться в жизнь. Однако обнаруженные архивные документы позволяют досконально изучить планы России по развитию Порт-Артура и Дальнего и проанализировать то, каким образом их рассчитывали осуществить.

ЗАВГОРОДНИЙ Ю.Ю.
(Киев)

Изучение индийской философии в Украине:
1840-1930-ые гг. (к постановке вопроса)

В нашем докладе, мы планируем кратко охарактеризовать особенности изучения индийской философии каждым из упомянутых исследователей. Также предусматривается наметить возможные пути дальнейшего, более глубокого и всестороннего знакомства с индологическим наследием в Украине в указанный период, учитывая синхронный европейский и российский (а по возможности индийский, японский и другие) контексты изучения индийской религиозно-философской мысли.

KUMAR Mukesh,
KUMARI Rajani
(India)

1. Khokhar independence:
A Reflection of the Tribal resistance
in the North Western Frontier Region of Medieval India.

The Khokhars inhabited the North-Western Frontier Province of India, Baluchistan and the Punjab in the Medieval period. They lived mostly on both the sides of the river Jhelum and in many parts of the Punjab including Sialkot and Lahore. They are different from Kakars and Gakhars who live in the trans-Indus region.

Economically deprived but better organised these freedom loving tribal people have suffered a lot due to the repeated Muslim incursions in India in the medieval period. Today they are Muslims and Hindus (Rajputs and Jats), however earlier they were all Hindus or infidels as described by the medieval writers like Minhaj Siraj and Hasan Nizami. Their conversion to Islam was not peaceful and they challenged vigorously putting forward tough military resistance to the invaders in their own tribal way as well as by joining the national confederacy set up by Anandpal of the Shahiya dynasty with the help of the Indian rulers of Ujjain, Gwalior, Kalinjar, Kanauj, Delhi and Ajmer to counteract the Muslim menace in 1008 during the 6th military expedition of Mahmud Ghazni against India. Luck favoured Mahmood Ghazni against India.

Luck favoured Mahmud and the Indian army lost the day. But the Khokhars proved themselves a significant force when they created havoc with sudden attack on Mahmud's Camp killing around 5000 invaders in a few minutes. After the defeat the Shahiya dynasty established their new Capital at Nandan in the Salt Range well-protected by the Khokhars.

The Khokhars frequently attacked and plundered the areas of Mohammad Ghuri and Qutubuddin Aibak and in 1205 they even devastated Lahore. It was only after a joint move by Ghuri and Aibak, which was incidentally the last campaign of Ghuri against India in 1205-6, that the Khokhar stronghold in the Koh-i-Jud. or Salt Range was capitulated; but the Khokhars could not be annihilated even in this joint military compaign and they created great trouble in March 1206 when they attacked and stabbed Ghuri to death at Dhamyak in Jhelum distt. while returning from Lahore to Ghazani.

They continued their resistance and after acquiring enough strength took Lahore in 1394. Though Shaikha Khokhar, their leader, aligned with Timur in latter's attack on India, he did not join him and was beheaded by Timur on the charge of treachery while his son Jasrath Khokhar was lodged in the jail at Samarkand. Jasrath managed to escape from there after Timur's death and during the weak Saiyyed rulers of Delhi Sultanate, established his own rule at Talwara on the right bank of Chenab river. The Khokhar power reached its zenith under him. After his death in 1442, the Khokhars were regularly attacked, Killed, captured, converted and sold as slaves. But the resistance of this tribe was hard to crush and many more had successfully retained their tribal culture and independence.

2. Indigenous Medicinal Values and Practices in
The Santhal Tribe of Jharkhand (India)

Indigenous and folk medicine was popular among the natives throughout the tribal areas and it is still being practised by a number of people. A large number of rural population was also not served at all by personnel and institutions working along the lines of modern medicine. When the natives fell sick, they were usually attended, if at all, by practitioners of indigenous medicine. In some remote areas only home medicine was available.

For villagers a practioner of indigenous medicine had qualities transcending those of the western trained doctors. He charged relatively less. The native practitioners provided free treatment prepared by them very often from simple plants. They have existed generation after generation and proved useful to the people. Their remedies prepared from bark, herbs and other local products were of considerable value in the treatment of cholera, asthma and other diseases.

In the Santhal tribe of Jharkhand (India) the local healers or doctors are very much instrumental who on the line of superstitions

claim to cure people of various ailments. The diseases, they believe, are the result of the evil eyes, witchcraft and the evil influence of the 'bongas' (the immoral and malevolent spirits). When somebody fells ill people adopt at first the household remedies but if the disease is of pronounced nature, they call in a professional medicine – man 'Ojha'. The Ojha in addition to giving medicine or rather previous to the administration of it, tries to drive away the disease by magic, incantation etc. with the assistance of his special 'bongas' whom he knows how to make work. He takes steps to counteract the inimical influence of the powers behind the scenes – to pacify, propitiate, satisfy these or to fight and punish them (in the cases of witches)

The Santhal doctors, 'raranic', practitioner of 'ran' (a Santhali word for medicine) or 'Kubraj' (Santhali pronunciation of Kaviraj, the doctor so called in Bengal are the medicine man with a natural gift for medicinal works and a saind knowledge gift for medicinal works and a saind knowledge of the medicinal plants. Depending upon the use of symptomatical remedies, such as formentation, massage and blistering, they administer medicines made up from a large number of plants and trees and also other natural objects. Many of these are undoubtedly worthless having little or no medicinal value, but some are remarkable indeed. Also, emotions and attitudes raised by there practitioners have a tremendous effect upon the patients. These doctors are supposed to possess a "healing touch" similar to that which have been accepted in every civilization and religion of the world.

КОЛОТОВ В.Н.

Новые религии и региональная безопасность
(религиозный фактор в управляемых конфликтах
на примере Южного Вьетнама)

В настоящее время много внимания уделяется такому явлению как новые религии. Их активная деятельность все больше беспокоит общественность. Возмутителем спокойствия зачастую выступают безобидные, на первый взгляд, новые религии, духовные лидеры которых при благоприятных обстоятельствах быстро превращаются в жестоких и беспощадных полевых командиров. В XX веке мы без труда можем обнаружить многочисленные примеры таких трансформаций, когда находящиеся в упадке религиозные движения вдруг начинают бурное развитие или появляются совершенно новые религии. Однако недостаточно внимания обращается на необратимость процесса изменения религиозной идентичности, что является одним из основных условий организации управляемых региональных конфликтов.

Концепция системы управления конфликтом позволяет связать в единую систему отношений колониальные власти, новые религии, освободительное движение, а также особенности ведения и результаты двух индокитайских войн. На конкретном историческом материале показывается, что южновьетнамские новые религии возникли не естественным образом, а в результате реализации новой концепции стратегии умиротворения, суть которой состояла в трансформации религиозной идентичности путем создания и имплантации суррогатных деструктивных культов локального распространения. Осуществление данного замысла позволило перейти от локальных культов к управляемым локальным конфликтам на региональном уровне и таким образом парализовать освободительное движение в Южном Вьетнаме.

NAKAMI Tatsuo
(Japan)

The Mongol Summer in 1911: The Qing-Manchu Amban,
the Mongol Delegation and the Russian Diplomats

The Mongol declaration of independence in 1911 is the first and important turning point on the modern history of the Mongols. However, European and American scholars have traditionally maintained that the declaration of independence was initiated and sponsored by Imperial Russia. Such view is still kept by the Chinese and Taiwanese scholars.

The change of Qing policy toward Mongolia evoked the Mongols to reconsider their relationships with the Qing Empire and search for a new alternative to protect their traditonal social structure and interests. Consequentlly, the political leaders in Qalq-a Mongolia decided to send a secret mission to Russia to ask for her support in the summer of 1911, and then in the whirlwind of the Chinese (Xinhai) Revolution declared their independence on December 1.

Why did the Qing government or the Qing-Manchu officers in Urga set fire to the unti-Qing sentiment among the Mongol people in Qalq-a? How did the Russian consuls in Mongolia recognize the political motives of the Mongol leaders? In St. Petersburg, what kind of support from Russia did the Mongol delegation intend to seek? How did the Russian government respond to the appeals from the Mongol delegation?

In this paper, I will solve the puzzle, checking the unpublished correspondence of Qing-Manchu Amban in Urga and the Russian foreign archival documents.

КАВАХАРА Яеи
(Japan)

Святые семейства Маргилана XIX века
в Кокандском ханстве

Является общеизвестным фактом, что в Средней Азии представители братства суфизма, наиболее широко представленные Накшбандийа, в особенности в период после правления династии Тимуридов, расширили свою деятельность не только в политической, но и социальной, экономической и культурной сфере на широком географическом пространстве.

Их деятельность на территории Кокандского ханства, которое образовалось в XVIII веке в Ферганской долине и стремительно развилось в первой половине XIX века, не является исключением в этом плане. Например, часть семейства "Кашгарских ходж", которые правили Восточным Туркистаном временно в конце XVII века, прошла через центр Накшбандийа-Муджаддидийа в Индии и поселились в одном из основных городов Кокандского ханства Маргилане и его окрестностях. По прибытии в Маргилан в течении нескольких поколений, они основали группу называемую "тура".

Один из их представителей, Падшах-хан-тура, служил шайх ал-исламом, а другой установил родственную связь с семейством Кокандского хана. Еще известно, что несколько членов семейства активно участвовало в постройке дорог и ирригационных сооружений в Кокандском ханстве. Султанхан-тура, является учителем-пиром руководителя Андиджанского восстания 1898 года Мухаммадали, известно под именем Дукчи-ишан, так же был представителем их семейства. По сей день в Ферганской долине можно найти их мавзолей-мазары.

Из вышесказанного, можно с уверенностью говорить о том, что они имели важную роль в ханстве и их отношения с Кокандскими ханами носило довольно глубокий и стабильный характер.

Основной целью данного доклада является осмысление процесса их переселения в Ферганскую долину и участия в жизни ханства. Методологически, данный доклад основан на анализе агиографических материалов, генеалогии-шажара, поземельных актов и устных легенд, которые были найдены и исследованы автором во время полевых исследований в Ферганской долине.

ПАНФИЛОВ Н.Н.,
ТВЕРЕВ К.К.

Интегрирующая роль ведической храмовой архитектуры

Характерная особенность ведической культуры состоит в её органичности, глубокой связи элементов с целым. Эта связь двоякая: с одной стороны, элементы отражают глубокие изначальные

духовные философские принципы и, таким образом, напоминают о смысле и цели жизни; с другой стороны, само Целое проявляется в своих элементах и, таким образом, раскрывает Себя.

Проиллюстрируем эту связь на примере традиционной храмовой архитектуры. Основополагающий (телеологический) принцип, задающий его пространственную структуру и определенную духовную атмосферу, состоит в понимании храма как дома Бога. В вертикальном направлении структура храма соответствовала структуре вселенной. В горизонтальном направлении храм представлял собой мандалу, то есть геометрическое отображение на двумерной плоскости многомерного пространства, духовного неба, циклического движения времени. Таким образом, храм в традиционной ведической культуре можно рассматривать как носитель определенной космологической модели, включающей космогонию (от процесса трансформации материальных элементов до описания различного уровня циклов развития вселенной), космографию (от описания специфических особенностей отдельных планет до иерархии планетных систем, отражающей различные уровни сознания живых существ). Видно, что роль традиционного ведического храма, не ограничивалась культовыми рамками, а несла глубокий метафизический смысл. Храм оказывался связующим звеном в структуре отношений человека с Абсолютной Истиной, Богом, временем, вселенной, обществом, историей.

Важно отметить органическую целостность подходов и методов создания храма. Процесс возведения храма от медитации на его форму до непосредственного создания представлял собой определенный цикл. Проектирование храма начиналось с астрологических вычислений, это определяло ритм атмосферы храма и основные очертания. Далее архитектор медитировал на янтры (устройства), чтобы составить тонкий мысленный план храма в трёхмерном пространстве. В процессе проектирования, закладки, строительства выполнялись особые обряды, роль которых состояла в том, чтобы привести в гармонию материальные аспекты деятельности и возвышенные цели и ценности, стоящие за этой деятельностью.

В индийских храмах широко используется скульптура, выполняющая эстетические, иллюстративные и культовые функции. Исключительную роль играют мурти – изображение Божества, выполненные квалифицированным специалистом в строгом соответствии со священными писаниями. В соответствии с традицией проводятся специальные обряды установления, и мурти становится "окном в духовный мир".

Очевидно, что храмовая архитектура полностью раскрывается в действующем храме, где она синтезирует и структурирует все

виды искусства (в европейском смысле), и дополняет их традиционной культурой произнесения мантр и гимнов, зажиганием благовоний и веками проверенной этикой.

В заключении отметим, что ведическая архитектура, как и ведическая культура в целом, сохраняет свою традиционность и проявляет удивительную устойчивость по отношению к внешним факторам, что указывает на её глубокую связь с наиболее фундаментальными принципами бытия.

АСТАШКЕВИЧ С.А.

Мир как органическое целое: русская философия и теистическое учение Веданты

В русской философии в развитии представлений об органической целостности мира можно выделить две линии: дуалистическую (Н.О. Лосский) и монистическую (космисты: К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский; В.И. Вернадский). Учение космистов привело к целому ряду интересных выводов, касающихся эволюции природы и общества, однако ставило своей целью скорее описать эту эволюцию, чем объяснить ее внутреннее содержание и причины. Н.О. Лосский, разрабатывая свою метафизическую систему, подошел к объяснению этих причин, которые во многих отношениях оказались близкими к выводам теистического учения веданты. Одна из последних опубликованных им работ даже так и называется Учение о перевоплощении.

DATTA Nilanjana Sikdar

Death Rituals-- A comparative study

Man is exposed to various levels of emotion concerning death .On one hand the dead was a near and dear person in this life for whom the successors want to ensure comfort and pleasure even after his departure; on the other hand the departed, due to his unfulfilled desire and lack of proper propitiation may turn hostile and fearful. They possess the unknown power to control the life of the survivors; so, there are sincere approaches to please the dead with suitable offerings. There are striking parallels in death customs of different countries through the ages. Water and fire is regarded as the purifier everywhere. Certain taboos are to be observed in daily life. Food and beverages are offered to the departed in various methods whether it be in India, Rome, Egypt, Afghanistan or Africa. In this connection historical development and psychological data should be considered. This paper approaches to find out some of them.

SHIOTSU Toru
(Hachioji)

Viewing The Significance Of The Ideas In The Lotus Sutra From The Eyes of Contemporary Constitutional Law

The theme of this paper is to discuss the significance of ideas contained in the Lotus Sutra as it pertains to human rights theory from the perspective of constitutional law. This will be accomplished by looking at the ideas contained within the Lotus Sutra and how they correspond to current thinking about human rights, and it will not be a literal analysis of specific passages from the text. In particular, I will focus on the ideas of the "one Buddha vehicle", "Buddha from timeless past", and "

hat people's social standing is not fixed, and that it is relative to surrounding circumstances. This premise also implies that all people are equal in this respect. The "one Buddha vehicle" idea opens the possibility for everyone to become a Buddha, thus expressing interchangeability as well as equality.

Secondly, the idea of a "Buddha from the timeless past" corresponds with the "narrative" theory. The narrative theory is an approach to viewing our existence as not something that starts in the present, but is the result of events that have taken place from earlier times, and constantly changes as time progresses into the future. This view fosters a mindset of looking at oneself within the greater historical context. For example, in social contract theory, it is assumed that a contract was established sometime in the past, and the terms of the actual contract itself is a non-issue.

By expanding on these ideas presented in the Lotus Sutra above, I will illustrate how they are connected to contemporary human rights theory from the standpoint of constitutional law. With Judeo-Christian notions most prevalent in contemporary discussions about human rights, my hope is that by providing a fresh Buddhist reinterpretation, the base from which we view human rights can be broadened.

ТЕН В.А.
(Сургут)

Об особенностях этнического самосознания корейцев в США

Подлинно массовая иммиграция корейцев в США началась после вступления в силу Закона об иммиграции 1965 года. Согласно переписи 2000 г. в США проживало около 1 млн. 126 тыс. так называемых "корейских американцев". Южнокорейские авторы оценивают их численность еще выше – не менее 2 млн. человек и утверждают, что корейская диаспора в США стала самой многочисленной, превзойдя даже давно существующую диаспору корейцев в Китае.

Вместе с тем продолжающаяся массовая, исчисляемая не менее двух десятков тысяч иммигрантов в год, корейская иммиграция в США делает корейскую диаспору в этой стране весьма неоднородной по нескольким параметрам, в частности, по признаку этнического / национального самосознания. Рассмотрению особенностей этнического самосознания корейцев в США и посвящено данное сообщение.

Современная корейская диаспора в США представляет собой неоднородное и сложное по составу этническое сообщество:

1. Корейцы – иммигранты первого поколения, являющиеся частью корейской нации, которые адаптировались экономически, в значительной степени социально интегрировались и в большой степени культурно ассимилировались. Они родились и выросли я Корее, имеют корейское национальное самосознание и представляют инонациональную группу (корейское меньшинство) в населении США. Многие из них являются гражданами США, то есть юридически входят в сообщества американских граждан

2. Корейцы – иммигранты формально первого поколения, но уже затронутые ассимиляционными процессами. Они родились в Корее ("полуторное" поколение), но были привезены в США в еще детском возрасте и стали взрослыми в США Они социально и экономически хорошо интегрированы в американское общество, бикультуральны и двуязычны. Они считают себя зарубежными корейцами, осознают себя и практически являются частью корейского этноса.

3. Корейцы – иммигранты во втором и третьем поколениях. Они в большой степени подверглись ассимиляции и поэтому осознают свою обособленность от корейской нации. Они родились и выросли в США, экономически, социально и культурно интегрировались в американское общество, они понимают и чувствуют свою обособленность от доминирующей части американской нации. Корейцы этой группы не хотят чувствовать себя чужаками в корейском этносе. Их этническое самосознание проявляется в идентификации себя в качестве "американских корейцев". Это быстрорастущая группа образует этническую группу, представляющую собой часть корейского этноса, которая в то время является корейской этнической группой, ассоциированной с североамериканской нацией.

Корейскую диаспору на территории США можно представить в виде совокупности местных корейских общин, состоящих из представителей этих трех различных по этническим характеристикам групп корейских иммигрантов и их потомков. Как правило, все они концентрируются вокруг корейских протестантских церквей. Ни один другой общинный институт или общественная организация корейской диаспоры не играет такой объединяющей роли, как корейская этническая церковь.

Поэтому она становится центром всех социально значимых этнических информационных связей местных корейцев, именно на нее вместе с локальной корейской общиной опирается Республика Корея в своих усилиях по поддержанию информационных, культурных, деловых отношений с американскими корейцами. Республика Корея служит важнейшим центром всей совокупности этнических связей корейцев США. Именно ее вовлеченность в жизнь корейской диаспоры обеспечивает существование корейцев США как особой разновидности этнической общности.

Конечно, в дальнейшем перспективы развития корейцев в США будут зависеть прежде всею от них самих. Но особые отношения между Республикой Корм и Соединенными Штатами, а также успешное экономическое развитие Кореи остаются важным фактором особенностей этнических процессов среди корейских иммигрантов в США и их потомков.

BOYKO Vladimir
(Barnaul)

Wikh Zalmiyan –
the failed experience of all-Afghan political party

Economical shortcomings and other challenges of WWII and consequent period sharpened social tensions within Afghan society, which, in their turn, were resulted in the growth of political consciousness and the rise of new political movements/groups, substantially varying from their ancestries – constitutionalists/Young Afghans and other trends of pre-/ Amanullah /early post-Amanullah era.

Under these circumstances in Afghanistan on 1946 was born and soon organizationally formed the largest political group of pre-republican period – Wikh Zalmiyan (Awakening Youth). Actually it meant the start of political institutionalization of Afghan society through modern patterns, such as political proto- and proper parties, some relate frameworks and phenomena (government – opposition co-existence, etc). It was Wikh Zalmiyan, that arose as the first substantial socio-political harvest of post – WWII era, tending to became a pioneer Afghan national-scale political party. In some relations it had been already developed and acted as such: structurally, organizationally, ideologically, politically and in sense of involved human resources, their broad social representation. Wikh Zalmiyan main accomplishment was well-shaped horizontal and vertical network, skilled parliamentary activities, promotion of fresh liberal and democratic ideas. But eventually, actually very soon, it failed because of its uncertain strategy and tactics, the lack of legal political experience and, finally, due the preventive counter-actions

of the ruling regime. The latter, in his turn, failed to renew its own political machinery (by forming Clop-e Melli – National Club and National-democratic party), and followed destructive line (banning of opposition newspapers, organizations, etc). Thus was buried the first promising experience of political institutionalization from below – under favorable circumstances Wikh Zalmyian-Clop-e Melli mutually-adaptive institualization would lead to two-party system in Afghanistan, or, at least, to an effort to introduce it

In late 1950s-early 1960s Afghan political scene as well consciousness was split into two sharply contrasting trends: left-radical, featured at 1965 in Peoples Democratic Party, and radical Islamist, both resulted subsequently in long-time political and then armed conflict. Such course of socio-political developments in post WWII Afghanistan retrospectively demonstrates, from one side, short-rootness and weakness of new phenomenon – political proto-parties, which promised to be converted into civilized government-opposition interconnection – the driving force of many modern states. But, from another side, right now this particular experience should be recalled as a great proof and example of Afghan developed political culture and heritage, convergent to various political traditions and geographical/regional specifics.

KUMARAN S.
(Kuala Lumpur)

The relationship between the Japanese Kojiki and Tamil classical literature

The Cankam poets in general, sing with a peculiar gusto about love and life. Life affirmation forms the predominant note. Time and space, the valley and the hill, the mountain and the forest, the fields and the sea-shore bubble with animating spirit even though they are inanimate. Nothing is scorned of or scoffed at, because the world of being is after all the creation of God. Man at any rate is part of Nature. The Tamils living within time and space wanted to transcend these and reach the timeless, the spaceless, transcendental absolute by leading of life of moral goodness. The term Cankam literature, as generally accepted, denotes the literary works included in the anthologies Ettuttokai (The Eight Collections) and the Pattuppattu (The Ten Idylls) belonging to a period ealier than 200 A.D. in the history of Tamil literature. The Eight Anthologies called Ettuttokai form part of the early Tamil literature known as Cankam literature written eighteen centuries ago. They consist of 2371 poems varying from small stanzas of three lines in Ainkurunuru to stanzas of forty lines in Purananuru. The Japanese ancient love songs of Kojiki or "Records of Ancient Matters", which was completed in A.D. 712. It is the most important because it has

preserved for us more faithfully than any other book the mythology, the manners, the language, and the traditional history of Ancient Japan. Indeed it is the earliest authentic connected literary product of that large division of the human race which has been variously denominated Turanian, Scythian and Altaic, and it even precedes by at least a century the most ancient extant literary compositions of non-Aryan India. Like Cankam classical poems, the poets of Kojiki songs also depicted the flora, fauna, natural resources and so on in their songs. There are many elements identical with Tamil Classical Poems. This article studies the similarities between the Tamil and Japanese Love songs. It also discusses the correspondence between these two literary fields. The poems based on the theme of love are all in the form of dramatic monologues. The hero, the heroine or the lady-companion seem to appear on the stage and express his or her feelings and thoughts. Appropriate natural scenery forms the background. The poets had no place on the poetic stage. He expresses his own ideas and feelings through of the characters imagined and created by him. The poet merges himself with the character he creates and does not as in subjective poetry or in ordinary narrative, describe or relate in his own person and from the outside.

MAEKAWA Kaname
(Hachioji)

Результаты 3-летних полевых исследований укрепления Сирануси

Университета Тюо и ЮСГПУ о совместных исследованиях, получил специальную субсидию от министерства науки и культуры для изучений по теме: "Археологическое изучение древних – средневековых связей между о. Сахалин и северо-восточными районами побережья Японского моря" (номер темы: №13371011). Перед нами стояли следующие конкретные цели:

1. было ли на Сахалине в эпоху средневековья распространение керамики, фарфора и металлических изделий произведенных в Японии;

2. на сколько часто на Сахалине встречаются керамика, фарфор, стеклянные бусы материкового происхождения;

3. связано ли между собой наличие на Сахалине земляных укреплений и квадратных в плане сооружений на юге Хоккайдо и севере Тохоку (Хонсю). Для выяснения этих вопросов, мы считали необходимым провести раскопки на укреплении Сирануси расположенном на крайнем юге Сахалина.

В результате проведенных раскопок выяснилось, что крепость Сирануси была построена в IX-XI вв., если исходить из того, что находки внутри укрепления, видимо, относятся к покровской

культуре. Судя по стратиграфической ситуации, имеется временная разница между периодами использования внутренней территории укрепления и постройкой вала со рвом. Вал был построен способом многоразовой утрамбовки земли.

Технология утрамбовки земли фиксируемая на постройке вала никоем образом не связана со строительными методами местных жителей Сахалина. На это указывают исследования земляного вала на поселении Белокаменная-часи, который был сооружен в период минами-кайдзука. Для постройки вала на Сирануси, по уверениям д-ра А. Ивлиева, была применена высокая технология характерная для Цзинь или Юань. К тому же выяснилось, что были использованы меры длины относящиеся к периоду этих династий (вторая половина Цзинь и перид Юань). Эти факты показывают также, что вал был построен по технологии, которая применялась при строительстве на материке.

НЕМИРОВСКИЙ А.А.
(Москва)

Забытый покоритель мира: историческая достоверность традиции о Лугальаннемунду, царе Адаба

1. Три старовавилонских таблички (CBS 474, 1217, 342) содержат текст, по форме являющийся копией некой надписи Лугальаннемунду, царя шумерского города Адаба (ок. 2400 до н.э., более чем за полтысячелетия до появления названных табличек). В тексте приводится перечень подвластных царю регионов, охватывающий весь непосредственно окружающий Месопотамию мир: "Гора Кедра, Элам, Мархаши, Гутиум, Субарту, МАР.ТУ (=Амурру), Сутиум и Гора Эанны" – что приписывает ему такие же колоссальные завоевания (от Средиземного моря до Южноцентрального Ирана), какие совершил впоследствии Саргон Аккадский. Об историческом Лугальаннемунду известно по упоминанию в "Шумерском Царском Списке" лишь то, что он добился гегемонии над Шумером, но утратил ее, потерпев поражение от Мари.

2. Теоретически рассматриваемый текст действительно может воспроизводить подлинные тексты Лугальаннемунду, но может быть и старовавилонской литературной фикцией, по форме являющейся имитацией старинной надписи, а по содержанию – вымыслом старовавилонских авторов. Незначительность Адаба и отсутствие любых других сведений о "мировых" завоеваниях Лугальаннемунду заставляют специалистов твердо принимать второй вариант. Вышеупомянутый список регионов при этом считается старовавилонской компиляцией.

3. На деле, однако, этот список (перечисляющий окружающие Месопотамию регионы "против часовой стрелки", отсчитывая от Персидского залива) не мог быть составлен позже Раннединастического периода (т.е. эпохи реального Лугальаннемунду!). "Гора Кедра" по своему месту в перечне оказывается восточной страной, что мыслимо только в досаргоновском словоупотреблении (начиная с аккадской эпохи это наименование переносится на кедровые горы Сирии); "Сутиум" и "Амуру" представлены в перечне как два разных региона, что отвечает этнической и терминологической ситуации, существовавшей не позднее 22/21 вв. до н.э. (уже к урской эпохе термины "сути" и "амореи" слились по значению); "Гора Эанны" по названию и месту в перечне должна идентифицироваться как крайний северо-восток Аравии, осознанный как особый регион, но такое региональное членение было мыслимо лишь в досаргоновскую эпоху (указанная область, процветавшая в V-IV тыс., затем запустела и не упоминается уже в источниках саргоновского времени, не говоря о более поздних, тем более как стандартная макроединица регионального членения).

4. Считать, что при сочинении литературно-исторической фикции старовавилонские авторы пользовались раннединастическим перечнем, ни по географическому членению, ни по терминологии не вписывающимся в представления их эпохи, и произвольно приписали его в качестве перечня завоеваний незначительному царю далекого прошлого, невозможно. Итак, рассматриваемый текст, по крайней мере в основном, восходит к реальным памятникам и деяниям Лугальаннемунду, и этого царя надо признать первым известным нам месопотамским "миропокорителем". Общие соображения этому не противоречат: история любых времен знает примеры гигантских, но эфемерных надрегиональных объединений, переставших существовать еще при жизни их создателей (от Лугальзагеси до Наполеона или Гитлера), а все территории, чье завоевание приписывается Лугальаннемунду, веком позже достоверно покорил с не меньшей быстротой Саргон Аккадский. То, что великодержавие Лугальаннемунду не отразилось в других известных нам источниках, объясняется его эфемерностью и малочисленностью самих этих источников.

5. Согласно "Шумерскому Царскому Списку" гегемонию Лугальаннемунду ниспровергло Мари, которое само должно было, судя по рассмотренному тексту, покоряться адабскому царю. Таким образом, объединение Лугальаннемунду было уничтожено внутренним развалом, что также находит прямую аналогию в истории Аккадской "мировой" державы.

KATO Hirofumi
(Sapporo)

Ancient Culture around the Circum Japan Sea Area

Historic developments in northern Asia are characterized by border-crossing movements, and the perspective of recent research also has dealt with this broad spatial development of humans and mate-

rials. The main issues currently facing North Asian archaeology are varied, spanning the period from the first appearance of humankind in the region to the formation of the medieval world. They may be listed as follows.

(1) problems of the period of humanoid immigration to higher latitudes in the northern Asia region centered around Siberia
(2) problems of the origin and diffusion of modern homo sapiens in the Asian region in the subsequent period
(3) problems of the adaptive behavior and the technological innovation of humankind in the period of postglacial environmental change
(4) problems of the multiplicity of the activities of northern hunting-gathering people including their adaptation to the marine environment
(5) problems of the formation of regional cultural spheres and inter-regional relationships
(6) problems of the formation of states and so-called ethnic groups

In this presentation, I would like to focuses on changes and new trends in archaeological research in northern Asia, and addresses the new wave of research sweeping over that region of northern Asia that was once incorporated within the territory of the former USSR.

First of all, about the Transition period from Middle to Late Paleolithic age, We can treat the problems of diffusion of modern homo sapiens in northern Asia on the basis of new trends in research. In the final stage of the Paleolithic age also Masaki deal with environmental change in the postglacial period and the consequent technological innovation and human adaptation to the environmental change by directing attention to the stone implements characterized by bifacial industry. Of course, there are surely many important issues that have not been addressed in this presentation.

СОКОЛ В.Б.
(Тюмень)

Причина временности марксизма православной России в свете философии древнеиндийских Вед.

Западная культура знает только одну философию, которая полностью получилась в ней и стала, в этом смысле, абсолютной; это "марксизм". К этому убеждению пришел Давид Бениаминович Зильберман (1938-1977), которого в США сравнивали с Максом Вебером, поводом к чему стал известный труд Зильбермана "Православная этика и материя коммунизма", восторженно воспринятый современными философами как блестящая параллель веберовской "Протестантской этики и духа капитализма". Д. Зильберман был близко знаком с Н. Хомским, общался с Ю. Хабермасом, Т. Куном, тесно сотрудничал с профессором Гарварда Романом Якобсоном, который в своем специальном исследовании наследия Зильберман писал: "Давид Зильберман, несомненно, истинный эксперт в

сравнительном анализе древнегреческой, классической немецкой, французской и английской философии с восточными философскими традициями, особенно индийской мыслью, от ведического периода до современности. Его исследования этих грандиозных проблем привели к впечатляющим и плодотворным открытиям и результатам".

Основным направлением исследования в работах Зильбермана является разработка нового метода философствования, который автор называет "модальным методологизированием", "философологией (наукой о философиях)", "суммой философий" и др. Философ анализирует культурные традиции и исследует концепции аналогии. Каждая философская концепция, принятая и оцененная культурой, представляет собой целый мир, который может быть впоследствии оживлен в целом или фрагментах жизни культуры. Философия оказывается профессионально ответственной за функционирование культурного целого, рассматриваемого со стороны благополучия его знаниевого существования, и в этом аспекте различные философии, так или иначе вовлеченные в смысловую ткань культурного существования , должны активно коммуницировать друг с другом. И если этого по специфическим причинам (анализу которых Зильберман уделяет специальное внимание) не случилось на Западе (за исключением марксизма, да и то только отчасти), то культурная реализация философии вполне осуществилась в классической индийской культуре. Автор показывает комплементарность шести даршан индийской философии, известных в классике как веданта, ньяя, вайшешика, йога, миманса и санкхья, раскрывает их совместные усилия по созданию и поддержанию смысловой ткани классической индийской культуры.

В методологии Зильбермана различается "историческая" и "преобразующая" модализации. В первом случае модализация имеет преимущественно исторический интерес, причем в самых разных смыслах этого слова и как историческое слежение за тем, как протекала модальная жизнь конкретных философий, и с позиций исторической реконструкции того, что уже отъявлено самими этими философиями. В ситуации же "преобразующей" модализации происходит вполне реальное изменение устоявшихся представлений о той или иной философской системе, даже если при этом "все оставлено, как есть" (Д. Зильберман особенно любил и часто цитировал эту фразу Л. Витгенштейна) в ее истинной, глубинной структуре и судьбе.

Хотя философии западной культуры, по причине их деонтической недостаточности, были оторваны от своей культурной почвы, многие отмысленные ими значения проникали в эту культуру. Д. Зильберман говорит в этой связи о возможности культурной модализации картезианства, ответственного за индивидуализм этой культуры, пришедший в философию Декарта из личного факта его биографии (утраты веры и потому полагания только на свои соб-

ственные силы, что и оказалось стержнем его философских концепций). Культурная модализация такого толка весьма показательна для западной культуры, прежде всего своей фрагментарностью; ведь эта культура почти никогда не прислушивалась к своим философиям. И все же даже в этой культуре однажды случилось так, что одна ее философия оказалась полностью "оживленной", "сюр-реализованной" в структурах ее значений. Западная культура, по мнению Д. Зильбермана, знает только одну философию, которая в ней полностью состоялась и это – марксизм.

Д. Зильберман стал интересоваться марксизмом, по его собственному признанию, только тогда, когда уехал из СССР, что связано именно с началом его модальных занятий. Этот интерес не означает, однако, концептуального принятия марксизма. Д. Зильберман никак не мог быть марксистом по простой причине: модальная методология идет намного дальше марксизма. Если Маркс призывал, в обратной исторической перспективе, продвинуться дальше, чем Гуссерль (выдвинувший лозунг "Назад, к вещам") – к человеческим отношениям, которые уже за вещами, то модальная методология обращается к структурам создания этих отношений, и всего человеческого – к философиям. Этот интерес к модализации марксизма и привел Зильбермана к своему главному тексту по данной проблематике – "Православная этика и материя коммунизма" (опубликован в США в 1977 году). Анализ этой "сюр-реализации", как уже отмечалось, дал повод для сравнения Д. Зильбермана с Максом Вебером (с его "Протестантской этикой и духом капитализма"). Замена "духа" "материей" в заглавии Д. Зильбермана весьма примечательна – философский комплекс православной этики, продолженный марксизмом и "оживленный" в советском типе общественного устройства, рассматривается им как "универсальный смысловой код" этой культуры, приравненный в этом качестве к материальной основе жизни ("материи коммунизма").

Здесь интересно то, что наследует марксизм не философии, а религии, соответствующие православной этике. Когда связь философии с жизнью, "умной жизнесообразностью" прервалась во всей западной (вначале-античной) культуре (так что остается только гадать, как, например, могло выглядеть общество, если бы функции "системы культуры" в нем были представлены гегелевской логикой), философская готовность всепонимания была, по словам Зильбермана, отдана теологии [там же, с. 48]. Марксизм в этом смысле был уникальной философией данной культуры, "причастившейся" к этой готовности через особое отношение к смысловым структурам, генерировавшимся православием, а именно через их реставрацию как починку ткани значений традиционной культуры, усиленно размывавшейся влиянием чуждой ей культуры Запада.

Вообще, проблема взаимоотношений философии и религии – интереснейшая в модальной методологии. С ее точки зрения, например, то "сотрудничество", в которое вступили марксизм и право-

славие, отнюдь не характерно как норма взаимоотношений философии и религии. Все должно быть наоборот: модально-отъявленная философия становится религией. И не в ожидаемом смысле замены церковных догм философскими установлениями, а как в Индии: "Представь себе, философия времени, доросшая до религии времени, то же и для причины (судьбы), личности, пространства "со всеми проистекающими духовно-семантическими, сознанческими и ритуально-культовыми следствиями" [там же, с. 89].

С модальной точки зрения "сюр-реализация" марксизма в культуре не могла не потерпеть фиаско по причине "неполножизненности" присутствия системы смыслозначений, наличии всего лишь одной "философской" роли, которых для полной жизни с точки зрения совершенства модальных комбинаций должно быть шесть, что отражает шесть способов философского мышления в принципе. Зильберман подробно доказывает это фундаментальное положение своей "сверхфилософии" на примере полностью состоявшейся в своей жизни и в реальном функционировании в социуме философии индийских Вед, которая представляет собой взаимодополняемое, взаиморефлексивное "сотрудничество" шести философских систем ("даршан").

"Даршана" на санскрите означает "рефлексия", определяется Зильберманом как "воззрение" на Веды и через них. Для понимания технической стороны вопроса важно учитывать, что "воззревать" Веды можно по-разному: в зависимости от того, какая из возможных интерпретаций доминирует – Веды как значение (N), знание или смысл (I) и знак (V). Даршаны выступают как различные комбинации типов интерпретации (мышления): 1 даршана – веданта – значение проникнуто смыслом при непомысляемой знаковости, на языке Запада – "Методолог"; 2 даршана –миманса – смысл, проникнутый значением при непомышляемой знаковости – "Гомолог"; 3 даршана – санкхья – значение, явленное в знаке при абсурд-смысле – Теоретик; 4 даршана – йога – знак, явленный в значении, при абсурд-смысле – "Прагматик"; 5 даршана – ньяя – знаковость, явленная в смысле, при абсурд-значимости – "Логик"; 6 даршана – вайшешика – смысл, явленный в знаковости, тоже при абсурд-значимости – "Эмпирик". Корпусы текстов всех школ увязаны друг с другом через посредство их "корневых" основ, однако содержащееся в них знание "трансцендентально" (то есть "абсолютно-истинно") только для текстов "своей" школы, для всех остальных оно "трансактивно" ("конвенционально-истинно" или "абсолютно-неистинно") и является предметом их рефлексии. Комбинация специфичности "воззревания" Вед и сдвижек от "абсолютного" к "трансактивному" в рамках каждой даршаны дает модальные формулы, на основании которых Зильберман идентифицирует "шестерицу" "философских ролей":

1) (I) N	2) (N) I	3) (N) V	4) (V) N	5) (V) I	6) (I) V
V	V	I	I	N	N
Веданта	миманса	санкхья	йога	ньяя	вайшешика
Методолог	Гомолог	Теоретик	Прагматик	Логик	Эмпирик

Им соответствуют следующие шесть типов мышления: методологический, понятийный, имажинативный, проективный, организационный и феноменологический. "Шестерица" "философских ролей" исчерпывает, по Зильберману, структуру философского сознания (типов мышления), рассматриваемого с модальной точки зрения. Три модальности считаются Д. Зильберманом достаточными для свободной игры философского творчества – деонтическая (необходимость, N), аподиктическая (актуальность, I), гипотетическая (возможность, V). Совпадение символов модальностей (N, I, V) с ракурсами "воззревания" Вед – отнюдь не случайно. Исключительность индуистских философов, по Зильберману, "в том, что они единственные открыли в философской материи принцип духовной организации, при котором философские системы, как лица, наклонены друг к другу в вечном и автономном зеркальном глядении" [там же, с. 26].

Итак, "сюр-реализация" марксизма в культуре из-за наличия функционирования только лишь одной "философской роли" не должна была "выжить", тем не менее удивительно, что такая масштабная (общекультурная) "сюр-реализация" все таки случилась в культуре, где, по вышеупомянутым причинам модального порядка, философия была отлучена от деонтики смыслоозначения. Д. Зильберман подробно, с привлечением большого исторического материала, останавливается на модальном показе того, как и почему прижился марксизм на русской почве. Но даже не этот анализ "марксистского пришествия" – самое любопытное в исследовании Зильбермана. Самое интересное в модальном плане здесь – это анализ того, каким образом марксизм пытался восполнить недостающие ему модальные потенции для того, чтобы удержаться в качестве "универсального смыслового кода" культуры. Эта попытка приобрела очень необычные, хотя и вполне ожиданные модальные формы, – формы бесчисленных отражений себя самой в самых различных культурных феноменах.

FRIEDMANN Yohanan
(Israel)

Conditions of conversion in early Islam

In many expositions of Islam, the attestation (shahada) saying that "there is no god but Allah and Muhammad is the messenger of Allah" is considered the formula which transforme unbelievers into members of the Muslim community.

The paper shows that the matter is more complicated. It seems that in the traditions purporting to describe the earliest stage of Muslim history, when the opponents of Islam were the Arab polytheists, the first part of the shahada, attesting to the unity of God, was sufficient to consider those who uttered it a Muslim. When the Prophet encountered the Jews of Medina, he demanded that they also recognize his prophethood: being monotheists, uttering only the declaration of Allah's oneness did not indicate their renunciation of the Jewish faith. Later, even the pronunciation of both parts of the shahada was not considered sufficient: the shahada may imply that the Jews recognized Muhammad as a prophet, but restricted his mission to the Arabs only. It was therefore required of them not only to pronounce both parts of the shahada, but also explicitly to renounce their former faith.

The paper also discusses the ways in which other formulae of conversion, such as "aslamtu", were understood and interpreted.

CRUZ da ASSUN PAZ Regina Marilia de Sousa
(China)

Anatomy of Loneliness in Macao

The phenomenon of loneliness is multidimensional and, despite being an important, and quite common, type of social anxiety and distress, it is interesting to note that, from the social sciences points of view, rather insufficient attention has been given to it. The concept of loneliness and the damage and tragedies it may cause to individuals and specific groups are, as yet, somewhat underdeveloped themes.

This paper focuses on the on the analysis of the responses given by a sample of 1020 Chinese adults (18 years, old and above), resident in Macao, to a Chinese adaptation of the U.C.L.A. Loneliness Scale. This questionnaire was launched in 2003.

It brief, this work approaches the notion of what loneliness is, the difference between it and solitude, the different types of loneliness, the constellation of its causes and determinants and a sketch on the Macao context and its people, before progressing to general and specific findings on the quantitative results on the questionnaire.

Finally, it focuses on the personal and social variables shown to be statistically significant to the reply frame, as well as on their impacts on different loneliness factors. The paper closes with conjectures and interpretation on the potential "whys" of the findings.

LESNER Renata
(Torun)

Gamelen as a Part of Cultural Identity on Java
(on the basis of own research design)

1. Java – introduction
2. 'Orang Jawa'and elements of his cultural identity
3. What is gamelan?
4. Javanese concept of world and time
   -'gunungan' as a "javanese mandala"

-'irama' (basic pulse)
-'pathet' (modal clasification system)
5. Gamelan – one of manifestations of 'kas-egrave; kten' (supernatural, charismatic power)
6. Gamelan education
7. Gamelan as a part of cultural politic in Indonesia
8. Summing-up

АЛИМОВА Д.
(Узбекистан)

Генетическая основа интеллектуально-социального протеста и слияние философских идей Запада и Востока в воззрениях Джадидов

История человечества почти на всех своих этапах переживала процессы развития, толчком к которым служило взаимовлияние различных культур в различных ее регионах. Расчленение мира на две части – "христианскую Европу" и "мусульманский Восток" – в свою очередь оказало огромное воздействие на культуры обеих частей.

Восток, и в частности Центральная Азия, пережив в X–XIV вв. фазу мощного культурного подъема уступил место Западу. Запад, в свою очередь, освоив научные достижения Востока, вступил в новую эру, названную в Европе эпохой Возрождения.

Однако столь сильные в культурном отношении части планеты заняли к XIX веку неравное положение. Развитие научного метода познания, повлекшее за собой бурное развитие машинного производства в XIX веке, набирающее силу нерегулируемое товарное производство, географические открытия привели к насильственной экспансии, разделив большинство стран на производителей промышленной продукции и поставщиков сырья.

Столкновение с Западом обнаружило экономическую и технологическую отсталость среднеазиатских государств, по причине чего они стали колонией России.

Ответом среднеазиатского Востока на исторический вызов стало широчайшее общественное движение за национальный и культурный подъем и национальное освобождение. Цивилизация здесь опиралась на богатейшее культурное наследие и располагала огромными мобилизующими ресурсами: наследием философского рационализма, регулирующего возможности философского права, механизмами социальной самоорганизации, основанными на древних национальных традициях, плюс наличие природных богатств и многомиллионного населения.

Этот интеллектуально-социальный взрыв в начале XX в. в Туркестане, проявлением которого был джадидизм, был периодом духовного ренессанса, приведший интеллигенцию к политическому

осознанию положения страны и рождению первых программных попыток осуществления проекта реформирования общества. Теоретические воззрения джадидов имели две значительные особенности: глубокую генетическую основу и овладение теоретическим наследием как восточных, так и западных просветителей и философов. В симбиозе западной и восточной культур, через использование достижений каждой из них они видели основу прогресса.

Объективно, в реальной геополитической ситуации тех лет, выход Средней Азии к западной цивилизации осуществлялся через Россию, и джадиды предпочитали первоначально компромисс, с царской администрацией.

Все это еще больше сближало прогрессистов Туркестана с народно-прогрессивным движением в самой метрополии. Они были склонны делать выводы об исторических связях Средней Азии с Западной Европой, фокусируя их на современность. Они небезосновательно считали, что именно исламская культура спасла для Европы Платона и Аристотеля, и сами являлись не просто почитателями, но и новыми пропагандистами их теорий. Махмудходжа Бехбуди увлекался работами И. Канта. Фитрат – Ш. Сеньобосса, А. Авлоний – Платона, Сократа и Аристотеля, уделяя особое внимание их взглядам на образование, просвещение и воспитание.

В то же время, освобождая религиозные воззрения от схоластики, они пытались вернуть исламу общегуманистическую ценность, то, что они видели и в культурном наследии Запада.

Переход общества в кардинально лучшее состояние по мнению джадида должен происходить, в первую очередь, на основе реформ в области образования и просвещения, через '"освоение научных достижений и передовой техники, через воспитание духовности у молодого поколения. М. Бехбуди считал, что нациям, не вбирающим в себя новейшие достижения науки и техники, уготована участь прозябающих на задворках мировой цивилизации. Поскольку техника, развивалась на Западе, то и взоры прогрессистов были устремлены туда

На политической фазе движения концепция государственного строительства джадидов также была основана на мировом и российском опыте. После февральской революции 1917 г. в России они в своей программе выдвигали принципы развитого демократического общества с его гарантиями прав и свобод.

Национально-прогрессивное движение, основанное джадидами, способствовало росту национального самосознания, сыграло существенную роль в становлении и развитии национально-освободительной идеологии. Их концепция национально-государственного строительства была серьезной альтернативой большевистскому режиму и именно поэтому они были уничтожены в 20-х годах политически, в 1937 году физически.

CHOBANYAN Pavlik
(Armenia)

The Armenian Merchants in the Russian-Indian trade relations

Still the XVI – XVII centuries Armenian merchants had an important role in the East – West trade relations. A part of the Silk Road was also passing through Armenia, and Armenian merchants were the permanent participators of it. The scope of participation of Armenians in the international trade grew when the Armenian Diasporas in different countries established.

In the first centuries of the XVIII–XIX, trade relations in direction to East countries and the Russian policy stimulated establishment of Armenian merchants? participation in new directions.

On the basis of archive data a number of trade travels made by Armenian merchants from India and China through Central Asia to Russia, their directions, brought goods and the customs paid by them are presented in the report.

Armenian traveler-merchants, participation in diplomatic and political relations between Russia and Middle Asia Countres are also presented.

KARAPETIAN Rouben
(Armenia)

Armenian communities of South and South-East Asia in 17-19 Centuries

Long before the European penetration and the process of active colonization by the European powers there were an organized and influential Armenian communities in India, China and the countries of South-East Asia. Armenians were not only involved in the substantial trade relations with the specified countries, but they founded industrial enterprises and factories, created an outstanding buildings and engineering constructions, printing books and newspapers, opened schools and churches. Armenians played an important role in the development of political, economic and cultural life of that countries.

The presence of Armenian communities in the region their close cooperation with the local population manifested the productive and effective interaction between the peoples of different cultures and religions long before the European ideas of human equality and brotherhood.

While recalling the brilliant definition of Armenian national identity by Rene Grousse (French orientalist of the beginning of 20 century) "Asians in Europe and Europeans in Asia", Armenians through their deep knowledge of the host countries, their traditions and languages, their culture and mentality, brought Europe closer to Asia. Armenians provided first and invaluable assistance for that interaction.

Although the Armenian trade was the first victim of further European advancement into the continent, Armenians through their renewed culture and infatigable behavior were the first to embrace modernization and progress.

***NUGMANOVA* G.G.**
(Russia)

The dwelling architecture of Kazan Tatars

The author researches the evolution of Tatar architecture under the influence of Russian architectural ideology and Muslim tradition on the base of new archive documents.

Kazan is one of the largest historical cities of Russia. It's age exceeds 1000 years. In the XII-th century Kazan was the capital of Tatar state. In 1552 it was joined to Russia. The Tatars were evicted out of the city. They founded new settlement near Kazan absorbed again by the city at the end of the XVIII-th century. Further development of Tatar and Russian cultures proceeded in common space. But the Russian culture was genetically connected with the state power, while the Tatar one became the culture of minority.

The Russian influence reached to the most extent just in architecture of the Tatar dwellings of the XIX-th century, because the state controlled the architecture. All new urban houses had to be built in accordance with standard designs sent from Saint-Petersburg and performed first in classic and then in eclectic styles.

The classicism excluded any visible deviations from the classic standards. The inward planning of the house was the only apparency for national originality. Thus, the manor often stood at the middle of the estate in accordance with ancient tradition and the easement with classical facade was on the street line. The manor standing on the street line had the entrances by the yard unlike the Russian houses. The classical house had not annexes and both male and female stairwells were hidden.

The eclectism made possible the external expression of the muslim separation of living zone into male and female parts. The manor got two prominences with corresponding stairwells on the yard facade. They were joint by wooden galleries invisible from the street.

This type of house underlied the dwelling of following periods passing into the Art Nouveau mansions and the planning of the Tatar apartments.

Thus, the original Tatar urban house was developed just in the eclectism period but it was far from deliberate manifestation of national and confessional peculiarity.

The visualization of national features in architecture became urgent at the beginning of XX-th century with the growth of national consciousness. The new elements of national romanticism lied within the bounds of Art Nouveau. This style with it's interest to national

originality and oriental art proved to be close to the nationalistic Tatar builders. The bay windows and the Arabic character on pediments were widespread, the galleries passed on to the street facades.

Thus, the history of Tatar dwelling architecture is a history of interaction and struggle of two tendencies. The first one was the wish of Russian authorities to give the cities the European appearance. The second tendency is determined by a people's aspiration to preserve it's way of life. The aspiration gradually became deliberate and brought to the appearance of the national originality not in the interiority of Tatar houses and estates but in the external decoration, too.

BARLA Marcus
(India)

Grain Bank: A panacea for reducing food in insecurity among the Tribals of Jharkhand, India

Grain Bank refers to contributing and storing grains by the cultivators to secure food and seed for the lean season by the members. It may also check seasonal migration, exploitation by the moneylenders and develop saving-investment spirit and entrepreneurship skill among the members. The members jointly contribute some portion of grains preferably paddy and ragi during the harvest season to raise a village base fund in the form of grains. The members of the grain bank borrow the required amount of grain during the lean season and repay the loan along with the interest in the form of grain during the next harvest. When the fund becomes large amount the surplus fund may be issued to the needy people of the neighbouring villages with higher interest to earn profit. The surplus fund may be sold when the price of the grain is high. The money earned by selling the surplus grain and remaining fund may be considered as security for sanctioning loans for the members of the grain bank from the formal banks.

The Grain Bank Scheme was an age-old practice among the tribal cultivators of Jharkhand. The grain bank scheme was prevalent among the Mundas and other major tribes of Jharkhand state of India in earlier days. The tribal cultivators used to contribute some portion of paddy and ragi during the harvest season to raise grain fund called "Gola Baba" or "Gola Dhan" to combat the hunger and starvation during the lean season. Once the fund was raised the needy members used to borrow the required amount of loan from the fund. A committee of three or five members was formed for the management of the grain bank. Generally, the elderly members were elected as committee members. The management and operation of the Grain Bank was carried out on a democratic fashion. The men and women both were eligible for the managing committee. The loan was repaid along with the interest during the harvest season in the form of grain. The members in the group meeting determined the interest. The interest rate was very low, 3 to 5 percent on the total borrowed fund. This scheme

became less popular after the expansion of formal bank branches in the rural areas after 1969. Poor management, negligence in payment of loans and interest, absence of proper record and unscientific account keeping were also some of the reasons.

The Central Scheme of Grain Banks in the tribal villages was launched in 1996-97 by the Government of India in the 13 states of the country. By 2002, 645 Grain Banks had been set up in the tribal villages of the country. The then Finance Minister Shri Yaswant Sinha also highlighted the relevance of the grain bank in his budget speech 2002-2003.

The scheme of grain bank is still important and relevant among the tribal cultivators because even today the major tribal groups of Jharkhand depend on agriculture for their survivable. Therefore, the tribal cultivators may contribute some portion of grains to raise the common village fund in the form of grains by minimizing their frugal consumption during the harvest season.

ANTYPA Urania
(Greece)

"Is diversity unity or adversity" Case of Cambodia before and during the French colonization?

As Cambodia is a country open to strangers, foreign people were established there centuries ago. The most important foreign groups were Chinese, Vietnamese Chams and Malays.

This population arrived to Cambodia in order to escape from religious persecutions in their country, foreign invasions, civil wars, overpopulation? Often they were attracted to this country by profit.

Even until the 19th century Cambodian traditional laws accepted as Khmer every person who had assimilated the Khmer customs and this without examining the date of his arrival. This situation changed during the French Protectorate. Foreigners were submitted to the same laws as in the Metropolis.

Strangers lived generally in peace, even if they had different religion, but sometimes they provoked serious troubles. (i.e. in 1858 the revolution of Chams and Malays).

They had various professional activities. In some cases they had a strong social and economical power.

They occupied important functions in the Administration. This was the case of the Chinese and Siamese but during the Protectorate Vietnamese substituted them.

The commerce of Cambodia was in its great part in the hands of Chinese, Chams and Malays.

They controlled even some traditional professional activities of the country such as fishing and wood-cutting.

During French colonization, French people organized the Administration and the economy of the country imposing their own rules.

They encouraged immigration because they had an increased need of civil servants and private sector employees. Progressively, they emphasized economic colonization and foreign workers took the place of local Khmer people. According to French statistics, in 1929 67% of the workers in Cambodia were foreigners.

As the immigrants socioeconomic habits were different for the Khmers, the administrative profile of the country was altered. Cities were formed and immigrants were concentrated in the big local centers and the fertile regions.

According to a demographic study by Adhemard Leclere, in Phnom Pehn in 1901, out of 31270 inhabitants 14800 were foreigners and half of those were Chinese. In 1940, out of 120.000 Phnom Pehn inhabitants 73000 were foreigners. According to French statistics, at the same time 15,5% of the Cambodian population were foreigners.

Besides the foreign population, we must mention tribes that lived in the mountains of Cambodia. They had no contact with the inhabitants of the plains and avoided them.

Generally, all these minorities and foreigners had a common point: they lived in groups isolated from Khmer people and kept their own customs, religion and language.

The exception was Chinese who tried to be married to local women, in order to facilitate their commerce with Khmer people.

In this paper, I shall analyze the situation that was created in the country between these minorities and Khmer people.

Does unity exist in this socio-economic separation or it is an apparent fact who leads to a hidden adversity?

MURADYAN Paruyr
(Armenia)

Stages and features of "Caucasian cultural world" formation

The formulation of "Caucasian Cultural World" concept emerged and was filled with contents in Marr's Schools of Oriental and Caucasian Studies scientific laboratory in the course of the process of departure from the methodology applied by the previous generation of the traditionalist researchers when the national historical and cultural constructions were not being attached to the level of the creative life activity of any ethnic unit and distinctive features of interethnic cultural interaction were not taken into consideration.

The impressive achievements of the Russian School of Oriental Studies by the end of XIX century and prevalence of scientific universalism in the methodology enriched the background of the Caucasian studies considerably, rising and scientifically justifying the concept of cultural affinity of the Caucasus inhabitants.

When speaking on origins and stages of ethnic and cultural identity development in the region, a number of factors of cultural significance should be taken into consideration. Thus, e.g. cult ideas and

mythologems undergone obvious concealing under impact of the Hellenistic cultural elements as well as the layer of religious doctrines of Zoroastrian Persians.

The second stage of overcoming the cultural disintegration is related to christianization of the region, to the epoch, when in Marr's words, "they were unified by consensual understanding of the Christian principles and equivalent version of the Holy Bible in literature and akin, often alike artistic forms in art". Unlike the church practices of the Christian West, in the epoch of Early Middle Ages, so called principle peoples of Caucasus (i.e. Armenians, Georgians and Albanians) not only nationalized the Church from the point of service language, but also created their own version of Mashtots script, own book-learning and undertook translation of the Holy Writings in a single impetus. The cultural integrity of the region has not undergone essential changes even in the time when new units – Khazars and Huns first of all appeared, although, their presence probably complicated the consolidation process of the Albanian tribes to some degree.

The correlation of "Caucasian Cultural World" distinctive elements in various epochs were defined by several factors, including that of ethno-confessional significance. In the period of the Arab conquest, settlements of adherents to Islam emerged in the region that in future served as a stimulating springs of ethnic identity change mainly in the Eastern part of Transcaucasia.

This process intensified after emerging of Turkic speaking ethnic masses – Seljuks, Mongols and Tatars, however the interaction within the cultural world frameworks continued also in the Late Middle Ages, although at times the identity was no more being built on "consensual understanding of the Holy Writing".

ABBAS Najam
(London)

Promoting democratization of the Muslim world: Between Rhetoric and Reality

Observers of the recent US engagement in Muslim countries are questioning dimensions of and approaches to the war against terror when weighed against its likely impact on the future of democracy strengthening prospects. For long, the people's penchant for security has been exploited to trade off for lesser political participation using fear as a tool to justify extension and expansion of authority where consideration for security has been used as an argument and trade off to defer, if not deny, political pluralism. It is underlined that unless the core weaknesses are treated, certain underlying shortcomings will continue to mars the prospects of genuine participation and decision making of the population.

The paper intends to inquire if bolstering security also serves for boosting democracy. Acknowledging that Islamic associations of

all shades are embedded in the population of the Muslim world, the paper questions if any meaningful overtures are made to engage them in constructive and meaningful exchanges and whether inclusiveness as a solution rather than symbol will give way to present exclusiveness? The paper argues for finding a new framework, setting up of new rules of engagement, applying new yardsticks for more meaningful participation and opportunity to exercise their will as there is a need for devising approaches to analysis the progress towards participatory democracy in real as against display politics.

Though elections might be a regular feature, one should not suffice with symbols and symptoms of political exercise and make appropriate room for functions of and spirit of democracy. What we observe in most Muslim countries are the symbolic structures with little political space provided. It is being said that measures have not contributed to strengthen democratic institutions and remains detached from the common majority, their preferences and aspirations. Is democracy an end or a means? Will the populace continue to be passive in return for promises of socio-economic betterment? Taking the case of three Muslim countries, it is argued that the practice continue of show-casing, and display of the symbolic rather than real functions of the democracy without any intention of and according for true representation and real delegation to the people. The paper will invite attention to key questions asking: if there are any channels for participation or form of representation for the people?

One needs to ask if limitations on free expression will be relaxed and if the legislatures will be empowered to formulate policies and make decisions. Or will there be measure to push the democratic threshold farther for more active political participation? Instead of continuing to pursue democratization as a process, will the development advocates and change agents facilitate essential linkages to make democracy a relevant rather than imaginary component impacting common lives?

The paper will recommend adjustments in the approach of international organizations promoting democratization of the Muslim world by making the shifts from romanticism to realism in democratization and from symbolic decoration to delegation in political participation.

РАДЖАБЕКОВ Г.Д.
(Таджикистан)

Топливно-энергетический баланс Афганистана (ретроспективный анализ)

Анализ приходной и расходной части топливно-энергетического баланса Афганистана в ретроспективном плане показывает, что изменение структуры добычи, производства и потребления энергоресурсов в стране сопровождались следующими основными условиями:

1. Наблюдающаяся тенденция повышения роли древесного топлива в приходной части замечается также и в расходной части топливно-энергетического баланса Афганистана. Следует подчеркнуть, что все древесное топливо, независимо от видов, почти полностью потреблялось внутри страны и поэтому, в целом, совпадал с ее приходной частью, имея аналогичные колебания.

2. Резкий рост добычи природного газа в стране в результате обнаружения газовых месторождений и строительства трубопроводов, давала возможность на его потребление как внутри Афганистана, так и экспорта в странах Центральной Азии. В первый год, т.е. 1967 г. в Афганистане производилось 456 тыс. тонн условного топлива, т.е. 39,4%. В последующие годы, несмотря на увеличение потребления природного газа внутри страны, его доля в структурном отношении снизилась из-за резкого роста его производства в стране.

3. Значительное место в приходной части энергобаланса занимает потребление нефти и нефтепродуктов, которые раньше почти полностью импортировались из-за границы. В целом, несмотря на значительные колебания, потребление нефтепродуктов увеличивалось в стране до 1989 года, что впоследствии приобретал неконтролируемый характер.

4. Сокращения доли дизельных электростанций в связи с дороговизной дизельного топлива, привело к увеличению доли гидро- и теплоэлектростанций в электроэнергетике Афганистана. Последние имеют более благоприятные последствия для всей экономики страны, обеспечивая двухстороннюю выгоду – обеспечение орошение земель и горячее водоснабжение в городах.

5. Обновление и механизации некоторых месторождений, особенно угольных шахт, с помощью иностранных инвестиций, привело к резкому увеличению добычи каменного угля, главным образом в годы первой и второй пятилеток, когда еще не использовались природный газ и нефть самого Афганистана. Потребления каменного угля увеличивалось непрерывно и достигло своего наивысшего уровня в 1978 году, когда его доля приравнивалась к 7,7% в расходной части общего топливно-энергетического баланса страны.

6. При общем росте потребления всех видов энергетических ресурсов страны, главным образом, после первого пятилетнего плана, гидроэнергия стала вытеснять из общего энергобаланса каменный уголь и некоммерческие виды энергии. Так, удельное потребление гидроэнергии в Афганистане увеличивалось с 3,9% в 1956 году до 7,5% в 1976 году (структура рассматривается без учета древесного топлива). Следует учесть, что указанные цифры отражают выработку электроэнергии только на гидроэлектростанциях, в силу чего при принятии во внимание ее выработку на двух других видах станций, ее доля в общем балансе увеличивается еще больше.

7. Осложнение политических обстановок в стране в 90-е годы и переход власти из одной группы в другой коренным образом изме-

нили всех существующих тенденций развития топливно-энергетического баланса, ресурсы которой местами пришли в частные руки и пользовались лишь только для личного нажива, а местами вообще престали использоваться. В силу указанных причин приходная часть баланса претерпела значительные изменения и стала базироваться главным образом на некоммерческих ресурсов, роль которых аналогичным образом увеличивалась и в расходной части.

Таким образом, ретроспективный анализ топливно-энергетического баланса Афганистана показывает какова историческая роль отдельных ее видов в приходной и расходной части и возможно предполагать каким образом Афганистан может опираться на существующих энергетических ресурсах страны и насколько может развивать их, принимая во внимание регионального характера их расположения.

КРУПЕЙ И.И.
(Россия)

Суть Дхармы согласно Шримад Бхагаватам

В наше время стало модным создавать новые религии или пытаться сделать некий синтез из уже существующих религий. Это связано с ложным мнением, что Бога можно познать с помощью своих собственных усилий. Ни в одном из священных писаний, будь то Тора, Коран или Бхагавадгита, мы не найдём такого утверждения. Писания Древней Индии, при своей кажущейся либеральности предельно категоричны в вопросе познания Бога и праведности. В Шримад Бхагаватам утверждается, что никто, кроме самого Верховного Господа не может установить законы праведности. А относительно познания Верховного господа – в Бхагавадгите Кришна утверждает, что ни великие мудрецы, ни полубоги, ни демоны, не могут постичь его. В Шримад Бхагаватам (7.5.30) имеется следующее высказывание Прахлады Махараджа: "Кришну не возможно понять никакими механическими методами ?ни изучая писания, ни слушая лекции, ни обсуждая эзотерические темы; пока человек хочет жить в относительном мире – он не сможет соприкоснуться с миром абсолютным".

Чтобы раскрыть понятие дхармы я опираюсь на Шримад Бхагаватам и Бхагавадгиту. Это не случайно. Джива Госвами в Татва Сандарбхе последовательно доказывает, что Шримад Бхагаватам – единственная часть Вед внимательно изучая которую можно познать смысл бытия, подтверждая это цитатами из пуран и упанишад. Уже в 15 веке Веды были сильно искажены, существовало много вариантов Махабхараты, многие пураны дошли до нас неполными, и только Шримад Бхагаватам и Бхагавадгита наверняка дошли до нас в неизменном виде.

Слово дхарма на санскрите имеет много толкований. Существительное дхарма происходит от глагольного корня дхри, что значит нести, держать. То есть дхарма – это сущность явления, его

глубинная природа, его атрибут. Для человека отличительной чертой является склонность добровольно ограничивать свои чувства, следовать морали и долгу. Таково общепринятое понимание слова дхарма, или религия. Понятие дхармы так глубоко и многогранно, что возникает вопрос, какое из религиозных предписаний является самым важным, и какая религия приведёт к высшей цели жизни.

В начале Шримад Бхагаватам эти вопросы задают мудрецы Наймишараньи Шукадеве Госвами. И Шукадева Госвами отвечает, что даже если мы в совешенстве исполняем все обязанности, но не служим Верховному Господу, то все наши старания – напрасны. Но, даже если мы мгновенье служили Богу – это обязательно принесёт благо. И в Бхагавадгите и в Шримад Бхагаватам любовь к Богу объявляется высшей религией. В Бхагавадгите дважды встречается одно и то же высказывание, что указывает на особую его значимость. Кришна говорит: "всегда с любовью думай обо мне, стань моим преданным, служи мне и склоняйся передо мной, делая так, ты обязательно придёшь ко мне. Я клянусь тебе, так как ты очень дорог мне".

Шримад Бхагаватам, в котором описывается множество способов поклоняться Верховному Господу, выделяется глубинным раскрытием любви к Богу как сути всех религий. Во втором стихе Шримад Бхагаватам утверждается, что все остальные обязанности, не ведущие к любви к Богу – это дхарма кайтавья – ложные религии.

В заключение я хотел бы привести цитату из Шримад Бхагаватам (1.2.6) о том, какая религия самая лучшая. Шукадева Госвами говорит: "лучшей религией для человека будет та, которая пробуждает в нём спонтанное любовное желание служить Верховному Богу, которого нельзя увидеть обычными глазами. Если это чувство будет бескорыстным и непрерывным – это может принести истинное счастье душе".

BARLA Fr. Emmanuel S.J.
(Ranchi)

Political Unification of Tribals in Jharkhand

Political Unification consists of political process that deals with the distribution of power and authority in terms of the attainment of national goals. The conditions laid down by the national goals form the national mainstream or the comprehensive national culture. Political unification has three main aspects-Macro-or pan-regional structures, community politics, factions and federations and culture and values. These three aspects are viewed in terms of institutional evidence and attitudinal or value structures.

The study begins by presenting a thoretical perspective of the problem, for we are never tired of often using integration in the analysis of modern trends without any agreement on its meaning and connotation. Usually we employ integration as a unification process and

an end product. For the present study integration is used as a condition- a state of affairs determined by the nation's constitution and other policy documents. The concept of unification had been employed as the process aspect of integration. In order to attain the "conditions" of national integration, the government has created some pan-regional structures as forces of unification. The term "unification" refers to two levels of analysis namely-(i)relations between individual and his society and (ii)society as "whole" and its relations with the region in which it is located.

The first level of analysis implies integration(or lack of it) of the units of society with each other comprising them as "whole". The second level of analysis assumes that a particular society represents itself as one unit in the context of regional society and it shares its basic values or it is in the process of integrating itself with the larger society. The tribal of Jharkhand like other tribal groups from other parts of the country have been participating in political processes such as elections since independence. They have been sharing the benefits of certain development programmes initiated by the governmental agencies and also getting other opportunities and facilities made available to them as scheduled tribes.

Political unification need not imply corresponding unification in social and cultural spheres. There is a biatus between political unification and social and cultural unification. Political processes are different from social and cultural. The Political processes are having uniformity theoretically and legally throughout the country in terms of adult suffrage, elections processes of political participation, voting age and so on. At the social and cultural level, society is divided in terms of ethnicity commensality commubiality, level of cognition, education and other cultural styles of life and standards of living

What would such a political unification imply for the tribal social structure? A section of India's population has been classified under the category called tribes. The term tribe, in anthropological sense, connotes a geographically isolated or partially isolated ethnic group identified with a distinct territory following distinctive way of life which includedes languages, customs, religious practices, economy, polity and folk traditions.

SAHAY Ravi S.
(India)

Chotanagpur, Land of Composite Tribal Culture in India

In the state of Jharkhand, India, Chotanagpur plateau is one of the oldest lands in the country. Numerous stone tools and several rock paintings of the old stone age, scattered all over the area, suggest that human activities have taken place since time immemorial. For long time however, this region remained isolated and free from outside influence because of inaccessible hills and forest. The knowledge about this land and people was so inadequate that a century before,

the British administrators called "Chotanagpur, a little known province of the empire". It is believed that the tribal communities have established here a clan and land-based system that still persists. Culture, values, beliefs, emotional attitudes, pattern of orientation, behavior, traditions, historical memories, norms, symbols, ideologies, dynamic, and decision making process which is communitarian in nature. They also established an age-old "pre-historic land commune" system, commonly owned by the members of a clan, whose earliest ancestors first tilled the land after slashing the virgin forest some thousand years ago. There are twenty-nine tribal communities residing in this area, with their distinct culture, and separate identity. They represent different facets of cultural and material development, varying from hunting and food gathering stage like the Birhor tribesmen, to that of intensive agriculturist like Oraon and Munda, using scientific equipment. In spite of diversity among these tribal communities there is a cultural unity among them. The tribal culture of the present day is the result of continuity in change from its antiquity. In fact, different tribal communities form of cultural configuration . The ecological and geographical diversity in Chotanagpur plateau is largely responsible for its cultural diversity as well. It is a rich, fertile field of study for the students of social science, because all the stages, thought which the human civilization has coursed, seem to present a spectacle of texture, where telescoping of cultures or their coalescing has taken place. In simple words different culture exit, almost juxtapose. Since the plateau is surrounded by hills and forest, so they worked as natural fort and protected them from any outsider intervention. The peace and security provided by the nature enabled them to retain their culture and tradition till the present time. Since there is no cultural conflict among them, therefore Chotanagpur represents the picture of unity in diversity, an expression applicable to the Indian culture.

There is a close union of land and clan, which provides them control over the village property. Therefore the people inhabit such villagers a long time. They are important from the archaeological standpoint. Both the archaeological excavation coupled by fieldwork could be a meaningful study on the origin, development and evolution of tribal culture of Chotanagpur.

This paper gives rise to the following hypotheses.

1. Communal ownership of village property by the members of a clan whose ancestor had tilled the land after slashing the virgin forest owes their allegiance to the past.
2. This allegiance is a factor for continuity of the tribal culture and tradition to the present age.
3. The divergent ecological and geographical conditions in the region have impact in making divergent tribal culture and traditions,
4. Inaccessible hills and forest protected them from outside influence in the social, political and cultural spheres of life.
5. Plenty of food grain and forest products provided self-sufficiency and independent cultural growth.

RAGHUVANSHI Anupam
(India)

Young People of the Contemporary Asia

This paper explores the link between globalization, as the source of contemporary crises in representation, and the academic crisis in Asian Studies and also briefly encompasses the present and future of the Young people in Contemporary Asia.

There is a brief analysis of the youth of this region adapting the global model of development, which could also be reflected in the educational methodologies of these countries educational systems. Despite the increasing similarity in trends adopted by educational systems across nations, important cultural and institutional differences remain. In this paper I explore how cultural and institutional differences impact one particular domain: managing the implementation of change. The presentation will provide examples of differences between managing changes in different countries of Asia and discuss the implications for the design of an Asian educational leadership curriculum.

Asia, unlike the other continents has a wide diversity as far as language and culture is concerned and an extensive interaction between the youth of two countries lacks primarily because of this. The world today is characterized by an ever-growing number of contacts resulting in communication between people with different linguistic and cultural backgrounds. This communication takes place because of contacts within the areas of business, military cooperation, science, education, mass media, entertainment, tourism but also because of immigration brought about by labor shortage or political conflicts. What is also discussed boldly is the communication trend of the Asian Countries and its contemporary profile as far as the young people of Asia is concerned.

A detailed discussion on the above mentioned point is planned while the papers will be presented at the conference and a plan for professional and religious education will be discussed. A special presentation on mutually acceptable strategy for understanding amongst the young people of Asia is suggested at various levels

SANAIE Mehdi
(Iran)

Civilizational rol of central Asia and present rol of Eurasia

Central Asia was a crossroad of various civilizations in the past. The culture and civilization of the Sakais, which was under the influence of the Iranian culture, the direct presence of Iranian culture and civilization, the presence of the Turkish language and culture, having gone through a period of Islamic and Iranian civilization, and then the widespread presence of Russian language and culture all are present in the historical background of Central Asia. Moreover, Buddhism, Christianity and Islam have been present in this region and influenced the local communities.

During the course of history, Central Asia has been a place of conflict between great governments and the site of the influence of great civilizations. In other words, Central Asia has always had an inclination towards great civilizations and dominant power.

The inhabitants of the coastal areas of the Caspian Sea embraced Islam in the eighth century. Besides that the formation of the government of Bulgarians, that of the Samanids as a part of the Baghdad Caliphate, and then the formation of the Timurid government and later the inroad of the Monguls onto Central Asiashould be all analyzed within this framework.

The Central Asia was under the domination of Russia for several centuries when urbanization and industries spread in this region.

It was only after the disintegration of the Soviet Union that the Central Asia once again became significant in the world map and all erstwhile claimants appeared in the form of new republics while besides them the Unites States and Europe too became interested in the region. China, India, Pakistan,

Turkey, Russia, Iran and the Islamic World that surround Central Asia launched their widespread activities in the region, reminding of the activities of their predecessors in the form of former civilizations in the region.

Only the presence of the United States and Europe in the form of various countries or within the ramework of the NATO and European Union is a new factor in the region which is distinct from the ast situation.

Today too Central Asia is an independent spot in the Euroasia which has an outstanding position in the international developments. This encompasses great, civilizational countries such as Russia, China, ran and Turkey which are located on the other side of the Central Asia.

Euroasia in the new world conditions is a bridge between the East and the West and while interacting with the West is interested in the preservation of its Eastern features and wants to take into account arious civilizational players in international relations.

Will Euroasia be able to emerge as an important player on the scene of the chess of international olitics to offer the crossroad of the former civilizations as an achievement in today's international elations?

In the world in which priority is given to the economic factors in relations among nations as well as in foreign policy and with the presence of superior economic powers such as Europe and the United States, will Euroasia and Central Asia be able to play their independent roles.

BILYK I.E.
(Russia)

The Essential Types of Mythologems
in the Literature of Arabic Writers of XX century

In the XX century "new mythologism" has spread into modern arabic literature and found reflection in the works of particular authors and schools. This paper is try to study this phenomena.

ЙОНДЕМЛИ Фуат
(Турция)

Взгляд медицины на обучение танцу "СЕМА" и использование его в профилактике головокружения

Сема – название танца, исполняемого дервишами ордена Мевлеви и заключающегося во вращениях на ступнях вокруг своей оси. Танец Сема возник в VII веке и существует и в наши дни. По моему мнению, Сема в то же время, является комплексом упражнений для развития вестибулярного аппарата. Установлено, что у многих людей, проходящих этот комплекс, не бывает тошноты и рвоты.

Обучение танцу Сема, прежде всего, способствует физическому расслаблению тела человека. В то же время Сема – и метод психотерапии, и метод трудовой профилактики. Семазен, то есть дервиш, исполняющий танец Сема, избавляется от стресса, расслабляется.

Так же как и труд считается одним из видов культа, так и Сема – и радение дервишей Мевлеви, и серия эстетичных движений, несущих духовное содержание и заключающих в себе похвалу Аллаху. Семазен, исполняя свой танец, языком движений тела провозглашает величие Аллаха, т.е. символически говорит «Ла илляхи иллялах» (Нет бога, выше Аллаха).

В дополнение ко всему вышесказанному, Сема, с присущей только ему приятной музыкой, охватывающей человека, расслабляющей его, действующей успокаивающе не только на душу, сердце и уши, но и на глаза, является искусным эстетичным танцем.

KHAN Mir Baiz
(Canada)

**Knowledge, Tradition, and Pedagogy:
Nasir Khusraw's Approach to Islamic Teaching**

This paper explores how Nasir Khusraw, an 11th century Muslim philosopher, poet, traveler and theologian, provides us with a creative pedagogical framework for teachers of Islamic traditions, intellectual as well as ritual. Through examination of Nasir Khusraws selected works, I seek to demonstrate the ways in which he establishes the authoritative status of the inherited traditions on the one hand and employs a variety of methods to make concepts comprehensible and practices intelligible. The pedagogical framework will be situated within Howard Gardner's Theory of Multiple Intelligences.

TAVASSOLI Gholam-Abbas
(Iran)

**Religious Democracy:
Reality and Contradiction
(Theory and Practice)**

Following the relative decline of laicism and secularism in the West and among west-oriented Muslims, the continuous struggle for the establishment of reconciliation between religion and democracy in

the Islamic world in general and in contemporary Iran in particular, has come across specific contradictions and has failed to put an end to the newly-coined concept known as "religious democracy". In contrast, we are witnessing an increase in tensions and radical polarisms between biased religious tendencies and an absolutely laic democracy.

The attempt towards a kind of religious "syncretism" has provided reformist discourses a particular movement in search of democracy; such a movement has brought about different types of politico-social discourses, such as religious pluralism, radicalism and religious fundamentalism, which have created obstacles for religious democracy. These discourses have brought about good effects in the theoretical level as well as in political struggles, social movements and political partitions; however, they have not had much success in practice.

The purpose of this paper, which is based on the historical realities of recent decades, is to discover the main paradigms and contradictory challenges that have impeded the establishment of democracy in the Islamic Republic of Iran. These challenges have made opaque such concepts as civil society, modernity, human rights, etc. and have brought about new divergences.

ГАГЛОЙТИ Ю.С.

О скифском компоненте в этногенезе осетин

Одной из актуальных проблем истории осетинского народа является роль скифов в этногенезе и этнической истории осетин. Правомерность ее постановки определяется несколькими факторами, в первую очередь – территориальными и языковыми. Начиная по крайней мере с рубежа VIII – VII вв. до н. э., территория Северного Кавказа была одним из основных ареалов расселения скифов и базой их переднеазиатских походов. Большинство скифских племенных названий, зафиксированных античными авторами на Кавказе, доживают здесь до I в. н. э., когда они постепенно перекрываются этнонимом "аланы". Это обстоятельство плюс давно отмеченная близость осетинского языка к скифскому с неизбежностью ставят вопрос об отношении скифов к сармато-аланам и, соответственно, их роли в становлении древнеосетинского этноса на Кавказе.

Появление в письменных источниках I в. н. э. по Северному Кавказу племенного названия алан было связано не с переселением сюда какой-то новой этнической группы, а с внутренними перегруппировками в рамках сарматских племен и образованием нового политического объединения. Это объединение, возглавленное аланами (аорсами), включило в свой состав наряду с собственно сармато-аланами и остатки скифских племен. Следовательно, начиная с рубежа VIII – VII вв. н. э. письменные источники фикси-

руют на Кавказе практически непрерывную цель скифоязычных племен, потомками которых являются современные осетины. Этот выход находит свое подтверждение в самых различных по своему содержанию источниках.

BURMAN Alla
(Israel)

Natpwe [Spirits' Dances]
and Theatre in Burma

1. Natpwe: shamanistic performance in Burma as a direct manifestation of the supernatural presence. Interaction of shaman, musicians and audience during shamanistic ....
2. Dr. Htin Aung 's hypothesis on the origin of the Burmese theatre from Natpwe.
3. Natpwe as a theatre performance: spirit medium as an actor; assistants as scenic servants; preparations, setting, lighting and sound effects; costume, mask, make up, props and paraphernalia; sound effects; dialogue and ventriloquism; dance; songs; music; pantomime; acrobatics, tricks; self-introduction of the actors [which evidently comes from the description of shaman's actions and description of spirits in shamanistic performance]; the oral description of the landscape during the journey [which evidently comes from describing by shaman the surroundings during his imaginary travel to heavens on to underworld].
4. The invocation of spirits in the preliminaries of Burmese theatre performance.
5. Interaction of the actors with the audience in Burmese theatre performance.

VIVIANI Paola
(Italy)

Woman's Role in Society:
Some Considerations by M.'Ajam
(1888-1965)

The role played by women in the field of contemporary Arabic Literature, both as writers, poets and journalists has always been of fundamental importance. As a matter of fact, not only have they worked as "women of letters", but they have also been actively involved in the struggle for the achievement of social and political reforms, thus supporting their male colleagues courageously.

On the occasion of the 37th ICANAS Conference to be held in Moscow next August, then, I would like to propose the discussion on the above mentioned articles, written by a Syrian feminist whose personality and work would deserve to be studied in depth.

HOVHANNISYAN Nikolay
(Armenia)

On the Turkey's Territorial Claims toward Syria and Iraq during the Second World War

The Arab East during the Second world war was one of the centers of diplomatic activity and an arena of struggle between the two hostile blocks-the USA, Great Britain and France, on one hand, and Germany and Italy, on the other hand. But besides them other countries also were involved in that great diplomatic game, and one of them was Turkey. This country, despite a declaration on its neutrality in the war, tried to use in its own interests the complicated situation, created in the Arab East at the firs stage of the war. The Turkish government, particularly, pretended on the Syrian and Iraqi territories. These countries were about 400 years under the Ottoman domination and got rid of the Turkish yoke after the collapse of the Ottoman Empire at the end of the First world war. But in Turkey still remember about that "golden times" and dream to recover the Turkish domination over them.

Turkey attempted to realize its plans with the help of Nazy Germany in summer, 1941. The German Ambassador fon Papen in his numerous reports to the Minister of foreign affairs of Germany fon Ribbentrop informed him about his meetings and conversations with the Minister of foreign affairs of Turkey Sarajoglu and about the demands of Turkey to Germany to allow to occupy the Baghdad railway and the territory around Aleppo, and later the whole Syria, establishing its controle also over the Tel-Kochek-Tripoli pipeline in Lebanon. Turkish government argued its demands by the desire to prevent the occupation of Syria and other Arab territories by the Great Britain, trying to play on the English-German contradictions.

Turkey in fact violated its obligations on neutrality and was ready to help the fascist Germany against the coalition of democratic powers, who were struggling to save the mankind from the fascist danger.

Turkey promised Hitler and Ribbentrop "to return back Syria to France (i.e. Vichy France) after the war, except of its northern parts".

The Vichy France, which collaborated with the fascist Germany, informed Berlin that the Turkish territorial claims were not acceptable for France as a mandatory power. Papen shared the French position, adding in his report to Ribbentrop that "Syria under the tutelage of Turkey is less acceptable for Germany, than Syria in the English hands".

At last Germany rejected the Turkish demands. In a telegram to Papen, Ribbentrop had given him an instruction that "It is impossible for us to occupy a favourable position towards the Turkish demands on occupation of Northern Syria".

It was not in the interests of Germany to give Syria or other Arab territories to Turkey. In Berlin understood the Turkish trick and latent ambitions to return back once more to the Arab East as occupants.

SANNI Amidu Olalekan
(Nigeria)

The Phenomenology of LAHN in Koranic and Philological Traditions

The Phenomenology of LAHN in Koranic and Philological Traditions Amidu Sanni Lagos State niversity Nigeria The only occurrence of the word lahn in the Koran is in Chap 47, verse 30, viz, "... you will certainly recognise them by the LAHN in their speech." What does the word mean in the context of Koranic idiom and in the linguistic and literary tradition of the pre-Islamic era? Several usages of the word with a variety of connotations and denotations have been identified in early Islamic literature. But how did the different significations of the term affect the recitation, interpretations, documentation, and indeed the transcription of the Koran so much that the issue became a subject of investigation in al-Baqillani (d. 403) and al-Daani (d.444). My paper will investigate this.

Fuek's (1950) pioneering study of the phenomenon of lahn was followed by Manfred Ullmann'a classics (1979, 1983) among other contemporary studies on the literary and linguistic meaning of the word. But my reading of some early literary texts has revealed some other significations of the term that have not been noted with any remarkable precision in the existing studies, and this is one area I want to highlight in my paper. Besides, a technical dimension was introduced into the term such that literary theoriusts and evaluators were later to characterize certain stylistic usages in light of the term, by which it then evolved as part of the rhetorical schemata of Arabic literary theory.

My paper will investigate the course of this development and establish how the various nuances and meanings of lahn emerged in the criptural and philological scholarship of medieval Islam.

DEMIRA Yelda
(Turkey)

(In) Stability and Security in South Caucasus

The sudden withdrawal of Russian control in the South Caucasus resulted in the shift of power balance in the post-Soviet space, which has shaken (if not collapsed) the regional order. The power vacuum in the South Caucasus led to the emergence of centuries old ethnic conflicts and territorial disputes that were frozen by the Soviet authorities. The weak state institutions, lack of political culture, social and economic problems formed the internal sources of instability in South Caucasian states.

Regional security problems and hydrocarbon resources that the region possesses, draw international attention and created room for the meddling of the external powers to advance their interests in the region. Until present, many public and private initiatives put forward

various projects for stability pacts in the South Caucasus. However, internal and external obstacles make the realization of these projects impossible.

The new security environment, formed in the aftermath of the dissolution of the Soviet Union, requires re-conceptualization of stability. Therefore, this paper starts, first, with the definition of the concept of stability. Then, it will try to explore the main obstacles for the regional stability in the South Caucasus. It is important to take into account policies and strategies pursued by regional and extra-regional powers, while analyzing factors of regional instability. In this context, the paper will analyze the policies of Russia on the one hand, and Turkey and US on the other toward Southern Caucasian states. In this investigation, the focus of the paper will be on the role of energy resources to secure stability and security in the region and also, on the effect of these sources on the policies of external powers toward the region. The paper will conclude with the future prospects of stability in the South Caucasus in the light of recent developments between Turkey and Russia.

MISHRA P.P.
(India)

Indo-Lao Cultural Rapprochment

Beginning from prehistoric times, Indian culture flowed to Southeast Asia in gush and sometimes in tickles until the western hegemony was established in both the regions. India's relations with Southeast Asia passed through many vicissitudes. In the new millennium, India is trying its best to be a major power in the region with its 'look east' policy. A region of ethnic, cultural, linguistic, historical and physical mosaic; external influences like Indian, Chinese, Islamic and European civilizations have left deep imprints on the indigenous culture of Southeast Asian countries. Although it has received transfusion of these cultures adding nuances and shades of meaning through centuries, the region has not lost its idiom. The data from India and Southeast Asia is inseparably linked and a comprehensive study of one is meaningless without a thorough knowledge of the other.

The material and cultural base of autochthonous societies of Southeast Asia was already developed at the time of contact with external forces. On this base was raised a superstructure, the materials of which was largely contributed by the Indians. An interaction between local and external cultures went on. A rapport was established and as acculturation proceeded, elements of Indian culture were absorbed. In course of time, its origin was forgotten. Some of the indigenous beliefs were in harmony with Indian traditions like worship of mountains, rivers and serpents. In fact, the pre-Aryan India and Southeast Asia shared many cultural traits that were similar. Many facets of life in India and Southeast Asia

looked alike. They are interwined to such a degree that sometimes it becomes difficult to differentiate between them.

The present article would focus on India's cultural contact with Laos in ancient and medieval times with special reference to literature. As far as Indian influence was concerned, Hindu and Buddhist practices came to Laos in the early centuries of present era through Chinese, Khmers and Thais. It is difficult to have an exact idea of the period of beginning of cultural contact between India and Laos due to absence of historical records. According to local tradition, a Buddhist shrine (That) was built in Laos during Asoka's time in about middle of third century before Common Era. The Ourangkharittan chronicle mentions that That Luang of Vientiane was earlier built by a Buddhist monk Phra Chao Chanthaburi Pasithisak to keep Buddhist relic brought from Rajgir in India

The prevalence of Hinduism also could be known from the numerous inscriptions found in Laos. On the top of Phou Lokan hill, a Sanskrit inscription mentions the erection of Siva linga by king Mahendravarman. Another inscription of second half of fifth century compares the King Sri-Devanika with Yudhisthira, Indra, and Dhananjay and with Indradyumna. In art and architecture, the impact of various Indian styles is clearly marked. The concept is Indian, but in the choice of pattern and other details, indigenous touch is given. The different types of Buddhist icons found in Laos were in conformity with Indian canons.

Sanskrit and Pali made deep inroads into the script, language and literature of Laos. Majority of the Lao inscriptions had been in Sanskrit. The wide prevalence of Sanskrit influenced immensely the classical Lao script, language and literature. Lao script was introduced by King Rama Kampheng of Sukhodaya in 1283 C.E., which marked the common origin of Thai and Lao alphabets. In the same year, Pali scriptures from Sri Lanka were introduced resulting in greater influence of Pali. One type of Lao script known as Toua-Lam is considered sacred and it is used for transcribing Pali. In Lao language, there are about sixty percent of words having Sanskrit and Pali origin. There are many Lao words having Indian origin like: Kumara (Kumara), Pativat (Prativada), Pathet (Pradesh), Prom (Brahma), Pranam (Pranam), Rusi (Rsi), Shanti (Santi), Sri (Sri), Sut (Sutra), Setthi (Sresthi), Youvatnari (Yuvanari), Sabha (Sabha), Champa (Campa), Nang Mekhala (Mani Mekhala), Nang Thorani (Devi Dharani), Praya Nak (Nagaraja) etc. The true classical Lao poetry is formed by translation of Indian poems, and Lao verses follow the metrics of Indian prosody. In folk songs, dramas and theatres, themes from Indian literature are in abundance. The Lao folklore had been influenced by Indian themes. Development of religious song of Buddhist monks encouraged many stories becoming popular in both prose and poetry. In the classical Lao dance, one can find gestures and movements showing strong influence of various Indian dance forms.

The Ramayana is very popular in Laos. The country was earlier known as Lava, the son of Rama. The stories of Rama or Phra Lak Phra Lam with its fundamental human value and social idea has contributed to the cultural life of people. The Lao have adopted the stories of Ramayana as if it had happened in Laos. Names, titles and geographical settings were given local colour. The majority of Lao stories were derived from the Pancatantra. It was translated into Lao language by Phra Samgharaja Vixula Mahaviharathipati in 1507 C.E. of Wat Vixula Mahavihan. The Pancatantra stories written by Visnu Sarma of Orissa became very popular in Laos. The Lao version consisted of five Pakon (Prakarana); Nanda, Manduka, Pisaca, Sakuna and Samgha.

Indian culture was diffused through the autochthonous societies of Laos and other areas of Southeast Asia, whose material base was of such a standard that it could assimilate elements of that culture. The people of the region had knowledge of metal industry, long-established contact with outside world, acquaintance with marine technology and a developed agriculture. An attempt to assign greater role either to India or to Southeast Asia would be futile. Moreover, giving importance to terminologies like Indic, Indianization, Classical or Indigenization would result into semantic controversy. The whole process of Indian cultural influence was interaction between culture of India and Southeast Asia.

САФРАСТЯН Р.А.
(Армения)

Реформы в Османской империи и армяне (кон. 18-го – 70-е годы 19-го веков)

Проблема реакции армянского населения Османской империи на политические реформы по западному образцу конца 18-го – 70-х годов 19-го вв., а также участия его представителей в самом процессе реформ, пока еще не была предметом специального комплексного изучения. Имеющая хождение как среди османистов, так и арменоведов точка зрения о них как об "объектах" реформаторской деятельности османского правительства, пассивно ее поддерживающих, является результатом оперирования на эмпирическом, по преимуществу, уровне, с использованием весьма ограниченного количества фактов и не учитывает целый ряд существенных особенностей функционирования такой сложной системы, каким было поликонфессиональное и полиэтническое османское общество в период модернизации.

Из всего многообразия вопросов, связанных с этой проблемой, мы выбрали, на наш взгляд, наиболее "репрезентабельные". Нами были проанализированы во всей их совокупности факты по следующим темам:

1. Отношение различных групп армянского населения Османской империи к реформам.

2.Случаи продолжительных личных контактов армянских либералов с ведущими османскими сановниками тех лет – инициаторами и руководителями реформаторского процесса. Такие отношения условно обозначаются нами как "дружба".

3.Армяне в составе центральной т.н. "реформаторской" османской бюрократии, в частности, в министерстве иностранных дел Османской империи.

4.Участие армян в борьбе за провозглашение первой османской конституции.

5.Деятельность армян-депутатов первого османского парламента.

Проведенное нами исследование проблемы "армяне и реформаторский процесс в Османской империи" позволило:

- Сделать вывод о вовлеченности деятелей либерального толка в этот процесс;
- Выявить тенденцию к постепенной активизации их роли в нем, которая наиболее отчетливо проявилась в период борьбы за первую османскую конституцию;
- Интерпретировать деятельность армян – членов османского парламента как попытку воздействовать на сам процесс реформ с целью их углубления.

KHORAMI Zoffaghar Rahnamai
(Iran)

Cast at Eastern message (1938-1877)

In the second half of 20th century; Gooteh (1749–1832) was influenced to Hap-ez-e-shirazi (1311-1374) and compose his eastern book of poem that can made know the east to European. In the period of second half of 19th century to first half of 20th century; Dr. Mohammad Eghbal Lahouri (1877-1938) finished his training at "west philosophy" at India, London and munich and at the other hand was influenced to Islamic-Iranian gnostically thoughts. Eghbal Lahouri could made compromise between moral sense and mental sense. Eghbal put under observation the knowing of east to western in his two Mathnavi. His mathnavi named "message of east" is aresponse to German Gooteh.

ГАНЕЕВА Э.И.
(Узбекистан)

Этническая идентичность и толерантность в социальных группах Узбекистана

В настоящей работе рассматривается отношение жителей Узбекистана к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия. Сообщение основывается на материале опроса представителей трех этнических групп: русских, узбеков и корейцев. В круг анализируемых проблем включены следующие:

– определение наиболее актуальных идентичностей в среде контактирующих этнических групп;

– выявление социальных факторов, оказывающих влияние на формирование этнической идентичности;

– определение превалирующих форм выражения этнической идентичности в разных социальных группах;

– выявление уровня декларируемой этнической толерантности;

– демографические различия как возможные факторы уровня этнической толерантности в социальных группах.

АЗИМОВА Д., ХАСАНОВ У.,
БАХОДЫРОВ М., ОЧИЛОВ Б.
(Узбекистан)

Национальная безопасность Узбекистана в контексте глобальной системы безопасности

Формирующаяся модель международных отношений, прежде всего, характеризуется энергичными действиями США во всех регионах и по всем направлениям. Новая американская стратегия основана на изменение прежних конструкций миропорядка, не отвечающие национальным интересам США и установлении управляемой Вашингтоном системы международных отношений. Ядром современной мировой политики являются Запад (США, ЕС) и Япония, Россия, Китай, а также исламский мир, который потенциально может стать мощным ресурсом сопротивления становлению нового миропорядка, если он будет строиться без учета его интересов. Все это усиливает значение центральноазиатского региона, который находится под влиянием как западных (секулярных), так и восточных (традиционных) систем. Каждая из них заинтересована в том, чтобы этот регион был "включен" в орбиту его стратегии, усиливая тем самым удельный вес в формирующемся миропорядке.

К важнейшим факторам неопределенности в центральноазиатском регионе относятся:

1. Активные действия Вашингтона, которые во многом нацелены на укрепление геостратегических позиций США в мире, производят глубокие изменения на всем пространстве Евразии. Являясь ведущей политической, экономической и военной державой мира, США демонстрируют стремление сохранить и упрочить свое глобальное лидерство в долгосрочной перспективе. По существу, Соединенные Штаты являются единственной страной, способной проецировать военную силу в любой точке мира, стремясь противодействовать угрозам и вызовам в одностороннем порядке, при этом, уделяя большое внимание на достижение поддержки со стороны максимального количества стран. Вместе с тем, как полагает ряд экспертов, осознание общности угрозы для всего мира и противодействие международному терроризму является системообразующим фактором нового миропорядка, отодвигая на второй план другие вопросы как двусторонних, так и многосторонних отношений.

2. Формируется сложная конфигурация интересов и обязательств стран региона и внешних сил. Страны Запада, особенно США, а также Россия, Китай и другие региональные державы стремятся закрепить свое стратегическое присутствие в регионе. На реализацию этих и других стремлений нацелены многосторонние международные механизмы, такие как ШОС, НАТО, ДКБ, ЕврАзЭС, ЦАС. При этом наблюдаются тенденции от сотрудничества до соперничества между этими силами.

Военный компонент занимает ключевое место в стратегическом планировании США в отношении Центральной Азии. Вашингтон создает основу долгосрочному военному присутствию в регионе. Крупные программы военного сотрудничества со странами региона указывают на то, что США намерены закрепить свое присутствие в регионе.

В свою очередь, Китай обеспокоен тем, что пребывание американцев в Центральной Азии активизирует участие стран региона в программе НАТО "Партнерство во имя мира", принизив значимость региональных организаций – ШОС и СНГ. Пекин также озабочен тем, что США, находясь в непосредственной близости от южноазиатского региона, могут затронуть его интересы и в Южной Азии. Дополнительным фактором, усиливающим беспокойство КНР, является американо-российское сближение.

Российско-американские отношения касательно Центральной Азии имеет противоречивый характер. С одной стороны, имеет место близость позиций в вопросах безопасности, прежде всего, в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и наркоторговлей. Намечаются контуры американо-российского сотрудничества в энергетической сфере. Вместе с тем, различные геополитические интересы Москвы и Вашингтона порождают разнонаправленность действий в вопросах региональной политики. В частности, планы создания военной базы в Кыргызстане, усиление ОДКБ направлены на сохранение российского влияния в Центральной Азии.

ЖЕБИН Александр
(Россия)

Ядерный кризис в Корее и безопасность России

Корейский полуостров всегда входил в сферу национальных интересов России, которые заключаются в обеспечении мира и стабильности в районах, расположенных по периметру ее границ, поддержании добрососедских отношений взаимовыгодного сотрудничества с сопредельными государствами. Обострение ситуации в Корее, а тем более военные конфликты на полуострове неизбежно отрицательно сказывались на безопасности России, вынуждали ее предпринимать дополнительные меры по ее укреплению. Поэтому России вряд ли нужно стесняться того факта, что у нее есть свои, вполне законные интересы на Корейском полуострове. Уже в силу

только одного географического фактора эти интересы ничуть не менее значимы и обоснованны, чем у стран, отделенных от Кореи морями и даже океанами. В контексте указанных национальных интересов России рассматривает и ситуацию, которая сложилась на Корейском полуострове вокруг ядерных программ КНДР. Оба ядерных кризиса в Корее – 1993-1994 гг. и нынешний вызваны, в первую очередь, попытками США утвердить свое доминирование на всем Корейском полуострове, помешать дальней шей нормализации между Севером и Югом Кореи. Набиравшие силу процессы экономического оздоровления и взаимодействия, тенденции к дальнейшему ослаблению напряженности и укреплению безопасности на Корейском полуострове и в Северо-восточной Азии в целом явно не устраивали те круги в США, которые после прихода к власти администрации Дж.Буша положили в основу американской внешней политики ставку на нанесение превентивных ударов и смену неугодных американцам режимов. Такая линия США объясняется тем, что в настоящее время, как и в начале 90-х годов прошлого века, продолжение процесса нормализации в Корее, неизбежно поставило бы под вопрос мотивы продолжения американского военного присутствия на Юге полуострова, лишало бы американцев единственного более или менее серьезного аргумента, оправдывающего создание ПРО ТВД в СВА и национальной ПРО. Ликвидация КНДР не только завершила бы процесс пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке, но и означала бы "переигровку" Корейской войны 1950-1953 годов. Выход американских вооруженных сил с их высокоточным оружием нового поколения на сухопутную границу с Китаем и с Россией, привел бы к кардинальным изменениям военно-политической обстановки в этом регионе и во всем АТР. Позиция Москвы заключается в том, что обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения при безусловном сохранении в этом регионе мира, безопасности и стабильности, отвечает интересам корейского народа и всего человечества. Россия выступает за политико-дипломатическое урегулирование кризиса. В Москве твердо убеждены в том, что, например, военным путем проблемы разоружения и укрепления режимов нераспространения не решить. Если первая корейская война окончательно похоронила антигитлеровскую коалицию, то второй крупномасштабный конфликт в Корее может окончательно добить едва начавшуюся утверждаться, а затем подорванную нападением США на Ирак антитеррористическую коалицию и "подарить" миру новое издание "холодной войны". История международных отношений на Дальнем Востоке за последние полвека достаточно убедительно продемонстрировала, что прочный мир и стабильность в регионе могут быть обеспечены лишь при условии достижения разумного компромисса и учета законных интересов безопасности всех расположенных там государств. Вряд ли иной подход к решению существующих в регионе проблем, в том числе корейской, может встретить поддержку со стороны России.

ZORIN Alexander
(Saint-Petersburg)

Hymns (Stotra) in Classical Tibetan literature

Hymns (stotra) is one of the genres of Classical Tibetan literature which were brought to Tibet from India. More than 200 stotra texts were translated from Sanskrit and are now found in the Tibetan canon. Fifty-four hymns devoted to Buddha comprise a whole volume of the Tengyur while others (devoted to different Tantric yidams such as Tara, Heruka, Hayagriva, etc.) are scattered throughout the Gyud section of the Tengyur. Besides, there are a few hymns ascribed to Buddha himself – these, of course, are found in Kagyur. These texts provided source material for Tibetan poetry, producing a large number of original Tibetan hymns (bstod-pa) used during religious services. For this reason, I shall be discussing the translated hymns, as well as their influence on Tibetan authors.

BUKH Alexander
(Lonodn)

**Japan's National Identity and Foreign Policy –
In Search for Analytical Framework**

Non-material factors such as identities, cultures and perceptions has been receiving increasing attention in the International Relations scholarship since the end of the Cold War.

The purpose of this paper is twofold. One is to provide a critical review of the various analytical approaches towards the issue of Japan's national identity and foreign policy in International Relations and Japan studies. The second part of the paper will provide an alternative framework that will enable the author to avoid the fallacies and the dangers of the prevailing approaches.

LI Jianzhong
(China)

**Zhou I and Poetic Feature
in Chinese Literary Criticism**

Book of Changes is the most ancient philosophical classic in China and has had profound influence on Chinese literature and literary criticism. Its basic idea about the origin of the universe is that the Grand Terminus (Way of Nature) produces the two elementary Forms (Heaven and Earth) and the two Forms produce the four emblematic Symbols (Four Seasons) and the four Symbols produce Eight Trigrams (Eight Emblematic Symbols in Book of Changes). It is this idea that has deeply impacted on literary criticism in China and regulated the poetic feature of the Chinese literary criticism on three scales one after another.

ТУГУТОВ Ч.А.
(Элиста)

**Проблемы правового менталитета и приоритеты в
средневековом японском и русском праве**

Главная направленность Кодексов средневековой Японии была – усиление государственной власти в лице императора. "Конституция Сётоку" (604 г.) в форме царских наставлений заложила сумму идей, идеологию, а "Манифест Тайка" ("Тайка кайсин но микотонори", 646 г.) придала этим идеям организационно-правовую основу, которые получили более полное, детальное оформление в кодексе "Тайхорё" ("Тайхо рицу-рё", 701-702 гг). Иначе говоря, правовые документы, от конституции до кодексов гражданского и уголовного права были объединены общей стратегической задачей. Эта направленность сохраняется в течение всего периода реформ, которые реформы привели к созданию, как стали позже говорить, "правового" государства – рицурё кокка. Государство и право были неразрывно связаны между собой. Государство выступало гарантом права, а право являлось одним из условий успешного функционирования общества.

YIN Se
(China)

**On the Syncretism of Buddhism and Shamanism:
With a Focus on East Asia**

In this paper I shall deal with the syncretism of Buddhism and shamanism, chiefly on the basis of an analysis of examples taken from China, Japan and Korea. China is a multiethnic state made up of fifty-six ethnic groups, and here I shall focus primarily on the Tibetan and Mongol peoples in discussing the syncretism of Buddhism and shamanism.

The Bon religion is found widely distributed throughout the Tibet Autonomous Region and elsewhere in China, and it was the main religion in these regions before the introduction of Buddhism to Tibet and the forging of close links between Buddhism and its government. Bon is a form of shamanism centred on thaumaturgy, and from the fifteenth century onwards it came to be systemized under the influence of Buddhism, acquiring a vast corpus of scriptures and even building its own monasteries. At the same time, it has been pointed out by Tibetologists that evidence of the influence of Bon can be seen in the philosophy and rituals of Tibetan Buddhism.

When the dGe-lugs-pa school of Tibetan Buddhism, first introduced to the Mongolian steppes in the late sixteenth century, began to propagate its teachings in Mongolia, it attempted, with the support of the Mongol nobility, to completely eradicate the shamanism distinctive of the Mongols by means of political force exerted from above. This firm stance met with desperate resistance from shamans, and owing to this resistance from the religious forces of shamanism peculiar to

Mongol society and limits to the willingness of the Mongols to accept Buddhism, the tactics adopted by Tibetan Buddhism for dealing with shamanism changed from simple persecution to various forms of harmonization. Here I shall analyze the compromises made by Tibetan Buddhism with the Mongolian indigenous religion of shamanism from three angels.

1. The role of the legend about the Indo-Tibetan origins of the Mongol people.
2. Harmonization with and concessions to Mongol shamanism.
3. The transformation of Tibetan Buddhism into a folk religion.

The syncretism of shamanism and Buddhism can also be seen in Korea and Japan, and I shall consider this too and compare it with the situation in China.

PAO-MIN Chang
(China)

Hierarchy and Power in Chinese Civilization:
Unique Features and Their Implications

Power in any human organization needs to be hierarchically structured to ensure a desirable degree of stability and efficiency. And the more rigid the hierarchy is, the greater stability it provides to the organization, and the less the struggle for power tends to be unchannelled, illegitimate, omnipresent, and ruthless. Hereditary aristocracy in Western European societies and Japan has for centuries supplied the single most important basis of political and social stability. Conversely, the deliberate destruction of the hereditary aristocracy by the Chin Dynasty in the 2nd century B.C. has for centuries deprived the Chinese society of a stable hierarchy of power well recognized and well respected by all, as well as an orderly mechanism of transfer of political power, thereby sowing seeds of instability and uncertainty in the Chinese political scene.

ZHA Daojiong
(China)

Renewal of Vows:
China and the United States in East Asia

The Chinese-American relationship has undergone a major transformation in the last three years. Coming into office was undisguised hostility toward Beijing, the Bush administration presided over one of the most serious bilateral crises during spring, 2001. However, the September 11 Incident changed everything. Suddenly, China agreed to cooperate with the U.S. in its "War on Terrorism", in return for U.S. tacit acceptance of Chinese crackdowns on separatists in Xinjiang and other areas.

President Bush twice visited China, and the twj sides have stepped up cooperation in a variety of military and economic fields. The new Chinese leadership Hu Jintao and Wen Jiabao has pursued the relationship with remarkable pragmatism and balance, and had emerged as the voice of calm in the North Korea nuclear issue.

Who do these major policy shifts tell us about the nature of the bilateral relationship? Is this a temporary change, or are China and the U.S. likely to see long-term cooperation? This paper examines these changes from the perspective of neo-realist theory, and suggests that this cooperation is evidence a Chinese "Bismarckian" foreign policy, in which Chinf acts as a stabilizer and balancer for East Asia.

TAM Kwok-kan
(China)

Hybridity in Language and Identity:
Recent Hong Kong Writings in English

Hong Kong is a typical example of cultural contestation in the age of globalization, for there is not just the contact between the East and the West, between tradition and modernity, but also the contestation between religions, languages and cultures in every aspect of life. The linguistic and cultural plurality in Hong Kong society has made writers more aware of the need to know what oneself is. Encounters with the cultural Other is a part of life in Hong Kong. What is interesting in this encounter with the cultural Other is that the Self, on the one hand, is informed of the differences from the Other, but on the other hand, is confused about one's self-identity. Hybridity has become a psychological issue in identity formation. In this paper, I will examine a number of writers from Hong Kong in their portrayal of identity confusion in relation to language and cultural hybridity. The writers that I will discuss include novelists, short story writers, dramatists and poets, such as Xu Xi, Leung Shing Him, Tang Shu Wing, Chan Ping Chiu and Mok Hee. In studying the writers from Hong Kong and their works, I will examine the issues of how language use reflects identity, as well as how identity is shaped by language. The framework of analysis will be based on major ideas from Lacan's theory of language and the self.

ШАБОЗОВ М.Ш.
(Таджикистан)

К вопросу о необнаруженном
математическом трактате Насира Хусрава

Насир Хусрав жил и творил на ряду с Фирдоуси, Беруни, Ибн Сина, Омар Хайям, и других замечательных мыслителей Востока, оказавшие неоценимый вклад в развитии мировой культуры.

Мы решили дополнить первые сведения Мохаммеда Боки, – заведующего отделом истории фундаментальных наук Академии

наук ИРИ, который впервые представил информацию о редкой книге о математике Насира Хусрава, и решили некоторых формул Насира Хусрава, предписанные ему Хаджи Насриддином Туси, анализировать с точки зрения современной математики.

TOURKINA T.
(Россия)

Gender Aspects of the Traditional Social Structure of West African Peoples (ibo, yoruba, edo)

The task of tiis report is analysis of the gender social roles in the hierarchical societies of pre-coloneal period. These sociums was usual determined as the structly patriarhical ones. Social position of the individual was not defined with his/her gender itself.

All of the power possibilies and definite status were inherited in the kingroup so as the relationship systems of the ibo,yoruba and edo are possessed with lateral characteristocs. Thus every man was born as the person that the rites of the definite sibling group first of all.Moreover the gender of man is abcent in sibling terminology. In the time the concret status of the individual (mother/fother etc.)is beginning more topical then the gender.This fact is in correlation with an absence of gender in grammatics of several langueges of the Guinea Coast.

According to the materials on the relationship systems the matrylineal lincs are the norm and they are important part of the social structure, and catching status or heritage by means of wemen is inalienable part of patriarhical socium.It is possible to suppose that the tradition of inherutung of the power by strictly male person was appear inthe era of the monarchy development only.But the meaning of the matrylineal links is not more little. These relations are for put order the contacts among the different society units.

The structure of patriarhical societies that are analysed is based on matrylineal links and it cannot exist without these ones. Characteristics of curch combinated structure is the aim of this research.

НУРКАЕВА Л.Н.
(Russia)

Художественные традиции и современная монгольская проза

Современная монгольская литература – пример преломления самых разноречивых культурно-исторических традиций и тенденций.

Начиная с 1920-30-х годов использовался чужой опыт, прежде всего опыт русской и советской литератур. Обуславливалось это необходимостью освоить школу реализма и психологизма. Однако здесь сыграли свою роль и мировоззренческие соображения. В

частности, они выразились и в известном ответе М. Горького на письмо Э. Батуухана (Р.Ф. Бутуханова) бурятского просвещенца, в те годы крупного деятеля монгольской культуры и народного образования (министр просвещения в 1924-29 гг.). Лидер мировой пролетарской литературы посчитал, что монгольскому народу в противовес буддийской созерцательности и непротивления злу насилия необходима проповедь принципа активности. Мысль сама по себе здравая. Однако вряд ли стоило возводить ее в ранг абсолютной истины, что было сделано в годы культурной революции. Усугублено это было приматом идеологии над культурой. Вследствие культурной революции буддийская культура и связанное с ней обширное художественное наследие в значительной мере были утеряны или подвергались идеологической дискриминации. На десятилетия были прерваны многовековые культурные связи с Тибетом, Индией и Китаем, поддерживаемые благодаря региональной и религиозной близости.

Европейский опыт приносил свои плоды. Особенно в сочетании с национальной традицией. Наиболее яркое тому свидетельство – творчество основоположников новой монгольской литературы Д. Нацагдоржа, С. Буяннэмэха, Ши. Аюша, М. Ядамсурэна и других представителей первой "волны" революционных художников.

На нынешнем этапе развития монгольской литературы на первый план выступили другие проблемы. В частности, проблема национального своеобразия, дальнейшего развития и сосуществования школ и платформ.

Связь традиционного и современного особенно ощутимы в таких формах, как жанровые. Достаточно стойкими оказались традиции средневековой литературы, начиная от знаменитого "Монголын нууц товчоо" ("Сокровенного сказания монголов") или, по другому переводу, "Тайная история монголов", 1240), и фольклора, не утратившего еще в течение XX в. своего богатства и мощи.

В литературном наследии монгольских народов важное место занимали эпические жанры. В фольклоре – это богатырские циклы "Гэсэр", "Джангар" и другие эпические сказания, легенды, сказки и т.д. В литературе – письменные памятники, с их единством исторического и повествовательного материала. При становлении новой литературы эпика продолжает играть огромную роль. Традиционные жанры служат "материалом", элементами при становлении и развитии современных эпических жанров – рассказа, очерка, повести, романа. Вместе с тем эпика участвует в формировании драматургии, лиро-эпических жанров и даже кинодраматургии. Именно воздействием эпической традиции и объясняются некоторые черты своеобразия ранней (и не только ранней) монгольской, бурятской и калмыцкой драматургии: повествовательность, относительная свобода, т.е. "незамкнутость" драматургического действия и

т.д. Драматургами фольклорные мотивы черпались, прежде всего, из эпических жанров – сказок, легенд, героических сказаний.

В древней монгольской литературе и фольклоре термином "тууж" обозначались синкретичные историко-литературные жанры (хроники, летописи), а чаще всего – произведения народного героического эпоса. Здесь можно вспомнить "Шар тууж" ("Желтое повествование"), "Монголын Увш Хун-тайжийн тууж" ("Повесть о монгольском Увш·Хун-тайдже"), "Чингис хааны хоер эр загалын тууж" ("Повесть о двух скакунах Чингисхана"), "Арван зугийн эзэн Гэсэр хааны тууж оршивой" ("Повесть о Гэсэр-хане, владыке девяти стран света"), "Хан Харангуй хэмээх тууж" ("Повесть о Хан-Харангуе").

Повествовательные сочинения популярного буддизма также определялись жанром тууж ("Повесть об Эндуурэл-хане", "Повесть о Ногоон дар-эхэ" и "Повесть о Цагаан дар-эхэ"). Таким образом, туужем называется произведения разных повествовательных жанров.

Хроники здесь не были исключением, поскольку имели повествовательные включения, связанные главным образом с жизнеописанием монгольских ханов, начиная от предков Чингисхана. В частности, в "Шар тууже" (полное название: Великий Шар тууж о древнем основании монгольских ханов), составленном в середине или второй половине 17 века, приводится цепь генеалогических повествований, начиная от древнеиндийских и тибетских царей через легендарных Борто-Чино и Бодончара к Чингисхану и его потомкам. Хроникальное повествование дополняется историческими рассказами и легендами и текстами фольклорного происхождения.

Повести буддийского содержания, как правило, основывались на жанровых образцах индийской, тибетской и китайской литератур. Например, на основе переводной повести о Бигармижид-хане возникли собственные монгольские варианты. "Повесть о Эндуурэл-хане", "Повесть о Багмай-хатан", "Повесть о Нарангэрэлдагине" в большей степени носят оригинальный характер. В частности, "Повесть об Эндуурэл-хане" написана предположительно в 1661-1662 гг. Агванжамцем. Сюжет основан, вероятно, на фольклорном источнике.

Новая монгольская проза стремится к полноте жанровой системы. Но сначала, в 1920-50-е годы, преобладают малые формы, очерки и рассказы. Роман упрочивается лишь в 1950-60-е годы. Повесть возникает уже в 1920-е годы и продолжает успешно развиваться в последующие десятилетия.

Сегодняшняя монгольская литература – современное, своеобычное искусство. Позади, думается, кризисы сверхидеологизации художественного творчества, прямого заимствования чужих образцов, а также некритического использования форм и поэтики собственной традиционной литературы и фольклора.

ФИЛИПОВ Александр
(Россия)

К вопросу о реформах в политике японского государства эпохи Эдо

Эпоху Эдо (1603-1867) часто характеризуют как время чрезвычайно стабильное, для которого не были характерны серьёзные изменения в государственной организации. Данное утверждение справедливо, но при этом не означает отсутствия достаточно основательных изменений на протяжении эпохи. Можно попробовать проследить каково же было отношение к целенаправленным изменениям, к реформам в эти времена; для какого периода было более характерно стремление к реформированию отдельных аспектов, затрагивающих существенные элементы государственного строя.

Наиболее известными реформами эпохи Эдо принято считать так называемые "три больших реформы" годов Кёхо, Кансэй и Тэмпо, однако, думается, что можно предложить и иной взгляд – о значительно большей степени распространённости реформационных преобразований. Тогда "три реформы" представляются лишь наиболее заметной частью процесса реформ, всецело захватывающего вторую половину времён Эдо.

Результаты предварительных исследований сведены автором в таблицу, наглядно и информативно отражающую основные моменты работы. Иллюстративный материал, приводимый в сводной хронологической таблице, представляет приходящиеся на эпоху Эдо наименования девизов годов правления, имена и время пребывания у власти сёгунов и императоров. При этом бросается в глаза, что, начиная с Гэнроку до конца эпохи Эдо, никаких особых преобразований не проходило лишь во времена девиза годов Канъэн (т.е. из 24 девизов лишь один не отмечен явными реформами; первая половина эпохи в контексте реформ в данном случае не рассматривалась). Более того, если принять в расчёт ещё 12 девизов годов правления с начала эпохи Эдо до Гэнроку, то в достаточной близости к последнему проведение реформ окажется связано ещё с 2-3 девизами (Дзёо, Тэнна, Дзёкё). В целом всё это создаёт стойкое впечатление о практически не прекращавшейся цепи реформационных преобразований по мере приближения ко второй половине эпохи Эдо.

В результате общего обзора хронологии реформ во вторую половину эпохи Эдо, можно осмелиться на утверждение, что "три больших реформы" (Кёхо–Кансэй–Тэмпо) являются лишь наиболее ярким и заметным явлением в чреде практически не прекращавшихся реформ и преобразований, оказавшихся одним из наиболее характерных явлений для всей этой эпохи, в конечном итоге подготовившей Японию к выходу на новые рубежи эпохи Мэйдзи, которая, в свою очередь, ознаменовалась, пожалуй, ещё более фундаментальными и всеобъемлющими преобразованиями.

YAHAYA Mahayudin Hj
(Brunei)

The Islamic schism during the 1st century of Hijrah and its impact on Muslim society

The enormous wealth particularly land and property acquired by the Arab conquest during Umar's caliphate were together one of the most important reasons for Arab settlement in the town of Kufah in Iraq. This also became the vital issue in the study of Islamic schism. This paper attempts to establish link between the disputes over some of the occupied territories in Iraq and the Kufan opposition occuring during the reign of the caliph 'Uthman. The remarks in this paper are intended to present a broad picture of conclusion reached in a more detailed study of this Kufan opposition- conclusion which is based on the earlier Islamic historical sources available to us.

ДЕРЮГИН В.А.
(Япония)

Относительно миграции северных тунгусов на северо-западное побережье Охотского моря

В настоящее время продолжает доминировать теория, разработанная на основе исследований полувековой давности, об относительно позднем миграции тунгусских племен в северное Охотоморье. Согласно ее построениям, они вступают в контакты с корякими примерно в XV-XVII в.в. В настоящее время появились новые данные, которые требуют пересмотра этих хронологически рамок.

Около VII века вдоль островной части Охотского моря, вплоть до севера Курильской гряды, идет распространение охотской культуры, происхождение которой связано с мохэской культурной традицией. В устьевой части Амура имеются памятники одновременной ей тэбахской культуры, лежащей между миром морских звероробоев и миром кочевников. С другой стороны, в этой культуре наблюдается достаточно заметный элемент влияния со стороны населения таежной зоны, что нашло отражение в присутствии круглодонной керамики.

В северо-западном Приохотье также присутствует обе гончарные традиции характерные для тэбахской культуры. Первая из них, представленная сосудами типа эноура, имеется в материалах так называемого раннего железного века и на двух памятниках токаревской культуры. Внесение данной керамики в типолист последней дискуссионно, так как на тех памятниках где она обнаружена имеется и инвентарь древнекорякской культуры, которая как раз и одновременна с тэбахской. Именно данную керамику и следует связывать с "пешими тунгусами".

Относительно круглодонной ложнотекстильной керамики, которая, предположительно, соотносится с кочевыми тунгусскими племенами сведений мало, что обусловлено именно кочевым образом жизни. Можно отметить ее наличии в одном из погребений на мысе Трех Братьев и на стоянке Ольская. По своим технико-технологическим показателям она не имеет отношения к сосудам древнекорякской культуры.

Исходя из данных соотносимых с материалами тэбахской культуры, следует предположить, что появление тунгусских племен на северо-восточном побережье Охотского моря состоялось около середины I тыс. нашей эры. Оно было обусловлено общими социально-культурными процессами, происходившими в то время в Приамурье и Маньчжурии.

GROVER Amrita
(India)

Methodology of History Writing--Distortions and Bias in History With Special Reference to the History of India

In the writing of history, the emphasis hitherto has mostly been on the narration of political events with some analysis of the same. This is most inadequate as real history should equally cover various socio-economic and cultural aspects of the people. It is imperative to adopt an objective approach and disciplined methodology of historical research based on all contemporary sources. Importance should be attached to the study of rural society and the role of caste. Besides contemporary writings, source materials -- such as numismatic, epigraphic and archeological --have to be taken into account. Rewriting of history sometimes becomes necessary in case of new findings, especially in old civilizations and cultures.

National and social bias of some Western writers resulted in numerous distortions in Historiography, both within Europe and colonized countries. Under UNESCO programmes, since 1951, some biases have been removed from prejudiced historical writings of West European countries but problem still persists in East European and Third World countries.

Regarding Indian History, James Mill and others writing with racial superiority complex, analysed with prejudiced contempt the Hindu civilisation and Muslim institutions. European historians highlighted the impact of the Greek-Roman Civilization on Indian culture but did not highlight the role and contribution of the Indian immigrants in various fields during ancient and medieval ages in West Asian and East European countries.

Some instances: Some post-Independence Indian historians' biased views about decline in the urban economy of North India before the coming of Islamic urbanization and Turkish conquest without effective opposition due to the rigidity of Hindu Caste System have been contested based on contemporary sources. Similarly, relying on the Turkish and Persian sources, the truthful character of Babur's Memoirs is questionable.

Regarding Sikh religion, all contemporary sources categorically stress that Nanak Panth that evolved unto Sikhism was an integral part of Hinduism. Only 20th century polity considers Sikhism as a distinct religion.

As regard the partition of India, besides the controversial 'Two Nation' theory of the Muslim League or comparative responsibility of the Indian National Congress or British Government, emphasis is needed on regional communal factor, leading to mass migration and role of voluntary organizations for the evacuatin of millions of displaced persons from split countries of India and Pakistan.

CHAUDHARY Anju Grover
(USA)

Internet and Broadband Revolution:
Changing the Future of News

The availability of high-speed broadband has begun to spawn revolutionary new forms of communication. While extending the reach of the Internet and enhancing the content, the new broadband networks have initiated new ways for conducting business and providing services to the consumers. They have enabled the various media to leave their separate and distinct identities and converge for transmitting information to the masses. They have ushered in a new era of convergence: convergence between the Internet nad television, between the Internet and wireless communication and between the Internet and telephone. Convergent technologies are enabling the Internet companies, media organizations and telecom operators to offer a variety of mind-boggling array of information, products and services to millions of people around the world.

In the new "technitorial age," journalists need to work imaginatively with the rich swirl of text, photos, graphics, audio and video that multimedia embodies and create stories that can be told in innovative ways.

This is the future of news: custom-fitted, highly targeted, and drawn from a variety of sources. With a new phenomenon called "meta browsing" – a service that retrieves multiple web pages and lets tbe user view them in a single place – news can be delivered in real time via e-mail, pager, cell phones, mobile wireless services, personal web pages or pop-up screen alerts.

A new technology is "Telematics", a computerized system in a vehicle that connects you to services or content based on your location. The new cell phone programming, which has taken off in Japan, can turn cell phones into computers that can download and execute programs just like PCs. Voice portals like "TellMe" – a wireless service that supplies news headlines, weather reports, stock quotes, movie reviews and sports scores – dot the landscape.

Another option will be personal broadcasting that will allow people to create their own programming. People will be able to tape their own video, edit it, beam it up to a satllite and broadcast it anywhere. Yet another scenario suggests that the digital convergence of computers and television will result in a set-top box that can deliver news personalized to your individual tastes, based on the kinds of programs or segments you watch.

Latest innovation is "Bots", a digital butler that roams the Internet, intuitively knowing your likes and dislikes, retrieving news and information according to your individual tastes. News in the future may be very different from what we are used to reading in the daily newspapers or the Internet or watching on television. Will people be going to portals or online papers to get their news or will they be using bots?

POPKHADZE N.B.
(Tbilisi)

Reform of Achenaten and
Links with Mitani and Karduniash

Achenaton – the reformist pharaoh of Egypt in mid 14th century BC was aided by his consort Tatu princess of Mitanni, the daughter of king Tushrati. She was 14 when she was married off to Egypt. At coronation as queen of Egypt she was given another name – Nefertiti, meaning "the beutiful lady that arrived from another country". Ample material is published concerning this pair and she is compared with Princess Diana of Wales. Several publications displayed on the net insist that Nefertiti ruled Egypt with dignity after the death of Achenaten her consort for three years. During her rule and even earlier when Achenaton ruled she became the High Priestess of Aten, the highest religious agent in Egypt. Neither before nor after her was any other lady blessed with that grace. The official correspondence of king Achenaten of Egypt with kings of Mitanni and Carduniash display the coordination in religious reforms in those countries. Kings of Mitanni and Karduniash called Achenaten 'brother' and claimed much gold for novel religious shrines being erected in their countries. An exquisite artfact displayed at the website of the Louvre museum in Paris described by the personnel of the Louvre as "Eagle with Ram on his Head. Egypt. Mid 14th century" is compared with another resembling artfact from the National Museum of History in Tbilisi – displaying the eagle with the ram on its head. The author proposes that both artfacts represent the national or state symbol of countries where these artfacts were excavated. The New Year began on the next day after the sun entered the constellation of Ram called Aries by astronomers. It might be modified centuries later into the Story about the Golden Fleece – intentionally or unintentionally. The artfact in Louvre is made of tortoise shell and is miraculously decorated with golden and blue enamel, while the ram is of solid gold. The artfact from Tbilisi museum was excavated in Brilli

village in Georgia and is simple but excuisite. Both are standards and their owners seem to have been the standard-bearers. Letters from the capital of Egypt Achet-Aten will be discussed according to the French and English translations of the Egyptian hyeroglyphic texts. Years ago the Prime Minister of Egypt Mr. Anvar Sadat publically expressed the desire that religious wars be terminated as being a shame to the mankind. He proposed that the symbolic religion of Sun be accepted by all as it belongs to every living being. That public declaration of A. Sadat was recently aired on the BBC. The author is greatful to all those that have taken pains for publication of ample material concerning ancient history of mankind.

ТИКАЕВ Г.Г.
(Россия)

Мамлюкское правление в Египте и его освещение в исторических произведениях египетского писателя Мухаммеда Саида аль-Арйана

1. Появление мамлюков на исторической арене связано с Айюбидскими султанами (1170-1250), которые окружили себя гвардией, сформированной из мамлюков. В 1250 г. командная верхушка мамлюков захватила верховную власть в Египте. У власти встали бахритские мамлюки тюркской династии, которые правили в Египте до 26 ноября 1382 г., когда на трон Египта вступил султан Баркук и основал начало правления другой мамлюкской династии буржитской (черкесской).

2. Мухаммед Саид аль-Арйан (1905-1964), автор нескольких исторических художественных произведений, в своем романе "Шаджарат ад-Дурр" описывает приход к власти в Египте мамлюков тюркского происхождения. В основном, он посвящен известной женщине правительнице Египта Шаджарат ад-Дурр, которая после смерти своего мужа ас-Салиха Наджм ад-Дина Аййуба (1240-1249) несколько месяцев самостоятельно правила в Египте. Имя Шаджарат ад-Дурр стало известным и популярным не только поэтому, но и по той причине, что она была первой и последней женщиной в эпоху мусульманского средневековья, восседавшей на троне Египта.

3. Эпоха, которой посвящен исторический роман Мухаммеда Саида аль-Арйана "Шаджарат ад-Дурр" (XIII в.), характеризуется глубокими изменениями в социально-экономической жизни Египта. Именно в этот период тюркские мамлюки начинают активно вмешиваться в государственные дела, возводя и свергая султанов, а затем захватывают египетский трон. Первым мамлюкским эмиром становится Муизз ад-Дин Айбек аль-Джашангир, бывший "пробователь пищи" у султана ас-Салиха. Автор неоднократно упоминает в романе и о других мамлюках-тюрках Айбеке, Актае, Бейбарсе и Калауне, о том, что они принадлежали к туркменским, хорезмийским

и кипчакским племенам. После Шаджарат ад-Дурр они, пожалуй, основные персонажи романа, действующие на всем протяжении романа. Их объединяет личная храбрость, преданность своему эмиру ас-Салиху, в остальном это люди разного склада, характера и темперамента. В романе астролог предсказывает Айбеку, Бейбарсу и Калауну султанский трон в Египте. Все трое на самом деле стали правителями Египта в тот или иной период.

4. Окончательное падение правления мамлюков в Египте связано с победой в 1517 г. турецкого султана Селима I над последним мамлюкским султаном черкесской династии Туман-беем (1516-1517), который и является героем другого романа Мухаммеда Саида ал-Арйана "У ворот Зувейла". Название романа связано с тем, что в конце своего жизненного пути побежденный турецким султаном Туман-бей оказался повешенным на этих воротах. Фактически роман охватывает последние двадцать лет правления мамлюкских султанов. На наш взгляд, действительно, борьба за власть среди мамлюков, продолжавшаяся с самого возникновения мамлюкского государства (1250 г.) вплоть до его падения (1517 г.) составляет основное содержание той сложной общественно-политической ситуации, на фоне которой разворачиваются события жизни главного героя романа Туман-бея. В романе Туман-бей представлен как положительный герой, избранник народа и его законный представитель. Ему свойственны высокое чувство ответственности и сознание долга перед египетским народом, к которому он относится как к собственному. Несомненно, образ Туман-бея несет в себе морально-этическую, назидательную функцию: писатель на первое место ставит нравственную чистоту своего героя, для которого чувство долга превыше личных интересов. Ал-Арйан критически подходит к оценке исторических событий периода правления мамлюков в Египте, осуждая жестокость и деспотизм со стороны мамлюкских султанов, (особенно ан-Насира Мухаммеда и Кансуха ал-Гури). На фоне этого четко вырисовывается стремление ал-Арйана выделить в истории мамлюкского правления какие-то отдельные "светлые" периоды. Как мы видим, эти светлые моменты связаны с образом Туман-бея – честного, добросовестного, заботливого правителя, олицетворяющего торжество разума над фанатизмом и деспотизмом. Именно недовольство народных масс в период правления Кансуха ал-Гури, как это показывает в своем романе ал-Арйан, является одной из причин поражения мамлюков в войне с турецким султаном Селимом I и падения мамлюкского правления в Египте.

5. Следует отметить двойственное отношение писателя к исторической роли мамлюков. С одной стороны, он показывает их как храбрых блестящих воинов, которые могут быть до конца преданы своему господину. Действительно, с помощью мамлюков аййубиды одержали ряд побед над крестоносцами, успешно отра-

жали натиск монголов, которые так и не дошли до Египта. Но с другой стороны, как это замечено в романе, мамлюки были чужды египетскому народу, который не допускался к управлению, будучи коренным населением. Этот вывод автора романа красной нитью проходит через все произведение, как и тот, что мамлюки, прежде всего, заботились о своем благополучии.

САЙДУМАРОВ М.Г.
(Узбекистан)

Современный саудовский арабский роман
(возникновение, становление и этапы развития)

Периодизацию современного саудовского романа представляется возможным классифицировать следующим образом:

I этап (1930-1958) – попытки по пути создания саудовского романа.

II этап (1959-1979) – возникновение первого художественного романа, период "обновления".

III этап (1980-по наст.вр.) – модернизация саудовского романа.

Произведения последних лет поднимают новые темы и новые проблемы. Это – проблема отчуждения на западе, вопросы учёбы и труда женщин, проблема урбанизации и социальные проблемы, которые возникают с развитием саудовского общества.

Художественность саудовского романа также поднимается на высокий уровень.

TOKUNAGA Muneo
(Japan)

Some Remarks on the Itihaasas in the MahAbhArata –
A study of the textual development of the ZAntiparvan

It is a common understanding of epic scholars that the MahAbhArata of KRSNa DvaipAyana developed from a heroic poetry of a relatively smaller size into the present form of ca. 75,000 verses (Critical Edition) or into the "DharmazAstra" of 100,000 verses, which is traditionally called ZatasAhasrI SaMhitA. It is therefore of special importance, in terms of textual development of the MahAbhArata, to investigate "why" and "how" such a huge amount of didactic material entered the MahAbhArata. In this paper I will make a report of one of the results of this investigation.

The MahAbhArata is not only a heroic poetry or a great "DharmazAstra." It is also a rich source of independent episodes of various sorts, which were prevalent in ancient India. Interestingly, the majority of these episodes (itihaasa-s) are found in the ZAnti- (Book 12) and the AnuzAsana Parvan (Book 13) of the MahAbhArata. They are quoted, presumably in modified forms, with the opening phrase: "atrApy udAharantImam itihAsaM purAtanam" in the discourse of BhISma on the RAja-, MokSa- and other Hindu Dharmas of the epic period. I will explain the background for these ItihAsas and show why they concentrate in the text of BhISma's discourse. Simultaneously, I will try to distinguish these ItihAsas according to style, contents and context with the intention of exploring the layers of the didactic section of the MahAbhArata.

SUN Warren
(Australia)

The First Tiananmen Incident Revisited:
Elite Politics and Crisis Management at the End of the Maoist Era

While in broad terms the conventional understanding the late Maoist period is closer to the actual nature of CCP elite politics than it has usually been for other periods, in many respects it is wide of the mark. The 1976 Tiananmen incident is a case in point. Generally considered a situation where the "gang of four" and Hua Guofeng and other Cultural Revolution beneficiaries forged an alliance since both groups felt threatened by popular support for Deng Xiaoping, and jointly carried out a harsh suppression of the protesters in Tiananmen Square, the actual dynamics were quite different. The predominant tendency of nearly all Politburo members was to manage the crisis through restraint, the common interests of the beneficiaries were much greater with Deng's old revolutionaries than with the radicals, and the radicals themselves were far from united, one of many indications that the whole concept of a "gang of four" is exaggerated. And despite an unprecedented situation where due to ill health Mao was unable to exercise close control, the Chairman still dominated the process.

ИВЛЕВА Р.В.
(Россия)

Монгольская проза 1985 – 2000 гг.

Доклад посвящен монгольской прозе 1985-2000 гг.; в нем представлена общая характеристика прозы: раскрываются основные тенденции её развития, характерные черты, жанровые и стилистические особенности.

Специфика литературы 1985-2000 гг. может быть понята только в контексте истории. Хронологические рамки, ограниченные именно 1985-2000-ми годами, обусловлены особенностью исторического развития Монголии тех лет, занимающих в истории страны самостоятельное место. Проза 1985-2000 годов является отражением стремительно изменившегося времени и представляет собой новую, еще мало изученную, страницу развития монгольской литературы.

Монгольская проза 1985-2000 годов сохранила тематическую преемственность предшествующего периода (произведения о Родине, о любви, о матери). Вместе с тем в ней появились совершенно новые темы и проблемы (произведения о репрессиях, критика социалистического строя; и в то же время критика нового социального устройства: изображение социально неблагополучных групп людей).

Принципиальным для современной прозы является ее тотальный отказ от социалистического прошлого страны и одновременно с этим весьма критическое отношение к новым социальным реалиям, что во многом определяет тематический диапазон, стиль и манеру произведений этого периода.

Очевидной особенностью литературы 90-х гг. является то, что освещение социальных проблем в прозе происходит через изображение частной жизни, частных проблем конкретного человека. Социальный акцент ощущается благодаря специфики отбираемых тем и способу их изображения.

Монгольская проза 1985-2000 годов стала намного разнообразнее в способах художественного изображения. Например, морально-этическая тема обычно решалась на примере конкретной ситуации. Теперь эта же тема воплощена средствами условно-метафорического изображения.

Монгольские писатели конца XX в. особое внимание стали уделять занимательности сюжета. Законы детективного, приключенческого жанров все чаще используются для придания динамичности сюжету и увлекательности чтения.

Самой распространенной и развитой формой в этот период является рассказ. Развивается и широко используется романная форма. Повесть же, напротив, переживает критический период.

В прозе появляется новое направление, которое монгольские литературоведы называют модернизмом. Для возникновения этого направления в монгольской прозе сложились определенные предпосылки. В прозе определилась деструктивная тенденция в отношении образа внешнего мира. Все меньше он становится определенным, все больше размытым, чуждым, неподдающимся каким-либо законам. Проза углубляется в личные переживания героя. И модернизм с его акцентом на личностной интонации персонажа, живущего в своем неповторимом мире, становится логическим продолжением этого процесса.

Используя опыт зарубежной литературы, писатели осваивают и широко распространенный в постиндустриальном мире постмодернизм. Основные вопросы, которые поднимаются в таких произведениях, – это вопросы об "истине", самосознании человека, постижении им собственного "Я", издревле являющиеся предметами философского изучения. Обращение монгольских писателей к вопросам постижения истины и самопознания человека находится в контексте общемировой философской и духовной мысли.

Монгольская проза 1985-2000 гг. находится на достаточно высоком уровне развития; она представлена разнообразием тем, жанров и способов художественного изображения. Монгольская проза развивается во взаимосвязи с мировой художественной литературой, но в то же время сохраняет свой национальный дух и колорит. 1985-2000-й годы являются для неё совершенно новым, самостоятельным, этапом развития, что определяется как внешними, общественно-политическими условиями, так и внутренними процессами, которые происходили в течение этого времени во всей монгольской литературе, в частности, и в прозе

ЧАЧИБАЯ М.А.
(Грузия)

О взаимоотношении сирийско-грузинских версии "Жития Петра Ибера"

1. Сирийская и грузинская версии жития Петра Ибера, видного церковного деятеля V века и величайшего авторитета, деятельность которого связана с Константинополем и монастырскими центрами Палестины, играют огромную роль как для изучения его жизни и деятельности, так и для изучения сирийско-палестинской церковной и политической истории V века и сирийско-грузинских литературных взаимосвязей. Однако исследование текстологической и теологической проблемы сирийской и грузинской версий "Жития" приобрело особо важное значение после того, как известным грузинским ученым Нуцубидзе и бельгийским ученым Эрнстом Онигманом Петр Ибер был признан автором Ареопагитского корпуса.

2. Сирийская и грузинская версии "Жития Петра Ибера" фактически не изучены. Причем становится очевидным, что многие вопросы, связанные с исследованием текста, невозможно решить только на основе сирийских источников без привлечения грузинского материала.

3. Сравнение сирийского и грузинского текстов позволяет полагать, что сирийская и грузинская версии "Жития Петра Ибера" имеют единый источник.

4. Мы задались целью выявить соотношение между сирийской и грузинской версиями "Жития". За исключением отдельных эпизодов, тексты в основном совпадают. Однако сирийская версия переделана, а грузинская версия Макария Месхели не дошла до нас, поэтому единственным текстом, с которым может быть сравним сирийский, является восстановленный протоиереем Павлом текст, в котором отсутствуют отдельные места из-за дефектности оригинала, а некоторые эпизоды добавлены в процессе переработки текста.

5. Несмотря на то что, грузинский текст "Жития" переработан и отличается от сирийского, его не следует недооценивать,

т.к. именно в грузинской версии сохранились важные сведения, которые помогают понять отдельные неясные места сирийской версии.

RAZAVI Seyyed Hosien Shahab
(Iran)

Novelty of Shahryar's sonnet

Shahryar, undoubtfully, is one of the most important contemporary sonneteers, whose poem has conquered horizons of Farsi language lands. His poem ,considering different aspects is worthy but what enthralls his audiences more is new-seeking and novelty which surges all over his poems. The goal of this speech representation is to survey freshness in aspects of his verbal and speech poem, since this dimension of Shahryar's poem possesses apparent novelty. From this point of view his innovations can be studied as follows:

1. Recency of lexis and compounds: A – imaginative provacation of lexis: Lexis of each poem should have power of provoking imagination. It should be noted that word, regarding conveying specific meaning, in predicative use of language possesses value but in poem in addition to meaning, the term is of importance, since it can provoke imagination and revive romantic memories in the mind of reader. This term, having inspiration power, cannot be replaced with its equivalent easily. Of course this usage of term by poet should be at the service of main purpose of poem, poetic affection. Regarding Shahryar it should be said that he takes advantage of (historic memory) in his poem in order to inspire affection. Name of poets, musicians, places which audiences of poet are familiar with, and this familiarity has influence over emotional sensation of poem. B – Pleasant settlement of lexis in poem: One of the creativity in poem is the fact that how much a poet, who use new lexis in his poem, could solve it in his context of term in such a manner that its strangeness could not be felt. For achieving this it is necessary to set word in dealing with other components of poem, so that there is no interference.

2. Animation of images: Shahryar's creativity in production of image is considerable in two parts of simile and metaphor. (new simile) which means that poem choose a new (subject unto which a thing is liked) which has no history prior to him. In many cases these (subject unto which a thing is liked) are the name of things entered in to the people's life in recent two decades. Another characterization of these similes is exploitation of new mood of linked from them.

It should be mentioned about novelty of his metaphor that: Firstly, term of (metaphor) is among words which is using in the language of ordinary people. Secondly, (mood of linked) in these metaphors is rational compound. Thirdly, indicators which cause reader's mind to be attended from actual meaning to poet's notion of imagery meaning in his explicit metaphors considerd as (mood of linked), and in some

cases are abstract. His implicit metaphors are mostly art of (personification).

3. Comments and slangs: The method Shahryar has chosen in the path of his poem's modernism is utilization of current idioms from colloquial language in poem. His mysterious success is application of daily idioms is so masterfully in most cases that a reader can not gain conscious of the fact that these idioms are special for predicative language and not for poem.

Eight reliable sources has been used in composition of this discourse.

SOKOLOVSKI A.Ya.
(Vladivostok)

Cultural relations between Far-Eastern region of Russia and South-, South-Eastern countries

Одним из важных направлений развития российского Дальнего Востока и Приморского края в частности стало расширение и укрепление разностороннего международного сотрудничества, в том числе в области культуры, образования и науки. Связи этого региона России с такими странами Южной и Юго-Восточной Азии как Индия, Вьетнам, Таиланд, Индонезия и др. связаны с геополитическими интересами и имеют глубокие корни и активно развиваются. Особая роль в этом принадлежит городу Владивостоку – морским дальневосточным воротам России в страны АТР.

В современной геополитике выделяют три измерения (В.А. Колосов):

1) политическое и военно-стратегическое;
2) экономическое, основывающееся на видении места страны (региона) в мире через призму международного разделения труда;
3) культурно-историческое, объясняющее существующие и потенциальные проблемы разломами в культурном пространстве.

При этом первые два измерения связаны, главным образом, с интересами государств, а последний – с более широким кругом субъектов политической деятельности. Еще важнее то, что политическое и экономическое измерения геополитики охватывают интеграционный потенциал стран и процессы глобализации мировой экономики и политики, тогда как дезинтеграционные процессы, напротив, имеют в своей основе этно- и историко-культурную подоплеку. Именно культурно-исторический подход продуктивен для понимания процессов, происходящих в мире и в странах Южной и Юго-Восточной Азии в частности.

С целью изучения этих процессов и подготовки специалистов, способных обеспечивать международные связи российского Дальнего Востока с указанными выше странами стало создание в одном из старейших университетов – Дальневосточном государственном – отделения изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии. Вьетнам

здесь изучается уже четверть века, Индия – 10 лет, Таиланд – 5 лет. В настоящее время активно ведется подготовительная работа по созданию индонезийского отделения. Студенты отделения получают всестороннюю подготовку: изучают язык, литературу, географию, культуру, политику, экономику изучаемых стран. В Университете работают также Индийский культурный центр (http://www.dvgu.ru/rus/ fesu/struct/center/india/) и Центр вьетнамской культуры (http://www.vietnamculture.fromru.com). Планируется открытие тайского и индонезийского культурных центров.

Дальневосточный госуниверситет не только обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов, но и сближает народы России с народами Индии, Вьетнама и Таиланда. Он подписал несколько договоров и соглашений о сотрудничестве и обмене преподавателями и студентами с Хайфонским (Вьетнам), Бангалорским (Индия) и Рамкамхэнгским университетами (Таиланд). Эти договоры активно действуют. Развитие и укрепление отношений между РФ и странами Южной и Юго-Восточной Азии в настоящее время свидетельствует о неизбежном продолжении интеграции ДВ России со странами АТР и странами Южной и Юго-Восточной Азии – его составляющей частью.

BASSAK Hassan
(Iran)

Art and Science as two important features in Isfahan

Isfahan is one of the most important cities of Iran. It was mainly developed in the era of Safavid dynasty (1000 Hejri or 1598 A.D.) when King Abas 1 the great made it his capital and rebuilt it into one of the largest and most beautiful cities of the 17th century.

This city, because of its historical and cultural characteristics, has a well reputation all over the world which we can not be witnessed in other parts of Iran. In spite of high advantages in Isfahan, few people have paid attention to the literary artistic features of it.

It should be mentioned here that some Iranian scholars such as Sheikh Bahaei had a great role in spreading the well reputation of Isfahan. However, we do not know them and very few of them have been mentioned in the history of Isfahan. I believe that a great part of Isfahan's name is due to these Iranian scholars and artists who loved Isfahan very much and they created great and vital artistic writings and monuments of which some are present in Museum, library and in the city of Isfahan.

In brief, this paper tries to talk about these Iranian scholars as well as Iranian artists who together helped Isfahan get a worldwide reputation in different eras in the history of Iran. However, I try to focuse my attention on artistic and scientific features, which eventually attracted the Orientalists attention.

ESMAILPOUR Abolghasem
(Iran)

Manichaeism in Iran in the First Century after the Raise of Islam

The eastern branch of Manichaeism, Denavariyye, led by Mar Shad Ohrmizd had been separated from the main stream of the religion and its leading center in Babel decades before the fall off the Sassanian dynasty. Thes ideological background and political-social changes in western borders of Iran during the first century of Islamic era led to the raise of two Manichaean sects, Mihriyya and Miqlasiyya, in the twin city of Mada'en, where Iranians, with different religious beliefs, lived for centuries/ mihriyya led by Mihr during the caliphate of Valid Ibn-1 Abd al-Malik (6th 'Umavi caliph, b. 48AH./670AD.; r. 86/710; d. 96/718) and the govering of Khalid Ibn-1 Abdullah Qasri in Iraq (b. 66/688; r.105/727; d. 126/748). The latter, led by Miqlas, had reformed in Manichaen social relationships (visalat) and determined new religious affairs.

During the prevail of Mihriyya, a rich man called Zad Hormoz left his wealth and joined the sect. according to the *Fihrist*, he reached Wizidagan (the Elects) rank and wished to join the Denavariyya. However, he attained the leadership of Manichaeans in Mada'en and built a temple there with the help of a rich scribe attached to the governor during 75/697-95/717. His death led to the final separation of Mihriyya and Miqlasiyya. The process of Manichaean reformation and its ideological disputes are the main question of this paper.

BAGHERI Mehri
(Iran)

Astronomical data in a Middle Persian Text

Among different scientifical fields and subjects, astronomy was of great importance in ancient Iran from remote times. Accordingly one can find diverse forms of astronomical, astrological, astrolabical, almanac and calendar data in numerous texts written in Middle Persian languages such as: Bundahishn, Denkart, Riwayat, Pahlavi texts, Manicaean fragments, Si ruze, etc.

In "Karnamak i Ardasher i Babakan" which is an authoritative book amongst the Pahlavi texts, besides a complete description of an astrological data, there is a title which describes the great importance of astrology in Persia during the Sassanian period. The title is "The chief of astronomers". This title is considered as one of the most high ranking officials residing in the court which indicates the importance and wide spreading of this subject and related sciences.

The most explicit astronomical data inserted in the Middle Persian texts, could be found in the 2nd chapter of Bundahishn which deserves a full discussion and explanation. Bundahishn (creation) is

a fundamental work of compilation in Middle Persian. It is an original work on cosmology in which the scattered teaching of the Avesta were coordinated and brought into a system by an author who was presumably, living towarda the end of the Sassanian epoch.

The topics explained in this text such as; degree and minute, measures, the spheres, polaris, lunar mansions, satavaesa, vanant and tishtryaeni are thoroughly discussed in Avestan sources as well as other above mentioned Pahlavi texts.

In this paper I will thoroughly investigate the astronomical datas mentioned in the 2nd chapter of Bundahishn.

EAZAZI Zanjadi Zadeh
(Iran)

The impact of education on women's situation in Iran

Today there is an equal access to and attainment of educational qualification for Iranian woman and girls and there has been a considerable increase in all educational levels. As changes in system of gender stratification is determined by demographic, technological innovations, economic and political changes, the purpose of this paper is to study the impact of education on social situation of Iranian woman. Our study shows that educational has both functional and dysfunctional consequences for women's situation. In non traditional areas such as large cities education, especially higher education gives women the opportunity to have access to resource generating work roles and thus reduce gender inequality.

But in rural areas where women by tradition have not the legitimate means for achieving their goals in culturally approved way, the education encourages women to aspire an ideal life, and the result of this discrepancy is anomie and various pathological behavior.

DEZFOULI M.R. Mokhber
(Iran)

The Translation movement and its scientific role in Islamic civilization

According too the Islamic monotheistic viewpoint, different studies, as they finally lead to wisdom of Divine creative power, are all valuable. All sciences are related to each other and reflect an aspect of the Creator. This is why in the Muslim World acquiring knowledge, even by the ordinary people, is considered as being a holy act; and religion and knowledge are coordinated with each other. The mosques, i.e. the centres of religious gathering, as the beginning, had the role of educative centres. In the first century After Hejira (AH), the Muslims merely paid attention to Islamic sciences. The scholars also quenched their

thirst of knowledge from the sea of Islam, they were amongst the non-Arab Muslims especially the Iranians. The global knowledge heritage which basically belonged to the people of Sumer, Elam, Assyria, Iran, Egypt was transferred to the developing Western World. consequently, the sciences of Iran were translated to Greece which was a knowledge later on known Greek.

On lf the main centres of knowledge of the ancient world was the Alexanderia library, museum and school. Edessa, a Greek-Roman city, was the centre of religious and intellectual sciences of the Christians. The litrary ascent lf the scientists of this school of thought was called Syria which is the branch of Arami language. The Syria language scientists, while being engaged in providing the principles of their religious beliefs, engaged in teaching the Greek scientists. They also attempted to translate the various Greek books into their language.

Jondishapour became a university which mainly dealt with medical sciences by order of Sassanid Shahpour1. There the Iranian Syriac language scientists, Roman, Indian and Zoroastrian scholars were busy teaching and conducting research. There were also a group of Indian physicians and scientists in Jondishapour hospital, who translated several books in the field of Indian medicine into Pahlavi (old Persian) and later to Arabic. During the Abassid dynasty's regin, khazanatul hekmah, which was a kind of library, observatory and scientific centre as well as translation centre was stablished. The translation movement continued during 2nd, 3rd and 4th centuries Hejira. Iranian and Syriac language translators translated a great number of books in various fields from Greek, Pahlavi and Indian into Arabic. The advantage of these translations was that they safeguarded the ancient heritage of global science and kept it at the access of humanity. In the 4th and the 5th centuries A.H. the Muslim scholars illuminated the world of wisdom and knowledge with their research. Later, European knowledge lovers considered the Islamic countries as the source of wisdom and knowledge and attempted to learn their languages and translated the scientific books of the Muslims. The translation trend of Islamic books into Latin language continued from 10th to 12th century A.D. In the 14th and 15th centuries, the translation and publication of Islamic books continued. Unfortunately, flourishing era and scientific free-thinking reached its least level gradually and no more scientific development could be found in Muslim countries.

KHOSHROO Alireza Mohammadi Zadeh
(Iran)

Islamic Banking

Dealing in interest may be prohibited by religion but, contrary to what many suppose, Islamic Banking is a relatively recent phenomenon having developed over the past 50 years. Modern banking reached Muslim countries at the end of 19th century and early 20th century, pri-

marily through European trading companies which engaged in trade with Muslim merchants and their enterprises. They required banking facilities in Muslim countries to provide the medium for exchange (money!) for trading transactions. Although Muslim traders avoided the use of "foreign banks" for religious and sometime nationalistic reasons, growth of trade did, in time, require them to maintain current accounts and use bank transfers systems. Borrowing and saving with bank continued to be avoided in order that there was no dealing in interest.

The issue of interest free banking came to the attention of Muslim intellectuals in the 1940's and 1950's. By this time economic and financial influences had produced a number of local and national banks established along the lines of interest based foreign banks. They had started to bring the banking system and its services to the local population. By this time Governments of Muslim countries, particularly those, which gained political independence, had of necessity to engage in international financial transactions using banking systems. The requirement for commercial banking was recognized. The challenge was to avoid the concept of interest within commercial banking. The route to this was the development of the concept of profit and loss sharing (Mudarabha), the key concept from which the structure of most Islamic banking products and services are derived.

The 1960's and 1970's provided the political background and platform by which to attract the attention of Muslim Governmental and National Financial Institutions. Through a number of high profile conferences, where the theory of Islamic Banking was brought to practical application the Islamic Development Bank, an inter-governmental bank was established on strictly interest free banking principles was established, applying the concept of profit and loss sharing to its transactions and activities.

The first interest-free bank, the Dubai Islamic Bank was established in 1975. A few others followed in Sudan, Egypt and Kuwait in the late 1970's. Apparently a number of earlier interest free banking ventures were initiated in the 1940's/50's and 60's in a number of Muslim countries but they did not survive or did not survive in strictly Islamic Banking form. Most private Islamic Banking have been established in Muslim countries. However, a number have been established in western Europe and, indeed, a number of well known international banks, such as Citicorp and HSBC have seen the opportunities for the development and provision fo Islamic Banking products through selected subsidiaries and branches.

In most countries the establishment of "interest free" banking was been through private initiatives and were confined to that bank.

However, in Iran and Pakistan it was lead by government initiative. Outside Pakistan and Iran there are in excess of 50 interest free banks including a number in Western Europe.

In Pakistan since 1981 all domestic commercial banks have been permitted to accept deposits on the basis of Profit and Loss Share (PLS). In 1985 the banking system was transformed to between January and July of that year. From July 1985 no banks were able to accept any interest bearing deposits and all existing deposits became subject to PLS rules, though some (few) operations were allowed to continue on the old basis.

In Iran in 1981 steps were taken to eliminate interest from banking. Interest on all assets were replaced by a 4% maximum service charge and a 4%-8% profit rate according to the type of economic activity.

Interest on deposits was also converted into a "guaranteed minimum profit". As a result of Usury-free Banking Laws introduced in 1984 the banking system converted to an interest free system in 1985.

Islamic Banking not only provides services which are compliant in terms of the Muslim Faith but through the fundamental concept of profit and loss sharing with their customers deliver a highly ethical alternative proposition to conventional banking services.

Exposition:

Bank, is an important economic structure intermediary of every countries which sets savings and stagnant possessions and gives then to men, agencies and cash flow's applicants.

Some of the bank actions (tasks) are: equipping and disbursing society saving resources, opening letter of credit, clear the papers and issue bonds here in; equipping of resources and consuming them in every economic parts of appease various demands of people and economic agencies (such as: for consumption or generative) makes difference between Bank and other money and financial institutes.

There are some common and different aspects between non-usury banking organization (which had established and done in 1985) and International Banking organization (which is consist of bourgeosie).

There is no difference between foreign common banking organization and Islamic Banking organization from the viewpoint of society saving resources dependent.

Islamic banking is consist of: the location of saver, investor and bank resources in equity shape to invest in any fields for profit goal in Islamic standard frame and creditor and money organizations in which takings are divided into aforementioned persons.

Interest omission of non-usury Islamic banking in addition to some economic-social elements such as: justice, honesty, art, respect to others' rights and on the other hand changing responsibles, authorities and bank chief's behaviors into Islamic once, could obtain bank action coincidence guarantee on Islamic standards.

"Reba" (profit in foreign usury banking) is not only the mother of social injustice, but also one of financial resources dis-application reasons, basis of untruthful development and other different difficulties.

Anyway power and weakness points of Islamic banking are include of:

Power points:

1. Islamic Banking has high coincidence ability against age needs, because it has base in "sheea" religion. Of course now and potential capacities haven't used yet.

2. Islamic banking organization is based on spirit of un-usury banking rules, which are edited by Bank organization's titled and eminent authorities. However the spirit of Islamic rules is without canonical and economic trouble, but there are some haziness in performing.

3. In Islamic banking, bank task is not only giving facilities but also tending to product, employment, investment increasing foreign exchange economizing and project profit-making. So banks could decrease production costs and consequently could affect on society inflation rate positively.

4. Bank investment in Islamic banking is consist of below majors: agriculture, industry, mine (=diggings), lodging, construction, services and commerce.

Profitability is the common trait between Banks investment & market investment, which leads to minimum risk and maximum efficiency.

Reliable efficiency could obtain benefit for Banks and consequently for entente economic activity (between "payee-depositor")

5. In Islamic banking as a result of representation relationship about investment deposits, Banks divide benefits relatively to depositor resources share minus Bank-fee.

So despite usury banking which pays fixed-benefit to depositor, the Islamic one divides Banks trust transaction income into huge society stratum.

Weakness points:

1. Society doubt concerning banks usury transaction made some dimnesses as a result of fixed banks benefit rate regarding to some amenities such as "time-sale", which is needed to give some information to customers in canonical and legal bases of each contract.

Usury suspicion makes the relationship between banks and some society stratum decreased which is neither useful for Banks nor for people, because using some society stratum resources isn't obtained.

2. Costliness mortgage and margin charge (unmovable possessions) in awarded amenities, increases depositors financial costs and ultimately is being transferred to public by cost price increasing.

3. Prolong of some Islamic banking contract is difficult (such as "time-sale").

4. Deposites absorbing styles and tools in non-usury banking is restricted but it essential to pay much more attention to, specifically despite "electronic banking", "Home banking" and internet.

5. Current banks difficulties are consist of:

-Banking organization public structure
-Management and personnel wage and salary shortage in comparison with risks

-Financial responsibilities and overwork
-Non-coincidence between latitude and responsibilities
-Non-cleared of management latitude
-Lack of banks scope in operative use of own resources
-Amenities maximum and difference in various economic parts profit rate which prevent non-usury banking rule to work properly

6. it is suitable to evaluate Bank equity in expertly fee and get it from customer or give in "time-sale" to him/her to protect depositors' rights and take virtual profit in "civil association" (lodging and construction) for determining bank profit share.

Reference to QURAN:

As far as money is concerned, the Sharia does not regulate how a man spends it nor does it restrict his freedom to venture. Islam tolerates personal freedom and the right to accumulate wealth, but at the same time it rejects the materialism which brings about the exploitation of human labour by the possessor of capital.

There are a number of Quranic warnings against avarice, for example:

"Oh ye who believe... they who hoard up gold and silver
and spend it not in the way of Allah, unto them give tidings of a painful doom". *Surah Repentance (v.34)*

"Lo ye are those who are called upon to spend in the way of Allah yet among you there are some who hoard". *Surah Mohammed (v.38)*

Usury is forbidden in *Surah Baqarah (v.275):*

Those who live on usury shall rise up before Allah like
Men whom Satan has demented by this touch: for they claim that usury is like trading. But Allah has permitted trading and forbidden usury.

Using injunctions such as guidelines, banks have to answer the challenge of developing a monetary system which is viable in economic terms. To meet it, the Association of Islamic Banks have stated their Code of Practice as follows:

The bank should work towards the establishment of an Islamic Society.

Hence one of its primary aims is the depending of religious spirit amongst the peoples.

So within Islamic boundaries, banking is not complete selfcontained activity as is practiced in the West, but is part of a whole cultural ethic leading to the implementation of Islamic values throughout the society it serves. This ideal has necessitated a reappraisal of the role of money. In the West it is given an artificial status as a commodity and its accumulation is seen as a highly desirable aim. However, Islam prohibits hoarding and enjoins spending "in the way of Allah". This entails voluntary acts of charity: help to other in time of need; promoting Islamic values in education and social welfare; transmitting Islam to Non-Muslims, etc.

Money, therefore, is not a commodity in its own right, but has a status only in so far as it can be put to good use. The enjoyment of wealth beyond one's legitimate needs in not an Islamic virtue, nor is the desire for personal prosperity. Prosperity and adversity are both seen as necessary reminders of Allah and invoke thankfulness or mindfulness in their turn. Money is valuable only as a function or by-product of human effort, and human effort in its turn is the means by which a Muslim serves his Lord. This is the socio-economic theory of money which is now being put to the test in Islamic societies.

The principles of economics are a mystery to many Muslims as well as to non-Muslims. Those who carried Islam to the UK brought many defects with them. The principles of Islam, understood and practiced by the home-grown Muslim capable of taking the lead, would present the most serious challenge to the belief that an economic ideology would solve the problems of our society and for which, it seems, we are prepared to abandon our national sovereignty to the bankers of Europe.

TOOSSII Bahram
(Iran)

About Zoroaster and His Influence Upon Philosophy, "Erfan" & the World's Civilization

In this paper, the writer will introduce Zoroaster, the prophet of Persian religion, and one of the oldest and greatest thinkers, who was born (accorking to Plato's writings) between 6000 to 3500 B.C.

The similarities between Avests, his book, and the bases of philosophy will be explained and explanations will be given that Avesta had a direct and deep influence upon philosophy, Islamic culture, Shiism, philosophy of illumination and 'erfan' (gnosticism), the school of thought which says: "Stick to your beliefs and respect those of others".

TERRY Sui-han Yip
(China)

Sweet Dreams vs. Nightmares: Globalization and the Search for Identity in Selected Literary Texts from China, Taiwan and Hong Kong

Whether it is possible for one to benefit from the promises of globalization or override the threatened predicaments that often come with it remains a pressing question central to many debates on the subject. It is an issue to be dealt with not just by nation states or developing countries but more earnestly by individuals who find themselves caught in the flux of rapid change as part of the process of globalization in their societies. A close study of selected literary texts from China Mainland, Taiwan and Hong Kong will elucidate individuals' battle

through the torrents of global changes with an attempt to redefine themselves and to reposition themselves in society. The impact of globalization on human life, especially on individual identity and human relationships, will be the focal points of this paper.

KOLESOVA Elena
(Новая Зеландия)

Banal Resistance.
The History of the Popular Education Research Movement in Hokkaido, Japan

Japan is often perceived by outsiders as a conflict free society where harmonious relations reflect centuries old Confucian virtues. This paper intends to challenge such a view by investigating the Popular Education Research Movement in Hokkaido as a form of discursive resistance to the central control of the Japanese State.

The Popular Education Research Movement originated in the early 20th century in northern Japan: Tohoku and Hokkaido. The movement brought together mainly primary teachers who intended, first of all, to construct their own identity, the identity of local teachers of Hokkaido, as a form of discursive resistance to the national discourse on education.

What made the Hokkaido Popular Education Research Movement a form of discursive resistance to the official education policy? First of all, Hokkaido teachers felt very powerless in the environment of Japanese schools in spite of their high status in local communities. The second factor is that teachers did not accept the education environment as natural but developed a very strong criticism of this environment. The third factor is that the teachers expressed a conscious political commitment to the Hokkaido Popular Education Research Movement.

Among forms of teacher resistance in the pre-war years were attempts to construct a Hokkaido identity based on local knowledge, and the promotion of essay writing education which also had local roots and connected school education with the every day life of the Hokkaido people. In the post-war years teachers expressed their criticism of the American education reform, of economic nationalism and of remilitarization of education.

Teachers usually tried to avoid any open confrontation with the school administration and their resistance may be characterized as of-kilter, tangential resistance. On many occasions the teachers? actions resulted in the creation of a new form of discourse based on hybridization of the official discourse and discursive resistance.

The final question is: why did teachers who belonged to the Hokkaido Popular Education Research Movement resist so continuously in spite of the historical environment, repressions from authorities and even disregarding the fact that often there were no visible results or

these results were very different from their intended goals? To answer this question I incorporate M. Foucault's approach and argue that often the realistic objective of struggle was not some final freedom or liberty, but merely (and yet, significantly) the continued ability to struggle itself, to reproduce the conditions – the space- that made the struggle possible.

СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Е.К.
(Россия)

Оформление пространства
древнеяпонского государства Рицуре
(База данных географических названий)

1. Первое системное описание пространства Архипелага, расположенное в системе координат "семи областей", обнаруживается в "Куни-но мияцуко хонги" "Описании управителей областей" (10-ом заключительном свитке "Сэндай кудзихонги" ("Основные записи о деяниях прошлых эпох"). Памятник, составленный в 839-936 гг., видимо, является наиболее ранним документом, содержащим оформленную концепцию освоения пространства японского государства.

Если положить на географическую карту данные о назначениях "управителей провинций" (куни-но мияцуко) соответственно императорской хронологии, то получим картину последовательного освоения территории Архипелага. В указанном процессе приняли участие 13 государей, пять из которых были "величайшими устроителями".

Создателем государства Ямато и первым устроителем считается легендарный государь Дзимму (6 назначений в центральной области, 1 – на северо-восточном побережье, 1 – на юге острова Хонсю и 1 – на остров Цусима). Государь Судзин обозначил сакральные территории государства (11 назначений в Идзумо и места расположения святилищ Онамути-но ками, Ямато-окунитама-но ками, Омива-но ками и Мононобэ-удзигами). Сэйму-тэнно определил физические границы государства (64 назначения "закрывают" всю внешнюю линию побережья, образуя морскую границу государства, и сухопутную на северо-востоке и юге). В правление Кэйко-тэнно было сделано 8 назначений на северо-восток и юго-запад, которые корелируются с завоевательными походами его сына Ямато-такэру. С правлением государя Одзина, видимо, связывалось включение государства в "единое с материком" пространство (20 назначений можно разделить на две группы: 14 на побережье Внутреннего японского моря на пути на материк, 5 – на северо-востоке, 1 – на юге Кюсю).

Кроме названных пяти государей, в правление еще восьми были назначены управители в области: Кайка (158-98), Кэйтай (507-531), Тюай (192-200), Дзингу Когё (201-269), Нинтоку (313)-399),

Хандзэй (406-410), Ингё (412-453), Юряку (456-479) – (на каждое правление приходится менее 5 назначений).

Список государей показывает, что авторы "Куни-но-мияцуко-хонги" стремились обосновать права на территории со времен "древней" и "средней" династий, фактически исключив возможность назначений во время "новой" династии. Нельзя не учитывать и, видимо, существовавшую "обиду" рода Мононобэ в связи с утратой их позиции при дворе государя и возвышением рода Фудзивара.

2. Особенностью назначений всех вышеперечисленных государей было "постепенное продвижение по северо-восточному побережью в сторону самой большой равнины Архипелага – Канто".

Анализ БД географических названий подтверждает данное положение и демонстрирует разные методы освоения северо-востока страны. Восточный край представлялся удаленным от центра и в VII в. еще был местом ссылки своих и иноземных преступников, но назначение управителей провинций и высших провинциальных чиновников из столицы указывает на существование связей между центральным и далёким Северо-восточным районом.

В 684, 687 гг. иммигранты из корейских государств Пекче, Когурё, Силла были расселены в провинциях Мусаси, Хитати, Симоцукэ. В сообщения "Нихон сёки" поселенцы подразделяются на буддийских монахов, монахинь и мужчин, женщин. Всех государство наделяло землей и зерном для сева. Таким образом, "окультуривание" Восточного края подразумевало распространение рисосеяния и буддизма.

3. Анализ БД выявил двойную систему границ центрального района. Согласно БД и "Тайхорё" северо-восточная граница государства проходила по провинциям Сагами, Кодзукэ и Эттю-Этиго. Крепости и стены были воздвигнуты для защиты от воинственных эмиси. Восточный край представлялся враждебным и во времена правления государя Тэнти (668-671), когда были построены санкан (три заставы): Судзука в провинции Исэ, Фува в Мино и Арати в Этидзэн. Они были расположены в самой узкой части главного острова, закрывали подходы к столице со стороны северо-востока. Стратегическую точность их расположения подтвердили события смуты года дзинсин в 672 г.

4. Подобная организация пространства могла быть стремлением представить себя как единое гомогенное культурное государства вопреки региональным особенностям и реальностям географии. Северо-восточная граница была определена двойной линией застав, а Восточный край представлялся "чужим" и враждебным. Это подтверждается системой санкан, расселением в дальних северо-восточных землях иммигрантов с материка и неудачей государя Тэмму основать столицу в провинции Синано. Юго-западная граница, вероятно, проходила по южной частям провинций Буд-

зэн и Тикуго (совр. преф. Фукуока). БД не содержит информации о заставах, хотя известно, что сакимори с северо-востока отправлялись нести пограничную службу на юго-запад. Информация о юго-западной границе в "Нихон сёки" очень ограниченная, есть упоминание что в 664 г. на острова Ики и Цусима были назначены пограничные стражи и зажжены сигнальные огни, а также что на Цукуси была построена дамба.

СУВОРОВ М.Н.
(Россия)

Разговор с властью и народная поэзия в Йемене: фестиваль народных искусств в Йафи

Одной из особенностей современного Йемена является то, что его население до сих пор сохраняет свою племенную структуру, чтит племенные традиции и обычаи. Хотя в годы социализма в южной части страны многие племенные социальные институты были ликвидированы, после объединения севера с югом в 1990 году они стали здесь возрождаться. Главной причиной их возрождения стало последовавшее за объединением общее ослабление государственной административно-судебной системы, при котором южане оказались более социально незащищенными, чем численно превосходящие их северяне, для которых племенная принадлежность всегда оставалась главным средством социальной защиты.

То, как племенные традиции функционируют в условиях современного йеменского государства, можно сегодня наблюдать в Йафи, горном районе, расположенном к северо-востоку от Адена, на территории бывшего Южного Йемена. Здесь ежегодно проводится трехдневный фестиваль народных искусств, начинающийся на девятый день мусульманского праздника жертвоприношения. История этого фестиваля восходит к ежегодным паломничествам местных племен к гробницам нескольких святых. Примерно в середине XX века эти паломничества слились в единый праздник, в значительной степени утратив свою религиозную сущность и превратившись в своеобразный племенной форум. Сейчас этот форум официально называется фестивалем народных искусств, поскольку на нем исполняется традиционный племенной танец "бара" и декламируется народная поэзия.

Главной целью фестиваля, однако, является не столько исполнение стихов и танцев, сколько общение жителей района с представителями государственной власти. Дело в том, что на фестиваль всегда приглашаются члены правительства, депутаты парламента, чиновники высшего ранга, то есть те, от кого напрямую зависит решение различных важных для жизни района вопросов. В ходе фестиваля, проходящего последовательно в трех разных селениях, во время званых обедов и катовых церемоний, в атмосфере щедрого гостеприимства, чиновникам излагаются экономические потребности района, и тут же предлагаются на рассмотрение или

на подпись подготовленные заранее планы и проекты по развитию местной инфраструктуры. В подобной ситуации проигнорировать поднимаемые вопросы высоким гостям было бы весьма затруднительно.

Одновременно потребности жителей района озвучиваются в стихах, исполняемых во время фестивальных шествий, сопровождаемых танцем "бара". Каждая племенная группа хором декламирует замили – короткие стихотворения-речевки, в которых просит правительство и лично президента, как воображаемого гостя, позаботиться о жителях района: построить дороги, школы, больницы, провести воду, электричество и тому подобное. После шествий местные поэты читают с трибуны свои касыды, в которых также говорят о насущных потребностях района. Такое коллективное вербальное давление на гостей в дополнение к оказываемому им щедрому гостеприимству помогает жителям района добиться от членов правительства принятия необходимых решений, иногда уже во время самого фестиваля.

Поэзия, исполняемая на этом фестивале, таким образом, служит решению практических социально-экономических задач, стоящих перед ее исполнителями. Это может показаться достаточно необычным, поскольку в нашем западном представлении понятие "народного искусства" обычно отстоит очень далеко от вопросов политики, экономики и общественных отношений. В Йемене же, в условиях племенного общества, поэзия продолжает оставаться одновременно и произведением искусства, и продуктом общественно-политических реалий, соединенными в едином акте творчества.

MATAHIR Haji Serbini Haji
(Brunei)

The Protection of Life in Islamic Legal (shariah) Perspective

The right to life is perceived as human right in Islamic legal perspective since only through it, a human being can enjoy other form of human rights. For instance, in Islam no individual has any right by itself to take human life in retaliation or for causing mischief on this worldly life. As extension of the right to life and its security, the Shariah law also recognized the right to personal freedom which includes the freedom of religion, conscience, expression, movement, economic, education and etc. The freedom given to man is mainly related to the establishment of right and justice and admittedly that in the absence of freedom, the life of man would become less meaningful. As for the notion of justice, the Shariah law binds a Muslim not only to God, but also to his fellow men including to non-Muslims. This paper attempts to highlight some hidden facts on the right to life, and its security, the right to personal freedom and the right to justice from Islamic legal perspective

PAGE St. John G.
HIDALGO I.G.
(El Colegio de Mexico)

Digital Indexed Zuozhuan

The Digital Indexed Zuozhuan project, online at http:/mezcal.colmex. mx /zuozhuan_2003, is designed to facilitate reading and analysis of the Zuozhuan text by means of a system to be used in the Internet Network environment. The project offers two means of access to the Chinese text:

1) Insertion of the desired Chinese characters into the bar provided initiates a search throughout the entire text.
2) Under a separate heading, the text may be read and the contextual Fraser/Lockhart English equivalents of characters unrecognized by the reader are made to appear at the foot of the monitor.
3) Under another heading the English index may also be consulted direct by Chinese character solicited.

The system links Ruan Yuan's 1815 edition of the Zuozhuan published with James Legge's translation of it by Oxford University Press, 1898, to an index originally compiled by Sir Everard Fraser, revised by Sir James Lockhart and published in 1930, also by OUP.

The Digital Indexed Zuozhuan project was conceived as a foil to the densities of the text's early Chinese and its annalistic structure dealing discontinuously with the many Zhou feudatory states and the multiplicity of their constantly changing actors, hence, as an aid to the early reader of the Zuozhuan which, by lowering those hurdles, and curtailing countless hours of often fruitless dictionary search would bring the early reader closer to the content of the text and thereby sustain enthusiasm for it.

ТИМОФЕЕВ О.А.
(Россия)

Группы влияния на разработку внешнеполитических решений в КНР

В ноябре 2002 – марте 2003 г. в Китае произошла смена политического руководства и военно-политического руководства НОАК. К концу 2003 г. очевидным стал факт того, что будущее развитие КНР не пойдёт строго по запланированному лидером "третьего поколения руководителей Китая" Цзян Цзэминем сценарию. Ещё до начала работы 16-го съезда КПК потерпели крах его попытки назначения Цзэн Цинхуна на пост генерального секретаря ЦК КПК и недопущения назначения Вэнь Цзябао на пост премьера Госсовета. Кроме того, не удался и разработанный Цзян Цзэминем сценарий сохранения за собой полного контроля над армией путём переизбрания на пост председателя Центрального военного совета. Недостатки в работе военной медицины по устранению последствий атипичной пневмонии весной 2003 г. и определение Ху Цзиньтао

в качестве представителя высшего руководства страны на встрече с первым китайским космонавтом 15 октября 2003 г. серьёзно подорвали авторитет и политические позиции Цзян Цзэминя среди военных.

Влияние на разработку внешнеполитической стратегии КНР в ближайшие годы смогут оказывать три ключевые группы в руководстве страны:

1. Решениями 16-го съезда КПК, первого пленума ЦК КПК 16-го созыва Цзэн Цинхуну было предложено отвечать за международные отношения в постоянном комитете политбюро ЦК КПК, что должно было означать преемственность линии Цзян Цзэминя во внешней политике. Кроме того, на первой сессии ВСНП 10-го созыва Цзэн Цинхун был избран заместителем председателя КНР, что также предоставляет ему дополнительные возможности влиять на внешнюю политику государства, прежде всего, используя контакты с представителями иностранного дипломатического корпуса в Пекине.

2. Премьером Госсовета Вэнь Цзябао получены полномочия на проведение особой линии во внешнеэкономической политике от "фракции выпускников университета Цинхуа". 28-30 апреля 2003 г. состоялся его молниеносный визит в Бангкок для участия в чрезвычайном саммите лидеров Китая и стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), посвященном проблеме атипичной пневмонии. В своём выступлении 29 апреля Вэнь Цзябао не стал уходить от ответственности за ухудшение эпидемиологической обстановки в Китае, но вместе с тем обещал изменить ситуацию в ближайшее время. На том же форуме Вэнь Цзябао подчеркнул желание нового китайского правительства способствовать планам создания единой зоны свободной торговли Китай-АСЕАН, а также присоединиться к "Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии". Кроме того, в ведении Вэнь Цзябао находятся контакты с руководством администрации США. В декабре 2003 г. состоялся его визит в США, а на вторую половину 2004 г. планируется новый визит. Вэнь Цзябао остаётся не только первым, но и единственным представителем нового высшего руководства КНР, посетившим Вашингтон.

Собственную особую позицию Вэнь Цзябао демонстрирует и по проблеме взаимоотношений с лидерами демократического движения в Сянгане.

3. Свои позиции не собирается сдавать и "патриарх китайской дипломатии" Цянь Цичэнь, хотя и сложивший в марте 2003 г. с себя полномочия заместителя премьера Госсовета, ответственного за международные отношения, но до сих пор сохранивший ключевое влияние в МИД. Свидетельством прочных позиций, занимаемых Цянь Цичэнем, стали назначение в президиум Госсовета его доверенного лица, бывшего министра иностранных дел Тан Цзясюаня и визит самого Цянь Цичэня в США в ноябре 2003 г. во

главе китайской делегации для обсуждения тайваньской проблемы в рамках неформального американско-китайского диалога в формате Track Two.

КОЗМОЯН Арануш
(Армения)

Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана

Знакомство армян с исламом начинается с сообщения историка VII века Себеоса о Мухаммеде. Констатируя исторический факт, он проявляет индифферентное отношение к исламу, что, видимо, связано с относительной идентичностью христианских и исламских монотеистических идей, а также толерантностью к иноверцам на заре ислама. Ряд армянских историков проявляет определенную осведомленность в коранических терминах и сурах, из чего можно заключить, что апологеты христианства стремились обосновать свои положения исходя из подлинных источников. Авторы либо знали арабский текст Корана, либо были знакомы со сделанным к этому времени армянским переводом, возможно – в отрывках.

Рукопись № 3109 Матенадарана имени Маштоца представляет перевод Корана, выполненный Степаносом Лехаци (XVII век) с латинского языка. Она содержит 124 суры вместо 114, которые автор именует "Азоара". Расхождение в количестве сур и айатов с арабским оригиналом, транскрипция в форме "Азоара", а также, отсутствие транскрибированных на армянский язык арабских заглавий сур и их переводов, идут от первого латинского перевода XII века.

Начало труда Степаноса Лехаци гласит: "Это книга законов агарян или исмаильтян, именуемая "Коран", т.е. сборник заповедей" и заключает: "В конце Корана есть несколько стихов, не переведенных на язык латинян, не знаю, почему". Означает ли это замечание, что переводчик имел под рукой оригинал, или иной перевод, с которым сверял свой текст? Перевод Лехаци завершается словами: "Окончен перевод Корана, с латинского языка на армянский, выполненный рукою любослова Степаноса Лехаци".

Армянский текст Корана Лехаци начинает с трех вариантов "Фатиха". Один из них скорее всего его работа, следующий представлен под заглавием "Другой перевод", при этом не ясно, это вариант, сделанный им же, или работа другого переводчика. А третий вариант дан под заглавием "Другой переводчик". Значит ли это, что Лехаци знал еще одного переводчика?

Рукопись №2826, датированная XVIII веком, представляет другой перевод Корана, отличающийся от рассмотренного выше как по стилю, так и по структуре. Он завершается 104 сурой "Слон", которая соответствует 105 суре арабского оригинала. Такое

расхождение – следствие исключения из счета первой суры. Маргинальные заметки часто ориентируют, однако, в основном отражают теологические разногласия и опровержения. В рукописях наличествуют разные апокрифические тексты связанные с исламом: "Договор Махмеда с армянами", "Учение Махмеда", "Видение Махмеда", "Опровержение речей Корана", "История пришествия Махмеда к армянам" и т.д. Исследование рукописей показало, что в армянской среде применялась форма свободного пересказа пассажей из Корана.

Вышеназванные рукописи никогда не были изданы. Однако, существуют более поздние переводы Корана на армянский язык, выполненные с арабского и французского языков, а также, переводы фрагментов с русского языка.

YAHAYA Mahayudin bin Haji
(Brunei)

The social and political background of the Abbasid Revolution: the rise of the Abbasid caliphate

This paper aims to analyse the social and political conflict between the different tribal groups within the Ummayyad rule and to establish a link between the Islamic values adopted by some of the Ummayyad caliphs and the Abbasid Revolution. One of the particular concerns of this paper is to see the changes following its victory, mainly the complete assimilation of all members of the Muslim community, Arabs and non-Arabs into the empire. The transfer of the capital from Damascus to Baghdad had its significance namely the intersection of several trade-routes which could give real prosperity to the Abbasid empire, and subsequently led to the remarkably rapid spread of Islam among the non-Arabs in the east and far-east including Malay Archipelago. The remarks in this paper are intended to present a new picture of conclusions reached in a more detailed study of the Abbasid Revolution, conclusions which are based on evidence contained in the earliest Arabic and Islamic sources available to us, notably those of al-Tabari, al-Baladhuri and al-Ya'qubi.

MAT Ismail
(Brunei)

Islam and its Legal Tradition in the Malay World with special reference to Negara Brunei Darussalam

This paper attempts to uncover some silent features of Islam and its legal tradition in the early period of Islamic penetration into Malay World in general and Negara Brunei Darussalam in particular. In the early history of the Malay World, Islamic law (shari'ah) coexisted with the indigenous custom (adat) and become the basic law which applied in certain territories in the area. This has been

in practice until the introduction of the British statutory law at the end of the eighteenth century.

The beginning of Islamic expansion in Southeast Asia goes back to the 8th century. From the 14th century there has been increasing contact between Islamic world and the Malay world a circumstance which led to the gradual penetration of the element of Islamic law and its legal theories into the area. As Islam spread through the Malay World of Southeast Asia, it accumulated a distinctive cultural phenomenon of Islam so what was disseminated was not religion in a narrow sense of the term, but a comprehensive Islamic cultural reality. Nevertheles this cultural phenomenon of Islam is to be seen as containing a body of traditions which is not of Malay origin: the Arabic script and the Arabic lexicon and literature, certain modes of dress, a developed musical and oral culture, and socio-legal organization. These elements have become woven in the patterns of Malay Brunei culture.

YACCOB Abdol Rauh
(Brunei)

British policy of intervention in the Middle East

British policy towards the Middle East changed considerably after the French occupation of Egypt in 1798. Since then the traditional friendly relation with the Ottomans gradually modified. Beginning with the occupation of Aden in 1839 British forward policy was adopted with a few years of neutrality but after the Ottomans disappeared from the scene they took that opportunity to control solely the affairs of the Middle East. Internally the affairs of the Middle East was monitored mutually by the Foreign Office and the India Office. When forward policy was at its height notably during the First World War, it was tranferred to the Foreign Office to decide the future of the Middle East. It was the beginning of the policy of real intervention when during the war they moved to occupy Palestine, Egypt, Mesopotamia and Southern Arabia. After the war, notably during negotiation with other European allies, British could decide the future of the Middle East as to what they wished for but they left rooms for negotiation between those powers.

KHORAMI Zoffaghar Rahnamai
(Iran)

Cast at Eastern message (1838-1877)

In the second half of 20th century; Gooteh (1749-1832) was in fluenced to Hap-ez-e-shirazi (1311-1374) and compose his eastern book of poem that can made know the east to European. In the period of sec-

ond half of 19th century to first half of 20th century; Dr. mohammad Eghbal lahouri (1877-1938) finished his training at "west philosophy" at India, London and munich and at the other hand was influenced to Islamic-Iranian gnostically thoughts. Eghbal Lahouri could made compromise between moral sense and mental sense. Eghbal put under observation the knowing of east to western in his two Mathnavi. His mathnavi named "message of east" is aresponse to German Gooteh. Eghbal believed that:

The eastern book of peon of Gooteh is bunch of flower of believe that send from west to east. From this book of peom con undrestand that westem people disgust of their feeble and disspirited clergies and search for enthusiasm from eastern. The eloquent philosopher of east; Eghbal Lahouri described the feeble holiness of west such as: .....

ТЕРЛЕЦКИЙ Н.С.
(Россия)

Родословная Кокандских ханов и правовое обоснование верховной власти

К началу XIX в. Кокандское владение обретает военную силу и политическое влияние, достаточные для того, чтобы на равных с уже существовавшими региональными державами – Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, выступать на среднеазиатской политической арене. Успехи в деле внутреннего усиления и во внешней политике Коканда связаны с периодом правления Алим-хана (1213-1225/1798(9)-1810). Жесткий и властный государственный деятель, Алим-хан сумел укрепить независимое кокандское владение и установить прочный контроль над всей Ферганой, а также некоторыми районами, расположенными вне пределов долины. Появление Коканда в одном ряду с важнейшими государственными центрами Средней Азии того времени потребовало от правящей династии из узбекского племени минг представить адекватное правовое и морально-психологическое обоснование своих властных амбиций. Если правовые базы верховной власти династий хивинских ханов и бухарских эмиров были достаточно прочны (при этом правители Хивы носили титул хан, а мангытские владетели Бухары вовсе не стали искать повода принять его, а стали именовать себя амирами (эмирами), и, следовательно, свое владение эмиратом), то молодой династии кокандских правителей было необходимо отыскать способ формальной легитимации своих властных амбиций. Эту функцию выполнила легенда о происхождении кокандских ханов, содержание которой сложилось в период правления Алим-хана.

Одним из ключевых моментов данной легенды является возведение генеалогии правителей Коканда к Тимуриду Захир ад-Дин Мухаммад Бабуру (888-937/1483-1530). Таким образом, правители

из племени минг претендовали на родство с Амир Тимуром (736-807/1336-1405), что давало им формальное право носить титулы хана, султана и мирзы. Учитывая тот факт, что формально титул хан имел право носить лишь Чингизид, возникает вопрос о том, насколько правомерно было обретение этого титула самой династией Тимуридов, основатель которой происходил из отуреченного монгольского племени барлас. При этом необходимо отметить, что сам Амир Тимур титула хан не принимал, а генеалогия, доказывающая родство Тимура с Чингиз-ханом носила явно подложный характер. Таким образом, претензии на власть правителей Коканда оправдывались "двойной" подложной генеалогией, однако для среднеазиатских реалий начала XIX в. декларирование мнимого родства с Тимуром представлялось достаточным поводом для легитимации государственного управления и права носить ханский титул.

Сведения относительно содержания легенды о происхождении кокандских ханов дают нам два произведения кокандской историографии. Речь идет о сочинениях Умар-нама ("Умарова книга"), также известном как Зафар-нама ("Книга побед"), и Шахнама-йи Умар-хани ("Умар-ханова царская книга"), известном как Тарих-и Амир Умар-хани («Амир "Умар-ханова история"») и Шахнама-йи нусрат-и пайам ("Царская книга вестника победы"). Автором сочинения Умар-нама является Абд ал-Карим Намангани, имевший литературное имя – псевдоним (тахаллус) Фазли. Второе сочинение принадлежит перу Мирза Каландар Исфараги по тахаллусу Муширф. До наших дней сочинения дошли в виде рукописей; единственный известный экземпляр Умар-нама, зарегистрированный под номером С 2467, хранится в собрании Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН, из двух известных в мире на данный момент рукописей Шах-нама-йи "Умар-хани" использовался список С 471 из той же коллекции.

Эти два наиболее ранние, хотя и наименее изученные, произведения кокандской историографии дают нам ценный материал относительно легенды о происхождении кокандских ханов, в частности, их подложной родословной. Исторические параллели позволяют говорить о подложных генеалогиях как о распространенном и жизнестойком явлении в истории Средней Азии, использовавшемся с целью формального доказательства легитимности верховной власти.

РАХИМОВ Р.Р.
(Россия)

О спецификации пути в храм у таджиков

Существует мнение, что Коран везде один и тот же, однако истолковывается он по-разному, в зависимости от того, в какой мусульманской стране он читается. В приложении к центрально-

азиатской (среднеазиатской) религиозной практике этот факт зачастую остается незамеченным. В результате, при рассмотрении вопросов, относящихся к практическому (обрядовому) исламу, некоторые исследователи переносят его на учение Пророка Мухаммада в целом, упуская из поля зрения черты его местной специфики, сформировавшиеся в силу исторических, экономических, географических, агроландшафтных, культурных и прочих причин. Как пример, в основании предлагаемого доклада положена попытка анализа существующего у таджиков убеждения, что "про (назначенные пророком ежедневные) молитвы у женщин не принято спрашивать". Это означает, что вопросы, относящиеся к совершению канонических намазов, должны быть адресованы их мужьям. Выясняется, что в простейшем выражении отражен фундаментальный принцип, согласно которому женщины освобождены от обязанности отправления культа в культовом здании мусульман (мечети). Отсюда, по-видимому, и происходит представление о недостаточной их компетентности в вопросах учения и практики ислама. Подобная ситуация ориентирует на осмысление истоков (и/или мотивов) установившейся специфики в религиозном поведении таджикского населения региона.

Решение поставленной задачи видится на путях анализа некоторых особенностей традиционного быта таджиков, замыкавших (еще в относительно недавнем прошлом) женщин преимущественно в пределах дома и семьи, тогда, как просторы для социальной активности за их пределами оставались в монопольном распоряжении мужчин. Как продукт мотивированной традицией обращенности женщин к домашним обязанностям и, наоборот, активности мужчин в общине храм становится символом мира, созданного мужчинами и ими освоенного. Поэтому дорога туда ведет в основном их (мужчин), оставляя женщин возле семейного очага (и детей). Давность исторических корней этих норм способствовала тому, что семейный очаг приобрел определенные черты алтаря огня, становясь символом мира, в границах которого, они продолжают, во многом, находиться и поныне. Осмысленное оперирование огнем именно женщинами практически во всех сферах традиционной семейной обрядности (родильной, свадебной, похоронно-поминальной, знахарской) не оставляет сомнений, что в вопросах культа женщины, в отличие от мужчин, находятся между двумя полюсами – исламом и "не-исламом". В полюсе ислама их путь к кораническому Богу – тот же, что и путь мужчин к нему, в полюсе "не-ислама" эти пути немного расходятся. Другими словами, в области профетического ислама центрально-азиатская женщина одну часть своей души отдает религии мужа (исламу), а другую оставляет в распоряжении остатков учения Заратустры, с именем которого связана доисламская религия иранских народов с характерным для нее развитым культом огня. Все это уводит мысль в область некой полярности в основополагающих принципах мировосприятия

мужчин и женщин в таджикской среде. Закрытость мира женщин от посторонних взоров, которая ощущалась в прошлом, позволяла некоторым элементам древнего культа огня успешно воспроизводить себя. Проявления этой тенденции достаточно заметны даже в условиях экспансии рыночных отношений. Такое явление может быть правильно интерпретировано, если связать его с выражением религиозной толерантности центрально-азиатского ислама. Вряд ли приходится предполагать, что изоляция женщин от культового здания в условиях Центральной Азии носила направленный характер. Скорее, наоборот – определенная непоколебимость образов, несомненно восходящих, наряду с другими внутридомашними обязанностями, к далеким доисламским временам, не позволяет им, как и в прошлом, следовать по пути, который ведет их мужей в храм.

KIM Kyungho
(South Korea)

The Foundation of Yul-gok Yi Yi's self-cultivation

The question of Human Mind is central to the Neo-Confucianist theory of the moral base of human beings. Accordingly, Neo-Confucianists explicate various agendas of Human Mind through their own theories of li-chi (metaphysical human nature of principle and material forces), and further include in their philosophical discourse self-cultivation, which is necessary for a realization of values and attitudes of an existing human subject in reality. Self-cultivation is a prominent question that characterizes Neo-Confucianism of the Choson era. In this paper, I examine how Yul-gok Yi Yi's (1536-1584: Neo-Confucianist, the Choson era) philosophy theorizes the question of self-cultivation and what implications it entails for him.

RAFFETTA Paola E.
(Argentina)

Oriental Studies and Technology in the Far South

The School of Oriental Studies, Universidad del Salvador, Buenos Aires (founded 1967), provides the only degree available in South America in the field of Oriental Studies.

Traditionally, it's courses were mostly oriented to Classical Asian Studies, but in the last few years new courses appeared, aimed at giving the students a wider overview of Asian's political and economic situation, as well as a brand new area, devoted to Modern Asian Studies developed. It's full program can be reached from the School's website at <www.salvador.edu. ar/uaf2-2.htm>

Unfortunately, the new curricula left out some traditional and core courses, as the study of major Asian languages, namely Sumerian, Sanskrit, Chinese, Japanese, Corean, Arabic, Hebrew. Nevertheless, soem of those courses reappeared as elective courses in the last

year. During the last few years we have been instrumental in a major breakdown in the field of Oriental Studies in Argentina, due to the implementation of new technological trends: Internet, e-lists, e-working, etc.

In the year 2000 we established a new Electronic Journal on Asian Studies -Transoxiana-, fully refereed, developed according to the principles of the Open

Access Iniciative (all articles are available online for free, no charges are required from readers, nor authors), using Open Software for it's full editorial process, and prefering the Open Content Licensing model of Creative Commons.

Since 2003, together with the two regular issues of Transoxiana, we created the Webfestschrift Series, to publish content collected for the Festschrifts of well-known scholars devoted to Central Asian Studies, beginning with Prof. Boris I. Marshak, following with Italian scholar Scarcia (in progress) and preparing Livshit's Webfestschrift for the end of 2004.

The working process, aims, technology, and licensing details will be further explained and developed during the Conference.

АЛЕКСЕЕВ Ан.К.
(Россия)

Некоторые замечания к истории Аштарханидов Средней Азии

История Аштарханидов (1601-1785), потомков тринадцатого сына Джучи Тукай-Тимура, к настоящему времени является в общих чертах установленной. Большой вклад в ее изучение внесли академик В.В Бартольд, проф. А.А. Семенов, проф. Т.И. Султанов, проф. О.Ф. Акимушкин и др. отечественные и зарубежные ориенталисты.

Определенной более углубленной проработки требуют сюжеты ранней истории Аштарханидов в Средней Азии, Хорасане, Сев. Афганистане и Мавераннахре, особенно вопросы, связанные с обстоятельствами переселения данной династии из районов Нижнего Поволжья и п-ва Мангишлак в Среднюю Азию. Данные аспекты практически не рассматривались в контексте политической истории Туркестана. Это обстоятельство объясняется скудными сведениями нарративных источников. Единственным историческим сочинением, которое затрагивает обозначенные сюжеты, является труд придворного историографа Надир-Мухаммада-хана (правитель Балха в 1611-1642; верховный хан Бухары в 1642-1645гг.) Махмуда б. Амира Вали "Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар" (Море тайн относительно лиц благородных), составленный в сер. XVII в. Поскольку сведения Махмуда б. Вали относительно указанных событий уникальны, проверить их при помощи сопоставительного анализа с иными сочинениями среднеазиатских и иранских историографов XVII-XVIII вв. не представляется возможным.

В весьма общем виде они сводятся к следующему:

1) Переселение Аштархнидов (Мангишлак-хана и Йар-Мухаммад-хана) из Нижнего Поволжья и Астрахани в Среднюю Азию имело место значительно ранее захвата данного региона русскими войсками Ивана Грозного;

2) Переселенцы-Аштарханидыоченьбыстробылиинкорпорированы в местную систему политических отношений, установив тесные контакты с Тимуридами, в частности с Мирза Хусайном Байкарой, а затем, пóсле смены Тимуридов Шибанидами, укрепили свои связи с последними путем династических браков;

3) Установление более близких родственных отношений между двумя кланами Джучидов (Аштарханидов и Шибанидов) имело место значительно ранее хорошо известного эпизода, связанного с заключением брака между сыном Аштарханида Йар-Мухаммад-хана Дин-Мухам-мадом и Зухра-бигим, дочерью Шибанида Искандар-хана и сестрой знаменитого Абдаллаха II.

4) Во время завоевательных походов Шибанидов 'Абдаллаха II и 'Абд ал-Му-мина в Хорасан Аштарханидам удалось создать небольшое вассальное от Бухары государство в Хорасане с центрами в Бахарзе и Туне.

СВАНИДЗЕ М.Х.
(Грузия)

Из истории грузино-французских отношений (1714 г.)

Посольство Саба Сулхан Орбелиани в Париж достаточно хорошо изучено, однако вне поля зрения исследователей остался один важный документ. Это проект соглашения, представленный С.С.Орбелиани французскому правительству. Проект состоит из 6 пунктов, по этому документу царь Картли Вахтанг VI предоставлял французским негоциантам привилегии и льготы в вывозе иранского шелка из Ирана через Грузию, затем через Черное море и Константинополь – во Францию и этим же путем – французские товары в Иран. В докладе проанализированы этот документ и франко-грузинские и франко-иранские торговые отношения в этот период.

SERENKO I.N.
(Russia)

Elaboration of Education Model for Pakistani Youth

The issues of the international security, anti-terrorism fight and an acute need, due to all that, for the wide-range socio-cultural cooperation among the subjects of the International law acquire great importance in the contemporary process of globalization. The international situation at the crossroad of the XX-XI centuries is marked by the emergence and strengthening of the new extremist, radical forces

based on the Islamic ground. Focusing in them is made on the youth. That`s why the process of the modern youth education in the Muslim countries and in the Islamic Republic of Pakistan, in particular, is of great interest. The elaboration of the integrative education model for the young generation, synthesizing all positive experience of the traditional Muslim education with the world pedagogical theories and practices, provides an opportunity to eliminate the youth participation in the activities of different extremist, radical organizations which gave rise to terrorism on the country, regional and international levels. Inculcating the multicultural character in education may prevent further conflicts and clash of civilizations, first of all, through the dialogue of their cultures

Серенко И.Н.
(Россия)

Разработка модели обучения и воспитания пакистанской молодежи

Вопросы международной безопасности, борьбы с терроризмом и необходимости в связи с этим широкого социокультурного сотрудничества и взаимопонимания между всеми субъектами международного права приобретают в современных условиях глобализации огромную значимость. Международная обстановка в конце XX в. начале XXI вв. характеризуется появлением и активизацией новых экстремистских, радикальных сил, возникших на исламской почве. Акцент в них делается на молодежь. Особый интерес в связи с этим представляют процессы образования современной молодежи в мусульманских странах и, в частности, в Исламской Республике Пакистан, где формирование интегрированной модели обучения и воспитания подрастающего поколения, сочетающий в себе положительный опыт традиционного мусульманского образования с мировой педагогической теорией и практикой, направлено на недопущение его представителей в деятельность всякого рода экстремистских и радикальных организаций, порождающих терроризм на страновом, региональном и международном уровнях. Придание образованию поликультурного характера способно предотвратить в дальнейшем столкновение цивилизаций, в первую очередь, посредством их диалога культур.

OH *Miyoung*
(South Korea)

Changes in the Meaning-based Reading of "Luny" The Analects of Confucius in Japan

New commentaries such as Zhu xi's LYJZ were introduced around the 13th century. Before that time, it is supposed that the main text was based on LYJJ and "Lun-yu-yi-shu" (... LYYS) was used as a reference book in the understanding and reading of Lun-y.... LYJZ became more and more popular after its introduction, but

did not have great impact on the official reading of Lun-y... until late 16th century. From 17th century, LYJZ began to play a crucial role as the main text and reference book for reading of Lun-y.... During the transition period in between, books of mixed character are also found in which the main text was based on LYJJ and LYJZ was consulted intermittently, or vice versa.

МУРТУЗАЛИЕВ С.И.
(Дагестан)

Русские центры информации XV-XVII веков по Османской империи

Начало процесса накопления информации об Османской империи относится к рубежу XIV-XV вв. Падение Византии надолго привлекло пристальное внимание Руси к туркам-османам. Можно указать на два основных центра концентрации сведений: 1 – царский двор с Посольским приказом и 2 – церковный клир, для которых характерно целенаправленное накопление знаний для их дальнейшего прагматического использования.

Только за период с конца XV в. по конец XVII в. из Московской Руси в Османскую империю по разным поводам было направлено около 30 посольств. Но большинство поступавших в эти центры документов (как и устных сведений), вышедших из под пера прибывавших из Турции монастырских миссий, послов и т.п., предназначалось для служебного пользования, а не для массового читателя. Подтверждением этого служат крестоприводные записи, т.е. присяга подьячих и думных дьяков, назначаемых руководителями Посольского приказа.

В XVII в. одной из функций Посольского приказа явилось собирание и составление книг по истории. Был двухлетний период, когда специально для сбора всех возможных материалов и написания истории России был создан Записной приказ – своего рода прообраз Института истории.

После ликвидации приказа Записных дел Посольскому приказу было возвращено и дополнительно передано много материалов, в том числе выписки и переводы из "польских и немецких листов", "цесарских и голландских курантов". В XVII в. Посольский приказ был значительным культурным и идеологическим очагом страны, крупнейшим переводческим центром.

Во второй половине XVII в. в среде Посольского приказа продолжали традицию создания "ложных" дипломатических документов, из которых современники получали дополнительную информацию об Османской империи, янычарах, "искоренении всех христиан" турками-османами и т.д. Причем слухи о каких-то письмах султана с угрозами "ко окрестным государям" поддерживались в официальных документах русского правительства, на основании чего М.Д. Каган заключает: "В данном случае течение неофициаль-

ной литературной мысли в посольском приказе совпало с официальной политикой Русского государства. Возможно, что цикл грамот был литературным откликом на целый ряд попыток русского правительства создать антитурецкую коалицию". На рубеже XVII-XVIII вв. деятельность приказа сыграла существенную роль в переходе Московской Руси к новой европеизированной России.

Каналами информации по Османской империи являлись рассказы приходивших на Русь балканских эмигрантов; сведения поступали от русских паломников, побывавших на Афоне и Иерусалиме; от представителей церковных и монастырских миссий, прибывавших с Балканского полуострова в Москву за так называемой "милостыней" и т.д.

Разумеется, какая-то часть всех этих сведений не доходила до русских книжников, побуждаемых религиозной и/или научной любознательностью. Эти различия в мотивах сбора информации объясняют и различия в результатах.

PSYANCHIN A.V.
(Уфа)

History of the ethnic cartography to Asian Russia in the XVII century and in the late twenties of XX century

In given article two stages in a history of becoming and development of ethnic cartography in Asian Russia are allocated. Geographical maps with ethnic contents are allocated actually ethnic, and also. It is obvious that cartography in Russia has been well developed since ancient times, which can be explained by multinational structure of the country and great interest in life and economy of the peoples. New stage in the development of Russian ethnic cartography began at the end of the XVII-th – the beginning of the XVIII-th centuries. It was connected with the annexation of new lands and moving of the Russian state to the east. Hand-written maps of Asian Russia of XVIII-th century and are considered and analysed first half XIX century which are kept in archives and libraries of Moscow and Saint Petersburg.

Псянчин А.В.
(Ufa)

История этнического картографирования Азиатской России в XVIII – 20-х гг. XX вв.

В докладе предполагается рассмотреть историю этнического картографирования огромной территории – Азиатской России в XVIII – начале XX вв. Пространственно под понятием "Азиатская Россия" подразумевается территория Сибири, Среднеазиатские владения Российской империи и Кавказский край.

Представляется, что в России составление карт с усиленной этнической нагрузкой издавна было широко развито в силу мно-

гонациональности страны и обширности ее территории. Можно утверждать, что не сохранившиеся старые русские чертежи и карты XVI – первой половины XVII вв. несли и богатую этническую нагрузку.

Старые карты и сопутствующие им материалы, наряду с данными исторической географии, археологии, собственно этнографии и других смежных наук, могут быть достаточно успешно привлечены для разрешения некоторых вопросов этнической истории народа, их расселения, путей миграции и т.д. Следует признать, что мы до сих пор не умеем работать с картой как с историческим источником, подходим к ней, как к вспомогательному, а не самостоятельному материалу, в методике анализа которого есть своя специфика.

ИВАНОВ С.М.
(Россия)

Традиционализм и современность в условиях глобализации

В последние годы в исторических изысканиях отечественных востоковедов акцент явно ставится на изучении культурно-цивилизационных особенностей развития отдельных стран и регионов. Между тем любая цивилизация – это лишь частный случай, одна из граней общемирового исторического процесса и развития человеческой цивилизации в целом. Различные историко-культурные комплексы с поправками на исходные временные рубежи, присущие им интенсивность или, напротив, инерционность и продолжительность развития, соотношение внутренних и внешних факторов движутся в одном направлении, от традиционного к современному гражданскому обществу.

Единство мировой истории (единство в многообразии) проявляется также и в том, что переход от традиционных отношений к рыночным во всех обществах был изначально конфликтен и сопряжен с исторической драмой. На Западе этот переход сопровождался социальными и политическими катаклизмами, начиная с XVI в. На Востоке подобный тип социального конфликта зарождается лишь в конце XIX в.

В условиях глобализации конфликт между традиционализмом (коллективизм, патернализм) и современными формами жизни (индивидуализм, конкурентность отношений) пронизывает все мировое пространство. Этот конфликт создает базу и во многом определяет всю палитру отношений между "Севером" и "Югом".

Глобального противостояние традиционализма и современности создает предпосылки для одного из крупнейших переворотов в общественном сознании. События второй половины XX – начала XXI в. разрушили сформировавшуюся в эпоху Просвещения историософскую идею времени как линейного исторического прогресса. Мировая история последних десятилетий дает все больше оснований рассматривать развитие человечества не как линейное движение от "хорошего к лучшему", но прежде всего как усложнение форм жизни, способов и методов взаимодействия различных социумов, различных цивилизаций, сочетание поступательных и попятных движений, прогресса и регресса отдельных историко-культурных регионов.

Идея линейного исторического пространства в сознании общества может смениться на идею "искривленного" или "расколотого" исторического пространства, содержанием которого являются противоречия "прогресса-регресса" современного мира. Все углубляющаяся пропасть между богатыми и бедными странами, неспособность отдельных регионов "вписаться" в те тренды мирового развития, которые диктуются экономически и военно-политически доминирующей западной цивилизацией, казалось бы, дают все основания для подобного рода выводов. Действительно, традиция инертна, а современность динамична. Отсюда можно сделать вывод, что современная мировая система конфликтна, но это еще не означает, что она полностью деструктивна.

LIU Jieyu
(Great Britain)

Familialism, women's work and family life in Chinese Danwei

The danwei was a place where the majority of urban people in the People's Republic of China are employed, but it was more than a collection of shops and factories: it encroached on the framework of society. It represented workers to the state, interfered in family planning, organized political studies, illustrated and carried out state policies, and provided welfare via a wide range of commodities and services. Much is known about its economic and political structures, and its relationship to the patriarchal clan system has been pointed out, but there is little information about the gender differences of life within the system. Drawing upon my research on Chinese women who spent most of their life in the danwei but who have now been laid off or recently retired, I show that women are affected much more than men by the conjunction of work setting and family life. By analysing the spatial and functional structures I identify the familial structure of the danwei system, showing the blurring of the distinction between work and family life. By examining my interviewees – experiences I demonstrate that women are subjected to more burdens and greater surveillance in this "socialist family" and that the close association between paid work and family life reinforces the traditional role of Chinese women as carer and supporter. Finally, I argue that, paradoxically, the danwei also offers women a space within which to negotiate and employ the closeness of work and family life for their own ends.

KHACHATRYAN Yekaterina
(Yerevan)

(1) The Attestation of Satan in Attar's Works

Satan is one of the most significant images both in Christianity and Islam, including their mystical dimensions.

Many various stories concerning Satan one can find in early Persian Sufi literature, particularly in F. Attar's works. This author has included motives with Satan's image in his works as a method of psychological influence on believers, the realisation of which will be possible only after detailed analysis of these stories.

(2) On the Positive Role of Dog in Sufi Literature

As we know, in Sufism various animals and birds have their symbolisations. For example, elephant, stork, butterfly and nightingale are positive images on the whole, meanwhile dog, wolf, donkey, monkey, pig, rat, snake, crow and some other animals and birds are among those creatures who mostly have a negative meaning.

In Sufi tradition the animals of the second group in most cases symbolise the levels of nafs (ego, self, soul), particularly its lowest level – the level of carnal soul.

ABADIAN Hossein
(Iran)

Iranians and the Western Civilization in Constitutional Period (1906-1911)

Iranian contemporary history beginning with the Constitutional movement included at least four mental currents. First, there were intellectuals and clergies who defended the idea of modernization and supported the extension of capitalist relations and its related institutes. They believed separation of religion and politics and differentiated religious affairs and secular law. Ancient oriented thoughts, extreme nationalism, the theory of necessity of westernization and the theory of powerful State were extended by that group. The second group was moderates who had some common features with the first group. They believed in the separation of religion and politics too. But they called some terms such as Left, Right, Conservative, Reactionary and Socialists employed by the first group as an imperfect imitation of west intellectual schools. They believed that those terms were not suitable to the situation in Iran. They considered their ways as hurried attempts to establish modernization. Believing in the impossibility of instantaneous modernization they tried to lead Iran to the course of progression gradually and present a model of modernity which suits Iran.

In reaction to the ideology of modernization, the third group turned to revive religion thinking. Influenced by the thought of modernity they tried to adopt religion in a way to confront present problems. Despite the first and second groups, they emphasized on the social role

of religion. After reproduction, some elements of tradition were preserved. In fact they presented a rational figure of religion. Though the revival movement was a reaction to pure modernization, in the category of rationality, observing an instrumental role for that, and emphasizing on the social utility of religion and employing some new outcomes to change or explain religious idea with some modernity's. The so-called religious intellectuals with tendencies fostered thoughts.

In a strong inactive reaction to modernity, the fourth group restored to fundamentalism. They denied the whole results of modernity. From a century ago and since the outset of Islamic movements they talked against the west. They equaled modernity to barbarity and emphasized on the necessity of return to Islamic traditions. Fundamental movements existed from constitutional revolution to the next periods. They not only denied the first group inclining towards the west; but also accused the moderates and religious reformists of breaking religious traditions. The purpose of this article is to introduce the main figures of these movements and their intellectual position. This is done through enjoying first hand resources such as manuscripts, lithographs, and also some periodicals, which represented the theories of these movements.

The above mentioned ideologies exist under the various forms between the Iranians so that each process has its own speaker now. This study will display that the pioneers of these ideologies have expressed serious words and been much progressive relating to their period. On the other hand, it will be even revised origins and the bases of the social thinking by genealogy of the thought and more important, that the later will show us what were the principal obstacles towards the development of modernity thought and why the fundamentalism not only have ignored the modernity but also have attacked the revivalism movements. In other words, theoretical principles of anti modernity movements will provide a proper background to know better the next analogous movements and show that the actual challenges come from the historical origins and from the view point of the nature, they are quasi-similar to the last cases.

KAVIANI Shiva
(Iran)

The Golden Equation
Oriental – Occidental: Dialogue of Civilizations

As much as we contemplate on crucial and problematic Dilemma of Modern and Post Modern Age, we find out the need of shocking or provoking the Mankid, specially the destructive powers who bring about imbalance with inputting dark – negative energies and destroying positive – creative energies of the Nature, to have the output of Massified, Controlled and Intolerant people by misemploy of the natural forces, technology and mass media! With respect to "Retroactive

Manifest", Man should refine and reevaluate the Hidden Treasure of Orient's Natural – Cosmic Culture to plicate the replication and non mere imitating, by using extremely important, profound, creative and positive ideas, style of life and methods of how to do the things. Through such an active mentality we can reduce the deep and fundamental hostility against modernity – postmodernity on one hand, and demolish the aggressive career of Orient vis-à-vis Occident and visa versa on the other. We Realize the fact that the Civilization of the Universe has been produced by the most talented minds of both sides, Orient (Asia, Africa) and Occident (Europe). To prevent the Tragic Fall of present deformed – uncivilized world and polluted environment, we should invent new humanistic media instead of discovering new technologies and the mismanaging of Modern Technique and Atomic Energy. To change the contemporary Dark Ages, and to stop its rapid popularity, its vulgarity, its corruption, its alienated Masses and its savaged Emperors; Also to maneuver human mentality which is bounded to and framed with determined, dogmatic and disdained belief, it is our natural and humane task to rebuild the architecture of the Human Society by innovation of a progressive Enlightened Movement, relying on theoretical models and practical experiences of both, Orient – Occident. To synthesize the successful strategies and tactics and deduce the damaged aspects and parasites, we can reorganize and revolute our universe (Society and Nature) by reviving the rich Heritage of Ancient and Modern Times. The continuity of Human Tradition and Culture is corresponded to a dialectical balance between power and powerlessness. At the same time, the homogeneity of two sides will rise out of various reactions and colorful characters formed on an Autonomous, Tolerated, Peaceful and Democratic Dialogue between these two Civilizations. Only after turning the everlasting flow of the Hidden Energy of Natural Life into an antidote against poisoned atmosphere and fragmented world, by challenging the non-assimilated forces, The Liberated Man will coexist with Nature in a harmonious cosmos.

TADJBAKHSH Hassan
(Iran)

Some new research concerning the scientific works and Medical discovery of Avicenna

Avicenna (Ibn Sina, 980-1038 A.D.) is the most prestigious scholar of Iran and the world of Islam. He was a hard-working author and has a good command of Arabic, Persian, Pahlavi, and Syriac languages.

Avicenna had access to various documents. (Canon of Medicine, 5, P.247). His available works are solid evidence to the quality and quantity of his performance. Avicenna's masterpiece is the book of Canon of Medicine. This book is a medical encyclopedia carefully classified in various parts and chapter. It is a significant book as it is a systematic medical collection of the Greek, Iranian and Muslim medical information up to Avicenna's time which include his own time as well. It is the best-known medical book of the Eastern world and soon it captured the world of medicine.

Avicenna in his Canon clearly refers to treatises two of the students of school of medicine have written (Canon, Book 3, Part 1, 507) which tells us there were schools of medicine in one or all the cities of Gorgan, Rey, Hamedan and Isfahan, where he has written his Canon.

Medical instructors usually wrote diploma of initiation for a student who they made sure is able to practice medicine. This certificate was something similar license of religious jurisprudence or tradition which was common since ages in Islamic theological centers. Sometimes students wrote treatises on a medical field which was similar to modern-day thesis and the instructor edited it. The first example of these treatises has been brought in Avicenna's Canon of Medicine. In his chapter on treating tuberculosis, he writes about treatise of one of the medical students, which he has summarized and included it in 200 words in his Canon.

Avicenna's interesting and new points on healing rabid dog's bite should be an introduction to serotherapy, almost 900 years before the discovery and application of this method. His contemporary Abu Reyhab Biruni quotes Haly Abbas as saying: "Liver of a rabid dog, if dried up, can be useful for the wounds caused by a rabid dog". (Saydana: Pharmacology, 968.)

Avicenna in his chapter on rabies notes: "It has been said and confirmed by many physicians that the dried-up liver of a rabid dog is useful for curing wounds created by a mad dog." (Canon, Book 4, Vol. 5 of Printed Version, 84.) Today, it has been found that the antibodies are formed in the body of a rabid man or dog, but since virus has reached and fixed on the nervous system, it is not useful to defend the body against the rabies virus. However, injection of an anti-rabies serum taken either from animal or a vaccinated man, around the wound will strengthen bodily defense and the vaccination will be fruitful. The antibody neutralizes mostly the viruses to reach the nervous system and body resists against the remains of them. This way of fighting the viruses which is called serotherapy is elaborately discussed by Avicenna, while he was utilized the viewpoints of his predecessors. And still notable is the fact that Avicenna, in the Canon's second volume, asserts that the blood of a mad dog is an antibody against rabies. "Blood of a mad dog is an antidote for the bite of a rabid dog." No clear statement can ever be made on serotherapy.

Therefore, Avicenna should be recognized as the discoverer of serotherapy.

RADICCHI Anna
(Italy)

**Kashmir Shaivism and Abhinavagupta:
fresh approaches to textual interpretation**

In the most recent studies on Abhinavagupta critical observations foreshadow substantial revision of the interpretation of Abhinavagupta's philosophical texts, which in turn cannot fail to foreshadow a revision of the interpretation of the "aesthetic experience according to Abhinavagupta" with its two pivotal concepts of rasa and dhvani.

Leaving consideration of Abhinavagupta's aesthetic works for future study, this paper concentrates on his philosophical works.

The field of our investigation is thus Kashmir Shaivism, with its numerous currents or preceptorial lines. The most recent period of studies on Abhinavagupta is understood as that starting from the '80s, with works like those by A. Sanderson, H.P. Apper and P.E. Muller-Ortega to name just a few, following an initial phase beginning in 1935 with the first edition of "Abhinavagupta. An Historical Study" by K.C. Pandey.

It has lately been noted that theism and mythology join with idealism and metaphysics in Abhinavagupta's thought. However, the subject requires amplification. Abhinavagupta's religion follows the devotional line of his teachers, Utpaladeva, Bhattanarayana, etc. It is there that mythology and, above all, the figure of Shiva as a great yogin, theism as faith in the agamas, ritualism and yoga and kula practices find their place,

All this together with and in contrast to transcendental idealism, mystical identification with Shiva, ritualism sublimated and thus nullified as an exterior practice. Putting together passages containing invocations to the supreme god or goddess with passages found alongside them in the texts and containing the speculative audacities of the metaphysical framework sheds light on this subject.

Various fields have not yet been investigated by critics: the rasa, before being read as an aesthetic experience, should be considered form the viewpoint of medicine, chemistry and yoga and texts bearing a strong imprint of rasa theories must also be re-read in the light of these sciences. And then, the dhvani. This too is an aesthetic term, but must also be considered in philosophical contexts in which dhvani plays a role in constructing the great cosmic-metaphysical framework.

In conclusion, the paper points out aspects of the interpretation of Abhinavagupta's philosophical-religious works which need to be reviewed in the light of the recent critical contributions and aspects on which investigation needs to begin. An interdisciplinary approach is required so as to do justice to Abhinavagupta's eclecticism. Trained in all the schools of thought and knowledge of his time, he embodied this varied world in the numerous subjects he dealt with: aesthetics, philosophy, religion in its various expressions as mythology, devotion or idealism, science, especially yoga, chemistry, medicine.

PILICKOVA Sevim
(Macedonia)

**Diversity and unity in oral interpretation
of folk tales Summary**

In Macedonia live different ethnic groups with different religious. These communities still have a living folk culture as: folk songs, folk tales, beliefs, customs...which means that through these folk materials all the ethnic groups realize their individual and collective norms and values which play a major part in their social and cultural communications, and in that way they form their specific attitudes and ideologies. My research work was carried out in several regions where sufficient representatives of different ethnic groups live together. In my paper I am especially interested in: ethnic dialogue seen through the oral interpretation of folk tales as the act of socio-cultural interaction which refers to the expression of ethnic identity; the process of self-identification of the group members and their interpretation of the communicative situation or event; the influence of the other participants and the preferred language of self-presentation. During these narrative events two major types of ethnic dialogue can be seen. The first one is about the ethnic dialogue that contains exclusion elements. The aim of the narration in that case is used in order to distinguished and even draw boundaries between participants identified as members of a certain ethnic group. The second type of ethnic dialogue can be noticed when the concrete narrative is used with the aim of inclusion. During these narrative events, the emphasis of the narrated text is used in order to achieve interaction among different ethnic groups, mutuality, unity... During all these narrative events it can be observed a rich variety of concrete such narrative and communicative situations which aim is removal of inter-group boundaries.

VELICKOVSKI Bone
(Macedonia)

**Similarities and Differences in the Russian,
Turkish and Macedonian Proverbs**

The present paper is a comparative outlook of selected proverbs and sayings in Russian, Turkish and Macedonian languages, which make an entire unity beside the apparent linguistic and cultural diversity. The examples chosen for this purpose are some equivalent proverbs that express the same concept literally or metaphorically. This concise juxtapositional approach to the study of proverbs and sayings is in fact a summary of wisdom of the common people, both from the past and the present time, for a great deal of this kind of folklore is created by different strata of society of the three mentioned peoples. The starting point are the Macedonian examples. This folkloric genre still exists in today's Macedonian language spoken in the Republic of Macedonia. Comparing the proverbs of written sources from the 19th cen-

tury with those of our own time, we can be given a glimpse into another world and time, and at the same time we can noticed that some of the proverbs and sayings are still alive and functioning if not in the same manner at least the Macedonians stick to the same concept of behavior despite the cardinal changes that occurred in modern Macedonian society, notwithstanding the new values, attitudes, and norms, a process which is still going on. Thus, these manifestations of popular culture can also be discussed from an ethnological perspective. The proverbs and sayings as so-called "minor forms" can also be seen as a sociological barometer of a nation, a compendium of cultural data. Their focus is on the essential symbols of the popular culture, on their changing meanings and the dynamic processes that are reflected in these verbal symbols. Folkloric self-reflections of an ethnic group or a nation can spread to the oral traditions of the others and determine how other nations see them, for instance the Russian and Turkish ones. A nation can be interpreted as a living organism whose world-view is reflected in folklore. The relationship between tradition and innovation in folklore is a constant research problem, and as topical now as it was in the recent past, although the approaches and emphases have changed. Consequently, similar historical processes can be traced both in folklore and folkloristics. However, channels of folklore transmission have changed and become more diverse.

HAO Chunwen
(China)

From Conflict to Harmony – the Relationship between the Traditional She Associations and Buddhism in Medieval China

In this paper, I intend to present a preliminary study on the relationship between Traditional She associations and Buddhism through Wei, Jin, the North-South Dynasties, Sui and T'ang dynasties. It reveals that during Jin, the North-South Dynasties and Sui eras, the main conflict of the two traditions focus on the killing or no-killing of living animals, that is to say, they were simply not compatible with each other on the ideas and ways of life as one is Chinese while the other, Buddhist. They came gradually to terms during T'ang and the Five dynasties, showing some mutual understanding and assimilation. In the course of development, the monastery and clergy changed their attitudes and strategies obviously. At the first stage, they fought against traditional Chinese culture. Trying to persuade the associations into accepting the foreign ideas and practice, while giving up the traditional ones. It all changed at the last stage when the monastery and clergy took a very open and cooperative attitude. They began to reflect on the roles they could pay in the traditional associations, or what they can do for them. By accepting partly the Chinese traditional ideas and practice, they combine together the foreign and indigenous ones to a great extent. It is actually a kind of peaceful coexistence, permitting

them to seek for common points while reserve difference, and it turned out to be very effective.

The traditional associations assimilated Buddhist and Chinese culture into its ideology and practice for a variety of reasons, among which the change of attitudes and strategies of the monastery and clergy might be an important one.

ZHANG Tian
(China)

On the Common Characteristics and The Differences Between Chinese people and Indian People

The Chinese people and the Indian people have both common characteristics and differences.

The common characteristics are:

1. They are made up of many nations respectively which form a multinational country and the largest population in the world
2. The Chinese and the Indian peoples have their own highly developed cultures
3. One of their many nations is a core or a main body of the whole people
4. They were all at the colonial stage in the past
5. Now the Chinese and Indian peoples are building their own country into powerful, modern one, therefore they both have their own bright future
6. They all have a long history

Their differences are as following:

1. The Indian culture is a different type of culture from Chinese one
2. There are differences between the two great peoples in the political system and economical structure and in ideology and thought.

CHUKHOVICH *Boris*
(Canada)

The new socialist realism and the auto-orientalism in the Uzbek art in the 1990th.

The Perestroyka led the Uzbek art to a post-modern boom. After the USSR breakdown, however many artists return to themes and forms of Socialist realism. Like in the socialist era, this art is supported by government, whose motto – *Uzbekistan is a stat with great future* – has incited a new ideology, which absorbs communist utopias and recycles them.

Therefore, the medieval conqueror Timur has occupied the place of Marx, and the President of Uzbekistan is perceived a heritor of

Timur's cause. Timur's official portraits, his equestrian statuses and frescos presenting his feats appear widely in the art.

The new Socialist-realism version is remarkable for its orientalist character. If, according to Stalin, the Soviet culture must have been "socialist by content and national by form", the Uzbek art should be "oriental by form and national by content". This metamorphose should be analyzed in the post-colonial context, described by Edward Said, because Said's inferences blend with some elements of modern Uzbek art: forced delimitation of occidental and oriental experiences, creation of new mythologies about "the great past of the East" and, consequently, international orientalisation of the East. If this new "East created in Asia" is included in orientalistic discussion, orientalism will appear larger than Said presents it. It can become an official culture and political discourse in countries, whose governments announce their rejection of western values and return to sources.

RUKMANI T.S.
(Canada)

Revisiting the Jivanmukti Concept in Sankhya Philosophy in the Context of the Sankhyasutras

I argue in this presentation that the depiction of the concept of the Sankhyan-jivanmukti in the Sankhyasutras has totally distorted the idea itself. Sankhya in these sutras has borrowed heavily the vocabulary of both Advaita Vedanta and the Yogasutras. Similarly the concept of jivanmukti has also closely moved towards the asamprajnata-samadhi state of Yoga. This results in the blurring of distinctions not only between Yoga and Sankhya as separate philosophical systems, but also in questioning whether Sankhya can retain its belief in the jivanmukti concept at all. I use the original Sankhyasutras, along with the commentaries of Aniruddha, Vijnanabhiksu, Vedantin Mahadeva and Nagesabhatta to arrive at my conclusions.

CHARI V.K.
(Canada)

Mysticism and the Problem of Expression in the Arts: A classification in Light of Indian philosophical and Aesthetic Traditions

"Speech is measured in four quarters. The wise sages know these four quarters. Three quarters, concealed in the cave, men do not know. They speak the fourth quarter." (Rg Veda, 1.164.45)

"Wherefrom words turn back, not reaching, together with the mind, knowing that bliss of Brahman-experience, the wise man is never afraid." (Taittiriya Upanishad, 2.9)

"What we cannot speak about we must pass over in silence." (Wittgenstein, Tractatus, 6.54)

The notion of spiritually or mysticism – taking the two terms as synonymous – is intimately tied up with the problem of expressibility. If, as it is proclaimed by the scriptures and testified by the mystics, the highest experience – whether of the god – inspired, devotional or meditative brand – is subjective and ineffable, the question arises as to how it comes to be expressed through the medium of art at all. The claim of ineffability may imply that a natural language, such as ours, is an inadequate medium for expressing the mystical state. But the mystic's utterance is not a special language constructed for the purpose, nor a "private language" known only to the experiencer. Rather, it is no language at all. It is claimed that no manner of symbolization or articulation and no known organs of perception can reach the mystic's realm. It can be graped only by a variety of immediate inner perception which is supramundane (alaukika).

While the Vedic and other theological literatures speak of the ultimate reality (Brahman) in these terms, Abhinavagupta, the Kashmir Saiva philosopher and aesthetician (10th-11th century) claims the same status for aesthetic experience (Rasa) too. The Buddhists of the Dinnaga, Dharmakirti school aver that the unique particulars of direct sense perception (nirvikalpa) cannot be captured by words which are constructions (kalpana) mediated by concepts (savicalpa). Hence they are self-grasped and ineffable.

By the same token, even the simplest of felt sensations – like love, hate, pain, etc. – must remain beyond the reach of expression. According to Bhartrhari, the ancient Indian grammarian-philosopher, there is no cognition that is not accompanied by verbalizing at some implicit level, that is not word-impregnated (Vakyapadiya, I, 123) although he also admits that language has no power to touch the essential nature of the object (referent); it can at best only designate the object (Vakyapadiya, II, 434).

It appears from the above that language, being an arbitrary symbol system, cannot adequately convey even the simplest of percepts in the form in which they are presented to our consciousness. If this is the case, then, the ultimacies of mystical experience must forever lie buried in silence. But, "languaging" or expressing of any sort does serve the limited purpose of pointing to, if not embodying, what lies beyond itself. It has at least a pragmatic (vyavaharika), if not intrinsic (paramarthika) validity. Hence mystics and poets all over the world have tried to give us intimations, however vague, of their experiences.

However, it must be noted that while it is for the most part in the verbal medium that mystical experiences have achieved a degree of expressibility, it is not the same in the nonverbal arts. What words convey musical sounds and plastic materials cannot, and vice versa. Nor are all artistic mediums capable of accessing inner states in the same way. The subjectmatter as well as the expressive power of each

art form is determined by the nature of its medium. So there is no sense in making a blanket statement about the spirituality of Indian or Oriental art. One needs to clarify the precise sense in which spirituality or mysticism – however it may be defined – is understood to be a characteristic feature of Indian art and literature. One also needs to differentiate the precise ways in which various art forms – poetry and the temple arts – may be said to express this mystical dimension of reality.

ГАРАБЕДЯН Агоп
(Болгария)

Кипр.
Провал политики национализма

Сочетание этнического национализма колониализма с холодной войны ставят в основе кипрского вопроса – один из нерешенных проблем XX века. Настоящий доклад посвящен роли этнического национализма двух общностей на острове после 1960 года в результате которой Республика Кипр в 1974 г. был разделен на базе этногеографического принципа.

Лондонско-цюрихские договоры 1959 г. в значительной степени ограничивают действия греческо-турецкой националистической элиты на острове. Основная характеристика новосозданного Кипрского государства – взаимосвязь и баланс интересов греческой и турецкой общности, а также баланс стратегических интересов Греции и Турции на Кипре.

Хотя конституция Республики Кипра запрещает эносиса и разделение острова, кипрские греки и турки не успевают приспособиться к новым условиям. Обе элиты объявляют войну кипрскому государству от имени своего этноса. Этот антагонизм греческой и турецкой национальной элиты определяет их политику до настоящего времени, которая является предметом анализа в настоящем докладе.

TEWARI D.P.
(India)

Social conditions in the Chalcolithic cultures of the Gangetic plains in India

The Chalkolithic cultures of India have a diverse regional characteristic features which is reflected by ceramic traditions, tools, antiquities, and mode of constructing houses. These are categorized in different zones such as southern, Deccan, Central, western and eastern Indian zones. The important sites are Tekkalkotta and Hallur in Karnatak; Maheswar, Navdatoli, Inamgaon, Chandoli, Diamabad and Jorwe-Newasa in Maharashtra; Tripuri, Eran, Ujjain, Kayatha and Nagada in Madhya Pradesh; Ahar, Gilunda and Balathal in Rajasthan; Chirand, Chechar and Kutubur in Bihar; Pandu Rajar Dhibi, Mahishdal and

Bharatpur in West Bengal. In spite of these a number of Chalcolithic settlements have been discovered in course of explorations and exactions in Uttar Pradesh. Some of these are Alamgirpur, Hulas, Khairadih, Narhan, Imalidih Khurd, Dhuriapar, Sohgaura, Waina, Susipar, Sisuavania, Lahuradeva, Pipari, Koldihwa, Khajuri (Panchoh), Kakoria etc. Stratigraphically these cultural deposits are found either on the natural soil or above the deposits of Neolithic period and are sealed by the cultural deposit of Proto-historic/early historical periods. Some times the lithic tools are found in good quantity in association with copper implements and some times the number of these stone tools is negligible. But the pottery and other archaeological material including the radiocarbon dates are very akin to Chalcolithic culture. This finding has opened a possibility of a new cultural complex in Ganga plain especially in its middle portion.

This paper deals in details the new dimensions of Chalcolithic cultures of Gangetic plains in respect of tools, pottery, antiquity, structures and other cultural components, which highlights the various aspects of Indian Chalcolithic societies, which thrived in the Ganga Plain.

SAXENA Rakesh
(India)

Spirit of Syncretism in Buddhism and its transformation

As we glance through the major religious systems prevalent in India in the Gupta and post-Gupta periods (4th c.A.D. onwards) – Vaishnavism, Saivism, Buddhism, etc. one is impressed by the spirit of Toleration, which pervades all the religions. But another hallmark of the period, which is slowly but gradually taking shape, is the spirit of Syncretism which comes to pervade different religious systems in India in the middle of the Ist millennium A.D.

Buddhism, which has sometimes been pronounced to be an offshoot of Brahmanism, gradually inches closer to Hinduism during this period. The differences between the two, which distinguished one from the other, during the earlier centuries, gradually begin withering away and the two come closer to each other. During this period, one witnesses significant changes in the form of Buddhism – Tantrayana or Vajrayana. There are quite a few examples in the art and literature of the period, as also inscriptions, which suggest that Buddhism was coming closer to Hinduism. The fact that Buddha comes to be regarded as an incarnation of lord Vishnu is not without significance. The fusion of Buddhism and Hinduism is slowly but imperceptibly taking place, leading to transformation of Buddhism.

Any serious student of Buddhism can't but fail to note the major changes taking place in the religion of the Buddha, which tends to merge itself with the powerful currents of Hinduism from which it had once originated.

SINGH A.K.
(India)

Medieval western Himalayas wooden Sculptures: new finds and stylistic connection with the art of Kashmir

This abstract is based on the study of some rare Buddhist wooden sculptures discovered during late nineties from a remove valley region of river Sutlej bordering western Tibet in the western Himalayas by the author. The area had been a buffer state between the Indian states of Western Himalayas and Tibet (gNari-Khorsum) Kashmir played a key role in the process by extending full support and supplied scholars, monks and artists. Still in many old Buddhist temples of Western Tibet art works of Kashmiri artists are preserved.

Aesthetically being superb in artistry, the sculptures under investigation present a very interesting case of diffusion of an art style, that is Kashmiri, about which still not much is known. In medieval period from 8th to 10th century when Kashmir consolidated its power in Northern India, Western Himalayas, and Central Asia and established her hegemony in the region, the state of artistic tradition too behaved a high watermark. The artistic expression of Kashmir became eclectic rather more international due to intense cross cultural contacts in the North-western peninsula which from very beginning was open to various influences from the west. During the hay days of political hegemony Kashmiri art too permeated far a field. In the making of Kashmiri art expression elements of Gandharan, Gupta Indian, Persian, Central Asian, Chinese, Tibetan, Byzantine, Greco-Roman and folk of native valleys of Western Himalayas can be discerned.

The wooden sculptures under discussion display maturity of the style and its further transition. The paper will present a study about the regional development of Kashmiri style, its extension, and various stylistic sources. Indeed, the contribution of Chamba School needs to be examined carefully for scientific evaluation of Kashmiri expression, the paramount style in the western Himalayan region. Chronologically, the material can be ascribed to a definite frame of time that is from ninth to twelfth century AD.

SINGH Kameshwer Prasad,
SINGH Asha
(India)

A study of Folk methods of medical treatment in Indian societywith special focus on Jharkhand State

Folk methods of medical treatment to ailing people have been in practice since many decades in Indian society. Patanjali during Vedic period of Indian society also stressed upon the importance of health education in human life. He refers some folk methods of medical treatment during the ancient period of India. In his immortal epic "Mahabhasya" he mentions specific remedies for the culture of many diseases through folk methods.

In the present study special focus has been given on the folk methods of medical treatment to various diseases. Poor tribes having no money to visit hospitals and medical clinics, sometimes adopt folk methods to cure the disease. "Arwa" one of the forest products of Jharkhand in India is being used by Munda Tribe in curing Turber culosis and snake biting. "Aiang" a product of forest of Santhal Pragna is commonly used as a folk method of medical treatment in burn cases and abortion. Through this paper an elaborative study of various folk methods of treatment in Jharkhand will be promoted.

SAHU Radha
(India)

Threat of Industrialization to ethno-biological profile and socio-cultural existence of the Asur tribal of Jharkhand

Superficially Chotanagpur appears to be a geographical myth. It is considered to be the center of the tribal belt in the heart of India. Again it carries to many an image of being a land of forests but due to deforestation, the tribal people of the region have been deprived of their land and the process of indiscriminate exploitation has set in. creating racial, nutritional, cultural and socio-economic problems. Traditionally, the "Asur" are iron smelting minor tribe of Netarhat within Chotanagpur Plateau of Jharkhand State. They could get iron ore from the hills on which they lived, wood for charcoal from the forest around them and developed simple technique for smelting. But during the last several decades due to rapid industrialization and introduction of improved metallurgy and reservation of forests, there has been a decline of their ancient profession. Now they are switching over to simple cultivation and agricultural laborers. Their traditional art of iron smelting is dying out because of land code in the area for public need of preserving Jungle from wasteful exploitation. Youth's dormitory known as "Gity Ora" is an important institution among them.

Besides, the Asur locality (Netarhat Forest) abound in herbs and Asurs have been using some of the medicinal herbs in the treatment of their various diseases. But their usage is not so far recorded in literature or at least that particular medicinal property which the Asur attribute to plants is not known. It is important that before the oral folklore about plants and other natural resources is lost by modernisation and industrialisation, it should be recorded. The recording of the folklore is in general interest, it is in the interest of the tribal and certainly it is in the interest of science.

SAHAI Ravi S.
(India)

Chotanagpur, land of composite tribal culture in India

In the state of Jharkhand, India, Chotanagpur plateau is one of the oldest lands in the country. Numerous stone tools and several rock paintings of the old stone age, scattered all over the area, suggest

that human activities have taken place since time immemorial. For long time however, this region remained isolated and free from outside influence because of inaccessible hills and forest. The knowledge about this land and people was so inadequate that a century before, the British administrators called "Chotanagpur, a little known province of the empire". It is believed that the tribal communities have established here a clan and land-based system that still persists. Culture, values, beliefs, emotional attitudes, pattern of orientation, behavior, traditions, historical memories, norms, symbols, ideologies, dynamic, and decision making process which is communitarian in nature. They also established an age-old "pre-historic land commune" system, commonly owned by the members of a clan, whose earliest ancestors first tilled the land after slashing the virgin forest some thousand years ago. There are twenty-nine tribal communities residing in this area, with their distinct culture, and separate identity. They represent different facets of cultural and material development, varying from hunting and food gathering stage like the Birhor tribesmen, to that of intensive agriculturist like Oraon and Munda, using scientific equipment. In spite of diversity among these tribal communities there is cultural a unity among them. The tribal culture of the present day is the result of continuity in change from its antiquity. In fact, different tribal communities form of cultural configuration.

The ecological and geographical diversity in Chotanagpur plateau is largely responsible for its cultural diversity as well. It is a rich, fertile field of study for the students of social science, because all the stages, thought which the human civilization has coursed, seem to present a spectacle of texture, where telescoping of cultures or their coalescing has taken place. In simple words different culture exit, almost juxtapose. Since the plateau is surrounded by hills and forest, so they worked as natural fort and protected them from any outsider intervention. The peace and security provided by the nature enabled them to retain their culture and tradition till the present time. Since there is no cultural conflict among them, therefore Chotanagpur represents the picture of unity in diversity, an expression applicable to the Indian culture.

There is a close union of land and clan, which provides them control over the village property. Therefore, the people inhabit such villagers a long time. They are important from the archaeological standpoint. Both the archaeological excavation coupled by fieldwork could be a meaningful study on the origin, development and evolution of tribal culture of Chotanagpur.

This paper gives rise to the following hypotheses.

1. Communal ownership of village property by the members of a clan whose ancestor had tilled the land after slashing the virgin forest owes their allegiance to the past:

2. This allegiance is a factor for continuity of the tribal culture and tradition to the present age.
3. The divergent ecological and geographical conditions in the region have impact in making divergent tribal culture and traditions,
4. Inaccessible hills and forest protected them from outside influence in the social, political and cultural spheres of life.
5. Plenty of food grain and forest products provided self-sufficiency and independent cultural growth.

PANDEY K. Ajay
(India)

Archaeology of Kopia:
A Note on Ancient Glassmaking Center

The ancient settlement of Kopia is situated is situated about 12 km from Khaliabad, near Maugharia tal on the Khalilabad-Bakhira Road in district Sant Kabir Nagar of Uttar Pradesh State. Although the site was noticed, for the first time by Fuhrer in the nineteenth century but its significance as an ancient glassmaking center was recorded by M.M.Nagar of the State Museum, Lucknow, UP.

Further explorations by the U.P. State Archaeology Department and the Banaras Hindu University have provided significant information on the archaeology of Kopia region. The ancient mound extends in area of about 1 sq km and has a cultural of 7 to 8 meters. The site was under occupation from NBP period to the medieval period. The explorations have revealed Black Slipped Ware, Grey Ware, Red Ware, Muslim Glazed Ware and other potteries. Other noteworthy finds include terracotta human and animal figurines, Kushan terracotta heads, terracotta skin rubber, beads, cones, toy-carts, etc.

Towards the east of main mound lies an extensive flat land, about four meters above the surrounding fields, to be the site of an ancient glass factory. Innumerable glass beads and glass slag of various sizes and shapes and numerous lumps of melted glass in various stages and colours are scattered. Among them was a big massive glass of about 60 kg weight, measuring 18x9x12 inches in size (now placed in State Museum, Lucknow).

A preliminary examination of the glass from this site show that they were of Soda, Lime and Silicate group. The alkali contents of these glasses was exclusive that of Soda. No other specimen of Indian glass shows such alkali content and also complete absence of Copper is significant. On the basis, this glass factory has been dated to 5th century BC. Considering the peculiar chemical composition and its being the earliest glass factory of this part of the country, it was desired to reconsider its archaeological significance and to obtain new data on its technology and composition utilising scientific means. The results shall be discussed in detail.

MISHRA V.D.
(India)

Transformation and Social stratification of Ancient Indian Caste System

The Indian Society from very beginning was divided in to four functional groups. The Vedas recognized this classification in terms of Vernas, which continued during the times of later Vedic period. Epic period, Sutra period, Smriti Period, early historic and historic periods also followed the same tradition. A new system of social grouping came into existence just after the Rigvedic period and that was the system of castes. The Smriti literature throws sufficient light on the origin, classification, duties, moralities, property rights and the social stratifications of these in detail. Most of the Smriti writers are of view that the caste system came into existence due to the marriage relations performed in Anuloma and Pratiloma orders of marriage and the social status of their offspring was determined on the basis of the social ranking of the father. Other Smriti writers also quote few castes directly associated with different occupations and they regulated their social status on the basis of their occupations. The Smritis like Manu, Yajnyavalkya, Vishnu, Narad, Brihaspati, and Katyayan, have dealed the matter in detail in the chapters of Prayaschitta and judicial procedure. It is very astonishing that only in India a phenomenon like caste emerged and existed so long. Now it has taken a new shape and got strengthen by the political system. It has also made a paradoxical situation, in democracy every one is equal but caste system do not promote the egalitarian view. These two dichotomous aspects continues and holding the social system along with the political functioning. So the caste system should be understood in historical perspective to get rid of this socially problematic phenomenon. This paper deals with the transformation of this system in India and the social stratification of these different castes on the basis of their origin, occupation and legal standings.

KERKETTA Malti
(India)

Cultural anthropological related to ethnobotany of Jharkhand

Jharkhand people love the nature and live in nature. They never take more from nature what they require to keep themselves alive. They made their shelter from natural resources like wood, leaf, flower bamboo etc. Usually their houses are made up of mud. Their houses are always facing towards the east and west. They made their first door with Jamoon Syzgium Cumini wood, other door and windows are made up of Neem tree. They use to eat Shradh, they used typical plants like dub grass, Bel-patta, sal flower etc. They also worship sal tree, Karam tree, Banyan tree, Neem tree, Amia tree etc. In scientific way this is known as "Cultural Anthropology related to ethnobotany".

The houses of tribal people of Jharkhand is general facing towards east and west. The first door is made up of Jamun tree, which is not rotten by water. The other doors and windows are made up of Neem tree. The timber of neem is also resistant from ant. The fruit of Jamun is also used by anemic patient. This timber is never rotten like other timber. It is also as anti-chicken pox. The young leaves are eaten by people.

The tribal people of Jharkhand also worship some tree like sal, amia etc. They are also attached religiously with these trees. Tribal people of Jharkhand know the value of this tree so they planted the plant accordingly their use. The Neem tree is always planted in front of their house, to get fresh air immune from diseases. The Bamboo tree, which is also very useful in economic point of view, is planted far away from the house, because they believe the flower of bamboo as ill-omen. Near the bamboo trees many insects are found. The snake made hole near the bamboo trees so they avoid to plant these types of trees near house.

So the people of Jharkhand knowingly or unknowingly are attached with the ethnobotany by their culture.

HARICHANDAN Niladri Bhusan
(India)

Social aspect of Dandanata. An ancient form of folk-theatre in Orissa

Orissa, an Indian province inherits a rich tradition of folk theatre. At present a large number of Folk-theatrical forms are still prevalent in different parts of Orissa.

Dandanata is one of the pristine forms of folk theatres that dates back to the 10th-12th century, when Siva cult gained utmost popularity and spread in Orissa during the reign of Somavanshi kings, who had built the famous Lingaraj Mandir and developed city of Shiva temples, Krittibas Kshetra, popularly known as Bhubaneswar. During their rule most of the villages of Orissa had Shiva-temples. The religious sentiment relating to Saivism was responsible for organising the folk-theatre, Dandanata which held sway allover the rural population of the state.

Preparation and production of Dandanata are made in the precinct of a Shive temple. Dandanata is mainly a processional theatre. The religious procession starts from the Shiva temple after going through some ritual processes. The devotees take holy bath in the tank in the premises of the temple or outside. Then they are initiated as Shivaputras or Rishiputras wearing sacred threads. For the entire period of the festival of twenty-one days they forget their hierarchy in caste-system, getting the status of Bramhin. Dandanata is purely a non-Bramhin performing art played by the lower strata of Hindu society. It is presumed that this art is definitely a protest against Bramhinical hegemony in the

Cultural field. The devotees of non-Bramhin castes mostly from backward classes including scheduled castes and scheduled tribes form the troupe of theatre. They stay in the temple-precincts up to the closing of the ceremony. They eat and sleep together. As Shivaputras they feel themselves equal in spite of their castes and social status. Acquiring Shiva Gotra after initiation, they all become Bramhins and their caste names are changed. Being hated and exploited by Bramhins the non-Bramhin people as Bhagatas or devotees take refuge in Lord Shiva, who is traditionally worshipped by backward caste priests.

In the drama proper, a number of episodes related to village life are enacted. Absence of a particular single embodied plot is the specialty of Dandanata. It is an amalgam of a number of episodes.

The special feature of Dandanata is a depiction of rural life including that of untouchables and tribal people. The characters of all the episodes enacted are of forest dwellers or villagers.

The characters and the picture of life presented in this theatre are very much familiar to the villagers. Sometimes the characters have conversation with the audience. In this way the distance between the stage and the audience is removed. The villagers feel that some persons among them are telling their story of weal and woe in their own language.

Besides its religious dimension Dandanata serves an essential sociological purpose. It can bring people of a rural set-up to a close affinity with one another.

BONDYA Sutanu Lal
(India)

Impact of Urbanisation on the socio-cultural and religious organization among the forest dependent population of Jharkhand state

The nascent Jharkhand State came into existence as the 28' State of the Indian Republic on 15th Nov. 2000. Jharkhand literally means Land of Forests. It is Universally famous not only for its rich forest wealth but enjoys a good population of 32 ethnic tribes and many indigenous groups which are totally dependent on the forest and forest produces for the social, cultural, religious as well as pharmaceutical needs. Forest of Jharkhand State spread over 23, 605. 47 km^2 area and constituting 31% of the geographical area are endowed with rich ethnobotanical plants. In recent past years it is being noticed that this forest dependent population are facing various types of threats with the implementation of different Governmental developmental projects such as Urbanization, Industrialization and many more. The high degree of Urbanization, Construction of dams. Buildings and roads or all projects are directly influence on natural forest wealth, which steadily promoted the exploitation of natural resources in general and plant genetic resources in particulars, therefore it ultimately is affecting the Socio-cultural, religious and economic organization of this mass. The

thirty-two different ethnic tribe communities reside in Jharkhand state and comprise about 27% of the total population of the state. These primitive tribes still today live in forest and they are totally dependent in forests. They depend on forest produces and hunting for their food and other necessities of livelihood. It has been observed that deforestation is creating an alarming situation, as it is disturbing the ecological settings as well as it are becoming disastrous for the forest dependent population. There has been continuous discriminate cutting, felling and denudation of forests by both the private agencies as well as Government Agencies in Jharkhand since past many years.

In the present paper this burning and most alarming problem has been dealt in detail very systematically, categorically and scientifically as how these so called modem developmental projects are ruining the established tribals social, cultural, religious, pharmaceutical and economic set up and finally affecting the demographic pattern of the tribes in Jharkhand. The paper will also highlight the reasons as how the tribal communities has been put to crossroads due to the so called modem developmental projects in Jharkhand and if it will continue the time is not very for when all the tribal communities in Jharkhand will come at the verge of extinction.

BODRA Prabhawati
(India)

Effect of modern developmental projects on the ethnobotanical values of indigenous people of Jharkhand

The state of Jharkhand is known for its scenic beauty of hills, forests, waterfalls and rivers. The indigenous population residing here are mainly Munda's, Ho, Santhals and Oran's. Closeness to nature is their way of life. Their ethnic values of life are to worship and protect nature. Nature is like a father figure to them to whom they look upon for food, fodder, fuel, medicine and livelihood. Their adoreness can be seen in their religious, cultural and social rituals and norms. From birth till death nature is continuous companion to them. The ancient practice of herbal therapy is a unique cure and care process for man and cattle both. The simple yet healthy food habits of tribals make them strong enough to survive the hard life they lead. Beng sag Bot. Name *Centella asiatica,* Putkal *Ficus infectoria* are some of the vegetables with medicinal values also. Natural forest is also on economic asset to them, especially for tribal women.

Modern developmental projects have distributed the life of tribals of Jharkhand. Deforestation and major projects has compelled them to migrate to metropolitans. This puts a question mark on their survival and has endangered the existence of the race. Time has come to learn from their knowledge; ecofriendliness and wise advise to protect nature. Because conserving nature are not only protecting indigenous people but also protecting life itself.

BHATIA M.L.
(India)

Acculturation of medieval society through Indus River Cult

In pre-Islamic Sind within dominant Hinduism a cluster of specific sects and cults observing various symbols with their own beliefs existed. The regular flooding and receding of the Indus river brought promise of vegetation on the cultivable soil. By extension the spirit of river was also identified with the act of human fertilization. Since the Indus river was believed to have possessed the will of the supernatural, an indigenous cult of the Indus river emerged and gained popularity with a section of rural population. Coincidentally in the second half of the tenth century A.D. when Ismaili sufistic tendencies were being encouraged in Sind through the Yemenite dawa in the lower part of Sind, our records refer to the legend of Darya Shah Zinda Pir or Khwaja Khizr. Originating a water spirit to guide mariners and travellers on the sea, the Darya Shah was given all the attributes of the river-god of Indus and his cultists called Daryapanthis despite the fact that Muslims were not religiously supposed to worship water or river. In a parallel development the Hindus of Sind found in Odarelal or Jhulelal the same spirit of river god. Thus two different religions focused and assimilated each other on the common phenomena of a cult. While such a river worship also spread in neighboring regions viz. Punjab and Kutch and in Bengal, the legends attached to Indus river is now an integral part of Sindhi society in their literary writings and songs attributed to the *Pirs*. The customs and rituals observed in river worship in medieval society form an interesting study to trace the medieval society in modem times. Since numerous fluctuations in the course of the Indus took place over a period of time it is desirable to explore society in flourishing towns on the riverbanks, now changed and deserted. A closer affinity of parallel gods of the same river needs explanation for a proper analysis to identify the process of acculturation in medieval Sind and to find out how historically a religion exploits, supplements or modifies the human beliefs.

AHLUWALIA M.S.
(India)

Unity in diversity.
Bhakti movement in Medieval India:
Some reflections on North South cultural adjustments in the field of ideas

One major problem in the field of socio-cultural and religious ideas is relating to the inter-relationship between the *Bhakti* movement in North and South India particularly relating to Tamil and Sikh *Bhakti* movements. In spite of the diversity in the filed of religion, there were several meeting points between the Dravidian South and the Aryan North.

Tamil Nadu in South and Punjab in North India are isolated from each other due to geographical distance as well as have diverse ideas to a great extent. However, some ideas got wide acceptance beyond the Vindhyas and vice-versa. In spite of almost negative mutual contact, there had been much greater interplay of *Bhakti* ideas from time to time and it is wrong to say, as some scholars assert, that "there was a great divide between North and South" and that both these parts lived in isolation.

The paper seeks to explore the unity in diversity through the medium of *Bhakti* movement and common religious ideas between the Dravidian North and Aryan South, especially in case of Tamil Nadu and Punjab during medieval period. In fact there has been a regular contact between the two, especially in the field of religion and absorption of new ideas and culture between North and South to the extent that finally it led to one culture for the whole country.

SINGH Harnam
(India)

Spiritual culture.
The intereaithscripture of mankind

This paper introduces Guru Granth Sahib and. its contribution to international cooperation, peace and harmony in commemoration of the quad-centenary of its compilation and installation in Golden Temple, Amritsar on 16 August 1604 A.D.

Besides being the sacred scripture and Guru Eternal for the Sikhs, it is the only interfaith scripture of mankind. It is a fountainhead of the universal messege of love, truth and peace that is distinctly cosmopolitan with universal significance. Hence Sadhu Waswani hailed it as "a World-Scripture" that "rolled out of the World-Soul". It is a unique repository of the Revealed Word, a record of the Voice of God, and echoes the Divine Truth couched in soul-stirring poetry tuned to celestial music. It remains unique in consisting solely of the meditation of God-inspired men who have communicated the Divine Word in a spirit of deep humility and compassion for mankind. Moreover, it is a "compendium of spiritual science" and "a vast spiritual synthesis". Prof. Tynbee has, therefore, claimed it to be a "part of mankind's spiritual treasure... It is important that it should be brought within the direct reach of as many people as possible... it deserves close study from the rest of the world... In the coming religions debate, the Sikh religion and its scripture, the Adi Granth, will have something of special value to say to the rest of the World."

This will, of course, be so, because this Holy Granth enshrines the ideals and institutions of a modern and universal religion as well as of an excellent and comprehensive ethical system which has the entire human race, its welfare and uplift, in view; and gives the healing outlook on life. It has brought a new conception of the Ultimate Reality, a new vision of the Universal Man, a new idea of democratic polity

and a new pattern of non-discriminatory society, based on altruistic, equalitarian and pluralistic concepts, highlighting the motto of Unity in Diversity as expressed, for instance, in its following verses:

1. Let universal brotherhood be the highest aspiration of your religious order (p.6).
2. None is our enemy, nor is anyone stranger to us.

We are in cordial accord with one and all. (p.1299). Thus it is concerned with the creation of a just, liberal, cosmopolitan and altruistic social order; and is committed to mutual love, moral conduct, social equality and peaceful co-existence in the world. It equates the Supreme Lord with Truth, and Love of Him with Service of Humanity, enjoining upon all human beings mutual love and understanding on the one hand, and truthful living and social responsibility on the other, invoking thereby both social service and social action.

Transcending all racial, sectarian and. parochial biases, such lofty idea is find expression in the sacred verses of six Sikh Gurus and thirty God-inspired Hindu saints, Muslim Sufis and holy men belonging to depressed classes, various castes and varied callings, and hailing from all parts and directions of the Indian subcontinent.

Their utterances, touching every aspect of human life, "speak to" says Nobel-Laureate Pearl Buck, "persons of any religion or of none. They speak for the human heart and the searching mind... Through them we see a beyond that belongs to us all. And the result is a Universal Revelation". Hence maintains Prof. Archer, "The religion of the Guru Granth is a universal and practical religion... The world needs today its message of peace, love" and amity, which calls for the well being of all mankind and appeals to its Creator in the following words:

Be merciful, O God.
and keep all beings in Your care.
Let grain and water be in plenty,
shatter their suffering and penury,
and ferry them across the Ocean of Existence.

(p. 125-1).

What a universal appeal embodying such a marvelous altruist id spirit, cosmopolitan outlook, liberal essence and tolerant attitude, seeking boons and blessings for the peace, prosperity and welfare of every human being, irrespective of his or her belief and faith, caste or creed, colour or country, sex or status!

CRONIN Staphanie
(Great Britain)

Army Officers and Constitutionalism in Iran, 1906-1926

This paper looks at the role played by army officers in the constitutional movement in Iran between the granting of a Constitution in 1906 and the consolidation of a military-monarchical dictatorship under a new dynasty in 1925-6.

The 1906 constitutional revolution in Iran is usually understood as the work of a coalition of ulama and reformist secular intellectuals. However the constitutional movement had two aspects, firstly the limitation of the absolutism of the shah by the establishment of representative government, and secondly the preservation and defense of national independence through the construction of a viable state capable of asserting its sovereignty. The second of these aspects, involving a rapid program of military modernization, appealed strongly to army officers, and they became closely involved in efforts at its realization.

In contrast to the Ottoman Empire, Iran had not successfully modernized its army, and

Possessed only fragmented military forces. The most important of these were the Government Gendarmerie and the Iranian Cossack Brigade. These two forces adopted radically differing attitudes to the constitutional movement and to civilian elements active in that movement. Notions of constitutionalism and legitimacy were much less important to the cossacks than to the gendarmes, and this was reflected in their differing personal experiences and in their orientations to foreign powers. Nonetheless, in 1921, it was the cossack officer Riza Khan who seized power in a British-backed military coup, and began to implement certain aspects of the constitutionalist agenda. The gendarmes, superior in both education and military experience, were attracted to the new state on account of its nationalism but soon found themselves subordinated to Riza Khan's efforts to subdue all independent political and social forces and to construct a personal dictatorship, finally realized through his accession to the throne in 1925.

CAMPBELL *Joel R.*
(Japan)

The terrible new game:
The new Asian nuclear realities

With the nuclearization of India and Pakistan in 1998, and the suspected development of nuclear weapons in North Korea that was revealed in 2002, the nuclear debate in Asia has again came to the front burner. It is no coincidence that this occurred in the 1990s, a period of economic liberalization and globalization, and of India's rise as a regional military power. This paper will compare the development of South Asian and North Korean nuclear arsenals, from the early post-war period to the present. Is it possible that either South or North-east Asia could witness nuclear conflict, and is it possible to control further nuclearization of Asia? Is a renewed nuclear non-proliferation regime in Asia possible? How will nuclear development affect the India-Pakistan conflict and the North Korean "end game"? Could Japan "go nuclear" in the future? The paper will attempt to provide answers to the above questions, in terms of game and deterrence theory, in addition to forecasting probable near-term and medium-term scenarios for a nuclearized Asia.

The Beginning of History:
Post-9/11 Northeast Asian Great Power Relations

The world has seen massive changes in the Asian security environment since the September 11 Incident. What was once a simple East-West divide has transformed into a splintered, multi-lateral game of alliances and arrangements of convenience. Globalization of Asian economies has brought new challenges to the state, such as nuclear proliferation; environmental disasters and piracy undermine the carefully constructed international consensus. In this new milieu, the great powers still have important roles to play as the constellation of security and economic issues has shifted over the past three years.

This panel will address the kaleidoscopic changes engendered by the 9/11 Incident that are affecting the great power relations of Northeast Asia. Keum, as chair, will begin the session by stimulating a brief discussion on an important topical theme relating to the changing Asian security environment. Torbert will take up the lingering Cold War problem of the Korean peninsula, in light of the six-party talks in Beijing. Campbell will consider the changing nature of nuclear development, since the advent of nuclear weapons in India, Pakistan, and North Korea. Hong will assess the changes in Chinese foreign policy since the advent of China's new leaders. Finally, Zha will analyze the recent convergence of interests between the U.S. and China. Keum, as discussant, will critique the papers in light of the themes introduced in his opening discussion.

BERNARD Rosemarie

Shinto Shrines, Emperor and
War Dead in Japan since Meiji

This paper explores some aspects of the modem history of worship of the war dead in Japan according to Shinto religious practices. First, I will outline the geography of worship for the war dead beginning in the Meiji period. I will draw attention to the locales assigned to such worship in the context of the nationalization of Shinto shrines, as well as to those shrines that were not (including the question of why they were not). Secondly, I will examine the historical role played by the imperial institution since the Meiji period in worship for the war dead. This exploration will focus on (1) the historical relationship between the Yasukuni shrine in Tokyo and the imperial house; (2) the differences between such imperial offerings to the war dead on the one hand, and on the other hand worship of imperial ancestors, both within the imperial palace in Tokyo and in Shinto shrines with close links to the imperial institution (such as the Grand Shrines of Ise). Finally, with attention to the post-World-War-II history of politics surrounding worship of the war dead and worship of imperial ancestors, I return to the "geography" of these categories of worship to explain how and why

they have been kept distinct. I will also interpret the implications of that distinction for our understanding of the relationship between the imperial house, nationalism and war since the Meiji period.

ANDAROODI Elham,
ANDRES Frederic,
LEBIGRE Pierre
(France)
KANDO Nonko
(Japan)

Systematic recognition of Caravansaries of Silk Roads
through Designing a Model of Components Using IT
(Information Technology)
By Focusing on Case Studies of
Desert Out City Caravansaries in Iran

In this paper we have addressed a research aimed for digital documentation of data of caravanserais by systematic recognition of components using Information Technology (IT). We assume that this one is a powerful framework for archiving, semantic annotation and distribution of visual or textual data of a cultural heritage typology over internet that will be able to help the users for semantic access of very large data-set.

The approach, which is chosen to develop this research, is based on ontology. This term of philosophical origin is employed in IT in a specific sense as *"a representational vocabulary"* or *"the hierarchical structuring of knowledge about things by subcategorizing them according to their essential (or at least relevant and/or cognitive) qualities"*. Ontology provides lexicalbased systematic recognition of the subject through listing its ***components*** with hierarchical structure. Further ***relationships links*** are defined between components based on the way the components or elements are interrelated, interdependent or interacting with each other. It can be noticed that what is mentioned as an ontological approach toward recognition of a subject, especially components and relationship between them is very close to the way an architectural building is created or studied. Therefore by designing ontology we tried to study caravanserais and create a lexical model specifically devoted to them.

There are some environments in computer, which helps designing ontology. Protege 2000 is the tool we use with this purpose.

It should be mentioned that caravanserais differ based on historical period, or geographical location, environmental situation, style of architecture, etc. or mixed of these criteria. Therefore based on our background in previous researches on caravanserais we have chosen, as framework of ontology implementation, the specific corpus of desert-out-city caravanserais in Iran in Safavid period (16-18 centuries). The main characteristics of this corpus are its homogeneity (a very power-

ful common concept as general schema) as far as diversity. Meanwhile During this era, a large numbers of caravanserais can be found in a chain – not in a very poor position- and can be studied in a comparative way. Of course, the pertinence of this corpus (in particular limits of its geographical and historical field) will be proved.

Ontology technology in this research -as part of Digital Silk Roads project (by NII and UNESCO) – has been developed by preparing a list of technical terms of caravanserais as complete as possible in different languages (till now 9 languages which are completed by the collaboration of UNESCO experts), and giving hierarchical structure to term set using thesauruses. The research is completed by defining relationships links between these terms and components according their physical or spatial characteristics in caravanserais. This technology is planed to be accessed by different level of users and experts, in future, as part of Advanced Scientific Portal for International Cooperation (ASPICO) of Digital Silk Roads Initiative Framework (DSRIF) of Nil and UNESCO, to reach to a consensus between experts, be extended to more languages and be developed to typologies of caravanserais.

MICHAUX Daniele

The dynamics of Status Quest
for the Emergence of Kingship and Civilisation.
The role of Trade, Art and Nomads in the Middle East

Long-distance trade ventures for prestige goods favored urban settlements in transit centres and market places. In the early Neolithic, the quest for obsidian set merchant nomads on the move, followed by the copper boom. Therefore, political powers developed in an intricate and constantly shifting pattern along trading routes. Thus, kingship evolved in the process of securing exotic good transits. Necessarily, kings had to control two or more settlements. The earliest royal titles in Mesopotamia and Egypt evidence the dual aspect of royalty. Historical records and royal propaganda begin when N proclaims his kingship over X *and* Y. Originally, kingship is a mobile institution providing goods for temples, in other words, a trading venture. Divinity enrichment enhanced the process of power and prestige, and justified war enactment to protect trading circuits. Trade is the trigger of social evolution.

Progress and civilisation developed under the sway of State institutions organised round temples. These institutions, not only administrate the in-coming goods, but also the crafts and arts produced by specialised guilds. Every type of raw material for prestige items made from precious stones, lapis lazuli, carnelian, alabaster, precious ores, gold and silver or other refined products such as ivory, needed qualified hands. Divine and royal art pertained to trained communities immigrated from the source country where the raw material was extracted or from where the knowledge of processing had first developed. Trading caravans comprised tinkers and carvers bringing technology, diplomatic dialogues and conceptual exchanges over long distances East and West, North and South.

Fortunately, archaeology has yielded artful treasures on which royal symbols have lavishly been engraved or painted. This paper will endeavor to show how the concept of royalty developed along specialised trading routes. The revealing phenomenon is the vast diffusion of royal symbols such as rosettes, swastikas, dotted circles, entwined serpents, lions and palace facades. Interesting information can be inferred from the diffusion maps proposed.

COUTO Dejanirah
(France)

The "Cartas Orientais" of the National Archives
of Torre do Tombo (Lisbon):
an important collection for the Islamic studies
concerning the Indian Ocean

Lisbon's National Archives (Portugal), keep an almost unknown collection of about one hundred manuscript pieces in Arabic, Persian, Turkish and Gujerati, concerning the political and social life of Marroco and the local powers of the Persian Gulf and the Indian Ocean in the 16th century. The collection has never been studied, nor published, in spite of the efforts, in the 18th century, of Frei Luis de Sousa, and, in the 19th century, of the great Portuguese orientalist David Lopes.

The late Jean Aubin, the well known specialist of Iran and Portugal published only a few of them. In 2004, an international team leaded by Adel Sidarus breaks the fate of the "Cartas Orientals": the full transcription and critical study of the collection is now being studied This program will bring to scholars new materials concerning the Persian Gulf and the relations between Ormuz, the Safavids and Gujerat in the 16th.

TANSUNG Sabiha
(Turkey)

Anatollan women headdresses and costumes

Seljuq's, twenty-four Oguz Boys, Ottoman Palace have made and used Anatolian hairdresses and costumes solicitudely to be adorned and we can see various hand made needle and looms on these clothes. We can also see a huge variety of art and garnishment on headdresses. Quality of tissues, range of needles, jewelleries, headdresses donated and adorned gloriously Anatolian women like goddesses for many centuries and created incredible fantasies at clothing.

I have been working and establishing determinations by traveling Anatolia about this subject for 40 years... Establishing different prop-

erties of Ottoman urban, village and rural, Turkmen, Yoruk, costumes. And working on their geographical differences, faithful meanings. We can see a huge variety of colors, manual skill and cultural attitudes.

Clothing is a basic demand of life adventure of human being from early ages to recent days.

Primitive human wrapped their bodies with leather and furs at cold areas. And surrounded their bodies with plants, leafs in hot continents.

As the time passes, new inventions made and different types created with different materials at clothing art.

Clothing History separates mis development process to tree phases: "Surround clothing", "Half coupped needled lacing clothing", whole coupped compatible fitting on human anatomy buttoned "Motion clothing". We can observe all these kinds of clothing at Anatolia. And also this tree sort of clothing can be seen all over the world today. We can show Indians, Buddhist Lamas, Muslim pilgrims as an example of "Surround clothing", and "Halfcoupped needled lacing clothing" is still being used at Asia and Anatolia.

Around The Caspian Sea, third one: Couped "Nomadic Motion" clothing created and Ottoman and Central Asia people claimed and used it. Because it was avaible to their religions and life philosophies. And all Anatolian minority – such as Armenians, Hebrew, Greek and Gipsies- accepted this trend with small supplements. Japan, Chinese and Uygur's wearings are also this kind of clothing...

Moreover there are lots of kinds of Anatolian Women Headdresses. They show women's age and social statue. This makes headdresses so important at community, from bom to death. And if we observe deeper, we can see these at all continents, and we can think a cultural brotherhood all over the world.

I have seen more than two hundred kinds of headdresses at Anatolia and established more than sixty kinds of style of clothing. Than made a collection of them with their archives and visual materials. Arranged national and international exhibitions. Because of these works, Republic of Turkey made me honored by publicating my "Ankara Bride Headdressed Portrait" on money at 1971.I hope one day all of them will be exhibited at a costume museum.

KAYA Mehmet Ali
(Turkey)

The Traces of the Roman Legionary Movements in Anatolia

The military strategy of Rome, which was designed by Augustus and his successors till the reign of Diocletian was based on a system of frontier defense. The permanent legionary garrisons stationed in the strategical places of this system were aligned with a fortified border almost 3000 miles from Britain to Euphrates. Fortresses and roads

which served and united them were most another important parts of this system. Roman Provinces in Anatolia, except Cappadocia, were usually regarded as an *inermis provincia.* But its roads were essential for the need to move the legionary troops from West to East (or from East to west), because of the wars against the Parthians, Sassanians and German tribes.

The first dispatch of legionary troops in Anatolia has taken place under Augustus' reign. These troops which were transferred from Balkans to Anatolia were commissioned to overcome the Homanadian tribes of southern Galatia. Later they returned their garrison in Pannonia. One legion, which was gathered by conscription from Anatolia, was sent to Egypt. Later movements of legionary troops became especially under Traian and other Roman emperors. The traces of legionary dispatch were seen inscriptions which were found in Anatolia. These inscriptions has revealed that soldiers or veterans who died in service or during travels or in *patria* and were buried by their fellows or kinships. Depending on these inscriptions or ancient sources which evidence the number, names of the legions, and ethnical identities of legionary soldiers, which I try to present in my paper. Further more my paper will focus on the social and economical effects of the movements of Roman legions in Anatolia.

BARLAS Dilek
(Turkey)

Turkey's place in the European union idea from Aristide Briand to Valery Giscard D'Estain

The international system in the interwar years and post-Cold period offers striking similarities. First and foremost, both are periods of international transition. Second, the early years in these two periods of transition were marked by optimistic belief on the obsolescence of war and by growing public aversion to the use of force in foreign policy, particularly in Europe. Thirdly, the idea of united Europe to secure peace and stability in the old continent was debated as vibrantly as it is today. However, the European Union is presently a reality and the debate now revolves around the limits of its ideational and geographical expansion. The united Europe idea, first aired and championed by French Foreign Minister Artistide Briand, did not include Turkey in its conception during the interwar years. Currently, strongest resistance to Turkey's inclusion into the European Union comes from France, led by former French President Valery Giscard D'Estain. In both periods of international transition, France favored a federal union in Europe. In both periods, Paris sought a leadership role in Europe, which would help magnify its voice in international fora. Notwithstanding the cultural motives in D'Estain's opposition to Turkey's inclusion, the crucial issue in both cases was the fear or concern that Turkey's inclusion would weaken rather than to strengthen the political union in Europe. In the 1930s, France's primary rival, Italy figured prominently as the

leading advocate of Turkey and Soviet Union's inclusion to the proposed European union. Today, main supporters of the idea of Turkish EU membership are U.S. and Britain, with who France is in another sort rivalry. As such, it may be possible to argue that the European union, despite its idealistic overtones, is weighed mainly in balance of power terms both by its proponents and opponents in evaluating Turkish inclusion. Hence, this paper is aimed at addressing with elements of continuity and change in Turkey's place and projected function in the French understanding of united Europe in the interwar and post-Cold periods in comparative perspective. Similarly, Turkey's approach to the union idea as well "niche" it sought for itself therein are also examined comparatively in both periods of transition.

ARSLAN Hűlya
(Turkey)

The role of ideology in translation

Translation is one of mankind's oldest activities. In traditional approaches, translation was seen as a phenomenon occurring between two languages whereby only intratextual factors were taken into account. However, the second half of the twentieth century experienced the emancipation of Translation Studies from other related disciplines.

The inclusion of the notion of "culture" and other extra-textual elements with the introduction of Translation Studies made the translator become "visible". As it will be shown with reference to the Turkish translations of a short story by Checkhov, the translation is shaped by the "ideological" views of the translator.

Перевод и идеологическая позиция переводчика

Перевод – один из древнейших видов деятельности людей. Веками перевод считался лишь языковой операцией по преобразованию текста на одном языке в текст на другом языке. Лишь во 2-ой половине XX в.понимание перевода значительно изменилось – его признали отдельным направлением науки. С этой позиции для нашей работы самым важным является опорное значение культуры для этого научного направления, благодаря которому в конечном тексте отражается личность переводчика. Как видно из сравнения оригинала рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином» и его перевода на турецкий, конечный текст может несколько изменяться в зависимости от идеологической позиции переводчика.

***ORTAG* Hclya Serpil**
(Turkey)

Turkish culturel puplish beat Oya

Handicrafts are one of the most important means that easily transfers the emotions and the traces of life of Turkish society. Handicrafts ace witnessing the events of their times and also have the duty

to transfer the traditional culture lo new generations, they also have economical contributions and are considered as a bridge between past and future; they effect the psychological health of tbe artisan, provide people with an activity in their free time and organizes the relations between people. So, they are the most active and significant documents of a society's cultural identity.

Another important branch of handicraft is knitting. The knitting art, which began with the existence of humans, was started first by the use of plant stems to satisfy the basic needs of people like clothing and sheltering. With the invention of thread, some different techniques in knitting have also been developed.

Pinkings are one of the most authentic examples of the Turkish people and are the most valuable traditional examples in esthetics and art where knitting techniques are used. As there is no specific meaning for pinking in other languages, this art has become special to Turkey and especially Turkish people

Pinkings, which arised from the need for decoration, used in clothing and home furniture for that purpose. Each pinking has an aesthetic feature and meaning. The usage of pinking is ancient, along with it's traditional features the pinking became symbol of the beauty with the term 'like a pinking'. Furthermore it has provided to see good and beauty, also it formulated sense and became a source of income. Especially the needle pinkings undertook a task of non-verbal communication by messages that it carried beyond it's functional purpose

Models, which made from the equipment of filament and bend show a different wealth with, it's variety of colour and pattern and called pattern pinking. Pattern pinking have been made by using awl, needle, netting needle and hairpin Various kinds and colours of bends have been using.

Bead pinking, which have been producing in many pails of the Anatolia, indicate difference in shaping and naming Pinking, have been seen a component of decoration on a turban, on a pail of the cloth and oh the edge of handkerchief

In this declaration, manufacturing technique, colour features and pattern features of the bead pinking, which belong to Anatolia, will be described with examples.

ORTAG Feuzi Rifat
(Turkey)

Global public goods and finance

Globalization results in quick resolution of political and economic decomposition, development of technology and communication and the approach of countries to each other from economical, social and cultural aspects and an integration process has began. With this process, problems of countries like stopping international terrorism, environmental pollution, providing pence in the world and preventing

economical crisis will reach a point where they can not deal with it by themselves. As the dimensions of these problems are growing and countries are becoming incapable of solving these problems, it is required to have global collaboration

Ii is necessary to understand correctly the demands of global society in order to determine global society products and how much is produced from these products. As countries are at different levels of development and geographical areas, the socio – economic structures of societies will also be different There are difficulties to determine the common social choices because of differences in social structures. Moreover, there is a need to create the required mechanisms to determine the social product choices

Regarding the social products, there are important problems for providing global collaboration. The most important problem with this is that global collaboration has not been accepted by the directors of countries and societies. It changes the preceiving way and time of problems as countries have different development levels and societies have different socio-cultural structures. This difference, which is resulting from the perceiving of problems, is hindering lo develop the mutual behaviour for solution.

Providing the required finance for global society products is as important as production. The finance resources are substitutes coming from official funds, donations and aids from countries. Countries having different income levels cause problems in the distribution of finance. However, this financing way is any more sufficient. New finance resources are required for providing the global society products.

***AYTAÇ* Bedrettin**
(Turkey)

The issue of cultural identity in Salama Musa and Cevat Şakir Kabaağaçh's essays

The role of the ancient cultures in their own cultural identities is one of the major issues in the essays of Salama Musa and Cevat Şakir Kabaağaçh, the Turkish and the Egyptian writers.

Egyptian writer Salama Musa, in his essays concerning this issue, underlined the significance of the pharaonic past of Egypt, regarded the ancient Egypt as the basis of the civilization and argued that the pharaonic culture must be adopted as the main element of the Egyptian cultural identity.

On the other hand, Cevat Şakir Kabaağaçh, the Turkish writer , emphasized the role of the ancient Anatolian culture in the contemporary Turkish identity. He argued that the origins of the ancient Greek civilization emerged in Anatolia. And he also expressed that many cultural elements of the ancient Anatolian civilizations surviving in the time being in Turkey.

***BÜYÜKYAZICI* Meral**
(Turkey)

The surface decoration of the leather in the Turkish leather art

Because of Turkish hand art has a long period, variety of its, high traditional value, it has been favour at the world hand art. And also there has been the leather art having as long past as the human history in the Turkish hand art.

In the historical period, Turks have conduced to spread over all the world the leather working and the art of its. First, the leather was tanned, then turned into product and got a lot of functions receiving human's needs. Besides, it has been show the culture) and traditional properties with the surface decoration on the leather.

Many samples determined that the leather working had been showed an important art in the Anatolia were founded. The proof is that the parchment leather is found in Anatolia . In the history the most popular thing for writing was the parchment leather after papyrus. Over all, there are a lot of kind about the Turkish leather art in Anatolia such as bags, bagpipes, maps, boots, shoes, book covers, chests, door curtains, scabbands, shields, tents, goods for daily wing etc. Also lurks used live leather clothes with furs.

Each of these products which had different traditional value with sewing, painting, embroidery, burning, pressing, palework, gilding, embossed design was formed. The techniques were used both alone and together in the surface decoration. The decoration properties differ from the period. In this study, the knowledge about this subject will have given.

***TOPRAK* M. Faruk**
(Turkey)

Assyrian peoples in the classical Arabic sources

This paper deals with the history, life and culture of Assyrian peoples based on different Arabic sources such as chronicles, diwans, dictionaries, grammatical books, biographical works etc. Target of our study is to know how far the Arabs had knowledge about Assyrian peoples that include Chaldean, Nestorian, Syriacs (Suryânî=Suryoyo), Aramaic and others. Indeed, old Arabic sources give knowledge about those peoples. The historical sources like *Murûcu'z-Zahab* and *at-Tanbîh va'l-ishrâf* of al-*Mas'ûdî, Târîh* of al-*Ya'kûbî, Târîhu'l-umam va'1-mulûk* of at-*Tabarî*, informs us about the origin of these peoples, their first kingdoms, name of the kings etc. The famous book of ibnu'n-Nadîm, *al-Fihrist*, gives complete list of books translated from Syriac into Arabic. İbn Abî Usaybi'a, in his valuable work, *'Uyûnu'l-anbâ' fî tabakât 'l-atibbâ'*, submits the most famous Assyrian doctors who served during the Abbasid Caliphate. In this book, we find efforts of the Assyrian doctors, pharmacists, druggists, as well as, their experiences and list

of their works. Old Arabic dictionaries and those books that explain the words in the Koran, use Assyrian languages/dialects as the main source when they discuss meaning of any word.

But we realize that this information is, sometimes, insufficient end even, wrong. For example, Yâkût el-Hamevî, author of *Mu'cemu 'l-buldân*, rarely quote the names, Syriac, Nestorian and Chaldean, although his work contains many cities, villages, rivers that bears Assyrian names. We will also point out that many sources say that the Chaldeans, Nestorians, Syrians and also Nabatian are the same people and their languages also are, mostly, the same language; there is only small differences.

FRANTSOUZOFF Serguei
(Russia)

**The So-Called Islamic Apocrypha:
Some Remarks on their Origin
and Classification**

In Islamic written heritage there is a category of moralizing works ascribed to prominent figures of Judaeo-Christian origin reckoned among prophets (*anbiyâ*), like Abraham (Ibrâhîm), Moses (Mûsà) or David (Dâ'ûd). Those apocrypha (or rather pseudepigrapha) have been only superficially studied in spite of frequent occurrence of their manuscripts in European and Oriental collections. After a short introduction to this subject delivered by Louis Cheikho (Shaykhô) to the 15th Congrès International des Orientalistes (Copenhagen, 1908) some secondary aspects of it were examined by O. chr. Krarup, R.G. Khoury (Khûrî), J. Sadan, but nobody has analysed it as a whole.

Among the apocryphal books of Islam the specialists gave attention to the pseudo-Psalter of David (*Zabûr Dâ'ûd).* This collection of numerous sermons (fluctuating from 137 to 170, but amounting to 150 on the average) compiled in imitation of both real psalms and the Qur'ân and called *mizmâr* or *sûra* is notable for the variability of its contents, so that there are good reasons to consider this pseudo-Psalter as a special genre of Arabic Islamic literature, like anthologies of proverbs (*amthâl)* or *adab* stories. An early translation of the 1st and of the beginning of the 2nd Biblical psalms into Arabic dated from the late 7th century AD proved to be the basis for pious improvisations of Moslim traditionists.

Besides that, another group of the apocrypha known under different titles, such as *Suhuf Ibrâhîm wa-Mûsà* (the Scrolls of Abraham and Moses), *al-Ahâdîth al-qudsiyya* (the Sacred Traditions), *al-Tawrât* (the pseudo-Torah) and even *Zabûr Dâ'ûd*, represents rather close versions of the same work which back to some quotations from the genuine *al-ahâdîth al-qudsiyya* (i8.e. revelations granted to Muhammad directly by God, but not included in the Qur'ân). These versions differ by their length and by the region they originate in and can be divided at least into four groups:

– full Mashriqî version consisting of 40 (sometimes 39) chapters called *sahîfa* or *sûra* and found in Syria, Ottoman Turkey, Tatarstan and India;

– two shorter Mashriqî versions which contain respectively 30 and 20 chapters (the first of them was attested among the Ismâ'îlites of Syria, the second is kept in a library of Istanbul);

– shorter Maghribî version with no more than 30 chapters which has spread up to Guinea.

The popularity of this work is confirmed by several uncritical publications of it in Bombay (in 1304/1886-7 and 1313/1895-6), Mosul/al-Mawsil (in 1332/1913–1914), the Buinean city of Mâmû (in 1415/1995-6) and seems to be connected with the aspiration of religious writers for infringing the strong prohibition to imitate the Qur'ân and for presenting to Muslinm audience the 'genuine' Torah, Psalter and other holy scriptures mentioned in Islamic tradition.

GAMZATOVA P.R.
(Moscow)

**On Self-Identity in the Art of Central Asia
and North Caucasus in the 1990s**

The collapse of the USSR and the development of globalization processes have prompted new perspectives on the ethnic identity in all former Soviet republics. The search for the national idea, emotional and moral basis of ethnic and national integrity has realized through out policy, science and culture.

Presentation of self-identity in art has evolved along two – in fact, rather close – pathways. One of them entails convoluted and indistinct transformations of traditional mythical and poetical structures and ethical guidelines in art . The second is associated with introspection, psychological and ethical search for core values in the ethnic space as well as with philosophical re-thinking of history and the long-established outlook.

The noteworthy art projects of the 90s (cinema, fine arts, and performances) that appear to address the locally bounded ethnic identity, have demonstrated remarkable similarity in their missions, key images, and philosophies.

Appreciation of the nature of "*generic folk body*" (a concept introduced by M.M. Bakhtin) happened to be an integral element of the perception of identity. The exhibition "*Silence of Felt*", by U, Japarov (concept) and V. Ruppel (the article) (The project *Plus – Minus* Beshkek, Museum of Fine Arts, 2002.) The project "*Out of Time. Dedication to Pressed Dung*" by Apandi Magomedov (Makhachkala, Museum of Fine Arts, 2002). The project "*Stones*" by A. and I. Gapurov (*Art-Moskva*, 2001).

Stone, felt, and pressed dung are natural substances and products of human physical and intellectual activities. According artist's conceptions, these substances and products have become a component of the "folk body" that unite people at the level of nature.

Projects contemplating the so-called *bodily fundamentals* and ethnic nature of the people are closely connected with a search for national forms of harmonizing spiritual-and-bodily structures, where the special operational scheme and artistic plot and values are inseparable. The movie "*Mandala"* by M. Sarulu from Kyrgyzia, the artifact "*Zikr", the project "Protective clothes for mountings"* and the painting "*Mandala"* by I. Supyanov from Daghestan. The exhibition "*Contraception" (*Makhachkala, curator M.Kajlaev) with the action "Belting of the exhibition Hall" by A. Astimirov and I. Guseinova.

One of key themes in the search for identity is generic continuity, preservation of historical social and family links. The Kazakh movie "*Zamanay"* by B. Sharip and "*The Stepson"* by A. Abdykalov from Kyrgyzia have portrayed children, sons, who "do not know – know" their fathers. That boys are hope for revival.

However, the links between two or three generations as well as the continuity in history as a whole can only be restored through ethnic memory or by turning to the chain of all heroic ancestors. Revision of heroic mythology, epic poems, and time is typical for the 90s. The project "*Echo of Manas",* by Kyrgyz artists K. Bukar and K. Rybek, to mark a millennium of Kyrgyz epic poem "*Manas"* (Moscow, Central House of Artists, 1998). The exhibition "Oriental patterns. Traditions and modern development"(Makhachkala, Museum of Fine Arts. Curator P.Gamzatova.) The project "*Caucasian Diary",* by A. Astimirov and I. Guseinova (Moscow – Makhachkala. 1998).

Flashbacks to the past inevitably make one think about the future and the choice of the way in life. Movies "*My Brother, Silky Way",* by M. Sarulu, "*Three Brothers",* by S. Aprymov from Kazakhstan. Kazakh children want to find a wonderful lake, and kyrgis teenagers are eager to figure out where the legendary Silky Way lay. (both images remind us about paradise) The railway, a train running between points A and B as well as disused locomotives stand for despair of the wrong choice, for there can be no progress without intellectual and spiritual values. The artist, “dropped off” the train, meet children who liked his drawings of flying people.

Light flying silhouettes, birds and camels populate the letters-pages of Zhanna Avgustovich – Kolesnikova's (Daghestan) hand-written book "*Silky Way".*

The natural materiality of the "Generic folk body", the harmony of ethnic forms of natural and spiritual existence, continuity in history and the choice for the flight of the spirit – or a pathway – have become the highlights of identity-evoked reflections in the above art projects.

Гамзатова П.Р.
(Москва)

Проблема самоидентификации в искусстве Средней Азии и Северного Кавказа. (90-е годы XX века).

Распад СССР и общие процессы глобализации по-новому поставили вопрос этнической самоидентификации на всем постсоветском пространстве. Поиск "национальной идеи", эмоциональных, духовных основ этнической и государственной целостности реализовывался в политике, науке, в культуре.

Можно выделить два близких направления художественной реализации "самоидентификационных" проблем в искусстве: в одном, традиционные мифопоэтические структуры и духовные координаты сложно и неявно проявляются и преломляются в художественном творчестве. Второе связано с рефлексией, с психологическими и морально-этическими поисками ориентиров в этническом пространстве, с философским осмыслением истории и традиционной картины мира.

Наиболее яркие художественные проекты (кино, изобразительное искусство, перформансы) 90-х, направленные на решение казалась бы узколокальных проблем собственной этнической ситуации обнаружили поразительное сходство как в постановке вопросов, так и в выборе ключевых художественных образов и философских тем.

1. Переживание природы "народного родового тела" (понятие введенное М.М. Бахтиным) – проявилось в качестве одной из наиболее важных основ "самоидентификационного" чувствования. Проект "Молчание войлока" (концепция У. Джапарова, статья В. Руппеля. Акции " Плюс – Минус" Бешкек , Музей ИЗО, 1999, ,.) Проект Апанди Магомедова: " Вне времени. Посвящение кизяку" (Махачкала. Музей ИЗО, 2002.). Проект А. и И. Гапуровых: "Камни". (Арт-Москва. 2001). Камень, войлок, кизяк – это природная материя, продукты человеческого труда и творчества, ставшие составной частью "родового тела", на телесно-природном уровне связывающие народ.

2. Проекты – рассуждения о "телесной основе" и этнической природе народа тесно сопряжены с поисками национальных форм духовно – телесных гармонизирующих структур, одной из характеристик которых является единство акционального и художественного планов. Фильм "Мандала" кыргызского режиссера М. Сарулу. Пеформанс и художественный объект, "Зикр", проект. "Камуфляж для гор", живописная работа "Мандала" дагестанского художника, И. Супьянова. Выставка "Контрацепция" (Махачкала. Куратор М.Кажлаев) и акция "Обвязывания" выставочного зала СХ в Махачкале (А. Астемиров, И. Гусейнова).

3. Одна из ключевых в "самоидентификационных" поисках тем – это родовая преемственность, сохранение связи времен,

рода, социума. Казахский фильм, "Заманай", Б. Шарипа и "Приемный сын" киргизского режиссера А. Абдыкалыкова вывели на авансцену образ ребенка, мальчика – сына, который "не знает – знает" своего отца. Эти мальчики – надежда на возрождение.

4. Но восстановить прерванную связь не только двух-трех поколений, но всей истории возможно только через обращение к проблеме этнической памяти, ко всей цепочки героических предков. Рефлексия на героическую мифологическую историю, эпос, время характерны для 90-х.

"Эхо Манаса" – проект киргизских художников К. Букар и К. Рымбек к празднованию 1000-летия кыргызского героического эпоса "Манас" (Москва ЦДХ. 1998г.). "Восточные мотивы. Традиция и современность" (Дагестанский музей ИЗО. Куратор Гамзатова П.Р.)

Проект "Кавказский дневник" А. Астимирова и И. Гусейновой (Москва-Махачкала. 1998г.).

5. Обращение к прошлому закономерно приводит к вопросу о будущем, о выборе направления развития, дороги, пути. Фильмы "Брат мой, Шелковый путь" М. Сарулу, "Три брата", казахского режиссера С. Апрымова: казахские дети хотят увидеть место, где есть чудесное озеро, а киргизские подростки посмотреть, где пролегал легендарный шелковый путь. Железная дорога, поезд курсирующий из точки А в точку Б, и заброшенный локомотивы – символы безысходности неправильного выбора, невозможности развития без выхода к духовному пути. Художник "выпал" из поезда. Ему встретились дети и им понравились его рисунки летающих людей. Легкие, летающие фигурки, птицы, верблюды покрывают "листы – письма" и страницы рукописной книги "Шелковый путь".дагестанской художницы Жанны Августович-Колесниковой. Природная материальность "народного родового тела", гармония этнических форм природного и духовного существования, историческая преемственность поколений и выбор духовного полета – пути – стали основными темами "самоидентификационных" переживаний в рассмотренных художественных проектах.

ESIPOVA Margarita
(Moscow)

Musical Instrument as a Sacral Object
In the Buddhist Painting

Iconography is a precious sours of information about music (particularly of its instrumental sphere) and its divine nature.

Christian musical iconography is notable for its considerable "authenticity", i.e. instruments depicted on the wall–paintings, bas–reliefs, miniatures (illuminations) etc., as a rule, really existed and thus they reflect the reality of the practice of performance in a certain Christian culture. Things are different in the Buddhist art. Here up to

the 19th–20th century along with the ancient instruments which being sacred objects are still in use in the modern cultic performing practice, there appear phantom instruments, those known in some specific cultures only by their names and by some approximate descriptions. The arched harp and the pear–shaped lute belong to such phantom instruments (both originate in the ancient Indian culture and in different periods were called *vina*, though chronologically the harp must be older). Depiction of an arched harp (Chinese *konghou*, Japanese *kugo*) are typical of the Far–East Buddhism, whereas lutes (Sanskrit *vina*, Tibetan *pi–wang*) of the Vajrayana Buddhism (harps are not found in the Vajrayana art).

In Ancient Japan the arched harp unlike the angle harp of the Persian origin, probably was not used in the life practice of performance.

In Tibet there existed a lute of another shape and construction. As for the lute often painted on the *thangka*, I identified it as *hulei*, wich had been known in China from the Tang dynasty (from the end of the 8th century, to be more precise). It is very similar to the lute depicted on the 7th–century Penjikent wall–painting, which in its turn resembles the lutes on the Gandhara relief (the borderline of A.D.).

A comparative analysis of the painting of the aforementioned instruments, their varieties and modifications shows the overlapping of the ancient instrumental traditions (Indian, Chinese, Persian or Middle–Asian) and reveals a considerably firmer stability of the canon in painting musical instruments in the Vajrayana Buddhism.

The image of *vina* as the "incarnation" of the body of the deity (as fixed in the upanishada) preserves its primordial divine essence, though in different iconographic forms (those of harp and lute).

Есипова Маргарита
(Москва)

Музыкальный инструмент как сакральный объект
в буддийской живописи

Иконография – ценный источник информации о музыке (в первую очередь, о ее инструментальной сфере) и о ее божественной природе.

Если христианская музыкальная иконография отличается значительной «достоверностью», то есть изображенные на фресках, барельефах, миниатюрах и т.п. музыкальные инструменты как правило реально существовали (и во многих случаях продолжают свое существование) и, соответственно, отражают реалии исполнительской практики конкретной христианской культуры, то в буддийской музыкальной иконографии дело обстоит иначе. Вплоть до 19-20 веков в буддийском изобразительном искусстве, наряду с древними инструментами, сохраняющимися в современной культовой исполнительской практике и являющимися культовыми объектами, устойчиво сохраняются музыкальные инструменты-фан-

томы, известные в конкретных культурах лишь по названиям и по приблизительным описаниям.

Таковыми инструментами-фантомами являются дуговая арфа и лютня с грушевидным корпусом (оба инструмента восходят к культуре Древней Индии и оба в разные периоды носили название *вина*, но, вероятно, хронологически арфа древнее). Изображения дуговой арфы (кит. *кунхоу*, япон. *куго – хоокуго*) характерны для дальневосточного буддизма, а лютни (санскр. *вина*, тибетск. *пива*) – для буддизма ваджраяны (арфы в изобразительном искусстве ваджраяны не встречаются).

В Древней Японии дуговая арфа (в отличие от угловой арфы персидского происхождения), скорее всего, не входила в живую исполнительскую практику. В исполнительской практике Тибета была известна лютня иной формы и конструкции, а наиболее часто изображаемую на *танка* лютню я идентифицирую как *хулэй*. Этот инструмент появился в Китае во времена династии Тан, точнее, в конце 8 века, и он очень напоминает лютню настенной росписи Пенджикента 7 века, восходящую, в свою очередь, к лютням рельефов Гандхары (рубеж нашей эры). Сравнительный анализ изображений названных инструментов, их разновидностей и модификаций в японской буддийской живописи и в тибетских *танка* показывает напластования древних традиций инструментария (индийского, китайского, персидского или среднеазиатского) и выявляет значительно большую устойчивость изобразительного канона в области музыкального инструментария в буддизме ваджраяны. При этом, образ *вины* как воплощение тела божества (что зафиксировано в упанишадах), обретя различные иконографические формы (арфа – лютня), сохранил свою изначальную божественную сущность.

RIZAEVA A.
(Moscow)

Some Problems of Contemporary Arabian Cinema

The concept 'Arabian cinema' represents films from the wide variety of different and heterogeneous countries of the Arabian East.

But on the other hand, the countries' cinematographic art possesses common, continuously operational and surprisingly steadfast feature that defines the total of its figurative system. First of all, this includes the specificity of the performing craftsmanshift, impact of national decorative manner on formation of new scenic genres; amazingly close and continuous connection between the Arabian stage and the screen, striking thematic and aesthetic affection for one's predecessors, i.e. traditional forms of performance.

Another strongest uniting factor of this diverse world consists in Islam, the official state religion of the Arabian countries. In a traditional Islamic society, the religious consciousness is equally inherent in representatives of both religious and secular communities; and Islamic traditions that actually govern life activities of any Moslem society, have affected development of all arts, including cinema.

Utterly particular position that a woman occupies in Islam represents one of the most interesting and controversial issues. The very topic is extremely relevant today in the area of the so-called gender problems; it invariably attracts attention of the researchers.

It would be of extreme interest to apply the theme to the material of the Arabian cinema, and to try and consider the manner that the Islamic traditions have affected treatment of the female figures and their very participation in formation and development of the art of cinema.

At the very first approximation to the material, one may clearly notice two definite trends: according to the first one, the freedom of expression in cinema is strictly regulated by the religious constraints and instructions of Shari'ah, the majority of which concerns women (for instance, severe control of anything that deals with the sexual issues and naked body of a woman; inviolability of holy family values and relations within marriage; extremely sensitive treatment of any intimate details of everyday life, which could throw light on traditionally shaded life of the woman's part of homes, etc.).

According to the second trend, rigidity of the popular postulate regarding utter dependence of the position of a woman in the Moslem society upon the authoritarian power of a father, brother and a husband, and impossibility of her participation in social life, should both be at least questioned.

Mainly, everybody's attention is drawn to the subordinated position of women, their distinctly articulated dependence upon men. However, below the visible, official level of life and events, there was a concealed chain of event developing which resulted in the appearance on stage and screen of a figure that is by far nothing of the submissive and resigned woman of the East.

At any rate, participation of women in formation and development of the Arabian cinema was not less – if not more – than that of women in any of non-Moslem countries.

Moslem culture saw not all the stages of female emancipation, so a woman there took any smallest chance related to the process that ever appeared. There were repeated notes in the literature that a women of a typical Moslem family plays a part of a power broker strongly affecting opinions and decisions made by her husband, while the status of a family itself is absolutely specific in the Arabian world, and the roles of a woman – i.e. those of a mother, wife and a daughter – are very significant. Nowadays, the audio and visual mass media take very important part in the Arabian world. The culture where audible and abstract performance was preferred to reproduction has accepted and now commences to process visual technical process of modernization.

Women took the most active part in the painful process.

Starting from the very beginning of formation of the cinematography, which was the most innovative type of artistic creation in the east, the leading role in its formation was performed by Arabian

theater actresses, dancers and singers, as well as by plainly well-off women that finances film production. It is a commonly recognized fact that national texture of the Arabian school of performers has found its brightest reflection in the performance of female parts.

The history of the Arabian cinema presents to our attention a diversion of female characters that oppose infringing of their rights. Already this undeveloped material gives an opportunity to declare that the very 'rebel' topic has emerged in the cinema based on the Arabian traditions themselves, and is to no extent the effect of the process of modernization and adaptation of European mental schemes.

Unfortunately, neither the volume of the presentation, nor the level of development of the topic allow for its further detailed elaboration.

But one may be safe calling the cinematography of all countries of the Arabian East common in its variety.

Ризаева А.
(Москва)

Некоторые проблемы современной арабской кинематографии

Понятие арабская кинематография подразумевает кинопродукцию множества бесконечно разнообразных и разноликих стран Арабского Востока.

В то же время киноискусство этих стран обладает единым, постоянно действующим и удивительно стойким качеством, определяющим его образную систему в целом. Это прежде всего специфика исполнительского мастерства, влияние национальной художественной практики на становление новых сценических жанров; удивительно тесная и непрерывающаяся связь арабской сцены с экраном, поразительная тематическая и эстетическая «привязанность» к своим предшественникам – традиционным зрелищным формам.

Еще одним сильнейшим объединяющим фактором этого многообразного мира является ислам – официальная государственная религия в арабских странах. В традиционном исламском обществе религиозное сознание равно присуще как представителям сугубо религиозных, так и светских кругов; а исламские традиции, регламентирующие фактически жизнедеятельность любого мусульманского общества, оказали основополагающее влияние на развитие всех видов искусств, в том числе и киноискусства.

Одним из самых интересных и спорных вопросов является то совершенно особое положение, которое занимает женщина в исламе. Сама тема на сегодняшний день крайне актуальна в свете современных, так называемых, гендерных проблем; она неизменно завораживает и привлекает внимание исследователей.

Крайне интересно переложить эту тему на материал арабского киноискусства и попытаться рассмотреть, как влияли исламские традиции на трактовку женских образов и на само участие женщин в становлении и развитии киноискусства.

При самом первом прикосновении к материалу намечаются две четко определенные тенденции: согласно первой, свобода выражения в киноискусстве жестко регламентирована религиозными ограничениями и предписаниями шариата, большинство из которых касаются женщин (так, например, строгий контроль всего, что касается секса и обнаженного женского тела; неприкосновенность священных семейных ценностей и брачных отношений; крайне болезненное отношение ко всем интимным бытовым подробностям, приоткрывающим завесу над традиционно закрытой жизнью женской половины дома и т.д.).

Согласно второй, категоричность общеизвестного постулата о крайне зависимом положении женщины в мусульманском обществе от авторитарной власти отца, брата, мужа и невозможности ее участия в общественной жизни должны быть, по крайней мере, подвергнута сомнению.

В основном, внимание акцентируется на подчиненном положении женщины, ее четко прописанной зависимости от мужчины. Однако под видимым, официальным пластом жизни и событий подспудно ткалась не афишируемая, потаенная канва событий, которая вывела на сцену и экран далеко не покорную и безропотную «женщину Востока».

Во всяком случае, участие женщин в становлении и развитии арабского кино было никак не меньшим, если не большим, чем в любой из немусульманских стран.

Не все пути эмансипации женщины пресекались в мусульманской культуре, и малейшие возможности в этой области были ею использованы. Неоднократно отмечалось в литературе, что в семье женщина на мусульманском Востоке часто является «серым кардиналом», оказывая сильнейшее влияние на мнения и решения своего мужа, а статус семьи в арабском мире занимает совершенно особое положение; роль женщины – матери, жены, дочери, сестры – очень велика.

Сегодня аудио-визуальные средства массовой информации играют важнейшую роль в арабском мире. Культура, которая предпочитала репродукции звуковое и абстрактное воспроизведение, приняла и начала перерабатывать визуально-технический процесс модернизации.

Самое активное участие в этом мучительном процессе принимали женщины.

С самого начала становления киноискусства, новейшего вида художественного творчества на Востоке, ведущую роль в его формировании играли известные арабские театральные актрисы, танцовщицы, певицы, а так же просто состоятельные женщины, спонсировавшие кинопроизводство. Общепризнано, что национальное своеобразие арабской актерской школы ярче всего проявилось в исполнении женских ролей.

История арабского кинематографа дает нам целый ряд героинь, выступающих против ущемления их прав. Даже на осно-

вании такого малоразработанного материала, можно утверждать, что тема «бунтарства» органично выросла и проявилась в кино из самой арабской традиции, никак не являясь следствием процесса модернизации и адаптации европейских ментальных схем.

Ни объем доклада, ни неразработанность тематики не располагают к особой детализации.

Но вполне уверенно можно назвать киноискусство стран всего Арабского Востока единым в своем многообразии.

ANZABI Nejad Reza
(Iran)

Khayyam,
le contestataire

Un des grands penseurs qui est la fierte5 des Irraniens, c'est le grand savant OMAR KHAYYAM (mort en 1139) KHAYYAM est nomme5 en mathematique, astronomie et la poe5sic. Il a presente5 ses pense5es rebelles en form de Rubaiyyat qui sont estime5s en 300. Le sens de Rubaiyyat est une sorte de rebelion contre ce qui rend amer la vie de l'homme. Il se revolte contre la frustation de l'homme surtout quand it voit même le firmament n'est pas bien avec les braves gens. Dans cette essai nous allons discuter les protestations de KHAYYAM contre la vie amere, contre la nature, les hypocrites et les radotages.

ИСМАНОВ М.-Н.О.
(Россия)

Некоторые вопросы о концепции
субстанции Аллаха в Коране

В процессе более чем тридцатипятилетней работы над переводом Корана и комментарием к нему у меня сложилось определенное восприятие философских основ Писания ислама и мне хотелось бы доложить об этом высокому международному собранию исламоведов. Засим перехожу к изложению по пунктам.

0.1. Во время перевода нередко обращался к примечаниям И.Ю. Крачковского и приводил их в своих примечаниях, так что мои примечания перемежались с ними во время работы над второй и в особенности, над третьей редакцией эти примечания были сняты, поскольку подавляющее большинство их представляет собой попытку ревизовать и редактировать текст Корана, который был канонизирован сподвижниками Мухаммада (дбА) при халифе Османе (644-656). У нас в стране при суровой цензуре коммунистической партии русисты-текстологи добились того, что было принято решение о том, что следует неукоснительно соблюдать последнюю волю автора (т.е. не может быть и речи о том, чтобы подвергать редактированию и изменению текст покойного автора).

0.2. Исходя их этого положения, мною не были учтены предложения европейских корановедов, сколь бы они ни были заманчивы. К слову сказать, переводчики Корана на европейские языки также не следуют этим предложенным изменениям в тексте Корана.

1.1. В третьей редакции своего перевода придерживался толкований нижепоименованных тафсиров: Табари, Замахшари, Байдави, Ибн Кассира, «Джалалайн», Табриси, «Мунтахаб фи тафсир», Сабуни, Абулфутух Рази, М.Асада. В случае, если эти тафсиры не дают удовлетворительного толкования, предпочтение отдается пониманию в тафсире «Мафатих ал-гайб» Фахр ад-Дина Рази.

1.2. При переводе старался исходить не из узуального (т.е. обычного словарного) значения отдельного слова, а его значения в контексте всего Корана, исходя из его фундаментальных идей и согласно выражению «Коран следует комментировать самим Кораном».

1.3. Мое понимание философской концепции Корана сложилось под влиянием бесед с великим знатоком Корана аятоллой Мохаммад-Хади Маэрифатом, который заявил буквально так: «При переводе Корана целиком опирайтесь на тафсир Фахр ад-Дина Рази. Он шафи'ит и аш'арит, в своих суждениях суров и категоричен, и поэтому смягчайте его выводы по тафсиру его старшего современника и земляка Абулфутуха Рази».

2.1. Следуя воззрениям Фахр ад-Дина Рази, старался исключить все случаи антропоморфического представления о субстанции Аллаха. В исламе последователи трех имамов: Абу Ханифы, Шафи'и и Джа'фара Садика (т.е. шииты) все случаи в тексте Корана, допускающие при дословном переводе антропоморфическое толкование, считают метафорическими.

Так, например, выражение истава'ала л='арш (дословно: уселся на престол, Коран, 2:29:7, 54; 10:3; 13:2; 20:5; 25:59; 32:4; 57:4) ханбалиты и маликиты понимают дословно, а ханафиты, шафи'иты и джа'фариты так: овладев верховной, абсолютной властью.

2.2. В Коране, как правило, Аллах говорит или от Своего имени (т.е. в первом лице), или о Себе (т.е. в третьем лице), в результате чего создается впечатление, что Аллах собственноручно творит что-либо, в то время как Он суть субстанция духовная, а не телесная и не материальная. В Коране дважды сказано: «Когда хочет Он чего-либо, то Он только произносит: «Возникни!» – и оно возникает» (36:82). «Когда Он принимает какое-либо решение, провозглашает: «Возникни!», – и оно возникает». (40:68). В переводе избегаю антропоморфических фраз и пишу «по велению Аллаха», «по воле Аллаха».

2.3. Есть в Коране выражения «Аллах сотворил (или – Мы сотворили) это, чтобы знать, удостовериться». Буквальное понимание его противоречит фундаментальной идее Корана: Аллах обо всем ведает и знает все сущее, т.е. Он всеведущий и объемлет

Своим знанием все сущее. Поэтому предпочел в переводе выражение «Создал (или породил), чтобы претворить Свое знание (или предопределение)».

Заключение:

У последователей имамов Ахмада ибн Ханбала и Малика мнение об этих выражениях иное. Имам Малик пишет: «Следует принять это на веру и не спрашивать: «Почему и как?» (цитирую по тафсиру Сабуни).

Обе точки зрения равноправны, поскольку признаны имамами.

МАГОМЕДОВ А.Р.
(Дагестан)

К перспективе организации центра востоковедных исследований в Дагестане

1. Дагестан относится к тем немногим субъектам РФ, где с X по начало XX вв. формировались глубокие традиции местной книжной арабоязычной культуры, к которой со временем органично прибивались и произведения на других классических (персидском, турецком) восточных языках. В результате здесь сложился мощный слой письменных источников (преимущественно арабоязычных), органически вошедших в основу культуры народов Дагестана. Тем парадоксальнее выглядит то обстоятельство, что до конца XX в. даже не ставился вопрос о создании здесь полноценного академического центра для изучения этого культурного наследия на уровне современного научного востоковедения.
2. В XVIII-XX вв. письменные памятники Дагестана спорадически привлекали внимание российской академической науки (Френ Х.Д., Клапорт Ю., Ханыков Н.В., Казембек А.К., Дорн Б.А., Генко А.Н., Крачковский И.Ю.). Но все это время – от Д. Кантемира и до И.А. Орбелиани изучались преимущественно экспедиционными методами. Проникновение в Дагестан европейского научного подхода XIX в. не создало здесь научной школы, дело ограничилось сбором и публикацией местных письменных материалов на краеведческом уровне (А.В. Комаров, Н.Н. Семенов, Е.И. Козубский и др.).
3. В советский период заметны первые подходы к созданию местного центра научных исследований включая гуманитарные: в 1924 г. при участии академика Н.Я. Марра был основан Дагестанский научно- исследовательский центр Национальных культур. Вскоре был начат сбор рукописей, привлечение кадров арабистов традиционной школы. Некоторые из них (М.Е. Саидов) направлялись для современной научной переподготовки в центральные востоковедные учреждения. Но необходимая систематичность в этой работе была достигнута лишь с созданием Дагестанской базы АН СССР.

4. Следует отметить, что нормальное развитие востоковедных исследований в республике сильно тормозилось вненаучными препятствиями преимущественно политического характера. Курировавшие научную работу сотрудники власти весьма склонны были видеть в подобных исследованиях опасность оживления религиозного влияния, националистических проявлений и т.д. Иногда это приводило к открытым инцидентам, а чаще всего внушало опасения самим исследователям и отпугивало научную молодежь. Между тем, все более редели ряды старых специалистов, получивших подготовку еще в медресе, приобщенных там к специфике местной книжности.

   Всем этим объясняется эволюционный, весьма осторожный путь в развертывании местных востоковедных исследований. Мало-помалу регулярными становились археографические и эпиграфические сборы, в РФ ИИЯЛ выделился отдел восточных рукописей, ставший со временем базой для организации сектора востоковедения. Параллельно в Дагестанском государственном университете возникает коллекция восточных рукописных и старопечатных книг при краеведческом музее (собранная проф. Магомедовым Р.М.). То вводится, то отменяется факультативное преподавание арабского языка и т.п.
5. Устранение вненаучных (политических) барьеров в 80-90 гг. упростило и ускорило работу востоковедов в Дагестане. Сектор востоковедения ДНЦ РАН, пополнившийся молодыми специалистами, занимается своим прямым делом. Преподавание арабского в ДГУ; ДГПУ на правах одного из классических языков, а затем организация отделения факультета востоковедения ДГУ создает реальную возможность воспитания молодых научных кадров для востоковедных исследований в Дагестане. Более того: специалисты факультета сами ведут немалую исследовательскую работу в тесной координации с Центром востоковедения ДНЦ РАН. К тому же, многие из них совмещают работу в обоих этих учреждениях.
6. Но вместе с тем новые социальные условия принесли новые проблемы. С одной стороны, дагестанские материалы даже объемом своим очевидно превышают нынешние силы наших специалистов, а потому есть основания говорить о несомненной перспективности востоковедных исследований. При этом несомненная местная специфика, накопившаяся за почти тысячелетнее бытование дагестанской арабоязычной книжности – это тоже серьезный довод за создание именно местного стационарного (интегрированного или координационного) центра востоковедных исследований.

   С другой стороны: 1) такое начинание должно быть застраховано от «случайностей». Между тем перспективы реформирования в организации нашей науки и высшего образования не вполне ясны и не совсем исключена и угроза свертывания каких-то ее на-

правлений, в особенности не связанных с социально-экономическими задачами сегодняшнего дня, да к тому же еще в провинции; 2) для наших исследователей совершенно исключительную ценность и пользу представляет приобщение к уровню и методике работы центральных академических учреждений, т.е. постоянный рабочий контакт с ними, т.к. «вариться в собственном соку», особенно на нынешних наших первых шагах – дело очевидно бесперспективное.

Выходом из обеих этих сложностей представляется создание в Дагестане академического исследовательского центра, координирующего или даже интегрирующего местные востоковедческие исследования. Не исключено, что это будет филиал центрального академического учреждения. Хотя аналогий подобной структуры в нашей стране я привести не могу, но ее создание могло бы обеспечить перспективу востоковедных исследований в Дагестане на должном уровне, соответствующим требованиям современной науки.

МАТОЧКИН Е.П.
(Новосибирск)

Древнее искусство Сибири:
проблемы изучения и освоения

XX век стал веком научно-культурного открытия сибирского Востока и веком зарождения профессионального станкового изобразительного искусства у коренных народов азиатской России.

Археологические исследования в Сибири С.И. Руденко, М.П. Грязного, М.М. Герасимова, С.В. Киселева, А.П. Окладникова, Э.Б. Вадецкой, Г.А. Максименко, М.А. Дэвлет, Д.Г. Савинова, В.Е. Ларичева, В.Д. Кубарева и других ученых выявили огромное количество великолепных художественных памятников: это поставило азиатскую Россию в ряд регионов планеты с необычайно разнообразным историческим и культурным прошлым.

Одновременно целая плеяда известных этнографов – С.В. Иванов, Л.П. Потапов, С.И. Ванштейн, Л.Р. Кызласов и многие другие раскрыли своеобразие народного искусства Сибири, мифопоэтические образы и представления, живущие в традиционном сознании этносов. Создание письменности у ранее бесписьменных народов позволило опубликовать образы фольклора, героический эпос, что полнее выявило их духовно-эстетические ценности.

Научно-культурное открытие Сибири выдвинуло перед искусствознанием задачу изучения художественного наследия, а также его освоения деятелями культуры. Ситуация осложняется тем, что российское искусствознание в силу сложившихся условностей не занимается древним искусством Сибири, а изучает в основном станковые произведения из фондов галерей. Однако настала необ-

ходимость осознания искусства Сибири как целостного феномена, раздробленного в настоящее время на предмет археологии, этнографии и искусствоведения. И об этом наглядно свидетельствует современное направление археората в изобразительном искусстве Сибири, во многом основанное на претворении художественного наследия.

Великолепная стилизация, замечательная пластика образцов первобытного творчества древних племен Сибири, условность изобразительного языка, столь близкого авангардному художественному мышлению, – все это не может не волновать мастеров кисти. Действительно, художники западной ориентации уже в начале XX века стали проявлять интерес к культурному наследию азиатской России. В то же время возникло встречное движение в лице первых профессиональных живописцев из среды «туземного» населения – Чорос-Гуркин, Чевалков, Мердыгеев, Сампилов, Хангалов, Эрденин. Их искусство – начальный и очень важный пример соединения сибирской архаики с европейскими школами изобразительности, о чем напоминает существовавший в те годы термин «сибирский стиль». Дискуссия по поводу «сибирского стиля», оживленно развернувшаяся на первом съезде художников «Новой Сибири» в 1927 году, так и осталась незавершенной, и многое здесь было осуждено поверхностно и отвергнуто вместе с тем ценным, чем жила тогда эстетическая мысль.

Теперь, после десятилетий идеологического диктата и искоренения «пережитков», художники вновь возвращаются к проблеме творческого освоения культурного наследия Сибири, уже значительно обогащенного новыми открытиями. Это направление стали называть новым термином – «археологический стиль», или археоарт. У русских художников археоарт развивается в русле «ученого» изучения художественных и фольклорных памятников и стилизации археологического материала. У аборигенных народов он связан с возрождением духовных феноменов и традиций национального художественного мышления, с обретением исторических корней. Археоарт Сибири с присущим ему творческим переосмыслением культурного наследия поднимает чрезвычайно важные проблемы синтеза художественных достижений Запада и Востока и осуществляет взаимосвязь науки и искусства.

Культурное пространство азиатской России сегодня очень разрознено как в силу огромных расстояний, так и по причине скудного финансирования. Сибирские художники, к сожалению, не имеют возможностей проведения сводных выставок, обсуждения творческих проблем, общения со зрителем. В то же время не существует обобщающих изданий по древнему и современному искусству Сибири и очень мало альбомов о художниках нашего времени. Между тем археоарт Сибири имеет свои значительные достижения и играет заметную консолидирующую роль в духовном единении народов азиатской России.

MKRTYCHEV Tigran
(Moscow)

The development of traditions in Central Asian Art

The history of Central Asian art of ancient and medieval time dedicated various literature, where the main place takes development of different kinds of art – architecture, sculpture, mural and so on; sometimes – art of definite regions in narrow chronology frame.

However, in spite of regional and kind differences, there are some common processes in the history of Central Asian Art, which we can define as movement of art traditions. When we say about art traditions, we keep in mind some factors (political, confessional, and ethnical), that determine technology, materials, styles, and repertoire in wide regional and chronological frames.

In such way the history of Central Asian art in 1-th millenium we can reconstruct as movement of some traditions.

Hellenistic tradition that existed in Central Asia from the 4-3 cc. BC received new impulse in Kushan state in the firsts centuries AD. Dynastic cult and Buddhism were the main powers of its development. The anthropomorphic image of the Buddha became more readily accessible in this time. The movement of Hellenistic tradition in Kushan impair was adapted Hellenistic technology and adopted Greek-Roman and Indian iconography.

It was formed the Kushan tradition in Central Asian Art in this time (most of all for Bactria region) in that time.

The conquest by Sassanian the Eastern regions and appearance of new ethic group (Kidara and Hionites) in Bactria-Tocharistan in 3-4 cc.AD became the reason of loosing some Hellenistic features in Kushan tradition (stone architectural decor and stone sculpture).

The international trade (The Silk Road) between Mediterranean, India and China took active part in its formation. The movement across the Silk Road craftsman, goods and ideas give us ability to speak about formation unity art tradition for most of all regions of Central Asia in 6-7 cc. It is possible that Bactria-Tocharistan as the center of Hellenistic tradition showed some influence on the formation of art of Sogd.

We can consider that in process of this influence Hephtalites and their state took an active part. It existed from middle of 5-th to middle of 6-th cc.

The leader part of Sogdians in international trade was the reason of spread Central Asia art tradition in the East (Semirech'e), where it was clashed into art of Eastern Turkestan, China and Tibet.

The Arabian conquest of Central Asia began in the end of 7-th c. It was brought new religion – Islam. New art tradition – Arabian-Muslim – began to form in this time. It has owner characters features which based upon the Western (Iranian and Byzantine) art traditions.

Political and religious changes, which took place in Central Asia in 8-10 cc., accompanied by interaction of Arabian-Muslim and Central Asian Art traditions. This interaction was finished in 10-11 cc. with appearance new art tradition (Maveranahr art tradition), where Islam was the main religion factor and ornamental tendency was the main in art.

Мкртычев Т.К.
(Москва)

Динамика традиций в искусстве Средней Азии первого тысячелетия нашей эры

Истории искусства древней и средневековой Средней Азии посвящена обширная литература, в которой основное место уделено развитию отдельных видов искусства – архитектуре, скульптуре, живописи, торевтике и пр.; иногда искусству определенных регионов в сравнительно узких хронологических рамках. Между тем, очевидно, что, несмотря на региональные и видовые различия, в истории искусства Средней Азии 1 тыс.н.э. выделяются общие процессы, развитие которых можно рассматривать как динамику традиций. Говоря о традициях, мы подразумеваем набор факторов (политических, конфессиональных, этнических), которые определяют выбор технологии, материала, стилистики, репертуара, не только на определенный момент влияния названных факторов на искусство какого-то региона, но регионально и хронологически шире.

В этой связи история искусства Средней Азии 1 тыс.н.э. представляется следующим образом.

В первые века нашей эры эллинистическая традиция, привнесенная в Среднюю Азию еще в 4-3 вв. в результате ее включения в ареал эллинистической культуры, получила новый импульс в рамках Кушанского государства. Ее основными катализаторами стали царский культ и буддизм, в котором в это время был актуализирован антропоморфный образ Будды, ставший основным в буддийском искусстве в последующее время. Развитие эллинистической традиции в Кушанском государстве шло по пути адаптации местными художниками и ремесленниками эллинистических технико-технологических приемов и широкого заимствования греко-римской и индийской иконографии. В это время можно говорить о формировании кушанской традиции в искусстве Средней Азии (в основном, Бактрии-Тохаристана).

Последующие политические события – завоевание Сасанидов на Востоке и появление новых этносов на территории Бактрии-Тохаристана (кидариты, хиониты) послужили причиной утраты в кушанской традиции некоторых эллинистических черт (каменного архитектурного декора и каменной скульптуры). Вместе с тем, отчетливо прослеживаются кушанские черты в формировании новой художественной традиции. В этом процессе активную роль сыграла международная торговля (Великий Шелковый Путь), связываю-

щая Средиземноморье с Индией и с Китаем. Перемещение мастеров, товаров и идей позволяет говорить о формировании единой художественной традиции (условно) в Средней Азии 6-7 вв. Вероятно, Бактрия-Тохаристан как центр эллинистической и кушанской традиций оказала определенное влияние на формирование искусства Согда. Можно предположить, что в процессе этого влияния активную роль сыграли эфталиты и эфталитское государство, просуществовавшее примерно с середины 5 в. до середины 6 в., объединившее под своей властью значительные территории Средней Азии. В последующем активная позиция Согда в трансконтинентальной торговле привела к распространению среднеазиатской художественной традиции на Восток (Семиречье), где ей пришлось столкнуться с искусством Восточного Туркестана, Китая и Тибета.

С конца 7 в. начинается завоевание Средней Азии арабами, которые были носителями новой религии (ислам). В это время происходит формирование арабо-мусульманской художественной традиции, которая имела свои особенности и характеристики, опиравшиеся на западные (иранскую, византийскую) художественные традиции, трансформированные исламом.

Политико-конфессиональные изменения, имевшие место в Средней Азии в 8-10 вв., сопровождались взаимодействием арабо-мусульманской и среднеазиатской художественных традиций. Они завершились в 10-11 вв. появлением художественной традиции Мавераннахра, в которой ведущую роль играл ислам как конфессиональный фактор и где основной тенденцией был орнаментализм.

МОИСЕЕВ В.А.
(Барнаул)

Востоковедение на Алтае:
история, современное состояние, перспективы

Алтайский край и Республика Алтай находятся практически в центре Азии. На протяжении тысячелетий этот регион представлял собой единое историко-географическое и культурное пространство с Центральной Азией, в традиционном понимании этого термина.

Многочисленные и разнообразные связи коренных этносов Алтая, прежде всего тюркских, с соседями не были разорваны после включения Южной Сибири в состав Русского государства.

История возникновения востоковедения на Алтае уходит своими корнями в Демидовский период (1725-1747 гг.), когда русские рудознатцы вышли к границам владений Джунгарского ханства и собрали первые сведения о тюркских, монгольских и других «языцех незнаемых» северо-западной части Центральной Азии. После гибели ойратской кочевой империи под ударами цинского Китая в 1755-1757 гг. XVIII в. в состав России вошли народы Горного Алтая. Кабинет (с 1747 г. Демидовские заводы и рудники на Алтае отошли в собственность царской фамилии) и начальство Колывано-

Воскресенских организует в 60-е гг. целый ряд поисковых экспедиций на новой границе в Китаем. Экспедиции доставили сведения о расселении алтайцев, политической обстановке в Горном Алтае, возрождении двоеданничества и др. Алтайские горные инженеры и мастера привлекались властями Западной Сибири к участию в исследовании Средней Азии, Казахстана, Китая, Монголии. Достаточно вспомнить «секретную» поездку в Ташкент в 1798 г. Бурнашева и Поспелова; этнографические исследования в Горном Алтае чл.-кор. С.-Петерб. АН П.И. Шангина; знаменитую экспедицию в Казахстан в 1816 г. его сына И.П. Шангина; исследования в Китае в 1830-1832 гг. ботаника и лекаря Змеиногорского госпиталя А.А. Бунге и многих других. Барнаульская казенная библиотека в 20-е гг. XIX в. насчитывала сотни изданий по Востоку, а Горный музей в Барнауле располагал замечательной восточной коллекцией. Страстным собирателем и коллекционером восточных древностей и памятников литератур Востока был в то время начальник заводов П.К. Фролов. Не случайно популяризатором сибирских и азиатских древностей в России стал бывший служащий Алтайских заводов и рудников Г.И.Спасский – основатель «Сибирского вестника» (1818-1825 гг.) и «Азиатского вестника» (1825-1827 гг.). В 20-е гг. XIX в. губернатор Западной Сибири М.М. Сперанский выдвинул проект учреждения в Барнауле филиала Восточного факультета Казанского университета. Академик В.В. Радлов как тюрколог состоялся в алтайский период своей жизни (1859-1871 гг.), до сих пор весьма слабо изученный.

В советский период востоковедение на Алтае было представлено в трудах С.Г. Лившица, Е.М. Залкинда, А.П. Уманского и др. Особенностью их творчества был дуализм – подход к истории сопредельных стран и народов Востока и Сибири как к единому целому. К сожалению, они не создали на Алтае своей школы.

Современное востоковедение на Алтае отличается от предшествующего периода созданием специальных учебно-научных структур, резким количественным ростом отряда ученых, диверсификацией исследований. В г.Барнауле существует научная лаборатория «Россия и Восток» (БГПУ), кафедра востоковедения (АлтГу), Алтайский центр востоковедных исследований, Алтайская школа политических исследований. Главным объектом исследований алтайских ученых являются сопредельные страны Востока – Китай, Монголия, Новые независимые государства Центральной Азии, Афганистан, а также Индия. За последние пять лет было опубликовано более 300 статей, 15 монографий, сборники документов и статей, проведено 8 конференций различного уровня. Защищена одна докторская и пять кандидатских диссертаций.

Приоритетными в исследованиях алтайских востоковедов являются проблемы политики России и СССР в Центральной Азии, в том числе русско- и советско- китайских отношений. Важное ме-

сто занимает исследование Синьцзяна, прежде всего формирование этнической карты Западного Китая, социально-экономическое развитие этого региона в XX в. К числу значимых проблем относится исследование политики России в Казахстане: роль России в модернизации казахского кочевого общества, национально-освободительные движения в Казахстане и политика России, складывание российско-казахстанской границы и т.д. В трудах алтайских исследователей достаточно широко представлены актуальные сюжеты современности: проблемы миграций, истоки этнических напряжений на российско-казахстанском фронтире и в Горном Алтае, пути и способы их ликвидации, анализ новых вызовов и угроз безопасности Сибири и России в этом регионе, отслеживание изменений в конфессионально-этнической ситуации в регионе. По этим вопросам проводятся международные конференции, семинары, круглые столы.

Перспективы дальнейшего развития востоковедных исследований в крае мы связываем с открытием в АлтГУ новой специальности «Регионоведение» (Китай – Центральная Азия), изучением помимо китайского, монгольского и одного из тюркских языков, организацией регулярных языковых и научных стажировок за рубежом, участием алтайских ученых в ряде совместных с коллегами из стран Ближнего и Дальнего зарубежья проектов.

MOROZOVA Ekaterina
(Moscow)

Mask Nō as synthesis of ritual traditions in Japanese theatre

In Japan, the mask, like all other scenic components, was developing stage by stage and was virtually always based on rituals, as a fundamental principle.

The mask ritual tradition in Japan is usually considered to originate from the 6th -7th centuries A.D., when that scenic component started being used widely in such performances as the Shinto miracle-play ***kagura*** and agricultural 'field games' (***dengaku***), and already in highly developed ***gigaku*** and ***bugaku*** performances derived from the Chinese-Korean culture and assimilated on the Japanese soil.

An absolutely new stage of perception of the mask is connected to its use directly in the scenic acts, and first of all we are interested here in the principle of using the mask in the traditional theatre ***Nō***. This will help us to disclose the issues of unity and difference of the theatrical mask's functions and define the main peculiarities of the ***Nō*** mask.

The first mask that should be examined here, is the Hakushiki-dzo mask, or, as some call it otherwise, the Okina mask, used for the main character – the old man personifying the deified and worshipped ancestor. The Okina mask is different from all other masks existing

in the ***Nō*** theatre and is considered one of the most ancient and most worshipped masks. A special attitude and nearly sacred deference to these masks is connected, first of all, to the symbolic meaning and functions that were laid down in the foundation of the culture in the period of ancient agricultural rites and magical dances.

In its scenic nature, Okina is both inside and outside the ***Nō*** – a kind of ritual within a ritual, opening a cycle of divine dramas. Besides the main theme of a ritual ceremony – expressing gratitude to the Gods and praying for a long life, prosperity and peace, the appearance of the mask on the scene performed the principal sacred function of the whole performance – the appearance of the old man Okina as a god. A special ritual context of the Okina act and treating the mask as a magical object were evidently the main reasons for creating the rite of preparing a ***No*** theatre actor for entering the stage.

A second category of masks that interests us and is worth noting, is the category of demonic masks.

Firstly, the image and ritual functions of the demon were formed under a dominant influence of the ancient Shinto beliefs. Many demonic characters of the Japanese mythology, varying in their behaviour and outer appearance, transformed into personages of folk theatrical performances and later became characters of some ***Nō*** plays. But the ***Nō*** theatre makes use of the most popular demonic characters in the Japanese folklore, which are the mountain witch Yamamba and a woman-snake werewolf.

Great influence on the formation of demonic masks in the Japanese theatrical tradition was also exercised by Taoism and Buddhist culture. Conceptions of demons and evil spirits were an integral part of the Chinese culture that was derived by the Japanese.

Influence of the Buddhist culture can be evidenced in the fact of new personages appearing in the theatre. And that fact brought about formation of new characters expressed by demonic masks: first, in early theatrical performances, and later in the ***Nō*** theatre.

The Japanese mask tradition resulting in the phenomenon of the ***Nō*** mask, is imbued with a wide range of both Japanese folk beliefs and various Oriental religions.

Морозова Е.Б.
(Москва)

Маска Но как синтез ритуальных традиций в японском театре

1. Божественные маски и синтоистские традиции: роль ..... в контексте представления Но; ритуал подготовки актера.

2. Демонические маски Но и влияние синтоистско-будиийской культуры.

3. Женские маски как принцип красоты в Дзэн.

MOROZOVA T.E.
(Moscow)

Traditional principle of Indian letter- notation in variety of modern *svaralipi* systems.

The paper is dedicated to insufficiently known field of Indian musical culture – notation. An analysis of the well-known methods of fixation of musical material (from the original note-letter fixations approximately about the 5 century till the modern highly developed systems of *svaralipi*) indicates on an evident connection of time through adherence to the certain types of graphic symbolism. The fact of using of the traditional concept of the letter-notation in our time puts forward a task of bringing to light any reasons and grounds for the preservation and utilization in theory and practice by Indian musicians of their own original methods of notation.

A process of this research deals with several interrelated problems. First of all, it is the specific use and development of notation in the atmosphere of the culture of oral tradition. Keeping in mind that an information about the ever first methods of the signe-figure music fixation concerns the Vedic times (approximately a thousand years B. C.) it is necessary to carry on an analysis of the methods of notation in historic retrospective. The specific attention should be given to the note-letter system, documentary confirmed from the outset (5-7 century) A. D. Later in the treatises, written in 11-12 and 13 centuries practically in the same note system one can fined a lot of transactions of different types of vocal music of that period. The same practice of the fixation of music had been taken place for many centuries.

However, one of the problems, which is not conducive to an active development and improvement of the notation, had been connected with the peculiarities of the classical music forms, whose originality determines a possibility to make the notation not of the whole multi-parts form but only of a part of it, which presents the finished peace *(bandish),* distinguished from the others more solid improvised partitions. In that way, prevailing improvisation in performance of Indian music for decades of centuries and the traditional oral method of education, bought, in the most natural manner, had been resisted to the concrete note-fixation. Nevertheless, one can not say about the complete repulse of the note fixation, but only about the reasonable limitation of it. In that sense, it would be better to estimate it as a rather positive point that the culture of oral tradition does not ignore the note fixation and at the same time not allows to be dependable upon it as well (what, by the by, to some extent, we can see in European music).

What is important, that the necessity to consider the problem of Indian notation in the inseparable intercommunication with the basic concept of *raga* and the original system of rhythm – *tala.* The letter-syllable and sign code, used for the fixation of mode-intonation characteristics of *raga* and rhythmic formulas of *tala,* contains many basic elements, received reflection in the notation system as well. That why this is one of the essential reasons of the preservation of the note-letter symbols in the nowadays existent Indian notations *(svaralipi).*

Modern *svaralipi* contain quite enough number of indispensable graphic signs for the designation of the specific elements of musical material as of sound pitches and of rhythmic nature as well, that makes them extremely graphically understandable (particularly on rhythmic organization) and convenient to be in wide use in the system of the monodic musical culture. The comparative analyses of the ancient notation and of the well-developed modern systems *svaralipi* (as widely spread, as not so much known) on different alphabets *(devanagari, bengali, tamili)* expose their absolute closeness and principal unity in the approach on the fixation of musical material, that manifest the unique succession of traditions in the notation field.

The absence of alien elements was that feature, which contributed a lot to organic enter of modem variety of note-letter notation systems in a very delicate sphere of Indian musical culture and their active use in contemporary life. United by the same deep ancient roots, Indian *svaralipi* as in the whole and in the parts represent in its way *phenotipe,* assembled from the whole complex of typical characteristics of preceding systems and assumed in the process of individual development and appropriate conditions of existence notably new features, which extremely integral by nature.

Морозова Т.Е.
(Москва)

Традиционный принцип индийской буквенной нотации в разновидностях современных систем *свараллпи.*

Доклад посвящается малоизученной области индийской музыкальной культуры нотописи. Анализ известных способов фиксирования музыкального материала (от первоначальных ното-буквенных записей приблизительно 5 века до современных высокоразвитых систем *свараллпи)* указывает на явную связь времен через приверженность к определенным типам графической символики. Факт использования традиционного принципа буквенной нотации в наше время ставит задачу выявления причин и оснований для сохранения и применения в теории и практике индийскими музыкантами своих самобытных способов нотации.

Процесс исследования охватывает несколько взаимосвязанных проблем. Прежде всего, это специфика применения и развития нотописи в условиях культуры устной традиции. Поскольку сведения о первоначальных способах знаково-цифровой музыкальной фиксации относятся еще к ведическим временам (около тысячи лет до нашей эры), необходимо проводить анализ способов нотации в исторической ретроспективе. Особое внимание обращает на себя ното-буквенная система, документально засвидетельствованная уже в начальных (5-7) веках нашей эры. Затем в трактатах 11-12 и начала 13 веков практически в той же нотописной системе приводятся многочисленные записи различных видов вокальной музыки данного периода. Подобная практика записи музыки имела место на протяжении столетий.

Однако, одна из проблем, не способствующая активному развитию и совершенствованию нотописи была связана с особенностями классических музыкальных форм, чье своеобразие определяет возможность нотной фиксации не всей многочастной формы в целом, а только одной ее части, которая является законченным сочинением *(бандит),* в отличие от остальных более крупных импровизационных разделов. Таким образом, и превалирующая на протяжении десятков веков практика импровизационного исполнительства, и традиционная методика устного обучения естественным образом противились четкой нотной фиксации. Тем не менее, правомерно говорить не об абсолютном отторжении, а лишь о разумном ограничении в использовании нотописи. В этом смысле может быть следует расценивать как положительный фактор то обстоятельство, что культура устной традиции не пренебрегает нотной записью, но не допускает зависимости от нее (что в определенной степени произошло с европейской музыкой).

Особенно важно рассматривать проблему индийской нотописи во взаимосвязи с основополагающей концепцией *раги* и оригинальной ритмической системой *тала.* В буквенно-слоговом и знаковом кодировании, используемом для фиксирования ладо-интонационных характеристик *раг* и метро-ритмических формул *тала,* содержатся многие базовые элементы, получившие отражение и в нотописной системе. В этом заключается одна из существенных причин сохранения в ныне действующих индийских нотописях *(сваралипи)* именно ното-буквенной символики.

Современные *сваралипи* имеют достаточное количество необходимых графических знаков для обозначения специфических элементов музыкального материала, как звуковысотного, так и ритмического плана, что делает их весьма наглядными (особенно по ритмической организации) и удобными для употребления в системе монодической музыкальной культуры. Сравнительный анализ древней нотации и современных детально разработанных систем *сваралипи* (как широко распространенных, так и мало известных) на разных алфавитах *(деванагари, бенгали, томили)* выявляет их безусловную родственность и принципиальное единство подхода к фиксированию музыкального материала, что свидетельствует о преемственности традиций в области нотописи.

Органичному вписыванию в сферу индийской музыкальной культуры и активному использованию современных разновидностей ното-буквенных систем **способствовало** именно отсутствие в них чужеродности. Объединенные однокоренным началом индийские *сваралипи* как в отдельности, так и в целом, представляют своего рода *фенотип,* сложившийся из совокупности характерных свойств предыдущих систем и приобретший в процессе индивидуального развития и соответствующих условий бытования новые, но органичные своей природе черты.

МУСТАКИМОВ И.А.,
ШАРАФУТДИНОВ Д.Р.
(Татарстан)

Новые документы по истории народов Поволжья из Османского архива (Стамбул): предварительные замечания

В течение почти десятилетнего (с 1995 г.) сотрудничества между архивными службами Татарстана в архивах Турции были выявлены и безвозмездно переданы архивистам Татарстана около ста пятидесяти документов, относящихся к истории татарского и других народов Поволжья. Большая часть этих документов происходит из Османского архива при Правительстве Республики Турция. Их копии переданы в Национальный архив Республики Татарстан, где в настоящее время ведется работа по их описанию.

Эти документы проливают свет на отношение правящих кругов Османской империи к народам Поволжья и данному региону в целом за период с 60-х гг. XVI в. по начало XX в., раскрывают историю контактов между народами Поволжья, прежде всего мусульманскими, и Высокой Портой. Указанные документы можно разделить на следующие тематические группы:

1. Документы, отражающие позицию Османской империи в отношении поволжского региона и проживающих здесь народов в контексте российско-османских отношений второй половины XVI – начала XX вв.

В эту группу входят 5 посланий султана Селима II конца 60-х – начала 70-х гг. XVI в. крымскому хану Девлет-Гирею и царю Ивану IV, отражающих планы османской дипломатии в данном регионе, ее отношение к российской экспансии в Среднем и Нижнем Поволжье. К этой группе относятся донесения сотрудников османского посольства в России второй половины XIX – начала XX вв., касающиеся некоторых аспектов политики правительства России в отношении мусульман Поволжья.

2. Обращения и переписка представителей народов Поволжья с правительством Османской империи (начало XVIII – начало XX вв.).

Особый интерес здесь представляет переписка калмыцкого правителя Аюка-хана с османским двором (5 документов, относящихся к 1704-1710 гг.), а также обращения к Порте представителей мусульманских и других народов Поволжья.

3. Документы об отношении Высокой Порты к российским мусульманам, прибывающим в Османскую империю с различными целями (получения образования, переселения, хаджа и др.).

После окончания описания полученных копий документов предполагается издать соответствующий каталог. Выявленные документы указывают на перспективность поиска и выявления материалов по истории народов Поволжья в Османском архиве и позволяют наметить основные направления этих поисков.

MURIAN Inna F.
(Moscow)

The Oriental classic sculpture of the antique type in the post-ancient time

What is to be called a classic sculpture of the antique type? – obviously some other sculpture, not antique but typologically close to it. Is this type contemporary to it's prototype, e.g. is the classic Oriental sculpture contemporary to the classic Greek sculpture? History develops irregularly and goes throw the same stages in a different time and in different regions not identical. The features of the same type of the classic ancient sculpture can be seen within one thousand years and more (Greece – 5th century BC, India – 5th century AD, Nepal, China, Far East and South-East Asia – between 5th – 10th century AD).

When does the post-ancient time begin? It's clear that it happens after the ancient time. (We will spell "ancient" with the big "A" to underline "ancient" not as time, but as a special type of culture in the form of the Ancient Civilizations). The earliest period, when a special type of the "classic" sculpture begins to emerge is 5th century BC. (The Greek classic sculpture). If we add the period of the Greek archaic culture as a "pre-bar" (the beginning) of the classic sculpture, e.g. 7th-6th centuries BC, we will come to the time which Jaspers uses to begin counting the so called "Axenzeit (axial time)". Without contradicting Jaspers' position, we will choose to begin counting our post-ancient time on other grounds. As Jaspers wholly relied on the verbal form of the speculative thinking as the main indicator of the new time, we underline the importance of the non-verbal images of art during this time, in particular sculpture (the post-ancient sculpture, spanned off from the Ancient time and growing in the humanized spirit of the new times), as the most obvious proof of the changed consciousness. This attitude towards the post-ancient culture from the 7th – 5th centuries BC forces us to abstain from making the antique Greek culture a European Antiquity – it should be written in, in the period of one thousand years of the same post-ancient culture in India, China and other Oriental countries.

The boarders between the ancient time, post ancient and post-post-ancient were never impenetrable. The culture of thinking, which includes the art of sculpture in Greece in the classic time (as the early Buddhist sculpture in India and the Buddhist sculpture in Chine some time later), has some features which differs the classic sculpture of the antique type from the Ancient images and the art of the later periods. It was a united type of the humanized art which grew up from the premises of the new mentality. It manifested itself in the end of the Ancient epoch and determined the development of different cultures – up till today.

The synthetic systems of the classic art appear to us as a promising and useful objectives in the global art studies, helping the agonizing consciousness of the 21st century to avoid the luring funnel of the sub-consciousness and to reach the metaphysical heights of the true nature of Man.

Муриан И.Ф.
(Москва)

Классическая скульптура античного типа на Востоке в постдревнее время.

Что следует называть классической скульптурой античного типа? – явно какую-то другую скульптуру, не античную, лишь типологически близкую античности. Одновременен ли тип своему прототипу, т.е. одновременна ли восточная классическая скульптура античной классической скульптуре Греции? Поскольку история развивается неравномерно, проходя одни и те же стадии в разных регионах по-разному и в разное время, то черты одного и того же типа классической античной скульптуры можно встретить на протяжении одной тысячи лет и более (Греция – V в. до н.э., Индия – V в. н.э., Непал, Китай и страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – в пределах V-X вв. н.э.).

Когда начинается постдревность? – ясно, что сразу после древности (обозначим «древность» с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть не древность как время, а Древность как особый тип культуры, исторически получившей форму Древних цивилизаций). Самое раннее время, когда формируется особый тип «классической» скульптуры – V в. до н.э. («классика» Греции). Если к этому прибавить период греческой архаики в качестве «за-такта» (начала) классики, то это VII-VI вв. до н.э., т.е. то самое время, с которого Ясперс начинает отсчет своего так называемого «осевого времени». Соглашаясь с позицией Ясперса, мы тем не менее мотивируем начало нашей постдревности на иной основе, нежели у Ясперса, который всецело полагался на словесное выражение спекулятивного мышления как главный признак наступившего нового времени.

Мы же утверждаем особую важность не-вербальных образов искусства в это время, в частности, скульптуры (постдревней, отпочковавшейся от Древности и проросшей гуманизированным духом начавшегося нового времени) как самого яркого и наглядного показателя изменившегося сознания. Такое отношение к постдревней скульптуре, начиная с VII-V вв. до н.э. дает нам право отказаться от признания античности в качестве европейской Древности, целиком вписав ее в тысячелетний отрезок времени, соответствующий такой же постдревности в Индии и далее – в Китае и других более восточных странах.

Границы, отделяющие постдревность от Древности и от пост-постдревности, не были непроницаемы. Культура мышления, к которой принадлежит искусство ваяния в Греции классической поры (также как оформление раннебуддийской скульптуры в Индии, как и явление китайской буддийской скульптуры чуть более позднего времени), имеет ряд черт, отличающих всю классическую скульптуру античного типа от древних пластиче-

ских образов и художественного творчества последующих эпох. Это был единый пласт, единый тип гуманизированного искусства, выросший и оформившийся из предпосылок новой ментальности, которая проявила себя еще в конце Древней эпохи и которая определила характер развития той или иной культуры в будущем – вплоть до нашего времени.

Синтетические системы классического искусства представляются нам одной из перспективных и полезных целей изучения мирового искусства, настраивающей агонизирующее сознание XXI века на выход из глубокой «воронки» заманивающего подсознания к метафизическим высотам истинной природы человека.

МУСТАФИНА Э.М.
(Татарстан)

Концептуальные составляющие культуры Египта во второй половине XX века

Современную культуру Египта можно рассматривать как некий сплав различных, иногда противоположных по сути концепций. Во-первых, собственная национальная доминанта; во-вторых, влияние мусульманской культуры; в-третьих, воздействие западных идей.

Литература с экзистенциалистскими и абсурдистскими мотивами; живопись с ее увлечением абстракцией, кубизмом и импрессионизмом; кинематограф с детективными боевиками; архитектура «похожая» на архитектуру любого другого города, система образования АРЕ, свидетельствуют о западной ориентации страны.

Статья 2 конституции об установлении ислама государственной религией; усиление фундаментальных группировок и их «решение проблем» собственными, неадекватными методами; влияние исламского «ценза» на литературу, обращение к религиозной тематике художников и режиссеров; введение обязательных для изучения в учебных заведениях предметов по исламской проблематике – доказывает силу исламских убеждений египтян.

Для разрешения вопроса о дальнейшем культурном развитии страны, нами были рассмотрены различные концепции. Как представляется, наиболее перспективным решением на данный момент является сохранение разумного баланса между собственной культурой и теми новшествами, которых достигли другие культуры. Баланс может быть сохранен при отсутствии фобий перед экспансией других культур и политически продуманных действий относительно сохранения собственной национальной культуры, с учетом недопущения крайних форм выражения нетерпимости культурами, отличающимися от собственной.